

Лоис МакМастер Буджолд Разделяющий нож: В пути

Разделяющий нож – 3

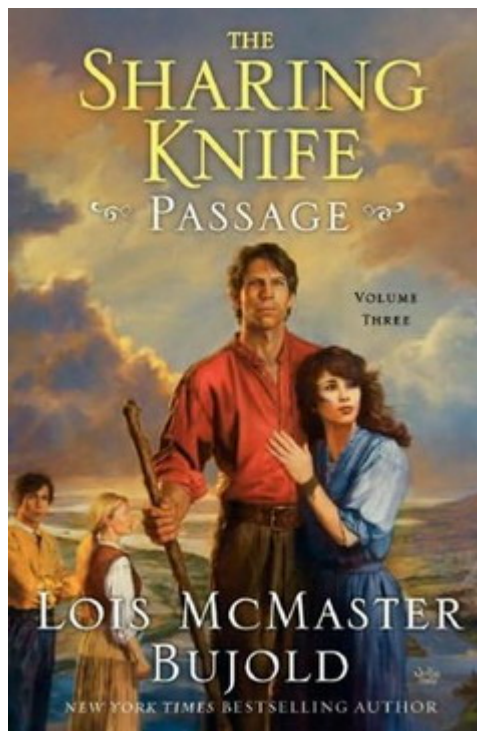
- Raian. <http://www.oldmaglib.com>

«Лоис Макмастер Буджолд "Разделяющий нож. В пути"»: АСТ, АСТ Москва; Москва;
2009

ISBN 978-5-17-058117-7, 978-5-403-00934-8

Аннотация

Судьба одержимого демонами мира, задыхающегося в паутине древнего Зла, висит на волоске. Свет впервые за многие века встал на пути Тьмы. И, что самое странное, хранителями этого Света, коим предстоит сразиться со всей мощью демонов, стали лихой и циничный искатель приключений Даг и его юная жена, простая крестьянка Фаун. Теперь им предстоит совершить практически невозможное — прекратить давнюю вражду между обитателями лесов и приречий и родным народом Дага — тысячелетиями сдерживавшим демонов силой могущественных и жестоких магов, способных управлять Силой самой земли...

**Лоис МакМастер Буджолд
«Разделяющий нож: В пути»**

1

Даг ехал по дорожке, лениво размышляя о том, накормят ли их на ферме Блуфилдов обедом и удастся ли после обеда вздремнуть, когда мимо его виска просвистела стрела.

В панике он правой рукой сдернул с седла жену и вместе с ней соскользнул влево, чтобы оказаться под прикрытием лошадиных тел. Одновременно он отчаянно пытался сориентироваться при помощи Дара, который, к прискорбию, все еще действовал всего на сотню шагов. Его мысли метались между Фаун, ножом на поясе, бесполезным луком за спиной — и, главное, «сколько их и где?». Сосредоточиться ни на одной мысли ему не удалось: его, как удар молнии, пронзила боль в левой, еще не вполне зажившей ноге, которой пришлось принять на себя вес и его самого, и Фаун. Даг хотел крикнуть «Искорка, держись позади меня», но сумел выдавить лишь «О, проклятие!», когда нога подкосилась. Кобыла Фаун помчалась вперед. Копперхед заржал и дернул поводья, все еще обмотанные вокруг крюка, заменявшего Дагу левую кисть; только это обстоятельство и поддержка Фаун, устоявшей на ногах, позволили Дагу не упасть.

— Даг... — выдохнула Фаун, согнувшаяся под его весом.

Даг выпрямился и опустил руку, которой пытался выдернуть из-за спины лук: он наконец обнаружил источник опасности — и не при помощи Дара, а простым зрением. Его зять Вит Блуфилд бежал через двор от старого амбара, размахивая в воздухе луком и отчаянно крича:

— Ох, простите! Простите!

Только теперь Даг заметил служивший мишенью мешок, прибитый к дубу на другой стороне дороги. Ну... можно было предположить, что это мишень, хотя единственная стрела торчала из дуба футах в двух ниже. Остальные выпущенные Витом стрелы валялись на земле вокруг; та, что чуть не выбила Дагу глаз, воткнулась в землю не меньше чем в двадцати шагах от мишени. Даг в гневе шумно выдохнул воздух, потом сделал глубокий вдох, силой воли пытаясь успокоить колотящееся сердце.

— Вит, неуклюжий идиот! — крикнула Фаун, поднявшись на цыпочки и выглядывая из-за защищавшей ее конской спины. — Ты чуть не застрелил моего мужа!

Запыхавшийся Вит подбежал к ним, повторяя:

— Простите, простите! Я так удивился, увидев вас, что у меня рука дрогнула...

Грейс, кобыла Фаун, пробежала всего несколько ярдов и успокоилась; убедившись, что такой необычный для хозяйки способ спешиться не грозит дальнейшими неприятностями, она принялась щипать траву на обочине. Вит, знакомый с необщительным характером Копперхеда, далеко обошел его, прежде чем приблизиться к сестре. Даг отпугнул поводья с крюка и позволил своему коню присоединиться к Грейс, что гнедой и сделал, несколько раз демонстративно взбрыкнув — просто чтобы выразить свое мнение по поводу происходящего. Даг подумал, что разделяет его чувства.

— Я в тебя не целился! — продолжал оправдываться Вит.

— Очень рад это слышать, — протянул Даг. — Я знаю, что пришел не по нраву некоторым тут, когда женился на твоей сестре, но мне казалось, что ты не из таких. — Губы Дага мрачно сжались: Вит вполне мог попасть в Фаун.

Вит вспыхнул. Будучи на голову ниже Дага, он все же намного возвышался над Фаун, которую, после некоторого колебания, неуклюже обнял. Фаун поморщилась, но тоже его обняла. Брат и сестра Блуфилды ходили друг на друга кудрявыми черными волосами и светлой кожей, но если Фаун была пухленькой, с очаровательной ямочкой на щеке, когда она улыбалась, то Вит оставался тощим и угловатым, а руки и ноги у него казались слишком большими для его тела. Похоже, он все еще рос и после двадцати лет, о чем говорили торчащие из рукавов домотканой рубашки запястья... А может быть, он просто донашивал свою старую одежду, не имея младшего брата, которому можно было бы ее передать.

Даг сделал шаг вперед и зашипел от боли, прижимая крюк к подгибающейся левой ноге. С трудом выпрямившись, он пробормотал:

— Пожалуй, мне все-таки нужна моя палка, Искорка.

— Конечно, — кивнула Фаун и кинулась через дорогу к Копперхеду, к седлу которого была приторочена палка из орехового дерева.

— С тобой все в порядке? Я же знаю, что не попал в тебя, — заныл Вит; его губы скривила унылая гримаса. — Я и вообще ни во что не попадаю.

Даг криво улыбнулся.

— Все хорошо. Не беспокойся.

— Ничего не хорошо, — сурово поправила его Фаун, вернувшаяся с палкой. — Дага жутко изранили месяц назад, когда его отряд уничтожил того ужасного Злого около Рейнтри. Ему еще поправляться и поправляться.

— Ах, так то были твои парни, Даг? Это и в самом деле было зловредное привидение... Злой? — Вит со второй попытки назвал чудовище так, как было принято среди дозорных, и слегка склонил голову перед Дагом. — До нас доходили всякие страшные слухи о переполохе на Крестьянской равнине...

Фаун озабоченно перебила его:

— Рана у тебя не открылась, Даг, когда ты так тяжело приземлился?

Даг кинул взгляд на светлую ткань своих дорожных штанов. Крови на ней не было, да и боль постепенно отпускала.

— Нет. — Он взял у Фаун палку и с облегчением на нее оперся. — Все будет хорошо, — добавил он, чтобы успокоить глядевшую на него, широко раскрыв глаза, Фаун. Даг с любопытством посмотрел на лук, который все еще сжимала левая рука Вита. — А это что? Не думал, что ты лучник.

Вит пожал плечами.

— Пока что я не особенно хороший стрелок. Только ты сказал, что поучишь меня, когда... если вернешься сюда. Вот я и готовился, практиковался и вообще... На всякий случай. — Он, словно в подтверждение своих слов, протянул Дагу лук.

Даг заморгал. Он совершенно забыл свое случайное замечание, сделанное при первом посещении Вест-Блю, и поразился тому, что парень явно принял его слова близко к сердцу. Даг присмотрелся повнимательнее, но на лице Вита не было заметно и следа его обычного

дурачества.

«Гм-м... Похоже, я произвел на него большее впечатление, чем предполагал».

Вит недолго переживал по поводу полетевшей не туда стрелы и начал весело расспрашивать:

— Так почему же вы двое так быстро вернулись? Уж не потому ли, что твой отряд оказался неподалеку? Вы все могли бы заглянуть, папа не стал бы возражать, знаешь ли. Или у тебя поручение, как у того парня — гонца, который привез твое письмо и подарки?

— Так мои свадебные дары благополучно добрались до вас? Ох, прекрасно, — протянул Даг.

— Ага, а как же. И удивились же мы все! Мама хотела написать тебе, только гонец уже уехал, а мы не знали, как связаться с твоими соплеменниками, чтобы передать письмо.

— Ах... — вздохнул Даг.

«Действительно, проблема».

Именно проблема, по крайней мере, один из ее аспектов: крестьяне и Стражи Озера не в состоянии разговаривать друг с другом.

«Вот и сейчас...»

Сколько Даг ни репетировал в уме, в этот момент он неожиданно ощутил, как трудно с ходу рассказать о своем изгнании.

К счастью, в разговор вмешалась Фаун.

— Мы просто заехали по дороге. Даг вроде как в отпуску, пока его раны не заживут.

В определенном смысле это было верно... впрочем, нет, неверно. Однако для объяснений еще будет время — может быть, когда все соберутся вместе, так что ему не придется повторять все снова и снова: перспектива, которая заставляла Дага морщиться даже еще сильнее, чем мысль об объяснениях с целой толпой.

Путники прошли вперед, чтобы забрать лошадей, и Вит махнул рукой в сторону старого амбара.

— Стойла, которыми вы раньше пользовались, свободны. Ты, как я вижу, все еще едешь на своем людоеде. — Он с осторожностью обошел Копперхеда, чтобы взять поводья Грейс; по тому, как кобыла сопротивлялась, стараясь ухватить еще хоть травинку, ее можно было счесть голодающей, — что никак не соответствовало ее упитанному виду.

— Угу, — Даг с кряхтением нагнулся, чтобы поднять поводья мерина. — Я так и не встретил человека, настолько мне неприятного, чтобы отдать ему это чудище.

— Он же ездит на Копперхеде полных восемь лет, — улыбнулась Фаун, и на щеке ее появилась ямочка. — Просто чудеса какие-то! Признайся, Даг, тебе нравится эта мерзкая лошадь. — Она повернулась к Виту и весело поинтересовалась: — А что нового в Вест-Блю?

— Ну, Флетч и Кlover поженились уже недель шесть назад. Мама жалела, что тебя не было на свадьбе, — Вит кивнул в сторону каменного дома на холме над лесистым берегом реки. Пристройка для новобрачных, еще незаконченная, когда Даг в прошлый раз был здесь, теперь выглядела вполне жилой: в окнах поблескивали стекла, а вокруг даже цвели осенние цветы, скрывшие следы строительства. — Кlover уже совсем освоилась, ясное дело. Ха! Ей не потребовалось много времени, чтобы выжить близнецов. Они быстренько вымелись и отправились вместе с одним своим приятелем осваивать землю милях в двадцати к западу. Уехали только на прошлой неделе — вы совсем ненадолго с ними разминувшись.

Даг не мог не подумать, что из всех Блуфилдов он, пожалуй, по вредным близнецам Риду и Рашу станет скучать меньше всего; судя по улыбке, появившейся на лице Фаун, она разделяла его чувства.

— Я помню, они уже давно поговаривали об этом, — кивнул Даг.

— Ага. Папе с мамой не особенно пришлось по вкусу, что они смылись перед самой жатвой, да только все так радовались их отъезду, что никто не стал жаловаться. Флетч, понятно, каждый раз вставал на сторону Кlover, когда они цапались — а цапались они, почитай, каждый день, — ну а близнецам не нравилось, когда эта парочка говорила им, что нужно делать. Так что теперь у нас дома стало много спокойнее. — Подумав немного, Вит

добавил: — Даже скучно.

Пока Даг и Фаун расседывали коней в стойлах старого амбара, Вит продолжал добродушно рассказывать о всяких мелких событиях в жизни многочисленных тетушек, дядюшек и кузенов. Посмотрев на палку, на которую опирался Даг, Вит без всяких просьб вскинул на плечо седельные сумки. Даг счел, что так Вит пытается загладить инцидент на дороге, и не стал возражать. Фаун отказалась отдать Дагу свой мешок, посоветовав ему «присматривать за собой», и со своим обычным решительным видом двинулась вверх по склону к дому. Несмотря на все пережитые неприятности, ее, похоже, возвращение домой тревожило гораздо меньше, чем в прошлый раз, и Даг улыбнулся в ответ на ее улыбку.

«Что ж, мы как-нибудь переживем это, Искорка. Вместе».

* * *

Кухня фермерского дома пахла ветчиной с бобами, свежееиспеченным хлебом, бисквитами, яблочным пюре, тыквенным пудингом и дюжиной знакомых Фаун приправ, и это влажное благоухание вызвало у нее странное чувство тоски по дому, хотя именно домой она и вернулась. Мама Блуфилд и Кlover, обе в фартуках, суетились вокруг стола, но когда в заднюю дверь вошли вновь прибывшие, старшая из женщин с удивленным и радостным восклицанием кинулась на шею Фаун. Слепая тетушка Нетти, сидевшая за прялкой у открытой двери своей рабочей комнаты, проковыляла на кухню и крепко обняла племянницу, а потом и Дага. Ее рука на мгновение коснулась свадебной тесьмы, обвивавшей левую руку Дага повыше протеза, и ее улыбка стала еще более теплой.

— Рада, что она все еще на месте, — пробормотала Нетти.

— Да, — шепнул ей в ответ Даг, обнимая старую женщину так, что ноги ее оторвались от пола.

В этот момент в кухню ввалились папа Блуфилд и Флетч, возившиеся, судя по запаху, с овцами, и приветствия возобновились. Толстушка Кlover, правда, вскоре напомнила, что еда не может ждать, и отправила Фаун и Дага переодеваться и мыться. Поставив на стол дополнительные тарелки, от помощи Фаун она отказалась:

— Садись, садись! Вы двое, должно быть, устали с дороги. Ты теперь гостья, Фаун! — «Ведь правда?» — безмолвно добавили ее встревоженные глаза. Флетч смотрел на сестру так, словно его занимала та же мысль, хотя Фаун и ее странного мужа он встретил достаточно любезно.

Восьмером они усадились за длинным кухонным столом, ломившимся от изобилия крестьянских блюд; Фаун всегда воспринимала это как нечто само собой разумеющееся, а у Дага такое угощение все еще вызывало оторопь, и теперь, познакомившись со скудостью жизни в лагере дозорных, Фаун хорошо понимала, почему. Даг, впрочем, явно ничего не имел против и нахваливал поварих, подкрепляя похвалы делом — наполнял свою тарелку до краев.

Фаун порадовалась его вернувшемуся аппетиту: за трудную летнюю кампанию он совсем отощал, да и до того был не слишком упитан. Со своим ростом, медной кожей, угловатым лицом, взлохмаченными темными волосами и странного металлического оттенка глазами он выглядел таким же чужаком в кухне, полной крестьян, как птенец цапли среди цыплят. Ощущение легкой угрозы, исходившей от него, только подкреплялось протезом вместо левой кисти этого колдуна-дозорного... или, как говорили невежественные или испуганные фермеры, дозорного-некроманта.

«И не без причины», — призналась себе Фаун.

Флетч, не выдержав пронзительных взглядов своей половины, первым задал вопрос:

— Мне удивительно, что вы двое так быстро вернулись. Вы ведь... э-э... не собираетесь здесь остаться?

Фаун предпочла не заметить настороженного тона.

— Просто заглянули. Мы держим путь далеко. Хотя, признаюсь, отдохнуть несколько

дней было бы хорошо.

— Ох, конечно! — воскликнула Кlover, с облегчением переводя дух. — Это будет здорово! Мне так хочется послушать о вашем новом доме. — Игривым тоном она добавила: — А приятных новостей у вас еще нет?

— Прошу прощения? — недоумевающе переспросил Даг.

Фаун, которая с легкостью расшифровала вопрос Кlover как «Ты еще не беременна?», ответила как подобает:

— Еще нет. А как насчет вас с Флетчем?

Кlover захихикала, положив руку на живот.

— Ну, определенно говорить еще рано. Но уж мы стараемся изо всех сил. Наша помолвка затянулась — то одно мешало, то другое, — так что мы решили не тянуть с пополнением семейства.

Флетч посмотрел на свою новобрачную с гордой улыбкой собственника, как любой крестьянин мог бы глянуть на свою породистую кобылу, и Кlover ответила ему самодовольным взглядом. Фаун раньше не всегда ладила с Кlover, но теперь не могла не признать, что та оказалась очень подходящей женой для недалекого Флетча, даже если не считать ее приданого — поля в сорок акров и большого участка леса совсем рядом с землями Блуфилдов.

— Мы надеемся, что к зиме новости появятся, — уточнил Флетч.

Фаун посмотрела на Дага. Несмотря на урон, причиненный Злым его Дару, на таком расстоянии он наверняка мог бы определить, беременна Кlover или нет. Даг криво улыбнулся и коротко помотал головой. Фаун коснулась отметин, оставленных Злым на ее горле, которые теперь приобрели карминный оттенок, и подумала:

«Не стоит больше об этом говорить».

Мама Блуфилд осторожно поинтересовалась:

— Так как у тебя пошли дела с твоими новыми соплеменниками в лагере Хикори, Фаун? С твоей новой семьей?

Семьей Дага... После паузы, которая, возможно, была слишком красноречивой, Фаун выдавила:

— По-разному.

Даг взглянул на нее и сглотнул — явно не только для того, чтобы доесть последнюю ложку, — но сказал достаточно откровенно:

— По правде говоря, не слишком хорошо, мэм. Но мы не поэтому оказались в дороге.

— Эта свадебная тесьма, которую мы сплели, — тревожно спросила Нетти, — она что, не сработала?

— Сработала прекрасно, тетушка Нетти, — заверил ее Даг. Он обвел взглядом сидевших за столом. — Мне следовало бы объяснить вам кое-что, о чем только Нетти знала, когда мы с Фаун поженились. Наша свадебная тесьма, — он коснулся темной полосы над левым локтем и кивнул на такую же тесьму, обвивавшую левое запястье Фаун, — это не просто украшение. Стражи Озера вплетают в тесьму свой Дар.

Эти слова были встречены пятью недоуменными взглядами, и Фаун стала гадать, как Даг собирается объяснить ее семейству, что такое Дар: ведь никто из них не видел того, что видела она. К тому же ему приходилось преодолевать привычку всей жизни — нет, необходимость — хранить секрет. Что ж, судя по тому, как глубоко он вздохнул, Даг все же собирался начать.

— Только вы, фермеры, употребляете слово «магия». Стражи Озера зовут это просто Даром. Мы считаем, что в нем не больше магии, чем в посадке семян тыквы, чтобы вырастить урожай, или в прядении шерсти, чтобы соткать материю. Дар есть... есть во всем, он все пронизывает, живое и неживое. В живом Дар ярче всего, он пульсирует и меняется. В неживом он постоянен и только мурлычет. Вы все имеете Дар, только не чувствуете этого, а дозорные воспринимают его напрямую. Можно думать о Даре как о втором зрении, хотя зрение не вполне... нет... — «Выражайся попроще, Даг», — буркнул он себе под нос, поднял

глаза и продолжил: — Просто думайте о Даре, как о втором зрении, ладно?

Восприняв непривычное для этого семейства молчание как поощрение, Даг добавил:

— Так как мы можем видеть Дар в предметах, мы можем... по крайней мере, многие из нас... двигать вещи с помощью их Дара, менять их, помогать им...

Мама Блуфилд облизнула губы.

— Значит, ты таким образом починил чашу, которую разбили близнецы? Ты свистнул осколком... это и есть работа Дара?

Лишив весь клан Блуфилдов дара речи, как живо вспомнила Фаун. Вот уж тут точно без магии не обошлось!

Даг с широкой улыбкой благодарно посмотрел на маму Блуфилд.

— Да, мэм. Вот именно. Ну, свист тут, правда, ни при чем... То была, пожалуй, лучшая моя работа с помощью Дара.

«Ну, все-таки самой лучшей была другая», — подумала Фаун, вспоминая Рейнтри. Однако события в Рейнтри произошли позже, да и обошлись дороже: едва не стоили Дагу жизни. Понимают ли ее родичи, что сделанное Дагом было не просто трюком?

— Стражи Озера предпочитают думать, будто только они ощущают Дар, — продолжал Даг, — да только я встречал и фермеров, у которых обнаруживались следы такого умения... а иногда и больше, чем следы. Вот Нетти — как раз из таких. — Даг кивнул на тетушку Нетти, которая улыбнулась в его сторону, хотя ее белые, как жемчужины, глаза его и не видели. Флетч, Кlover и Вит выглядели пораженными, а мама Блуфилд — не особенно. — Не знаю, обострила ли слепота ее умение, однако с помощью Нетти мы с Фаун сумели вплести наш Дар в свадебную тесьму не хуже, чем любые дозорные.

Даг не стал пугать собравшихся рассказом о крови, заметила Фаун. Он обходил разные стороны правды так же осторожно, как человек с завязанными глазами пробирается между торчащими из пола ножами.

— Так что когда мы добрались до лагеря, — продолжал Даг, — все Стражи Озера там могли видеть, что тесьма — самая настоящая. Это многих озадачило. Мои родичи полагались на то, что неспособность изготовить тесьму делает браки между дозорными и крестьянами невозможными, понимаете ли. Чтобы сохранять чистоту крови, а Дар — сильным... Они все еще спорили, когда мы с Фаун покидали лагерь.

Папа Блуфилд таращился на Нетти, но последние слова Дага привлекли его внимание.

— Так твои родичи выгнали тебя за то, что ты женился на Фаун, дозорный?

— Нет, не совсем, сэр.

— Так в чем дело?

Даг заколебался.

— Не знаю, с чего и начать. — Последовала долгая пауза. — Что все вы в Олеане слышали о Злом, который появился в Рейнтри?

— Говорили, — ответил папа Блуфилд, — что где-то к северу от Крестьянской равнины появилось зловредное привидение, убившее или наславшее безумие на множество народа.

— Или что это была нервная лихорадка или мозговые черви, — вставил Вит, — из-за чего люди поубивали друг друга. Там местность болотистая, говорят, вот всякие странные болезни и приключаются.

— А в пивной Миллерсона, — добавил Флетч, — я слышал, как кто-то говорил, что это все отговорки: дозорные просто хотели прогнать фермеров из своих охотничьих угодий. Что никакого зловредного привидения и вовсе не было, и не было околдованных привидением крестьян, нападавших на дозорных, а совсем наоборот.

Даг зажмурился и потер губы.

— Нет... — выдавил он.

Кlover откинулась, нетерпеливо передернув плечами; вслух она ничего не сказала, но на лице у нее было написано: «Ну естественно, что ты так скажешь, не правда ли?» Мама Блуфилд и Нетти молчали, но явно внимательно прислушивались к разговору.

— Это был настоящий Злой, — сказал Даг. — Мы услышали о нем, когда дозорные из Рейнтри, терпевшие урон, прислали гонца в лагерь Хикори с просьбой о помощи. Мой отряд был отправлен в Рейнтри. Мы выбрали окольный путь, и нам удалось зайти Злому в тыл, как раз когда он гнал глиняных людей и людей-рабов на юг, чтобы напасть на Крестьянскую равнину. Один из моих ребят сумел ударить Злого разделяющим ножом... и прикончить. Я был от него вот на таком расстоянии. — Даг вытянул левую руку. — Злой был уже очень зрелым, очень... э-э... зрелым. — Он обвел взглядом собравшихся и попытался объяснить: — Сильным, умным. Он выглядел почти как человек.

Ни слова о том, как Злой чуть не убил его, или что он был командиром отряда, или что именно он придумал оказавшийся успешным план... Фаун нетерпеливо закусил губу.

«Вот о чем нужно сказать... это важно. Нет, сделай шаг назад, Даг». — Он потер переносицу.

— Прошу прощения. Так много тогда всего случилось, а я объясняю с конца... Прошу прощения. Попробую так. Злые тоже обладают Даром, только гораздо более сильным, чем человеческий. Они целиком состоят из Дара и поглощают его, чтобы жить, чтобы создавать... свое колдовство, глиняных людей, собственные тела... все вообще. Они по-своему безумны. — Лицо Дага неожиданно затуманилось каким-то воспоминанием, о котором Фаун догадаться не могла. — Так и возникает скверна. Это место, где Злой высосал весь Дар из мира, оставив... ну, пустошь. Это очень легко заметить.

— Ну и как она выглядит? — рассудительно поинтересовался Вит.

— Не похоже ни на что другое, — ответил Даг, заработав этим несколько неодобрительных взглядов.

— Не похоже ни на сожженное поле, — пришла ему на помощь Фаун, — ни на ржавчину, гниль или побитые морозом растения, хотя и напоминает все это. Сначала все, что было живым, умирает, потом разваливается, потом рассыпается в прах. Стоит один раз увидеть эту иссохшую серость, и ты никогда ее ни с чем не спутаешь. А для человека, ощущающего Дар, это, как я понимаю, выглядит еще ужаснее.

— Так и есть, — с благодарностью подтвердил Даг.

— Значит, ты это видела, Фаун? — тихо спросила мама Блуфилд.

— Да, дважды. Один раз вокруг логова Злого около Глассфорджа, когда мы еще только встретились с Дагом, а потом в Рейнтри. Когда все кончилось, я объехала окрестности. Даг сильно пострадал в схватке, о чем, как я посмотрю, ничего вам не сказал. — Фаун укоризненно посмотрела на мужа. — Если бы мы все еще оставались в лагере Хикори, он бы еще числился раненым.

— Вам пришлось отправиться в Рейнтри? — спросил Вит с завистью.

Фаун вскинула голову.

— Я видела всю местность, которую осквернил Злой. Я видела, откуда это началось. — Она оглянулась на Дага, проверяя, готов ли он продолжать.

Даг кивнул Фаун и опять приступил к рассказу.

— Дело вот в чем. В последние двадцать — тридцать лет фермеры осваивают земли в Рейнтри к северу от старой границы — то есть к северу от той линии, за которой местные дозорные считают жизнь небезопасной. Или, по крайней мере, не советуют там селиться. Записи дозорных показывают, что Злые возникают чаще к северу от Мертвого озера, понимаете ли, и реже к югу. К югу от реки Грейс они встречаются совсем редко, хотя, к несчастью, не настолько редко, чтобы мы могли перестать патрулировать те районы. Самый последний Злой появился на севере Рейнтри, около городка под названием Гринспринг... практически на окраине.

Фаун кивнула.

— Он вывелся, судя по всему, в расселине в пригородном лесу.

— Понимаете, — продолжал Даг, — между дозорными и жителями Гринспринга были серьезные трения из-за споров о старой границе. Так что когда Злой зародился, никто из горожан не мог опознать ранние признаки. Люди не догадались, что нужно собирать

вещички и бежать, и не знали, куда обратиться за помощью. А может быть, им об этом и говорили, да они не поверили. Тут и удача не могла им помочь, потому что в тот момент, когда крестьянин увидел бы опустошение вокруг логова, он скорее всего лишился бы своего Дара или был превращен в раба, — вроде как запутался бы в паутине. Однако народу там было много, и если бы все они знали, чего следует бояться, то, может, кому-нибудь и удалось бы вырваться и поднять тревогу. Вместо этого Злой практически всех их сожрал... и слишком быстро сделался сильным. Я думаю, таких жертв в северном Рейнтри этим летом можно было бы избежать, если бы дозорные и фермеры разговаривали друг с другом.

— Я никогда до тех пор не видела массового захоронения, — тихо сказала Фаун, — и не хотела бы увидеть еще раз.

Папа Блуфилд бросил на нее острый взгляд из-под седых бровей.

— Я видел однажды, — неожиданно сообщил он. — Давно, после наводнения.

Фаун удивленно взглянула на отца.

— А я и не знала.

— Я никогда об этом не рассказывал.

— Хм-м... — пробормотала тетушка Нетти.

Папа Блуфилд посмотрел на Дага.

— Твои соплеменники не так уж охотно говорят о таких вещах, знаешь ли. Что в Рейнтри, что в Олеане.

— Я знаю, — Даг повесил голову. — Раньше, когда к северу от реки Грейс было немного фермеров, особого значения это не имело. Дозорным к северу от Мертвого озера — я дважды там бывал — по-прежнему ничего не нужно менять, потому что крестьян там нет. Вот где сотрудничество важно, так это в пограничных землях, где для нас многое меняется, — как, например, в Гринспринге. И в Вест-Блю. — Даг обвел взглядом сидящих за столом. Еда на его тарелке, заметила Фаун, давно остыла.

— Я никогда не замечал, чтобы дозорные хотели получить помощь от фермеров, — сказал Флетч.

— По большей части так и есть, — признал Даг. — Ни один фермер не может сражаться со Злым напрямую. Во-первых, вы не можете закрыть свой Дар, чтобы защититься... и вы не можете изготовить... определенное оружие. — Даг моргнул и нахмурился, словно всадник, приготовившийся заставить упрямую лошадь перепрыгнуть через преграду, и выпалил: — Разделяющие ножи. Вы не можете делать разделяющие ножи, чтобы убивать Злых. — Сглотнув, Даг продолжал: — Только хоть вы и не можете стать бойцами, вы могли бы найти способ не становиться едой. Каждого живого человека следовало бы обучить различать признаки опустошения — как учат узнавать ядовитый сумах или гремучую змею или не попадать под дерево, которое рубишь.

— И как бы ты взялся за это дело, дозорный, — обучить каждого? — с любопытством спросила тетушка Нетти.

— Не знаю, — вздохнул Даг. — Если так посмотреть на дело, мое предложение выглядит довольно безумным. Прошлой весной мы наткнулись на Злого у Глассфорджа достаточно рано только потому, что там случайно остановился отряд Чато и дозорные болтали с местными о появлении разбойников — этого оказалось достаточно, чтобы Чато заметил некоторые странности. Если бы можно было каким-то образом показать людям... рассказывать мне не пришлось бы. — Даг кисло улыбнулся. — Я никогда не был красноречивым человеком.

— Ты ешь, Даг. — Фаун показала на его тарелку. Все остальные свои давно опустошили. Даг послушно принялся за еду.

— А ведь можно было бы показывать ту пустошь, что, как ты говоришь, образовалась рядом с Глассфорджем, — сказал Вит. — Тогда люди знали бы, как это выглядит.

Кlover прищурилась.

— С какой стати кто-нибудь захочет смотреть на подобное? По описанию звучит отвратительно.

Вит откинулся на стуле и потер нос, потом оживился:

— Нужно брать за это деньги.

Даг перестал жевать и вытаращил глаза.

— Что?

— Ясное дело! — Вит наклонился вперед. — Если люди должны за что-то платить, они думают, что увидят нечто особенное. Можно было бы организовать поездки на фургонах из Глассфорджа. Брать по пять медяков за поездку и еще по десять — за еду в дороге. Ну а лекцию оставить бесплатной... Уж тут люди начнут рассказывать, вернувшись домой, — «Что ты видела в Глассфордже, дорогая?». Могло бы стать прибыльным дельцем — держать фургон и продавать еду... не то что корчевать пни. Будь у меня деньги, чтобы купить ту пустошь, я бы так и сделал. Она принесла бы больше дохода, чем поле в сорок акров.

Фаун подумала, что никогда еще не видела Дага таким растерянным. Она приложила все усилия, чтобы не захихикать, хотя больше всего ей хотелось пнуть Вита.

— Ну так денег у тебя как раз и нет, — поддразнил брата Флетч.

— Благодарение богам, — добавила Кlover, обмахиваясь ладонью. — Это было бы все равно что бросить деньги в колодец.

— Кончай паясничать, — нетерпеливо бросил папа Блуфилд. — Никому не смешно.

Вит пожал плечами, отодвинул стул и поднялся, чтобы отнести тарелку к мойке. Даг снова начал медленно жевать. Он смотрел на Вита со странным выражением — совсем не сердито, что удивило Фаун, знавшую, как серьезно Даг относится ко всему, что касается Злых. Все семейство ожидали дела, и обед пора было заканчивать.

* * *

Позже, разложив свои вещи в бывшей комнате близнецов, Даг прижал к себе Фаун и вздохнул.

— Ох, и каша у меня получилась... Отсутствующие боги! Если я не способен все объяснить членам собственной семьи и заставить их понять, на что рассчитывать, когда дойдет дело до чужих людей?

— Не думаю, что у тебя так уж плохо получилось. На них просто свалилось все сразу, им еще нужно это обмозговать.

— Не так я объяснял... И о разделяющих ножах я не рассказал, так что мне наполовину не поверили... или половина их мне не поверила... уж не знаю, так или этак. Ох, Искорка, я и сам не знаю, что мне делать на новом пути. Я всего лишь старый дозорный. Наверняка я человек, не подходящий для нашей затеи.

— Это же была первая попытка. У кого все получается с первого же раза?

— У того, кто хочет дожить до второй попытки.

— Это верно для случаев, когда от попытки зависит жизнь или смерть... например, в схватке со Злым. Люди не умирают от того, что споткнулись на слове.

— Мне казалось, что меня задушит собственный язык.

Фаун собралась обнять мужа, но тут отстранилась и посмотрела ему в лицо.

— Тебе трудно не просто потому, что дело сложное, — проницательно сказала она. — Дозорным не положено открывать такие секреты фермерам, верно?

— Уж это точно.

— У тебя были бы неприятности с твоими соплеменниками, если бы они узнали?

Даг пожал плечами.

— Трудно сказать.

Это не слишком обнадежило Фаун. Она задумчиво прищурила глаза, но потом махнула рукой и просто крепко обняла Дага — было видно, что он никогда в этом еще так не нуждался. Его дыхание взъерошило ее кудри, когда Даг поцеловал ее в макушку.

Под давлением нехватки рабочих рук на жатве и установившейся сухой погоды Фаун и Даг почти немедленно утратили статус гостей. Даг совсем не возражал, проявляя и добрую волю, и острый практический интерес к работе на ферме. Все это было так же ново и странно для него, как раньше совершенно незнакомый ритм жизни лагеря дозорных — для Фаун. Она гадала, не тоскует ли он уже по дому.

Как всегда, Блуфилды объединили силы при сборе урожая с Роперами, семьей папиной сестры. Ферма Роперов располагалась на северо-восток от угодий Блуфилдов. Двое сыновей и дочь — любимая кузина Фаун Джинджер — все еще жили дома, и общими усилиями двух семей большое кукурузное поле Роперов было убрано за три дня. Потом очередь дошла до пшеницы Блуфилдов. Даг проявил неожиданную ловкость в обращении с длинной косой. Его протез состоял из деревянной основы, к которой вместо обычного крюка можно было привинчивать несколько удобных приспособлений, в том числе специально сконструированный лук. Тот инструмент, который Даг обычно использовал, чтобы держать весло узкой лодки на озере, подошел и для рукояти косы, и после некоторого экспериментирования Даг ловко приноровился скашивать высокие злаки, что и было поручено ему папой Блуфилдом.

Подбирать колосья было обязанностью детей с самого раннего возраста: Фаун, Джинджер и Вит занимались этим, когда еще под стол пешком ходили. Все они теперь выросли, но подбирать колосья по-прежнему требовалось. Фаун, согнувшись, передвигалась по яркой золотой стерне, размышляя о том, что Кlover и Флетч могли бы и поторопиться с производством следующего поколения низкорослых сборщиков. Вдоль изгороди, окружающей пастбище, выстроились лошади, с ленивым любопытством следя за странным поведением своих хозяев.

Дойдя до конца ряда, Фаун выпрямилась, чтобы дать отдых спине и посмотреть, как справляется Даг, работавший на дальнем конце поля с папой Блуфилдом, дядей Ропером, его сыновьями и Флетчем; мужчины вязали снопы и складывали их в ожидающую тележку. Даг выделялся среди фермеров, хотя его загар был не темнее, чем у них, а шляпа из озерного тростника почти не отличалась от их соломенных: уж очень он был высок.

Вит тоже выпрямился, поправил лямку сумы на плече и проследил за взглядом сестры.

— Нужно предупредить папу, чтобы он не позволял Дагу переутомляться, — озабоченно сказала Фаун. — Сам он не догадается передохнуть.

— Так куда все-таки его ранили? — спросил Вит. — Когда мы вчера вечером ходили к реке мыться, я только и разглядел, что небольшой шрам у него на левом бедре.

— Рана была хоть и небольшая, зато глубокая, — ответила Фаун. — Лезвие ножа дошло до кости и переломилось. Целительнице в лагере дозорных пришлось потрудиться, пока она выудила все осколки. Только не это так на него подействовало. — Беря пример с Дага, Фаун решила ограничиться изрядно упрощенной версией правды. — Злой в Рейнтри чуть не вырвал у него Дар во время схватки — пострадали левая рука и бок Дага. Это чуть его не убило. Похоже на то, что Даг теперь поправляется от собственного личного осквернения.

— И сколько же на это нужно времени?

— Я не уверена. Думаю, он и сам точно не знает. Большинство тех, у кого пострадал Дар, просто умерло на месте. Даг говорит, что когда Злой из Глассфорджа оставил эти отметины у меня на шее, — Фаун коснулась пугающих красных следов — одного справа, четырех слева, — он повредил и тело, и Дар. Будь это просто синяки, оставленные рукой человека, они прошли бы два или три месяца назад, и ничего уже не было бы заметно. Повреждение Дара — дело скверное. — Рука Фаун легла на живот, но она тут же отдернула ее и спрятала в складках юбки. Даг был не единственным, самые страшные раны которого оставались скрыты внутри.

— Угу, — буркнул Вит. — Вот уже действительно!

— Слабость и боли совсем не так его беспокоят, как урон, который понес его Дар.

— Это то второе зрение, о котором он говорил?

— Да. Обычно он чувствует вещи на милю в окружности — как я понимаю, это поразительно даже для дозорного. А теперь, по его словам, расстояние сократилось всего до сотни шагов. Целительница говорила, что Даг почувствует улучшение Дара, когда сможет видеть, как раньше.

Вит заморгал.

— А как... как насчет того, что он может делать своим Даром? Вроде той чаши?

Да, случай с чашей произвел впечатление на Вита. И с полным основанием, подумала Фаун.

— Пока еще нет. Не так хорошо. — Фаун вспомнила о других чудесах, которые помогал Дагу совершать его Дар, и вздохнула. Когда Стражи Озера занимались любовью, в этом участвовало не только тело, но и Дар, и о таком искусстве фермеры и мечтать не могли... но *это* объяснять Виту она не собиралась.

Вит, хмурясь, посмотрел на жнецов и покачал головой.

— Он тут кажется не на месте. Фаун заслонила глаза рукой.

— Почему? По-моему, он здорово управляется с косой.

— Ну вот, например, эта его шляпа...

— Я сама ее ему сплела! Так же как и тебе.

— Ах, так вот почему он не желает с ней расставаться! Чего только он не заставил тебя делать... Только... — Вит сделал непонятный жест. — Любому видно: Даг выглядит нормально на своем злющем коне, он выглядит нормально с этим своим луком, который как будто растет из его деревяшки, не говоря уже о том, что стрелы у него летят, куда он пожелает. Я никогда не видел, чтобы он обнажал свой здоровенный нож, но уверен: мне не хотелось бы быть его противником, когда он это сделает...

— Верно, — согласилась Фаун.

— Но стоит ему взять косу, или вилы, или ведро — и он выглядит не на месте, как... как вон та длинноногая серая кобыла, если ее запрячь в соху. — Вит кивнул в сторону ограды пастбища.

Ласточка, серая в яблоках кобыла, которую Даг прислал в Вест-Блю как свадебный дар в стиле дозорных, насторожила свои изящные уши. Она выглядела элегантно, как лунный свет на воде, и быстрой, как ручей, даже когда стояла неподвижно. Рядом с ней ее жеребенок Черныш, с гордостью принявший свою долю восхищенных взглядов, взбрыкнул и затанцевал по пастбищу, задрав хвост.

Грейс со скучающим видом стояла у ограды, ее гнедая шкура сияла теплым светом на солнце. Копперхед из-за своего вздорного характера остался в изгнании в маленьком загоне около амбара, но две молодые крестьянские лошадки, которых все называли упряжкой Вита, спокойно щипали травку в нескольких шагах от кобыл. Варп и Вефт были милыми, работающими, сильными животными, но... их никогда нельзя было представить себе крылатыми.

— Предполагалось, что Ласточка станет подарком для мамы, — вздохнула Фаун. — Только не думаю, что мама на ней ездит.

Вит фыркнул.

— Куда ей! Она слишком пугается этой красотки. Что касается меня, я сделал всего несколько кругов по лугу, да только, когда сидишь на такой кобыле, земля кажется уж очень далеко внизу.

— Даг не хотел, чтобы она бездельничала. Я подумала, не приучите ли вы ее возить тележку.

— Может быть. Папа собирается снова получить от нее жеребенка — если удастся найти поблизости достойного жеребца. Он поговаривал о Надежном дядюшки Хаука или о том показушном жеребчике Санни Сомена.

— Надежный подойдет, — безразлично сказала Фаун и добавила: — Родители, надеюсь, не собираются охолостить Черныша? Невестка Дага Омба беспокоилась об этом.

— Охолостить этого жеребенка? Да ты с ума сошла! — проворчал Вит. — Ты только подумай о плате за услуги такого племенного жеребца года через два! Он будет содержать в старости и свою маму, и нашу тоже.

Фаун кивнула, порадовавшись за Омбу.

— Значит, все в порядке. Грейс свела знакомство с замечательным жеребцом из табуна дозорных по имени Тень, прежде чем мы уехали из лагеря. — Так вышло случайно, но об этом можно было и не говорить. — Даг ожидает, что весной у нее родится действительно прекрасный жеребенок — с отцовскими пропорциями и материнским характером.

Вит ухмыльнулся.

— Как бы не вышло наоборот.

— Эй! Грейс тоже по-своему очень хорошенькая лошадка!

— Если тебе нравятся низенькие толстушки — что, надо отметить, стало тут у нас популярным.

Фаун с подозрением посмотрела на брата, но решила, что он намекает на Кlover, а не на нее, и не стала реагировать на колкость.

Вит, подняв брови, хихикнул.

— Нужно сказать Кlover, что твоя кобылка опередит ее в детской гонке. Хочется посмотреть на выражение ее лица.

«Я ни в какой детской гонке не участвую!»

Фаун собралась уже рывкнуть на брата, но громкий резкий свист с другого конца поля прервал ее. Папа Блуфилд решительно показывал большим пальцем на землю. Его отпрыскам ничего не стоило перевести этот знак и, пожав плечами, они снова взялись за подборание колосьев.

* * *

Когда мама Блуфилд, Кlover и тетушка Ропер принесли к пшеничному полю обед, все расположились на отдых под яблонями. Фаун набрала в подол падалицы и отправилась к ограде пастбища, чтобы побаловать лошадей. Все они сгрудились в углу, так напирая на загородку, что она закрипела, и потянулись мордами к Фаун, радуясь ароматным фруктам; их мягкие подвижные губы защекотали ее ладонь. Фаун нравилось наблюдать, как животные со счастливым видом жуют и довольно вздыхают, как раздувают ноздри и моргают большими карими глазами.

Она вытерла конскую слюну о юбку и двинулась обратно. Даг сидел рядом с дядюшкой и тетушкой Ропер и их детьми, что-то говоря и жестикулируя. Должно быть, пытается объяснить им, что такое Дар, предположила Фаун, основываясь отчасти на прикосновении его руки к свадебной тесьме, но по большей части на том, как его слушатели с напряженными улыбками пытались отодвинуться в сторону, несмотря на трудность такого маневра, если сидишь, скрестив ноги. Тетушка Ропер заметила Фаун, помахала ей и похлопала рукой по земле рядом с собой: «Иди сюда и защити нас от своего дикого дозорного!»

Фаун вздохнула и поспешила присоединиться к родственникам.

* * *

Запланированные несколько дней отдыха в Вест-Блю незаметно превратились в недели тяжелой работы, но Даг обнаружил, что испытывает странное умиротворение, несмотря на задержку. Долгие дни на свежем воздухе вместе с остальными жнецами были полны трудов — бобовое поле, например, оказалось гораздо больше, чем казалось, и к тому времени, когда оно было убрано, Дагу начали сниться груды бобов, — однако он спал ночами, и спал крепко. В доме, на настоящей кровати, обняв Фаун. Еда тоже не была теми сушеными припасами, которые легко возить с собой и приходится тщательно отмерять, чтобы хватило

до конца похода, — здесь на столе каждый раз появлялось весомое, роскошное угощение. И здесь не было более серьезных источников беспокойства, чем случайная перепалка, не было большей угрозы, чем несвоевременно пролившийся дождь.

Перерыв в путешествии пошел Дагу на пользу. Темная мучительная боль во всех костях после ранения Дара уступила место чистой усталости хорошо потрудившихся мускулов. Его левая нога окрепла — уже много дней он не нуждался в палке. И он чувствовал себя менее... неуверенным. Конечно, он не пытался прогуляться до деревни, где был риск встретить некоторых молодых людей, имевших все основания вспоминать его предыдущий визит без удовольствия. Однако какие бы слухи ни ходили о нем в деревне, скверные парни тоже не осмеливались появиться на ферме Блуфилдов, и Даг был доволен тем, что окружают его фермеры, ради Фаун проявляющие к нему доброжелательство.

— Ну так что, дозорный...

Голос Соррела прервал размышления Дага; он поднял голову, закрыл рот и протер глаза, надеясь, что не начал похрапывать, сидя в кресле. По сложившейся привычке все семейство Блуфилдов собралось после ужина в гостиной, чтобы воспользоваться светом одной лампы на всех. Флетч и Кlover отправились этим вечером к ее родственникам, но Трил сидела на своем обычном месте и шила; Нетти, не нуждавшаяся в освещении, предпочла пряхсть в обществе, а Фаун и Вит расположились за столом, оперяя стрелы: за время жизни в лагере дозорных Фаун овладела этим искусством.

Оказалось, что жуткие промахи Вита объяснялись не только полным отсутствием практики; стрелы из его маленького запаса, бесплатно подобранные где-то, были плохо сделаны и не сбалансированы. Когда Вит жалобно попросил Дага привести их в порядок, Даг подумал, кивнул и, к ужасу Вита, переломил все через колено. После этого Даг пожертвовал десяток старых кремневых наконечников для новых стрел, хотя и предпочел сохранить свои лучшие стрелы со стальными наконечниками для более серьезных нужд, чем обучение новичка. Новыми стрелами занялась Фаун, и Даг нашел, что Виту полезно подчиняться указаниям младшей сестры. Парень все еще, на взгляд Дага, слишком часто был склонен относиться к Фаун свысока.

Услышав голос папы Блуфилда, Даг встряхнулся и постарался не выглядеть сонным.

— Да, сэр?

Соррел задумчиво смотрел на него.

— Кажется, я не поблагодарил тебя за то, что вы остались на жатву. Ты одной рукой делаешь больше, чем большинство парней двумя.

Фаун, старательно прикручивая три подрезанных пера к древку стрелы, улыбнулась; на ее лице было написано: «А я что говорила!»

— Я никогда раньше особенно не задумывался, — продолжал Соррел, — о том, чем занимаются дозорные. Только, должно быть, работа это нелегкая — в своем роде. Более тяжелая, чем я предполагал, и не слишком благодарная.

Даг согласно кивнул. Соррел с трудом подбирал слова, но говорил явно искренне, пытаясь разобраться в новых для него понятиях.

— Только вот в чем дело... не могу не поинтересоваться... случалось ли тебе когда-нибудь работать, чтобы обеспечить пропитание?

Фаун возмущенно выпрямилась, но Даг успокаивающе махнул ей рукой.

— Это не оскорбление, дорогая. Я знаю, что он имеет в виду, — в определенном смысле ответ ведь отрицательный. В походе мы можем охотиться, выделывать шкуры, собирать целебные травы, немного торговать и охранять дороги, но все это на втором месте после выслеживания Злых. Дозорные не собирают урожай и не хранят выращенное, как фермеры. Этим занимаются мои родичи в лагере. Дома меня всегда ждала приготовленная постель... хоть я и немного времени ею пользовался.

Соррел кивнул.

— Но теперь у тебя больше нет лагеря.

— Нет...

— Так как же вы с Фаун собираетесь жить дальше? Не думаете завести ферму? Или еще что?

— Не знаю пока, — медленно проговорил Даг. Он хотел дать честный ответ. — Я полагал, что уже слишком стар, чтобы учиться новому образу жизни, но должен сказать, что в последние недели мне пришлось переживать не только вкусную стряпню Трил. Наверное, мне просто не приходило в голову, что найдутся добрые люди, которые покажут мне новую дорогу.

— Фермер-дозорный? — пробормотала Трил, подняв брови. Вит скорчил гримасу, хотя Даг и не был уверен, что это могло означать.

— Сам по себе — вряд ли. Однако Фаун знает дело, и может быть, для нас вдвоем это станет не таким невероятным, как раньше казалось. — Другой потенциальный талант Дага — целительство — был слишком опасен в крестьянских землях, как неоднократно говорили ему соплеменники. В любом случае ослабленный Дар сейчас делал размышления об этом бесполезными.

Соррел осторожно поинтересовался:

— Не подумать ли вам о том, чтобы обзавестись землей здесь, в Вест-Блю?

Даг взглянул на Фаун, и та в ответ еле заметно, но выразительно помотала головой. Нет, она не имела никакого желания поселиться всего в трех милях от предмета ее первой несчастной любви — и первой ненависти. Даг был не единственным, кто предпочитал не появляться в деревне.

— Еще слишком рано говорить об этом.

Трил подняла глаза от шитья и сказала:

— Так что вы собираетесь делать, когда появится ребенок? Мой опыт говорит, что они не придерживаются расписания. — Пронзительный материнский взгляд Трил был откровенно вопросительным: то ли Даг, как и все мужчины, просто идиот, то ли что-то скрывает...

Даг не собирался посвящать Блуфилдов в разнообразные методы, с помощью которых дозорные не заводили детей, пока не хотели того; некоторые из этих методов, как он подозревал — нет, был уверен, — родители Фаун не одобрили бы. Секрет того вреда, который причинил чреву Фаун Злой (ее выздоровление было столь же медленным, как и его собственное), Фаун предпочла держать при себе, и он уважал ее выбор. К тому же... как говорят фермеры о прошлых горестях? «Перемелется — мука будет»...

— Наши женщины рожают в дороге, — уклончиво ответил он.

Трил бросила на него скептический взгляд, какого и заслуживал такой ответ.

— Только мне кажется, что Фаун так и не стала одной из ваших женщин. К тому же, судя по твоим рассказам, твоих соплеменниц поддерживает весь род, весь клан и весь лагерь, даже если их мужья в это время гоняются за зловредными привидениями.

Дагу хотелось возмущенно воскликнуть «Я о ней позабочусь!», но ему хватило ума сдержаться. Опустив глаза, он коротко кивнул:

— Это так, мэм.

— Мы собираемся попутешествовать, прежде чем решим, где устроиться, — решительно сказала Фаун. — Даг обещал показать мне море, и я не дам ему нарушить обещание.

— Море! — изумленно прошептала Трил. — Вы не говорили, что собрались так далеко! Я думала, вы просто хотели побывать в долине Грейс. Голубушка, это же опасно!

— Море! — повторил за матерью Вит столь же изумленно, но совершенно другим тоном. — Фаун собирается увидеть море? И уже побывала в Рейнтри! А я никогда не выбирался дальше Ламптона...

Даг посмотрел на него, пытаясь представить себе всю жизнь, ограниченную пространством не более территории, которую его отряд объезжал за один день.

— К твоему возрасту я уже побывал в двух округах, убил своего первого Злого и спускался и по реке Грейс, и по Серой. — Подумав мгновение, он добавил: — Правда, море

увидел года на два позже.

— Можно мне поехать с вами? — взволнованно спросил Вит.

— Вот уж нет! — воскликнула Фаун.

Вит растерялся. Даг подавил злорадную улыбку: за всю свою жизнь, безжалостно третируя сестру, Вит явно и представить себе не мог, что ему когда-нибудь понадобится ее добрая воля для того, чтобы он мог получить желаемое.

«Вот так и отзываются наши грехи, парень!»

— Мы еще не закончили жатву, — сурово сказал Соррел. — У тебя есть работа здесь, Вит.

— Да, но они же не завтра уезжают, верно? — Вит с отчаянным видом оглянулся на Дага.

Даг занялся быстрыми умственными подсчетами. У Фаун вот-вот начнутся месячные — болезненные и кровавые с тех пор, как на ней оставил свою метину Злой, хотя Фаун постепенно и выздоравливала. Это время им определенно лучше переждать в самых комфортабельных условиях.

— Мы задержимся и поможем с жатвой еще недельку, пожалуй. Только больше оставаться у нас не получится: до реки Грейс не меньше недели пути. Чтобы выбрать подходящее судно, нужно добраться туда вовремя и захватить осенний паводок, иначе можно оказаться застигнутыми в дороге ледоставом. Да и вообще в холод и сырость путешествовать плохо.

На несколько мгновений воцарилась напряженная тишина. Веретено Нетти продолжало жужжать, Вит снова взялся за шлифовку древка стрелы, а Даг представил себе, насколько спать в постели лучше, чем дремать в кресле, рискуя свалиться и расквасить нос.

— Что вы собираетесь делать со своими лошадьми? — неожиданно спросил Вит.

— Возьмем их с собой, — ответил Даг.

— В лодку? Вряд ли там будет место.

— Нет, я имел в виду баржу.

— А-а...

Снова стало тихо, но вскоре Вит со стуком опустил на стол древко, и Даг осторожно приоткрыл глаз.

— Но ведь кобыла Фаун жеребая. Вы же не захотите, чтобы она ожеребилась в дороге. Я имею в виду волков, рысей... Да и задержку. Не лучше ли будет оставить ее здесь со всем удобством, а забрать на обратном пути?

— А мне что делать, идти пешком? — презрительно спросила Фаун.

— Нет, но понимаешь... А что, если ты оставишь ее здесь для мамы — она ведь все равно не может ездить на Ласточке. А мы с тобой поедem каждый на лошадке из моей упряжки. Я все равно собирался продать эту пару весной в Ламптоне, но бьюсь об заклад: в городе у реки можно взять за них лучшую цену. К тому же папе с Флетчем не придется кормить их целую зиму. А вы сэкономите на том, что не будете платить за перевоз беременной кобылы, да и ей вряд ли понравится плыть на барже.

— А как я вернусь? Копперхед не сможет нести двоих, да еще и вьюки.

— Вы могли бы купить другую лошадь, когда вернетесь к устью Серой.

— Ах, Даг еще и должен за это платить!

— Лошадь можно будет продать, когда вы вернетесь. То, что выручите, плюс сэкономленное за перевозку покроет расходы, а то еще и в прибыли окажетесь.

Фаун раздраженно фыркнула.

— Вит, ты не можешь ехать с нами.

— Хотя бы только до реки! — В голосе Вита появились просительные нотки. — Мама, я ведь не один поеду — я буду с Дагом, да и вообще... Туда дорогу он мне покажет, а уж обратно я и сам доберусь.

— Да и денежки так будут гореть у тебя в кармане, что тут же прожгут дыру и вывалятся на дорогу, — проворчал Соррел.

— А если повстречаешься с разбойниками, как случилось с Фаун? — сказала Трил. — Тогда и денег лишишься, и жизни.

— Фаун же едет! Нет, даже хуже — Фаун едет опять!

Соррел посмотрел на него так, словно хотел сказать: «Фаун теперь — дело ее мужа», но, учитывая свои расспросы, не решился.

Сонный мозг Дага наконец пришел в действие; Даг стал обдумывать не денежные вопросы, а безопасность. Муж-дозорный и жена-крестьянка в фермерской стране — такая пара выглядела странно, и они повстречались уже не с одним недоброжелателем, который, имея на то время, мог и более действенно высказать свое неодобрение. А если это будет муж-дозорный, жена-крестьянка и ее братец-фермер? Не сможет ли Вит послужить буфером? И не полезно ли будет иметь еще одну пару глаз? Отсутствующие боги, не может же Даг бодрствовать все время?

«Даже еще полчаса не сможет...» Даг подавил зевок.

— Ты можешь попасть в плохую компанию, там, у реки, — продолжала тревожиться Трил.

— Хуже, чем Даг? — весело поинтересовался Вит.

Вопрос был бестактным, но красноречивым. Соррел и Трил оценивающе посмотрели на Дага, и тот смущенно поежился.

Он уже многие месяцы с беспокойством думал о противостоянии крестьян и Стражей Озера и не мог найти решения проблемы, — и вот теперь Вит практически вызывается стать партнером и братом по шатру дозорного. Если Даг оттолкнет парня, получит ли он еще когда-нибудь такое предложение?

«Вит и не догадывается, что из этого может выйти.

Только и я ведь тоже...»

— Даг... — нерешительно начала Фаун.

— Мы с Фаун это обсудим. Как ты сам сказал, мы уезжаем еще не завтра, — сказал Виту Даг.

— Даг сможет показать мне ту пустошь, когда мы будем ехать мимо Глассфорджа, — продолжал увлеченно рассуждать Вит. — Мне удалось бы...

Даг твердо оборвал его:

— Мы все обсудим с Фаун. С тобой мы поговорим позже.

Вит, сделав над собой усилие, замолчал.

Фаун с возрастающим любопытством взглянула на Дага. Когда он поднялся, чтобы отправиться спать, она отложила стрелу, с которой возилась, и последовала за ним.

Когда она закрыла за собой дверь их комнаты, Даг взял ее за руку и усадил на край постели — кровати близнецов они сдвинули вместе. Посередине был все же замечен выступ, но мягкие чистые простыни позволяли с легкостью преодолеть его ночью. Похоже на небольшой снежный сугроб, только теплее. Гораздо теплее.

— Даг, — в смятении заговорила Фаун, — о чем только ты думаешь? Стоит хоть немного поощрить Вита, и он замучает нас до смерти своими просьбами взять его с собой.

Даг обвинил ее рукой и крепко прижал к себе.

— Я вот думал... Я выбрал эту дорогу, чтобы попытаться научиться разговаривать с фермерами... чтобы испробовать другой подход — быть не господами и слугами или Злым и рабами... и не держаться порознь. Найти брата по шатру как раз и есть другой путь.

Лоб Фаун прорезала морщина.

— Ты снова ведешь себя как Страж Озера. Пытаешься поселиться в шатре жены, найти нового брата среди ее родичей.

Даг склонил голову набок.

— Пожалуй, так и есть. Ты же знаешь: я собираюсь называть себя Даг Блуфилд.

Фаун кивнула.

— Твоя семья в лагере Хикори... то, что от нее осталось... Мне представляется, они не были с тобой так уж сердечны еще до того, как ты обрушил им на голову меня. Твой брат вел

себя так, словно одно доброе слово будет стоить ему кучу денег. А ты воспринимал его поведение, как будто это нормально.

— Хм-м... — Даг прикрыл глаза и склонил голову. Прижав к губам локон Фаун, он наслаждался его шелковистостью.

— Ты так истосковался по семье, Даг? Должна признаться: я-то уже сыта своим семейством по горло.

Даг развернул ее так, что они оказались лежащими лицом к лицу, и серьезно улыбнулся.

— Тогда ты не должна возражать против того, чтобы разделить его.

— Ох, сколько раз я мечтала о том, чтобы полоумный Вит куда-нибудь делся!

Губы Дага дрогнули. Он отвел темные кудри со лба Фаун и поцеловал ее в бровь.

— И еще одно, — яростно добавила Фаун, хотя ее пальцы уже гладили подбородок Дага. — Ты не думал о том, как быстро он испортит нам настроение на ночлеге, сидя с другой стороны костра и отпуская свои шуточки?

Даг пожал плечами.

— Уединение на привале для дозорных не новая проблема.

— Пойти собрать дрова, искупаться в реке, поохотиться на белок... Да, ты говорил мне — это целый особый язык, только Вит его не знает.

— Тогда мне просто придется научить его языку дозорных.

— Да? Лучше воспользуйся своей ореховой палкой, чтобы вколотить ему что-то в голову.

— Мне приходилось обучать и более тупых молодых дозорных.

— Бывают более тупые? — Фаун откинулась на спину, чтобы яснее видеть лицо Дага. — И как же им удавалось научиться ходить?

Даг усмехнулся, но ответил:

— Им помогают их напарники. Признаюсь, иногда это похоже на скачку на трех ногах... Идея заключается в том, чтобы сохранить им жизнь до тех пор, пока они не научатся выживать сами. Такой подход срабатывает. — Его улыбка несколько поблекла. — По большей части.

Тонкие пальцы Фаун перебирали его волосы; потом она сжала голову Дага в ладонях и слегка встряхнула.

Ты все еще думаешь как дозорный. Не как фермер.

— Мы как раз и говорим о том, как это изменить. Я рассчитываю потренироваться на Вите... может быть, тогда я стану делать меньше ошибок.

— У нас принято говорить: двое — компания, а трое — уже толпа. Клянусь, по-твоему следовало бы сказать так: двое — это напарники, трое — уже отряд.

Пальцы Фаун переместились к застёжке рубашки Дага; он поцеловал их один за другим.

— В последние недели я слушал и наблюдал — и не только за тем, как собирать бобы. В этом доме свободы для Вита не больше, чем было для тебя. Тут все предназначено для Флетча, Кlover и их детей. Может быть, если Вит сможет оказаться под более высоким потолком, ему удастся немного выпрямиться... с некоторой помощью даже и повзрослеть — менее мучительно, чем это выпало на твою долю.

Фаун поежилась.

— Такого я даже Виту не пожелала бы. — Улыбка вернулась на ее лицо. — Так ты представляешь себя в роли брата по шатру? Может быть, даже отца? Ах ты, старый дозорный...

— Веди себя прилично, дитя, — с шутливой строгостью укорил ее Даг. Он попытался проделать то же самое с ее пуговицами одной рукой и, благодаря большой практике, преуспел.

— Вести себя прилично, когда твоя рука уже там ?

Единственная рука Дага доставляла ему весьма приятные ощущения, пальцы его

продолжали скользить... По сравнению с этой нежной дышащей кожей шелк проигрывал.

— Я не имел в виду... — Даг хотел найти синоним выражению «вести себя прилично», но слова куда-то подевались, когда их тела согрели друг друга.

Запах волос Фаун наполнил ноздри Дага, и он с наслаждением втянул его. Фаун неразборчиво пробормотала:

— Уж поверь мне — он доставит нам множество неприятностей.

Даг слегка откинул голову, чтобы удостовериться в том, что правильно прочел выражение ее лица.

— «Доставит»? Не «доставил бы»? Так это решено, ты не оговоришься?

Фаун вздохнула.

— Пожалуй.

— Ну, тебе он неприятностей доставлять не будет, или ему придется держать ответ передо мной.

Фаун нахмурила брови.

— Он выдает свои колкости за шутки. С этим трудно бороться. Особенно злит, когда он тебя же и заставляет смеяться.

— Если я справлялся с целым отрядом тупоголовых дозорных, с твоим братцем как-нибудь справлюсь. Уж ты мне поверь.

— За такое зрелище можно и денежку заплатить.

— Для тебя представление будет бесплатным.

Губы Фаун приоткрылись; большие карие глаза казались особенно темными. Маленькие руки добрались до последней пуговицы. Все крестьяне — кроме одной крестьяночки — перестали занимать Дага. На таком расстоянии было совсем нетрудно открыть для нее свой Дар. Даг подумал, что его тело — лук, а Фаун — звездный блеск на конце стрелы.

— Покажи мне... все, — прошептала она.

Воспламенившись, Даг опрокинул ее на спину и приступил к показу.

3

Если папа и мама Блуфилд сомневались, стоит ли позволять младшему сыну путешествовать по дорогам Олеаны даже под присмотром их устрашающего зятя, то Флетч и Кlover отнеслись к такой идее очень одобрительно. В следующую неделю Соррел и Флетч общими усилиями постарались получить от Вита максимум пользы на жатве; поскольку согласие семьи все еще оставалось в подвешенном состоянии, Вит работал если и не охотно, то по крайней мере без громких протестов. В те немногие свободные моменты, которые раньше отводились обучению стрельбе из лука, Вит и Даг теперь занимались заготовкой дров на зиму, хотя обычно к этому приступали на месяц позже. Пусть вслух ничего еще не говорилось, растущая поленница подразумевала согласие на отъезд Вита; как подумал Даг, даже Флетч не был бы способен, воспротивившись этому, так жестоко разочаровать брата.

Родители Фаун неожиданно с энтузиазмом отнеслись к идее оставить Грейс на ферме. Даг скоро догадался, что причиной этого была не только покладистость кобылы, на которой могла бы ездить и мама Блуфилд, и даже тетюшка Нетти (хотя та, услышав такое предположение, фыркнула и пробурчала: «Мне и тележка вполне подходит, спасибо»), но и то обстоятельство, что Грейс послужила бы своего рода заложницей. Мысль о том, что Фаун должна будет вернуться, чтобы забрать свою лошадь — а к тому времени, возможно, и не одну, — явно утешала Трил. Это, правда, не помешало маме Блуфилд за вечерней едой вспомнить и рассказать обо всех несчастных случаях при переправах, произошедших на расстоянии в сотню миль от Вест-Блю на протяжении жизни поколения. Отдавая должное материнской тревоге, Даг тем не менее про себя решил отвести Вита в сторонку и поинтересоваться, не плавает ли он так же, как раньше Фаун, — то есть как топор; Дагу пришлось потрудиться, чтобы научить жену держаться на воде. Вита тоже нужно было бы

научить этому, хотя для уроков плавания становилось уже довольно холодно.

Легкий дождь в ночь накануне отъезда сделал утренний воздух туманным и холодным, приглушив яркие краски осени. Когда трое путешественников двинулись по ведущей прочь от фермы дороге, несколько желтых листьев полетели им вслед вместе с добрыми пожеланиями и благословениями; на многочисленные непрошенные советы оба отпрыска семейства Блуфилд отвечали одинаковым пожатием плеч.

Даг нашел весьма приятным вновь сидеть на Копперхеде и ехать по берегу реки; испробовав свой Дар, он счел, что некоторые улучшения произошли: теперь он мог охватить внутренним зрением шагов полтора... После сборов в дорогу Вит был слишком усталым, чтобы вступать в перепалку с сестрой, поэтому день прошел довольно спокойно. А вечером Дагу предстояло остаться наедине с женой: они собирались остановиться в уютной маленькой гостинице в Ламптоне; легкое прикосновение, обмен взглядами, промелькнувшая на щеке Фаун ямочка сделали для Дага вечер ясным и теплым.

В обшарпанной старой гостинице на северной окраине города у дороги, проложенной еще в древние времена, эти планы встретились с неожиданным препятствием. Здание оказалось заполнено возчиками и путешествующими крестьянскими семьями, и компании Дага еще повезло, когда им удалось получить маленькую комнатку под крышей. Недовольно оглядев ее, Даг подумал, что расположиться на сеновале над конюшней было бы лучше... только сеновал оказался уже кому-то сдан. Однако сгустившиеся сумерки, угроза дождя и усталость после двадцати миль в седле, не говоря уже об аппетитных запахах, доносившихся с кухни, избавили от соблазна искать другое пристанище, и споры вызвал только вопрос о том, кому спать на кровати, а кому — на полу. Дело кончилось тем, что на кровати (которая была к тому же коротка для Дага и слишком узка для двоих) расположилась Фаун, Даг — с ней рядом на полу, а Вит — на полу у двери. Даже невинные ласки оказались невозможны, и Фаун только свесила руку и переплела пальцы с Дагом, после того как была потушена лампа.

Покой так и не наступил. Прежде чем они спустились к ужину, Вит имел неосторожность открыть окно — в комнатке было душно; тут же в окно влетел отряд припозднившихся москитов, воодушевленных не по сезону теплой и влажной погодой. Как только кто-то из людей начинал дремать, тонкий угрожающий писк заставлял жертву махать руками, заворачиваться в одеяло и раздраженно ворчать, будя остальных. Даг инстинктивно отшвыривал маленьких мучителей от себя и Фаун, воздействуя на их крошечный Дар; к несчастью, это только заставляло их сосредоточиться на Вите.

После бесконечных почесываний и ругательств Вит поднялся в темноте, чтобы истребить кровожадных паразитов, ориентируясь на звук. После того как он дважды наткнулся на кровать и наступил на Дага, Фаун села, зажгла лампу и рывкнула:

— Вит, не уgomониться ли тебе? Ты хуже москитов!

— Меня уже три раза укусили! Подожди, вот я сейчас... — Вит прищурился и поднял руку, пытаясь схватить летающую точку. Три быстрых шлепка не попали по цели, Вит пошатнулся и снова наткнулся на Дага, но продолжал попытки загнать насекомое в угол, где оно было бы заметнее на фоне побеленной стены. Разраженный и еще не вполне проснувшийся, Даг сел, поднял левую руку и призрачными пальцами вырвал Дар москита.

Писк резко прекратился, и в протянутую руку Вита упал комочек серой пыли. Расширившимися глазами парень уставился на Дага и прошептал:

— Это ты с ним расправился?

Даг подумал, что ему следовало бы сказать нечто внушительное, вроде «Да, и если ты не уляжешься и не успокоишься, твоя очередь — следующая», однако он сам был поражен еще больше, чем Вит.

«Эта способность возвращается, как и Дар!»

Но тут же все исчезло... Даг прижал левую руку, освобожденную на ночь от протеза, к груди и укутал одеялом — пусть Вит уже не раз ее видел, — и постарался дышать нормально.

Впервые призрачная левая рука пришла ему на помощь, когда он так блистательно восстановил летом разбитую чашу; потом она тоже изредка появлялась. Это было всего лишь проявление Дара, как заверила его целительница, хотя и необычно сильное и непредсказуемое, а не какое-то сверхъестественное благословение или проклятие. Такое же проявление Дара, каким пользовались некоторые особенно сильные мастера. Однако для Дага это было напоминанием о боли и потере, поэтому он и назвал явление призрачной рукой, когда еще не понимал его природы. Призрачной рукой, невидимой для обычного взгляда, но вполне ощутимой для Дара... А потом, решил Даг, эта рука стала жертвой борьбы со Злым в Рейнтри.

Там, дойдя до пределов паники и необходимости, он вырвал Дар Злого и чуть не погиб в схватке.

— Вит, ляг наконец. — В голосе Фаун прозвучало больше волнения, чем в прежнем ворчании, и даже Вит уловил это.

— Ага, ага, конечно... — Вит гораздо осторожнее пробрался мимо Дага и улегся.

Даг оглянулся на жену и увидел, что она приподнялась, опираясь на локоть, и, хмурясь, смотрит на него.

— С тобой все в порядке, Даг? — тихо спросила она. Он открыл рот, помолчал и ограничился кратким «Угу».

Глаза Фаун с подозрением прищурились.

— У тебя странное выражение лица.

Уж в этом-то Даг не сомневался. Он попытался выдавить что-то вроде улыбки, но это, похоже, не слишком успокоило Фаун. Даг чувствовал странное резкое жжение Дара в левой руке, как будто на кожу — точнее, под кожу — попала искра от лагерного костра. Эту искру он не мог стряхнуть, хотя его телесные пальцы под одеялом и попытались сделать это.

Фаун стала укладываться, но все же спросила:

— А что ты сделал с тем бедным москитом?

— Вырвал его Дар, кажется. — Только никакого «кажется» на самом деле не было. Даг мог чувствовать чужеродное включение в собственный Дар, каким однажды были клочья Дара Злого. Это была маленькая помеха, не ядовитая, не оскверненная, не несущая смерть, — но также ничуть не похожая на подарок целительницы, благотворный, теплый, желанный, несущий выздоровление. Дар москита ощущался как что-то липкое и жгучее, словно капля горячего дегтя. Больно... и что-то в этом было неправильное.

Фаун снова приподнялась, опираясь на локоть. В отличие от Вита, она-то точно знала, насколько необычным для Дага было такое действие.

— В самом деле?

— Наверное, не следовало этого делать... — пробормотал Даг.

Фаун с сомнением посмотрела на него.

— Но... это же всего-навсего москит. Ты наверняка убивал их сотнями.

— Скорее тысячами, — согласился Даг. — Только... теперь мой Дар чешется. — Он снова потер кулю.

Брови Фаун поползли на лоб; с веселым облегчением она выдохнула:

— Ах, боги...

Даг не сделал попытки избавить Фаун от ошибочного впечатления. Он поцеловал ее свесившуюся с кровати руку и кивнул на масляную лампу. Фаун потянулась к ней и снова погасила. Кровать скрипнула, когда Фаун укладывалась, и Даг прошептал:

— Доброй ночи, Искорка.

— Доброй ночи, Даг. — Фаун уже уткнулась в подушку, и голос ее прозвучал глухо. — Постарайся уснуть. — До Дага долетел смешок. — И не чешись.

Даг прислушивался к дыханию жены, пока оно не сделалось медленным и спокойным; потом, скрестив руки на груди, он принялся обследовать собственный Дар.

В нем все еще тлел крохотный чужеродный уголек. Даг попытался избавиться от него, усилить им Дар пола, или простыни, или даже собственных волос, однако уголек упрямо

оставался на прежнем месте. Не обнаруживал он и склонности раствориться в Даре Дага, стать его частью, как становится частью человеческого тела переваренная им еда... по крайней мере, пока. Даг подумал о том, не причинил ли он себе в момент сонного раздражения вреда на всю жизнь.

Неосторожность... вовсе не смертельная паника. Не напряжение всех сил, героический порыв, который случается раз в жизни, когда на какой-то момент тело, душа и Дар совершают нечто, превосходящее человеческие возможности. Вырвать Дар москита — уж никак не великое деяние, да и суровой необходимости в этом не было...

Только лишение Дара кого-то или чего-то совсем не было человеческим деянием. Это была магия Злых, самая суть их магии. Разве не так?

Мастера из Стражей Озера пользовались Даром двумя способами, хоть и с множеством вариаций. Они могли заставить Дар предмета измениться или приобрести другую форму, тонко переменить свою природу. Так и получалась ткань, которая почти не изнашивалась, сталь, которая не ржавела, веревка, которая не рвалась, или кожа, которая не пропускала воды... и отражала стрелы. Вторым способом можно было передать другому человеку часть Дара собственного тела; чаще всего такое происходило при изготовлении свадебной тесьмы или для усиления Дара какого-то органа пострадавшего, чтобы ускорить его выздоровление, остановить кровотечение, избавить от шока или инфекции. Однако всегда возможности Дара были ограничены способностями мастера.

Злой похищал Дар из всего вокруг себя, и ограничено это не было ничем, кроме внимания, которое Злой обращал на своих жертв... и внимание это, готов был поклясться Даг, существенно превосходило человеческое. Однако если человек преобразовывал полученный от другого Дар в собственный медленно — с той же скоростью, с какой заживает рана, — то Злые делали это почти мгновенно, и не с помощью постепенного преобразования, а грубой бесцеремонной силой — тем большей, чем больше Дара уже поглотил Злой... захватывая его по расширяющейся спирали.

Вероятно, такая сила не была свойственна человеку. Даже в схватке со Злым Даг завладел только смертоносными обрывками. Любой, кто попытался бы вырвать Дар целиком, как это делали Злые, просто лопнул бы, как человек, попытавшийся выпить озеро.

Однако человек был в силах выпить кружку озерной воды...

Может быть, Дар москита был подобен такой кружке?

Даг обдумал этот вопрос, а потом с беспокойством спросил себя, не безумен ли разум, способный такой вопрос задать. А может быть, в нем поселились мозговые черви, слухи о которых пересказывал Вит? Может быть, нужно просто выспаться... Наверняка к утру от тлеющего уголька не останется и следа, как от обычного укуса москита: Дар исцелится, как тело исцеляется от чисто физических повреждений. Даг фыркнул, повернулся на бок и решительно закрыл глаза.

Жжение, впрочем, не проходило.

* * *

К следующему утру левая рука Дага так воспалилась, что он не мог прикрепить к ней протез.

Фаун предпочла бы на денек задержаться в Ламптоне, но Даг настаивал, что может ехать, обходясь одной рукой, а Вит, жаждавший выехать за пределы известных ему земель, не поддержал ее разумное предложение. К концу дня Фаун без особой радости получила доказательство своей правоты: Дага начало лихорадить. Словно в подтверждение ее опасений Даг уселся на одеяло и без возражений позволил Фаун с Витом разбить лагерь у дороги. В сгущающихся сумерках от влажной земли поднимался холодный туман, но по крайней мере угрозы дождя не было.

— И все это от укуса москита? — пробормотала Фаун, усаживаясь рядом с Дагом, который сидел сгорбившись и обхватив распухшую руку.

— Не думаю, что он меня убьет, — пожал он плечами. — Тот участок моего Дара начинает уже казаться не таким горячим.

Фаун с сомнением пощупала лоб мужа. Однако его кожа была просто горячей, а не такой обжигающей, как раньше, и Даг ел и пил, хотя и без особого аппетита. Укладываясь спать, Фаун отобрала у Вита запасное одеяло и укутала Дага, безжалостно игнорируя протесты брата.

К следующему дню опухоль спала, и Даг предположил, что чужеродное включение поглощается, как случилось бы с обычным подкреплением Дара, хоть и медленнее. Тем не менее весь день Даг был молчалив, и по его сведенным бровям и остановившемуся взгляду Фаун заподозрила, что его мучает головная боль.

Если Фаун чувствовала себя защищенной, когда Даг был здоров, то его болезнь рождала у нее отвратительное чувство беспомощности. Он обладал сверхъестественными познаниями Стража Озера и множеством умений дозорного, настолько внушительным, что главная целительница в лагере Хикори даже пыталась сделать из него своего помощника. Только кто лечит самого целителя? Крестьянка-повитуха или костоправ мало могли бы помочь при этой странной болезни Дара, и Фаун только теперь в полной мере поняла, что, несмотря на весь приобретенный этим летом опыт, она на самом деле не знает, как в случае нужды найти Стражей Озера. До лагеря Хикори было слишком далеко, а до переправы и лагеря на реке Грейс оставалось еще несколько дней пути. Отряды дозорных или гонцы иногда останавливались в гостинице Ламптона или на постоялом дворе Глассфорджа, но могло пройти несколько дней или недель, прежде чем кто-то из них появился бы.

Лагерь, откуда действовал отряд Чато, как казалось Фаун, был ближе, но и его она не смогла бы найти. Этому хотя бы можно было помочь: прошлым вечером она спросила Дага, где искать Чато, и он ей объяснил. В первый раз Фаун начала видеть пользу от того, что в их маленьком отряде теперь три человека: не только лишь двое Блуфилдов смогли бы хоть поднять Дага, но и один из них мог оставаться с ним, пока другой отправился бы за помощью.

Только окажут ли странные Стражи Озера помощь Дагу после его полуизгнания? Такая мысль была новой и весьма неприятной.

Однако еще через день Дагу стало явно лучше. Они выехали на рассвете, а к полудню добрались до придорожной фермы с колодцем во дворе, где Фаун с Дагом впервые повстречались. Они весело обменивались воспоминаниями, закупая у доброй фермерши провизию. Вечер застал их совсем недалеко от Глассфорджа. Даг высказал мнение, что они на следующий день могли бы свернуть с большака, чтобы показать Виту пустошь, и все же добрались бы до города до темноты.

* * *

Нельзя было бы выбрать лучшего денька для поездки в безлюдные холмы к востоку от большака. Небо сияло глубокой синевой, какую в Олеану приносят только северо-западные ветры, а прохладный воздух бодрил, как яблочный сидр. Деревья тут по большей части еще сохранили листву, и ее яркие цвета буквально слепили глаза: ярко-алый соседствовал с золотисто-желтым, а увядающие сорняки добавляли лиловые пятна. В словно процеженном осенью свете глаза Дага стали похожи на золотые монеты. Фаун порадовалась, что именно Даг ведет их по звериным тропам в чаще, потому что сама она запуталась сразу же, как только они свернули с большака. Она, конечно, совсем не заблудилась бы: достаточно было повернуть на запад, чтобы снова выбраться на дорогу. Однако пустошь — к счастью — была довольно маленькой мишенью: всего десять или двенадцать миль в окружности.

Солнце приближалось к зениту, когда Даг остановил Копперхеда на протоптанной тропе, по которой они ехали. На лице его отразилось напряжение. Фаун подхлестнула Вефт и поравнялась с ним, хотя Копперхед выразительно прижал при этом уши.

— Мы уже близко?

— Да.

Собственные воспоминания Фаун были слишком расплывчатыми, чтобы она могла узнать местность. К пещере Злого ее, пленницу, несли вниз головой, в ушах у нее звенело, от побоев и ужаса ее тошнило... А обратно... этого Фаун предпочитала не вспоминать.

Даг показал вперед.

— Эта тропа подходит к расщелине с той стороны, откуда к ней подобрался я. Видимые признаки опустошения появятся шагов через двести.

— А саму пустошь ты еще не видишь?

Даг пожал плечами; лицо его оставалось напряженным.

— Я почувствовал тень ее еще за полмили отсюда.

— Стоит ли тебе приближаться — ведь ты еще не поправился?

Даг поморщился.

— Пожалуй, не стоит.

— Тогда подожди здесь... или, еще лучше, вернись по тропе. А я проведу Вита, чтобы он быстренько посмотрел.

С логикой Фаун Даг спорить не мог. Поколебавшись, он кивнул.

— Только не задерживайся, Искорка.

Фаун помахала Виту. Брат ее выглядел несколько растерянным. Когда лошадки по привычке потрусили рядом, он спросил:

— В чем дело?

— Близость пустоши делает Дага больным. Ну... больным становится тут любой, но я побоялась, что у Дага случится такой же ужасный приступ, как после Гринспринга. Слава богам, что ему хватило здравого смысла подождать нас здесь, а самому дальше не ездить.

Вит огляделся.

— Только ведь все засыхает и умирает осенью и так... Как ты различишь пустошь зимой? Как ты сможешь отличить ее от... ох!

Они остановили лошадей на краю расселины. Должно быть, сейчас они были очень близко от того места, откуда в тот день смотрел на пещеру Даг. Пещера виднелась на середине противоположного склона; длинный скальный выступ нависал над входом. Сама расселина имела цвет серой пыли и была лишена всякой растительности; сохранилось только несколько скелетов деревьев. Извивающийся по дну сверкающий на солнце ручей был единственным, что тут двигалось, единственным источником звука. Ни птиц, ни насекомых; никакие мелкие зверьки не шуршали в мертвых сорняках. Даже ветер, казалось, замирал здесь. До Фаун долетел слабый странный запах, как в сухом погребе, — запах, оставленный Злым. Фаун сглотнула и ощутила озноб, несмотря на гревшее ей спину солнце.

— Это самый жуткий цвет, какой я только видел. — Вит с трудом сглотнул. — Даже и вовсе не цвет... Даг был прав. Это не похоже... ни на что.

Фаун кивнула, порадовавшись тому, что Вит сегодня, похоже, в своем уме: его глупых шуточек она сейчас не выдержала бы.

— Даг думает, что Злой вылез из земли, вывелся прямо здесь. Злые, похоже, все появляются одинаково, но потом меняются в зависимости от того, что едят... то есть каким Даром питаются. Если им удастся поймать много людей, они становятся похожи на человека, а в Лутлии однажды был Злой, в основном поедавший волков, и говорят, он был очень странный. Даг думает, что первый человек, которого поймал здешний Злой, был разбойником с большой дороги, прятавшимся где-то неподалеку, потому что когда Злой вырастил глиняных людей и захватил больше рабов, он сначала собрал их в шайку разбойников. — Правда, некоторые члены шайки могли и не быть рабами; эта мысль особенно встревожила Фаун. — Те негодяи, что похитили меня на дороге, принесли меня сюда. Даг выслеживал их и заметил... — Отсюда Дагу хорошо должны были быть видны глиняные люди, тащившие ее, как ворованный мешок с зерном. — Он схватился с ними... чтобы освободить меня... в одиночку. Не было времени дожидаться его отряда. Шанс был невелик... Только Даг кинул мне свой разделяющий нож, и мне удалось добраться до Злого.

А Злой... — Фаун снова сглотнула. — Наверное, можно сказать, что развалился... растаял. Стражи Озера утверждают, что Злые бессмертны, но разделяющие ножи их убивают. Убивают их Дар.

— А что вообще такое разделяющие ножи? Даг, как только упомянет о них, так сразу умолкает.

— Ну да. Для того есть причины. Их делают Стражи Озера. Из костей других Стражей Озера.

— Так, значит, они и правда грабят могилы!

— Нет! Это не ворованные кости. Даг... да и любой Страж Озера очень обиделся бы, если бы услышал тебя. Они завещают свои бедренные кости своим родичам, чтобы их... извлекли после их смерти. Это часть похоронного обряда. Потом мастер — брат Дага Дор как раз такой мастер — очищает кость и вырезает из нее нож. Они не используют разделяющие ножи ни для чего, кроме уничтожения Злых.

— Так именно это ты и воткнула в Злого? А чья была бедренная кость, ты знаешь? А Даг знает?

Фаун решила, что такой мерзкий интерес все же лучше равнодушия.

— Да, только тут все гораздо сложнее... Изготовление ножа из кости — лишь первый шаг. Потом нож должен быть заряжен. Заряжен... смертью сердца. — Фаун втянула воздух, не глядя на Вита. — Это самая трудная часть. Каждый нож, после того как изготовлен, бывает связан узами со своим хозяином — Стражем Озера... кем-то, кто вызовется подарить ножу собственную смерть. Когда такой Страж Озера думает, что умирает — от старости, болезни или смертельной раны, — он пронзает ножом свое сердце и улавливает в него смерть. Так что каждый заряженный нож стоит двух жизней Стражей Озера — одного, подарившего кость, и другого, зарядившего его кровью сердца. А владеть ножом... купить его нельзя. Он может быть только дан тебе.

Глянув на Вита, Фаун заметила, что тот хмурится, прищулив глаза.

— Значит, это вроде как... как человеческое жертвоприношение, — медленно проговорил он, — запечатанное вроде консервов и сохраненное для последующего применения.

Фаун вспомнила о длинных рядах залитых воском стеклянных банок, которые они с мамой Блуфилд только на прошлой неделе заполнили припасами на зиму и расставили в кладовке. Подобное хозяйственное сравнение было верным... о боги!

— Похоже. Только не говори такого при Даге. Стражи Озера хранят свои ножи в тайне и обращаются с ними, как со святыней. Это же их родственники, понимаешь ли. И их горе. Вот это разделяющие ножи и разделяют со Злыми — смерть.

Вит, все еще хмурясь, оглядел расселину и спросил:

— Далеко вглубь уходит пещера?

— Она неглубокая.

— Можем мы в нее заглянуть?

Фаун сморщила нос.

— Наверное, если не останемся там надолго.

Вит глянул на крутой спуск, кивнул, спешился и привязал свою лошадь к дереву. Фаун сделала то же самое и последовала за братом. Серый сланец скрипел и скользил у них под ногами. Даже глина в промоинах, которая нормально была бы тускло-коричневой, приобрела тот же безжизненный серый оттенок. Вит перебрался по камням через ручей и оглянулся, только дойдя до входа в пещеру.

— Не отставай, коротышка, — бросил он тащившейся следом за ним Фаун.

Она испытывала слишком сильный озноб, чтобы обидеться на старую семейную кличку. Фаун вскарабкалась ко входу в пещеру, и ей в лицо ударил сухой горький запах Злого.

«Сколько же дождей и снега понадобится, чтобы смыть его?»

Вит с мерзким удовлетворением нырнул в тень скального выступа.

— Каким замечательным местом для стоянки могла бы оказаться эта пещера! Она действительно годится для того, чтобы в ней прятались разбойники! — Он пнул ногой разбитый старый бочонок, который тут же рассыпался в прах. — Так где именно были вы двое? А где был Злой? Далеко ли пришлось Дагу кидать свой нож? Он же не знал, какая ты... Чудо, что тебе удалось его поймать.

— Вот здесь... — «Лучше все упростить». — Злой схватил меня за шею. — Фаун коснулась вмятин на горле.

«Здесь, прямо здесь Злой вырвал Дар моего нерожденного ребенка, бедной нежеланной малышки... Здесь она умерла, а Дага чуть не разорвали на части завывающие полузвери, полулюди... Здесь я нанесла удар, и здесь Злой взвизгнул и распался. Здесь одна жертва смешалась с другой, здесь у меня случился выкидыш и началось кровотечение...»

— Мне нужно выйти отсюда, — вслух сказала Фаун. Она видела все как в тумане, ее трясло так, что с трудом удавалось дышать.

«Здесь ничего нельзя упростить».

— Эй, ты в порядке? — окликнул Фаун Вит, когда та, спотыкаясь, выбралась из пещеры на воздух. Во всем широком зеленом мире не хватало света на то, чтобы осветить эту бездну тьмы, чтобы сделать ее, Фаун, чем-то кроме *дуры, дуры, дуры*... Фаун не сразу заметила, что плачет; слез у нее не было, только сухие всхлипы раздирали грудь.

Вит, выскочивший из пещеры следом за сестрой, выпалил:

— Это что, на тебя так действует пустошь? Вот что, может... Отведу-ка я тебя обратно к Дагу, ладно?

Фаун кивнула. Ей никак не удавалось выровнять дыхание: оно словно застревало у нее в груди. Она попыталась сглотнуть между вдохами, но горло у нее совсем перехватило. Вит с беспокойством обхватил ее за талию и наполовину повел, наполовину понес через ручей. Фаун поскользнулась, и одна ее нога окунулась в воду. Холодная сырость заставила Фаун охнуть, но по крайней мере она сумела при этом втянуть в себя воздух. К тому времени, когда Виту удалось втащить ее по склону и взгромоздить в седло, Фаун уже только пыхтела. Щеки ее были мокрыми, из носа текло. Фаун яростно вытерла лицо рукавом и закашлялась.

Когда они добрались до того места, куда отъехал Даг, Фаун как сквозь серебряный туман увидела скачущего им навстречу Копперхеда. Даг так резко натянул поводья, что конь затряс головой и фыркнул. Резкий голос, какого Фаун никогда раньше не слышала, рявкнул:

— Что ты с ней сделал?

— Ничего! — в панике проблеял Вит. — Я ничего не сделал! Она болтала о том о сем, а потом вдруг собралась хлопнуться в обморок. Я подумал, что это действие пустоши, хотя сам ничего такого и не чувствовал. Вот, держи ее.

Угрожающее выражение покинуло лицо Дага, когда он обратил внимательный взгляд на Фаун; должно быть, он обследует и ее тело, и ее Дар, подумала она. Бросив поводья на шею Копперхеда, Даг обхватил жену и перетащил из ее седла на свое. Она изо всех сил прижалась к мужу и спрятала лицо у него на груди, глубоко вдыхая теплые запахи чистой рубахи и пота в надежде, что они изгонят мертвое зловоние пещеры. Сильная, прекрасная рука Дага обвила ее.

— Прости меня, — пробормотала Фаун. — Я не думала, что все это снова обрушится на меня. Все дело в запахе... Я вдруг почувствовала, что не могу дышать. Глупость какая...

— Ш-ш, — успокаивал ее Даг, касаясь губами ее волос. Его понимание согрело Фаун даже больше, чем рука. Даг мотнул головой в сторону Вита. — Приведи ее лошадь. Нам нужно как можно скорее покинуть эту вредоносную землю. А потом, может быть, поесть.

Копперхед послушно развернулся — то ли поняв движение ноги Дага, то ли под воздействием Дара; в любом случае мерин явно понял, что сейчас не время для его выходов. Вернувшись на большак, путники проехали добрые две мили, прежде чем Даг свернул в сторону. Он привел Фаун и Вита на небольшую полянку, где среди камней пробивался чистый родник, — на уютное местечко для пикника. Может быть, ему его подсказал опыт дозорного? Во всяком случае, Даг просто буркнул:

— Это подойдет. — Потом озабоченно спросил Фаун: — Ты сможешь сама спешиться?

— Да, мне теперь лучше. — Ну, не то чтобы совсем хорошо, но по крайней мере ее перестал бить озноб.

Даг подхватил жену, когда она соскользнула с Копперхеда, а потом они с Витом занялись устройством лагеря: достали из седельных сумок еду и жестяные кружки, ослабили подпруги у коней и отправили их пастись. Даг внимательно посматривал на Фаун, пока та усаживалась на камне, пила родниковую воду и жевала несколько высохший сыр с хлебом, оставшиеся с прошлого вечера. Наконец он уселся с ней рядом, скрестив ноги. Вит выбрал себе местечко на стволе поваленного дерева, где было не слишком сыро и мох рос не особенно густо.

— Прости, — повторила Фаун, дожевывая и выпрямившись. — Глупо было с моей стороны.

— Ш-ш, — тоже повторил Даг, ободряюще похлопав ее по колену. — Не надо вспоминать.

Вит прочистил горло.

— Мне кажется, тот Злой был очень страшный.

— Угу, — кивнула Фаун. Родниковая вода была благословенно прохладной; так почему же горло у нее так горит? Она потерла оставленные Злым на ее шее отпечатки.

Вит снисходительно добавил:

— Ну, в конце концов ты же девчонка.

Фаун просто поморщилась, решив, что Вит по-своему старается. Очень старается...

Брови Дага поползли вверх, словно он пытался понять, что Вит имел в виду: он явно не видел связи между двумя утверждениями. Когда же он понял, на лице его появилось довольно странное выражение.

— Мне приходилось видеть, — сказал он, — как первая встреча со Злым приводила в полное расстройство и хорошо подготовленных дозорных. Я сам несколько недель после такого числился среди раненых, хотя Злой ко мне и не прикоснулся.

Вит снова прочистил горло, но принял мудрое решение не пытаться исправить положение и вместо этого спросил:

— А сколько ты их видел? Всего?

— Я сбился со счета, — ответил Даг. — Вот собственной рукой своим ножом я прикончил двадцать шесть.

— Двадцать семь, — поправила его Фаун.

Даг улыбнулся жене.

— Ну, тогда двадцать шесть с половиной — нож был мой, а рука твоя.

Фаун смотрела, как шевелятся губы Вита, производившего подсчеты — убитых Злых... нет: ножей, жизней Стражей Озера, смертей. На лбу Вита появилась складка.

Фаун торопливо объяснила:

— Я рассказала Виту про разделяющие ножи... по крайней мере попробовала. Не уверена, что он все понял как надо. — Ее встревоженный взгляд спросил Дага: «Это ничего?»

Даг склонил голову, отвечая и на ее слова, и на взгляд.

— Ох, хорошо. Спасибо.

Вит поскреб сапогом мох.

— Тебе пришлось обзавестись кучей этих ножей?

— Да, конечно.

— У тебя... э-э... большая семья?

Фаун с трудом подавила порыв стукнуться головой — или, может быть, стукнуть Вита — о дерево. Он и в самом деле старался...

Даг старался тоже. Он ответил откровенно:

— Нет. Мне их давали друзья, родичи друзей, другие дозорные, — давали, потому что у меня было умение находить им употребление. Дозорный может носить заряженный нож

долгие годы и ни разу не столкнуться со Злым, а это делает жертву... ну, не бесполезной, конечно, а... Людям нравится, когда из этого что-то получается.

— Тут есть смысл, по-моему, — согласился Вит. Он откусил от куска хлеба с сыром, который держал в руке. — А есть у тебя... ну, как это... один из... самоубийственных ножей?

— Незаряженный нож, связанный узами со мной? — предположил Даг.

— Ну, он же должен быть незаряженным, верно? — сказал Вит. — Так получается. Потому что если бы он был заряжен...

— У меня и в самом деле такой был. Я носил его с собой двадцать лет — на всякий случай. Так делают многие дозорные.

— Можно мне посмотреть? Ох, нет... Что с ним случилось?

Даг посмотрел на Фаун. Та слегка помотала головой. «Нет, до этой части мы не доходили».

— Несчастный случай.

— Ох... — Вит заморгал, усмиренный — как надеялась Фаун. Однако, как выяснилось, усмиренный недостаточно, потому что он тут же с любопытством спросил: — А чья то была кость?

— Каунео. Она завещала одну кость мне, а другую — одному из своих братьев. Моему брату по шатру в Лутлии.

Вит посмотрел на Дага со смесью искреннего интереса и сомнения.

— А кто?.. — Ему пора научиться задавать вопросы с осторожностью, подумала Фаун. И с осторожностью выслушивать ответы.

Даг глотнул родниковой воды и сумел ответить достаточно сдержанно:

— Моя первая жена.

Фаун бросила на Дага тревожный взгляд.

«Тебе не тяжело говорить об этом?»

Даг ответил ей кивком. Да, теперь он мог говорить о Каунео; им удалось уйти от прошлого. Даг откашлялся и объяснил вполне добродушно, поскольку даже бесцеремонное любопытство Вита иссякло, когда он услышал последние слова Дага.

— Она тоже была дозорной и погибла в схватке со Злым в Лутлии. Она оставила мне нож, пронзивший ее сердце, так же как и кость для того, чтобы сделать предназначенный для меня. Мы думаем, что она бросилась на свой нож, когда поняла, что не выживет. Ее брат говорил... — Даг резко втянул воздух. — Говорил, что она, должно быть, проделала это очень быстро, потому что не могла долго находиться в сознании после того... после того как была изранена.

— Это там ты?.. — Взгляд Вита переместился на левую руку Дага.

Новый короткий кивок.

— В той же схватке. Меня ранили раньше, чем ее, поэтому есть только догадки. Она была тогда... совсем девчонкой. На пять лет моложе меня.

«Совсем девчонкой, — подумала Фаун. — Даг ведь не случайно выбрал именно эти слова».

— Ох, — выдохнул Вит и смущенно добавил: — Мне... э-э... жаль.

Даг снова кивнул и повторил свою коронную фразу:

— Это было давно.

«Тебе иногда кажется, что все случилось только вчера, верно? — с любопытством подумала Фаун. — Как мне встреча со Злым... только что в пещере. Да. Теперь я понимаю, откуда ты все знал». — Фаун снова принялась жевать хлеб с сыром, чтобы заглушить спазм в животе. Вит нахмурил брови.

— Ты и в самом деле собирался вонзить костяной нож в собственное сердце?

— Да, если бы так случилось.

После этих слов Вит не сразу вспомнил, что нужно жевать и глотать. Наконец, почесав ухо, он спросил:

— А другой раздобыть ты можешь?

— Вит! — с возмущением воскликнула Фаун.

Даг сделал жест, говорящий: «Все в порядке».

— Это не от меня зависит. Нужно, чтобы кто-то завещал мне кость. Или передал незаряженный нож — тогда его и меня можно было бы соединить узами. Я очень хочу получить нож. Я ужасно мучился бы стыдом от мысли, что моя смерть окажется бесполезной из-за отсутствия ножа.

Фаун поняла, что, как ни хорошо знает она Дага, ей о нем известно не все. Вит мог теперь только моргать — молча, слава богам.

Втянув в себя воздух, Вит все же сказал:

— Люди всего этого не знают. Они говорят, что Стражи Озера — людоеды. Что вы грабите могилы... и поедаете своих мертвых ради магической силы.

Даг мягко ответил:

— Ну, теперь ты знаешь правду.

— Ага! — Вит повеселел. — Но ведь я всего единственный крестьянский парень, который кое-что узнал!

— Один узнал, — вздохнул Даг, — тысячи на очереди. Главное — начать.

— Правильно, — мужественно заявил Вит. Он выглядел так, словно боялся, как бы Даг не расплакался.

Фаун тоже немного этого опасалась, но Даг только криво улыбнулся и поднялся на ноги, заскрипев суставами.

— Давайте-ка доберемся до Глассфорджа, ребятки.

4

Даже в конце дня на большаке, ведущем в Глассфордж, было много путников. Фаун заметила, как вертит головой Вит, разглядывая караван выючных мулов, фургоны, ярко расписанные названиями перевозимых товаров и именами владельцев, огромную телегу для перевозки кирпичей, порожняком возвращающуюся откуда-то. Ее везла восьмерка мышастых тяжеловозов, неуклюже трусивших по дороге, радуясь близости конюшни; колокольчики на их сбруе рассыпали веселый звон, словно крупинки соли. Возница и его помощник тоже выглядели очень живописно в украшенных бахромой и маленькими зеркальцами кожаных куртках и с длинными красными шарфами вокруг шеи. Фаун подумала, что двое здоровенных грузчиков, сидевших, свесив ноги, на задке телеги, наверняка разразились бы игривыми воплями в ее адрес, будь она одинокой путешественницей, но присутствие ее спутников заставило их лишь смущенно кивнуть; Вит радостно ответил на их приветствие. Копперхед притворился испуганным этой шумной компанией, но тут же был призван к порядку своим усталым хозяином; даже кроткие Варп и Вефт поставили уши торчком, слегка смущенные соседством тяжеловозов.

Вит похлопал свою лошадку по шее.

— Ну, ну, Варп, не бойся этих огромных зверюг. Тебя же никто не собирается заставлять везти тонну кирпичей. — Парень вытянул шею, глядя вслед удаляющейся упряжке. — Вот это была бы жизнь, верно, Фаун? Держу пари: некоторые из этих фургонов отправляются в Трипойнт, а то и к Серебряным Перекатам. Только подумай! Где только не удалось бы побывать, с кем только не поговорить, да тебе еще за это и заплатят! Ночуют они небось каждую ночь в другом месте.

— Такая жизнь быстро надоедает, — чуть насмешливо попытался охладить его пыл Даг.

Бросив на него презрительный взгляд, ясно говоривший, что слова Дага он считает стариковским ворчанием, Вит продолжал:

— Я раньше об этом не думал, но ведь наверняка такой город, как Глассфордж, нуждается в лошадях. И в возницах тоже. Я умею управлять упряжкой... интересно, не

удастся ли мне купить такую же нарядную куртку... — Вит умолк, но Фаун не сомневалась: колесики у него в голове продолжают вертеться, даже если временно оказались отсоединены от языка.

«Держу пари: ты больше в Вест-Блю не вернешься, — подумала Фаун. — Так же как и я».

Она улыбнулась, предвкушая удовольствие от показа Глассфорджа Виту, словно это она сама его придумала; не такое ли удовольствие испытывал Даг, показывая ей город? Даг никогда не уставал знакомить ее со всяческими новыми вещами... Нет, тут все было сложнее. Ее нескрываемая радость делала для него мир снова новым, так что усталость отступала. Это представлялось справедливым обменом.

Вит, к ее удовольствию, был должным образом впечатлен постоянным двором — трехэтажным зданием из местного кирпича, увитым плющом.

— Он больше, — изумленно воскликнул Вит, — чем новый амбар дядюшки Хаука!

Уголки губ Дага поползли вверх, когда Фаун принялась с жаром объяснять брату, почему дозорные и гонцы могут бесплатно останавливаться на постоялом дворе: так распорядился отец теперешнего владельца в благодарность за уничтожение в прежние годы Злого в окрестностях города. Вит нашел это очень удачным.

Фаун про себя сомневалась, распространится ли такой порядок на бывшего дозорного с сомнительным статусом и его спутников-фермеров, но когда они спешили во дворе перед конюшней, выяснилось, что ее здесь хорошо помнят как героиню-крестьянку, прикончившую Злого. Взволнованные конюхи обращались к ней по имени, а хозяйка постоялого двора рассыпалась в любезностях, когда они вошли внутрь. Даже еще приятнее для Фаун, чем немедленно предоставленные в их распоряжение лучшие комнаты, был ошарашенный вид Вита, когда он узнал, какой славой пользуется здесь его младшая сестра. Он даже не рискнул пошутить по этому поводу.

Путники отнесли свои седельные сумки наверх. По их просьбе Фаун и Дагу отвели ту же комнату, полную приятных воспоминаний, в которой они ночевали в прошлый раз. Еще лучше было то, что от комнаты Вита ее отделяла толстая дощатая дверь с надежным засовом, так что ночью Фаун с Дагом были бы избавлены от братьев, moskitov и прочих отвлечений. У Фаун оказался час до ужина, чтобы пробежаться по городу и поздороваться со всеми горожанами, с которыми она познакомилась прошлым летом: портнихами, горничными, поварами. Вит любезно сопровождал ее. Фаун не была уверена в том, кому с кем знакомство оказалось приятнее: некоторые молодые девушки стали строить Виту глазки, перепугав его так, что он сделался чрезвычайно вежливым. Впрочем, чары, которые он обратил на поварику Сэл, порождались исключительно интересом к ужину: она была замужней женщиной с выводком детей.

— Сэл позволяла мне сидя выполнять некоторые работы, пока я поправлялась и ждала Дага, заканчивавшего дела своего отряда, — объяснила брату Фаун, глубоко вдыхая соблазнительные запахи кухни постоялого двора. Котелки кипели, окорок поворачивался на вертеле, на столе остывали только что вынутые из печи пироги; судомойка решительно выставила из кухни полного надежд конюха: ему предстояло ждать, пока насытятся хозяева и постояльцы. — Я, должно быть, перечистила сотни стручков гороха, только это помогло мне тогда не лишиться рассудка.

— Ты сначала была такая бледная, — согласилась Сэл. — Думаю, моя стряпня помогла розам вернуться на твои щечки! — Она ущипнула Фаун за щеку, оставив на ней мучное пятно.

— Я тоже так думаю, — сказала Фаун, стряхивая муку и улыбаясь. — Твоя стряпня, ну и еще Даг.

Улыбка Сэл несколько увяла, и она бросила оценивающий взгляд на Вита.

— Значит, этот безрукий дозорный в конце концов благополучно довез тебя до дому?

Фаун кивнула.

— Мы не были так уж в нем уверены, — призналась Сэл. — Некоторые говорили, что

он приколдовал тебя, как, по слухам, умеют Стражи Озера. Правда, нужно признать: те, кого мы видим здесь, ведут себя обычно хорошо. Как они обходятся друг с другом — не наше дело.

Фаун подняла подбородок.

— Если уж и было какое-то колдовство, я бы сказала, что оно было взаимным. Мы ведь поженились.

— Не может быть! — пораженно ахнула Сэл.

Фаун показала на своего брата.

— Вит может подтвердить.

— Ага, — сказал Вит. — Они обменялись клятвами в гостиной нашего дома в Вест-Блю перед всей семьей и сделали запись в семейной книге... ну и все такое.

— Ох, голубушка... — Сэл заколебалась, тревожно глядя на Фаун. — Уж очень он странный парень, как и все дозорные... Хоть сразу и было видно, что он в тебя влюбился, только... Я лучше о нем думала. Разве вы двое не знаете, что Стражи Озера не признают браки с нами, простыми людьми? Боюсь, не одурачил ли он тебя, да и твою семью заодно.

— Нет, не одурачил, — ответила Фаун. — Мы одновременно поженились и по обычаю Стражей Озера — сплели и обменялись свадебной тесьмой, как и любая пара его соплеменников. Вот видишь? — Фаун показала на свое левое запястье, обвитое темной полоской, которую она встряхнула, чтобы заставить золотые бусины блеснуть и зазвенеть; Фаун хвасталась тесьмой уже третий или четвертый раз за вечер.

— Это она и есть? — с сомнением протянула Сэл. — Я видела похожие плетеные браслеты у некоторых дозорных, которые здесь бывали.

— Это свадебная тесьма, да.

— Выходит так, — сказал Вит, — что они поженились дважды. Не думаю, что Даг к тому времени стал бы мошенничать. Скажу одно: когда он завязывает узел, узел остается завязанным.

Глаза Сэл стали такими же круглыми, как и ее открытый рот.

— И его родичи согласились с этим?

Фаун вскинула голову.

— Не стану утверждать, что они были так уж счастливы, но никто не говорил, будто мы не женаты.

— Ну и дела!

В кухню заглядывали мальчишки-слуги, судомойки окликали Сэл, и ей пришлось отказаться от дальнейшего обсуждения такой замечательной сплетни ради приготовления ужина. Она выпроводила своих гостей за дверь с явным сожалением.

В коридоре, ведущем к столовой, Вит остановился и озадаченно посмотрел на сестру.

— Фаун...

— А?

— Так родичи Дага признали эти ваши браслеты, верно? Они не стали заявлять, что вы просто... э-э... сожительствуете?

Фаун понизила голос.

— По правде говоря, на этот счет было четыре или пять мнений. Кто-то признал их настоящими, кто-то счел подделкой... а были и такие, кому это было все равно, только они хотели любым способом от нас избавиться. Понимаешь, они спорили не только с Дагом, они спорили между собой. Мы вроде как этой тесьмой впустили кота на голубятню. Когда мы уехали, должно быть, споры поутихли. — Даг не хотел заставлять соплеменников принимать решение, опасаясь, что оно окажется решительным и категорическим «нет».

— Эти их правила — их принимает каждый лагерь по отдельности или они действуют сразу везде?

— Каждый лагерь сам по себе, но они сносятся друг с другом. Гонцы развозят сообщения отрядов, плюс письма от одного совета лагеря другому. Ну и еще личные письма... сплетен тоже хватает, как говорит Даг. Молодые дозорные переезжают из лагеря в

лагерь ради тренировки, лагеря обмениваются товарами. Иногда и старшие ездят в гости к родне. Так что есть способы обмениваться новостями. Стражи Озера не позволяют себе оказаться отрезанными друг от друга. — Фаун нахмурилась. — Я просто не представляю себе, как Даг будет обходиться без своих соплеменников. Для Стража Озера это неестественно. Они ужасно нас разозлили... но я и в самом деле не представляю...

— Хм-м... — только и ответил Вит.

Должно быть, Вит произвел хорошее впечатление на Сэл, потому что порции, появившиеся перед тремя путешественниками за ужином, были весьма щедрыми. Наевшись до отвала, Вит отправился на кухню говорить комплименты поварихе и служанкам и вернулся оттуда, полный планов ночных приключений в городе, однако Даг — как с благодарностью отметила Фаун — его образумил.

— День сегодня был долгий, — поддержала мужа Фаун. — Даг еще не выздоровел, знаешь ли. — Даг из-под опущенных век бросил на нее взгляд, в котором совершенно не замечалось сонливости, и получил улыбку в ответ.

— А, ладно, — проворчал Вит. — Да и ты сама сегодня не очень хорошо себя чувствовала... Завтра поразвлекусь. — Он утешился тем, что отправился в конюшню посмотреть на лошадей и поболтать с конюхами.

Даг и Фаун сразу отправились в постель, хотя и не спать. Вскоре Фаун сделала неожиданное и приятное открытие: призрачная рука Дага снова действовала — по крайней мере достаточно, чтобы проделать некоторые замечательные нескромные вещи... Мнение Фаун о целительнице, которая предсказала подобное развитие событий, существенно повысилось. Они, правда, услышали, как вернулся Вит, — главным образом благодаря тому, что тот постучал в стенку и пожелал им доброй ночи... Фаун хихикнула, когда Даг поднял голову и ответил Виту таким же пожеланием — очень любезно, учитывая, чем он в этот момент был занят.

* * *

На следующее утро после завтрака они отправились прогуляться по центру города, где отходящая от рыночной площади улочка привела их к речке, протекавшей мимо Глассфорджа к реке Грейс. Впадавшие в речку позади плотины ручьи обычно позволяли вращаться колесам нескольких мельниц, однако сейчас из-за сухой погоды — благословения для жнецов и путников — вода стояла так низко, что лишь легкие лодки могли перевозить вниз по течению товары, произведенные городскими ремесленниками. В осеннем воздухе стоял горький запах дыма от кузниц, пары домен, гончарных печей и, конечно, стекловарен, которыми был знаменит Глассфордж.

В одной из них, как Фаун и надеялась, они обнаружили Сассу Клея, одного из ее лучших друзей со времени приключения со Злым. Рыжеволосый Сасса тоже радостно их приветствовал и охотно познакомился с Витом. Он проявил утешительное мужское равнодушие к каким бы то ни было свадебным обычаям, но зато с увлечением принялся рассказывать о спросе на стеклянные изделия и с гордостью показал новичку Виту свою мастерскую. Сасса был ненамного старше Вита, и двое молодых людей сразу так подружились, что Фаун со спокойной душой отпустила после обеда брата к его новому приятелю, вернувшись вместе с Дагом в свою комнату, где бывший дозорный собирался, по его словам, вздремнуть. Это не было ложью: Фаун не сомневалась, что через некоторое время Даг и в самом деле уснет.

Впрочем, Фаун все же начала беспокоиться, когда Вит не явился к ужину, однако Даг рассудительно заметил, что Сасса прекрасно знает, где их найти, если в том возникнет необходимость, и Фаун успокоилась. Она даже попыталась уговорить мужа задержаться в Глассфордже на три дня вместо намеченных двух, но Даг придерживался мнения, что сухая погода вряд ли продержится еще долго; действительно, в ночном воздухе чувствовался холод, предвещавший перемену погоды.

Вит вернулся так поздно, что Фаун и Даг к тому времени уже спали. Фаун сквозь сон услышала, как Вит неуклюже возится в своей комнате, пытаясь ходить на цыпочках; потом его кровать закричала под весом тела, и Фаун, успокоенная, снова свернулась калачиком под боком Дага.

* * *

У нее снова появился повод для беспокойства, когда по утреннему морозцу она пошла в конюшню, чтобы попросить конюха оседлать Варп и Вефт — Копперхеда Даг должен был оседлать сам, — и обнаружила, что пара лошадок отсутствует. Отсутствовал, как выяснила Фаун, заглянув в его комнату, и Вит. Паника Фаун немного утихла, когда она обнаружила седельные сумки Вита все еще сваленными у его постели. Спускаясь по лестнице, Фаун размышляла о том, следует ли ей попросить Дага поискать Вита с помощью Дара, но тут ее братец ввалился через ведущую к конюшне дверь.

— Где ты был? — взволнованно спросила Фаун. — И где лошади?

— Продал их, — самодовольно сообщил Вит.

— Что? Нам еще два дня ехать!

— Знаю. Я все устроил. — В ответ на скептический взгляд Фаун Вит с оскорбленным видом добавил: — Я продал Варп и Вефт хозяину Сассы. Он дал за них хорошую цену.

— Я думала, ты собрался подрядиться возить уголь. По пути домой, — многозначительно сказала Фаун.

— Ну да... Только конюшня при стекловарне понравилась мне больше. Там чище, понимаешь ли. К тому же учти: при перевозке стекла лошадок не гонят и не перегружают, они вроде как будут прогуливаться налегке. — Вит с довольным видом кивнул, представив себе легкую жизнь своей упряжки.

Этот довод не мог не подействовать на Фаун, но она все равно в растерянности запустила пальцы в волосы.

— Да, но... как, по-твоему, мы теперь доберемся до реки? Нагрузим все сумки на Копперхеда, а сами пойдем пешком?

— Нет! Не говори глупостей! Я договорился. Хозяин Сассы отправляет два фургона с товаром к переправе у Серебряных Перекатов. Я буду помогать возницам и грузчикам, а тебя повезут бесплатно. Даг может ехать рядом на Копперхеде.

Фаун несколько растерялась, узнав о новых обстоятельствах.

— Так что — ты собираешься вернуться в Глассфорддж и работать возницей на стекловарне?

Вит пожал плечами.

— У них вроде как достаточно парней для этого. Не знаю. Только вам с Дагом нужно поторопиться: фургоны уже нагружены и готовы в дорогу. Хозяин хочет пораньше их отправить, чтобы захватить светлое время — дни-то стали короче.

Так и получилось, что Фаун, вместо неспешного завтрака, пришлось жевать хлеб с сыром на ходу и торопливо прощаться со знакомцами на постоялом дворе. Даг, как многоопытный дозорный, с легкостью собрался в дорогу, несмотря на неожиданность такого поворота событий, хотя и не позволил торопить себя во время бритья. Седельные сумки были просто перекинута через седло Копперхеда — мерину предстояло нести их только до стекловарни. Там Фаун устроилась на груди ящиков с упакованной в солому посудой в фургоне, и путники выехали по дороге на юг из Глассфордджа еще до того, как утреннее солнце растопило иней на сорняках по обочинам.

Они миновали карьер, где добывался мелкий белый песок — основа производства, которым был знаменит город. Судя по тому, как были нагружены телеги, направлявшиеся отсюда в Глассфорддж, Фаун заключила, что Варп и Вефт предстоит более тяжелая работа, чем предполагал Вит, хотя в данный момент лошадки были запряжены в тот самый фургон, на котором ехала Фаун, — на пробу, как она предположила. Может быть, и Вит тоже

проходил испытание на предмет будущей работы? Передним фургоном их маленького каравана правил седой возница по имени Мейп, не торопивший лошадей, как и мечтал о том Вит, что, впрочем, заставило Фаун задуматься: сколько же времени потребуется им, чтобы добраться до переправы? На козлах рядом с возницей сидел тощий паренек по имени Хог, который должен был помогать с лошадьми и с разгрузкой, — как и Вит. Четверкой коней, тянувших тот фургон, в котором сидела Фаун, правил спокойный пожилой человек по имени Таннер, и Фаун скоро узнала, что он — родственник хозяина стекловарни и у него в Глассфордже остались жена и дети.

Бесконечные вопросы Вита о производстве стекла скоро избавили путников от стеснительности. Фаун передвинулась вперед, чтобы лучше слышать Таннера; Даг ехал рядом, такой молчаливый и погруженный в себя, что можно было и не заметить, что он тоже прислушивается. Когда любопытство Вита оказалось утолено, Таннер, оглянувшись через плечо, стал расспрашивать Фаун о том Злом, которого они с Дагом уничтожили летом. Фаун удивленно заморгала, сначала из-за того, что вопросы явно давно вертелись на языке возницы и он не сразу решился их задать, а потом с трудом поверив в то, что кому-то приходится собраться с духом, чтобы с ней заговорить. Однако она спокойно отвечала Таннеру в упрощенном варианте; потом, бросив взгляд на Дага, столь же упрощенно поведала о том, как действует разделяющий нож. Это заставило Таннера разинуть рот и поднять брови; он искоса взглянул на Дага, но напрямую обратиться к нему не решился. Вит включился в разговор и красочно описал пустошь, тоном коммивояжера добавив в конце рекомендацию там побывать.

— Пожалуй, стоит посмотреть, — ответил Таннер, изумленно качая головой. — Никто из моей семьи тогда не пострадал, как родичи бедняги Сассы, но уж слышал-то я достаточно — не считая самого главного. Теперь мне все стало понятнее. Надеюсь, вы не обиделись на мои вопросы. Я не хотел задавать их при Мейпе, — он кивнул в сторону седого возницы переднего фургона, который ничего не мог слышать и из-за расстояния, и из-за стука колес, — потому что в той заварушке погиб племянник его жены и он переживает.

— Мне очень жаль, — сказала Фаун.

— У него что, Злой вырвал Дар? — с людоедским интересом спросил Вит.

Таннер угрюмо покачал головой.

— Думаю, так было бы легче... в конце концов. Он был из тех, кого захватили разбойники и заставили присоединиться к шайке. Потом было тяжелое время — поди-ка разберись, кто был настоящим разбойником, а кого заколдовало зловредное привидение. Ну и дело кончилось тем, что местных простили, а чужаков по большей части повесили, что, на мой взгляд, было не очень-то правильно. Только племянника Мейпа сразу убили дозорные, когда сражались с разбойниками. Это, может, и избавило семью от позора, да только жена Мейпа смотрит на вещи иначе.

— Ох... — выдохнул Вит.

Фаун сглотнула.

— Он случайно не был белобрысым парнем?

— Нет, он был черноволосый.

Фаун с тайным облегчением перевела дух. Значит, это не тот разбойник, которого Даг застрелил у нее на глазах, — уж его-то он точно избавил от петли. Лицо ехавшего рядом с фургоном Дага стало еще более неподвижным, и до Фаун дошло, что тот насильник, возможно, был не единственным, чьей гнусной карьере Даг лично положил конец. Накануне ночью, как ей было известно, он участвовал в нападении на лагерь разбойников — поэтому он и преследовал ее похитителей. У него оставалось мало стрел... некоторые, должно быть, нашли свои жертвы.

— Спасибо, что предупредил, — сказала Фаун Таннеру. — Мне не хотелось бы задеть чьи-то чувства. — Возница понимающе кивнул. Глянув на тощего парня, понуро сидевшего рядом с Мейпом, свесив руки между колен, Фаун спросила: — А как насчет Хога? Он тоже пострадал?

— Нет, он тогда слишком много сидел дома. — После длинной паузы Таннер добавил: — Хог малость недотепа, если хотите знать мое мнение. Он сирота и жил со старшей сестрой, пока ее муж не выкинул его вон за лень... и за воровство, по его словам. Сасса Клей пожалел парнишку и приставил его присматривать за лошадьми на конюшне. Это он и делает — исправно, нужно признать, хоть мы его все время и находим спящим в соломе.

— Он что, учиться управлять упряжкой? — спросила Фаун, предположив, что Хог может оказаться соперником Виту в занятии желанной должности.

— Трудно сказать. Он не слишком-то сообразителен. Уж Мейп-то точно не позволит ему взять в руки вожжи. — Таннер понизил голос. — Не скажу, что мальчишка совсем испорченный, да только насчет воровства — все правда. Я сам видел... Пока вроде ворует только еду. Желушка Сассы иногда подкармливает его, да только его это не останавливает. Боюсь, он как-нибудь попадется на чем-нибудь крупном и влипнет в неприятности. Так что... э-э... присматривайте за своими сумками.

Фаун было трудно определить, сказал ли Таннер это в их интересах или в интересах Хога.

Действительно, когда они остановились, чтобы поесть самим и напоить и накормить коней, Фаун показалось, что тщедушный парень немногочего стоит. Его тусклые волосы были грязными и нуждались в стрижке, кожа выглядела нечистой, зубы — плохими, и двигался он, постоянно сутулясь. Хог был настолько косноязычен, что мог показаться немым; попытка Фаун сказать ему пару дружелюбных слов повергла его в полную растерянность. Дага парень явно боялся и старался держаться от него подальше. Фаун даже усомнилась, что Хог — его настоящее имя.

Вит растерялся, когда выяснилось, что хозяин не позаботился о провизии для возниц и грузчиков, так что те должны были сами обеспечивать себе пропитание, — такая маленькая деталь ускользнула от его внимания, когда он договаривался о поездке. Фаун в утренней суете тоже упустила это из виду. Даг позволил им обоим посокрушаться, прежде чем спокойно вытащить из сумки сверток, приготовленный Сэл, пока он брился. Даг не то чтобы обращался со спутниками сухо, но не торопился и заставил Вита униженно попросить свою порцию. Как раз такой урок, подумала Фаун, благодаря которому ни один из них не совершит подобной ошибки в будущем.

* * *

Даг с удовольствием наблюдал, как Фаун и Вит разглядывают южные окрестности Глассфорджа — местность, давно знакомую ему самому, которую ни один из них раньше не видел. Впрочем, в этих местах Даг не бывал уже несколько лет. Вит то и дело спрашивал, не горы ли те поросшие яркой растительностью холмы, что поднимались по обеим сторонам дороги, и Дагу приходилось его разочаровывать. Правда, собственное определение Дагом горы относилось ко всему, при падении откуда можно сломать шею и, таким образом, включало любую вершину от десяти до тысячи футов высотой; с этой точки зрения достаточно крутые холмы тоже могли претендовать на подобное название. Местность становилась все менее обжитой, придорожные хутора встречались все реже.

Темнота застала путников в нескольких милях от той деревни, где обычно останавливались на этом маршруте возницы; Мейп принялся ворчать, что во всем виновата задержка с отправлением; более терпимый Таннер отнес эту неудачу за счет укоротившегося дня. Все вытащили свои припасы и поужинали, запивая еду водой из ручья, переправа через который и заставила караван остановиться. Возницы принялись совещаться, дать ли отдых лошадям и медленно ехать дальше при свете фонарей или остаться у ручья и улечься спать под фургонами. Дождя не ожидалось, но холодок, которым тянуло из долин между холмами, вызвал всеобщее одобрение плану продвижения с фонарем; Вит тут же предложил Дагу ехать впереди, повесив фонарь на крюк, — эта идея заставила Фаун поморщиться. Перспектива ехать с фонарем, из которого капало масло, на капризном Копперхеде, усталом

и раздраженном после дневного перехода, заставила Дага просто сказать: «Я подумаю».

Даг прошелся вдоль ручья, разминая затекшие мускулы, уселся, прислонившись к стволу каштана, вытянул ноги и огляделся с помощью Дара. Он весь день держал его закрытым в присутствии незнакомых людей с их непредсказуемыми крестьянскими эмоциями. Может быть, сегодня ночью он сможет видеть на две сотни шагов? Даг все еще чувствовал себя полуслепым. Сняв с Копперхеда уздечку и ослабив подпругу, он отправил его пастись под легким контролем Дара. В сгустившихся сумерках Даг лучше слышал коня, чем видел, однако для его Дара Копперхед был давним знакомцем, сиявшим ровным светом, более ярким, чем даже этот парнишка Хог. Тот отходил облегчиться в кусты и теперь возвращался, держась в тени и подбираясь к Копперхеду...

Даг насторожился, хоть и не открыл глаз. Уж не собрался ли этот придурок порыться в седельных сумках? Даг задумался о своей ответственности. Хог не был молодым дозорным из его отряда; и если уж парню следовало преподать хороший урок, лучше было сделать это не откладывая, и лучше Дагу, чем кому-то другому. Сцена будет, конечно, неприятной, но поможет Хогу избежать худших бед в будущем. Даг перестал контролировать Копперхеда и предоставил событиям идти своим чередом.

Даг ожидал услышать яростный визг начавшего брыкаться коня, но чего совсем не ожидал, так это глухого Удара и стоны, громкого, полного муки и бесконечного.

«Проклятие, что?..»

Даг во всю ширь распахнул свой Дар, но отшатнулся, когда на него обрушилась раскаленная волна боли. Судорожно втянув воздух, он вскочил на ноги.

Мимо него пробежали двое возниц; за ними мчался Вит, выкрикивая предостережения насчет Копперхеда, который фыркал и взбрыкивал. Следом показалась Фаун, которой хватило сообразительности захватить фонарь. Стараясь не хромать, Даг двинулся за остальными.

Хог валялся на земле, перекатываясь с боку на бок, обхватив колено и продолжая стонать. Его пошедшее пятнами и покрытое холодным потом лицо было искажено болью. И не удивительно... По несчастью подкованное копыто Копперхеда угодило парню по коленной чашечке, раздробив кость и размозжив плоть.

«Проклятие, проклятие, проклятие...»

— Что случилось? — выдохнул Таннер.

— Конь лягнул его, когда он собрался пошарить в моих седельных сумках, — сказал Даг. При этих словах Фаун встревоженно снизу вверх глянула на мужа: «Ты знал?» Это обстоятельство им предстояло обсудить позже. Даг двинулся вперед...

... И обнаружил, что дорогу ему загораживает седой и весьма широкоплечий Мейп.

— Не вздумай трогать его, Страж Озера!

Вит и Таннер опустились рядом с Хогом на колени, безуспешно пытаясь успокоить парня, который колотил кулаками по земле и продолжал вопить.

Даг разжал стиснутые зубы и сказал Мейпу:

— У меня есть некоторый опыт в первой помощи.

— Пропусти его! — крикнула Фаун, и в тот же момент Вит позвал:

— Даг, помоги!

Мейп неохотно уступил дорогу.

— Фаун, разожги костер — нам потребуется и тепло, и свет, — сквозь зубы распорядился Даг.

Фаун, не говоря ни слова, кинулась к охапке хвороста. Даг наклонился над правым коленом Хога и вытянул обе руки — настоящую и призрачную — над местом увечья.

«Отсутствующие боги, не следовало бы мне и пытаться...»

Быстрое уравнивание Дара, чтобы остановить внутреннее кровотечение — сустав уже распух и натягивал ткань штанов Хога — и чтобы успокоить горящие нервы... Правое колено Дага откликнулось болью. Даг стиснул зубы и постарался не обращать внимания на порожденное Даром эхо. Хог перестал вопить и только ловил ртом воздух, тараща на Дага

безумные глаза.

Через несколько минут, показавшихся бесконечными, мужчины уложили Хога на одеяло у костра и сняли с него штаны; парень пытался помешать этой процедуре и снова начал стонать, хотя Даг и не мог бы сказать — от боли или от стыда. Трусов у Хога не имелось, и Таннер прикрыл его одеялом. Все четыре нашедшихся у возниц фонаря и яркое пламя разожженного Фаун костра бросали золотой свет на устрашающую картину: колено распухло и посинело, под натянувшейся блестящей кожей уже собралась кровь. Обломки кости натягивали кожу изнутри, и каждый раз, когда Хога передергивало, грозили прорвать ее.

— Ты можешь что-нибудь сделать, Страж Озера? — спросил Таннер.

— Конечно, может! — отважно заявил Вит. — Я сам видел, как он восстановил разбитую чашу!

— Дело плохо, — сообщил Даг. — Коленная чашечка расколота на шесть частей и одно сухожилие почти разорвано. Тут не обойтись наложением шины и покоем.

«Мне и думать не следует о лечении без другого целителя, который страховал бы меня от захвата Дара или еще чего похуже. Недаром ведь целители всегда работают парами».

Сорок миль до ближайшего лагеря дозорных — по дороге до переправы; сорок миль обратно... Даже Копперхеду такое не по силам, да и согласится ли настоящий целитель отправиться помогать пострадавшему крестьянину — обстоятельство настолько невероятное, что, случись оно, вошло бы в историю...

— Он чего, собирается отрезать мне ногу? — всхлипнул Хог. — Не давайте ему меня резать! Не смогу работать, никто не даст мне денег, да и вернуться не могу — Хоппер прибьет меня, если я вернусь...

«Хоппер? Ах, его брат по шатру... Зять, — поправил себя Даг. — Ну и братец...»

— Больно, — скулил Хог.

Никто в этом не сомневался.

— Даг... — тихо и неуверенно пробормотала Фаун. — Можешь ты... что-нибудь сделать? — Она незаметно показала на его левую руку. — Поработать Даром...

Простого подкрепления Дара тут было бы недостаточно, да и — отсутствующие боги! — Даг совсем не знал парнишку, чтобы суметь найти тонкие подходы к его телу и к его Дару. Он посмотрел в огромные, темные, испуганные и доверчивые глаза Фаун и сглотнул.

— Я попытаюсь, — сказал он.

Скрестив ноги, он уселся рядом с правым коленом Хога, распрямил спину, ответившую скрипом, и снова наклонился над пострадавшим. Таннер и Мейп, стоя на коленях по обе стороны страдальца, со страхом смотрели на Дага.

— Сильно ли нужно его прижать к земле? — спросил Таннер.

— Не сунуть ли ему в зубы кожаный ремень, чтобы он его грыз? — поинтересовался Мейп.

«Проклятие, я же не какой-то деревенский костоправ, собравшийся ампутировать ногу!» Даг покачал головой.

— Тут все работает не так. — То есть если вообще сработает. Даг вытянул правую руку и левую... вид его бесполезного крюка неожиданно разозлил его, и он снял и отбросил протез. Попробовать еще раз... Правая рука над левой... культей.

«Ну давай, ну давай, ты, проклятый призрак, вылезай...»

Хог скулил, глядя на Дага в безумном ужасе. Его страх накатывал на Дага горячими волнами.

«Мне придется открыть Дар перед этим несчастным бедолагой...»

Один вдох, два, три... дыхание Хога замедлилось, а Дага — участилось, пока грудь того и другого не стала подыматься и опускаться в унисон. Правая рука над левой... успокаивая, поглаживая... и вдруг невидимая призрачная рука медленно начала проникать в растерзанную плоть, нащупывая ее взбаламученный Дар.

Даг ухватил Дар разбитой кости. Его телесная рука протянулась к здоровому колену, чтобы вобрать в себя пение его целостности. Вот так. Да, вот так.

«Продолжай петь...»

Даг начал напевать, совсем не музыкально, однако это помогало... Куски кости дрогнули и стали сползаться под натянутой кожей.

Это было совсем не так просто, как соединять части чаши, однородные и сплошные; живые структуры содержали в себе другие структуры, те — еще и еще... глубже и глубже. Но этот обломок мог соединиться с тем, порванный кровеносный сосуд находил свою пару и осторожно и мягко соединялся с ней... минута за минутой, фрагмент за фрагментом. Дар Дага полностью сосредоточился на этой мозаике; мир за пределами кожи их тел мог расколоться с тысячью громов, и Даг ничего не заметил бы. Вот этот сосудик, вот этот осколок, и еще, и еще... Вот поэтому-то целители и работали с напарниками, когда требовалась такая глубокая сосредоточенность. Кто-то, страховавший снаружи, должен был разрушить чары. Иначе можно было скользить все глубже и глубже и никогда не вернуться обратно.

«Всего сделать я не могу. Нужно остановиться, пока мой Дар не иссяк. Я починил и связал кое-что, и нужно позволить дальше всему заживать самому по себе — так делают и настоящие целители. Выберишься, старый дозорный, пока можешь».

Даг думал, что ничего нет труднее, чем уравнивать свой Дар с Даром Хога, пока не начал высвобождаться. Он почувствовал, как поднимается грудь парня, и целенаправленно разрушил одинаковый с ним ритм дыхания.

«Отпусти его, старый дозорный. Выберишься, пока не искалечил себя, дурака. Хватит».

Открыв глаза, Даг заморгал от света фонарей и костра; да, ему повезло, и Дар его не оказался захвачен...

«Ох, перенапрягся я, наверняка перенапрягся...»

Даг сделал долгий, долгий вдох и наконец почувствовал свое собственное тело.

Без особой радости.

Его бил озноб, хоть Фаун и закутала его в три одеяла; она принесла и поставила ему на колени тазик, предвидя, что желудок его взбунтуется, и поднесла к его холодным, как глина, губам кружку с горячей водой. Даг с благодарностью сделал несколько глотков, пролив совсем немного. Горячая жидкость встретила с его двинувшимся вверх обедом и уговорила его вернуться; больше желудок Дага не бунтовал.

— Г-гах, — выдохнул Даг.

— Не пытайся говорить, — распорядилась Фаун и через плечо объяснила кому-то: — Так было и в прошлый раз: он похолодел, и его затошнило, но через некоторое время все пройдет. — Тревожный взгляд Фаун добавил: «Я надеюсь».

Голос наконец вернулся к Дагу, и он пробормотал:

— Фаун, Вит, найдите две крепкие дощечки и что-нибудь, чтобы их привязать — полоску ткани или еще что. Заключите ногу Хога в шины с двух сторон — привяжите выше и ниже колена, крепко, но не туго. Пусть не сгибает ногу и не опирается на нее. Она еще долго будет распухшей, ей еще долго заживать. Одеяла... нужно держать его в тепле. Ходить он пока не сможет.

— Так он будет ходить? — спросил кто-то голосом, в котором мешались благоговение и недоверие.

— Ну, сегодня — нет. И утром его лучше отнести в фургон. Позже, наверное, он сможет пользоваться моей палкой. — Только не завтра; завтра она потребуется самому Дагу... Он наклонился ближе к мигающему оранжевому сиянию и жалобно попросил: — Нельзя ли подбросить дров?

На угли тут же легли дрова, полетели искры, взвились язычки огня... значит, какой-то бездельник-бог все же услышал его молитву. Только через десять минут Даг перестал дрожать.

— Не прилечь ли тебе? — с беспокойством спросила Фаун, опускаясь на колени с ним

рядом. — Не съешь чего-нибудь?

Даг покачал головой.

— Не сейчас. Я еще не кончил. С парнем еще что-то не так. Я почувствовал, когда был внутри...

Брови Фаун поползли вверх, но она ничего не сказала. Даг наклонился вперед и стянул одеяло с живота Хога. Парень широко открыл глаза и тихо заскулил, однако руки по-прежнему прижимал к бокам. Даг своей культей сделал круг над напряженным животом. Да, вот тут...

— Копперхед его и в живот лягнул? — спросила Фаун. — Не вижу никаких отметин...

Даг снова покачал головой.

— Нет. Тут старые неприятности. Парень таскает в себе скверную тварь — солитера.

Фаун отшатнулась, скривив губы.

— Фу!

Дагу приходилось иметь дело с москитами, блохами, вшами, но ни с чем более сходным с этим внутренним паразитом, чем клещи, которых он с легкостью уничтожал, он не сталкивался. Всех тех мучителей можно было уговорить или попросту отшвырнуть. Они не шли ни в какое сравнение с этим...

— Он крепко в него вцепился. — Даг взглянул на Хога. — Эй, парень, схватывало у тебя живот?

Хог испуганно кивнул, потом огляделся, словно боясь, что признался в чем-то, в чем признаваться не следовало. Таннер и Мейп подошли поближе и стояли, наблюдая и прислушиваясь.

— Ага! А кровь бывала? — продолжал Даг. — Ты иногда не какаешь с кровью?

Хог снова неохотно кивнул.

— Ты кому-нибудь об этом рассказывал?

Парень решительно замотал головой.

— А почему нет?

После долгой паузы Хог буркнул:

— Не знаю.

— Боялся? — более мягко поинтересовался Даг.

Молчание, потом шепот:

— Кому я рассказать-то мог?

Даг нахмурил брови.

— Все время голодный, даже когда еды полно, слабый и усталый... и еще кровь... Не нужен, знаешь ли, целитель — Страж Озера, чтобы угадать солитера. Нужно просто, чтобы кто-нибудь заметил...

— Он не вороват, — сказала Фаун. — Он голодал.

Таннер смутился, и Мейп, к удивлению Дага, смутился еще больше.

Культия Дага описала еще один круг.

— По всем признакам парень кормит эту зверюшку уже год, а то и больше. Давно ты недомогаешь, Хог?

Парень пожал плечами.

— Я всегда недомогаю, только обычно из-за носа. Живот начал временами побаливать прошлый год в это же время.

— Угу... — протянул Даг.

— Ты можешь его от этого избавить? — спросила Фаун. — Ох, пожалуйста! Такая гадость...

— Может быть. Дай-ка мне минутку подумать.

О том, чтобы вырвать у твари Дар, не могло быть и речи. Солитер был гораздо больше любого москита, да и сама мысль о поглощении Дара паразита вызывала тошноту, даже если со временем собственный Дар Дага и переварил бы чужака. Даг попробовал выгнать солитера, но безуспешно: червь от природы не был способен передвигаться. Кроме того,

нужно было не просто удалить паразита; требовалось его умертвить, чтобы лишить возможности размножаться.

Так что же... если подкрепление пострадавшего Дара заставляет плоть исцеляться, то его ослабление может?... Проклятая тварь была большой для своего ограниченного мирка, но по сравнению с человеком маленькой. Так что и нужно-то совсем немного разрушить Дар. Нажать тут, перекрутить там... вывернуть наизнанку — вот так! Даг почувствовал, как голова гадины лопнула и как потекла кровь оттуда, где она присасывалась к Хогу. Даг перекрыл мелкие сосуды в кишечнике Хога, чтобы ранка могла затянуться, потом снова ухватил тонкое тело солитера и принялся уничтожать сегмент за сегментом. У Дага возникло странное ощущение: будто он перекручивает веревку... призрачной рукой, внутри чужого тела...

«Мне совсем не хочется думать о том, что я там делаю».

Однако паразит умирал, и Дагу удалось не позволить его извивающемуся, бьющемуся Дару прилипнуть к его собственному.

Хог подозрительно хмыкнул и зашевелился. Фаун тут же прижала одну его руку к земле и ободряюще улыбнулась. Вит закусил губу, чтобы не рассмеяться, и Хог в конце концов робко улыбнулся им в ответ. Больше он не пытался помешать Дагу.

— Готово, — наконец прошептал Даг и выпрямился, баюкая левую руку правой. Его измученный Дар поблек, и ему показалось, что призрачная рука истает, как туман.

«Отсутствующие боги, ну и погано же я себя чувствую...»

Дагу казалось, что теперь его Дар не распространится и на десять шагов, а то и десять дюймов. Что ж, по крайней мере ему удалось благополучно избавиться от Дара мерзкого паразита.

«Вот и пересчитай свои удачи, старый дозорный. Одна есть».

В следующий раз он отправит страдальца в лавку травника за обычным снадобьем от глистов — такой курс лечения, как он подозревал, предпочел бы и опытный целитель из Стражей Озера. Даг знал, что те приберегали свои дорогостоящие услуги для серьезных случаев вроде опухолей. Еще больше, чем раньше, он пожалел о том, что отклонил предложение Хохарии о настоящем обучении: тогда бы он знал, что делать, а не блуждал в потемках. Однако Хохария не пожелала учить и его крестьянку-жену.

«Что ж, перемелется — мука будет».

Таннер и Вит устроили Хога на ночлег. Даг перетащил свою подстилку на другую сторону костра, подальше от своего неаппетитного пациента... жертвы... ну, кем бы он ни был. Он предпочел бы отодвинуться и подальше, но уж очень не хотелось лишиться тепла. Хог, измученный шоком и лишившийся сил, после того как боль отступила, заснул почти сразу. Даг, не менее измученный, уснуть не мог.

Пока Фаун, Вит и Таннер занимались лошадьми, Мейп подошел к Дагу и опустился на корточки. Помолчав, он буркнул:

— Я и не догадывался, что он болен. Просто считал его лентяем.

— Я тоже не сразу понял. — Дага сбили с толку рассказы Таннера, да, но ведь стоило приоткрыть Дар, и он бы во всем разобрался...

— Я пару раз побил его, когда он спал, вместо того чтобы работать, — добавил Мейп. Голос его был тихим и невыразительным — как раз таким, каким делают признания в темноте, когда тебя никто не видит. — Я вот что хочу сказать... Спасибо тебе, Страж Озера.

— Колено у него заживет недели через две, если парень даст себе отдых. Что касается другого... вы начнете видеть разницу дня через два, мне кажется. — Даг мог тем и ограничиться и больше ничего не объяснять, соблазн был велик. «Ох, проклятие...» — Я исправлял собственную оплошность. Я увидел, как он подкрадывается к моим седельным сумкам, и подумал, что позволю Копперхеду преподать ему урок. Вместо этого урок получил я. Не могу сказать, чтобы испытал от этого удовольствие.

— Угу, — согласился Мейп. — Вот и я тоже... — Он кивнул и поднялся. Теперь он вел себя хоть и не по-дружески, но все же по крайней мере с признательностью. Скоро Мейп

растворился в темноте.

Когда наконец Фаун улеглась с ним рядом, Даг прижал ее к себе, как иногда Фаун прижимала к животу нагретый завернутый в тряпку кирпич, чтобы унять боль. Даг держал ее крепко. Это помогло.

* * *

Утром Хога уложили в фургон Мейпа, а Вит занял его место на облучке рядом с возницей. Рядом с Таннером теперь ехала Фаун. Даг перенес свою подстилку, седло и сумки во второй фургон и улегся там. Копперхед, необычно тихий, бежал рядом с караваном; Фаун предположила, что Даг снова держит его под загадочным контролем Дара. Даг, казалось, дремал на солнышке, но Фаун видела, что он не спит. Это ее тревожило: слишком свежи были воспоминания о той глубокой усталости, которая охватила его после Гринспринга. Возчики из Глассфорджа не обращали на это внимания, но Вит, знакомый с обычной для Дага неумемной энергией, не раз бросал через плечо обеспокоенные взгляды.

Вит, по крайней мере, взялся ухаживать за Хогом на остановках. Хог в основном помалкивал, но при любой возможности тарасился на Дага со смесью тревоги и зачарованности. Таннер и Мейп обращались с парнем мягко, но это только приводило его в растерянность, словно доброта была приманкой в ловушке, куда он боялся попасть.

Даг весь день был молчалив. На следующую ночь они остановились в амбаре, который сдавал путешественникам хозяин придорожной фермы. Это был, конечно, не постоянный двор, но все же амбар предоставлял больший комфорт, чем ночевка под открытым небом на холодной земле. На следующее утро Фаун с облегчением увидела, что пришедший в себя Даг оседлал Копперхеда для последней части маршрута.

К полудню упряжки достигли пологого склона, поднимавшегося к поросшим лесом холмам. Даг, ехавший рядом с фургоном, предложил Фаун: «Залезай на коня». Фаун заметила на его лице ту полуулыбку, которая обычно говорила о его желании чем-нибудь ее удивить, так что встала на облучке, взмахнула руками, восстанавливая равновесие, и перекинула ногу через конскую спину, очутившись позади Дага. Как только она надежно уселась, Даг пустил Копперхеда той рысью, которой обычно ездили дозорные в походе, и они обогнали фургоны с такой легкостью, словно те стояли на месте. На вершине холма Даг велел Фаун спешиться и спешился сам. Взяв жену за руку, он вывел ее на обочину дороги.

Перед ними в голубом и золотистом осеннем свете раскинулась долина реки Грейс. Река, казалось, надела свое праздничное платье: ее берега и сбегаящие к ней холмы были расцвечены самыми яркими красками — пурпурной и ржаво-красной, сияющей желтой и буро-коричневой. Вода отражала голубизну неба, а в тех местах, где были перекааты, блестела серебром — это было ожерелье, надетое рекой к нарядному платью. Имелись на нем и брошки — по воде скользили суда: быстрые парусные, неторопливый широкий паром, целая череда барж у дальнего берега. Фаун еле заметила, как до них с пыхтением добрался Вит, покинувший фургон, чтобы полюбоваться видом. Она смотрела на Дага. Фаун не была уверена, что он видит перед собой только речную долину; возможно, его глазам предстало и что-то еще... Так или иначе, выражение его лица отражало ее радость, разделенная радость возвращалась к ней и от нее снова к нему...

— Ох... — сказал Вит голосом, какого Фаун от него никогда не слышала. Удивленно оглянувшись на него, Фаун увидела, что рот брата раскрылся. «Это от изумления», — подумала она, хотя Вита вполне можно было принять за человека, получившего удар в солнечное сплетение. — Посмотри только на те лодки... Посмотри! — хотя было ясно, что Вит забыл, что у него есть слушатели. — Ну и большая река! Даже наполовину пересохла, она все равно больше любой реки, какую я видел. Она как дорога... Огромная-преогромная дорога из одной тайны в другую... — Вит повернулся к излучине реки, словно танцор, вращающий свою даму. — Она похожа... похожа... похожа на самую лучшую дорогу в мире! — Вит быстро заморгал; его глаза блестели.

Нет, не блестили. Были мокрыми.

5

Сидя на Копперхеде, Даг старался держаться как можно ближе ко второму фургону, когда караван повернул на вершине холма и начал спускаться в долину. Сидевшая рядом с Таннером Фаун напряженно смотрела вперед, готовая в любой момент по команде возницы навалиться на тормоз. В переднем фургоне выполнявший те же обязанности Вит то и дело высовывался, чтобы посмотреть на реку. Даг проследил за его взглядом.

В полумиле вверх по течению сквозь полуоблетевшие листья на лесистом склоне холма виднелись крыши шатров — Фаун назвала бы их хижинами — лагеря Жемчужная Стремнина. На другом берегу напротив лагеря рядом с устьем ручья располагалась Опоссумья Пристань — ровный участок берега, куда причаливал паром и где традиционно товары перегружались с повозок, прибывших по большаку, на речные суда, и наоборот. По склону холма от берега поднималось больше крестьянских домов, чем Даг видел в последний раз, когда бывал здесь, и больше складских помещений для хранения товаров.

Восемь барж и плоскодонка были привязаны к деревьям у топкого противоположного берега в ожидании подъема воды, который позволил бы преодолеть перекаты. Дагу предоставлялся хороший выбор, однако в случае неожиданного сильного ливня в верховьях все эти суда могли отчалить в течение часа. Впрочем, пока еще уровень реки понижался, судя и по широким полосам грязи вдоль берегов, и по тому, что две баржи, непредусмотрительно привязанные слишком близко к берегу, застряли носами в высыхающей глине. Даже паром оказался сидящим на мели.

Даг повернулся в седле и оглянулся через плечо. На их берегу в полумиле ниже сверкающих на солнце перекатов, там, где река делала еще один поворот, находился крестьянский хутор Жемчужная Излучина, где тоже имелась пристань с паромом. Торговцы предпочитали оставлять там тяжелые грузы до отправки к Жемчужной Стремнине, а баржи загружать, когда они уже преодолеют опасный участок реки. Именно туда и должны были доставить большую часть товара возчики из Глассфорджа. Жемчужная Излучина тоже могла похвастаться большим числом домов, чем помнил Даг; она теперь стала практически деревней.

Предусмотрительные возчики, заботясь о своем хрупком грузе, остановили фургоны на широкой площадке, где можно было разъехаться со встречными. Вверх по холму по двое в ряд поднимались всадники — по-видимому, отряд дозорных из лагеря Жемчужная Стремнина. Дюжина мужчин, вдвое меньше женщин — обычное подразделение. Даг поставил Копперхеда позади фургона Таннера и, прищурившись, глянул на дорогу. Вместо того чтобы, поддавшись первому импульсу, широко распахнуть свой Дар, он его закрыл. Видеть можно и глазами.

Еще только отправляются в поход, решил Даг, когда всадники стали цепочкой объезжать фургоны — у них был слишком опрятный и отдохнувший вид, чтобы было иначе. Даг подавил обычный для командира порыв проверить состояние оружия, а также каждого коня и каждого всадника. Это больше не его дело...

Командир отряда, едва удостоивший взглядом фургоны, оживился, увидев Дага, и направил к нему своего коня. Даг слегка приоткрыл Дар, только чтобы не позволить Копперхеду лягнуть незнакомого коня.

— Гонец? — спросил командир отряда, подтянутый пожилой дозорный с проницательным взглядом.

Понятно: почему бы иначе Страж Озера ехал один, а если новости, которые мог нести Даг, оказались бы плохими, отряду, возможно, следовало бы заняться более срочным делом, чем обычный дозор. Командир явно не связывал Дага, одетого, как Страж Озера, на боевом коне, с теми крестьянскими фургонами, с которыми пришлось разминуться его отряду.

Даг поднес руку к виску в вежливом приветствии, но ответил:

— Нет, сэр. Просто еду мимо.

Дозорный вздохнул с облегчением.

— Есть какие-нибудь новости с севера?

Он имел в виду новости, имеющие значение для его отряда, новости дозорных.

— Все было спокойно, когда я проезжал Глассфорддж три дня назад.

Командир кивнул. Ему явно хотелось задержаться и более подробно обменяться новостями, но последний всадник его отряда миновал фургоны и послал коня в галоп, чтобы занять свое место в строю; поэтому командир только вернул приветствие и сказал:

— Ну, тогда безопасного путешествия тебе.

— Вам тоже. Удачной охоты.

Дозорный подмигнул и поскакал догонять отряд.

Даг занял прежнее место рядом с облучком, на котором сидела Фаун. Она повернулась на сиденье, глядя вслед удаляющемуся отряду, потом посмотрела на Дага. В ее больших темных глазах он прочел беспокойство, хотя и не был уверен в его причине.

Таннер тоже с любопытством глянул через плечо.

— Так значит, все эти дозорные отправились отслеживать зловредных привидений, верно? С этим их... как его... Даром?

— Да, — ответил Даг. — Дозорные из лагеря Жемчужная Стремнина ответственны не за такую большую территорию, как из Хикори — моего... бывшего моего лагеря. Там живет восемь или девять тысяч человек — Хикори самый большой лагерь в Олеане. Сомневаюсь, чтобы в Жемчужной Стремнине набралось восемь или девять сотен. Они могут отправить два или три отряда, едва ли более крупные силы. Однако их самая важная задача в другом: обеспечивать работу переправы на случай, если в ней возникнет необходимость. Если бы Злой из окрестностей Глассфордджа стал представлять опасность... то есть большую опасность... может быть, пришлось бы посылать за подмогой в лагерь к югу от реки Грейс. Или наоборот — если бы неприятности случились здесь.

— Так же как лагерь Хикори послал Дага с большим отрядом на запад, чтобы расправиться со Злым, который появился в Рейнтри пару месяцев назад, — пояснила Таннеру Фаун и в ответ на его вопросительный взгляд принялась описывать летнюю кампанию, пусть и без подробностей и в выражениях, понятных крестьянину, — в конце концов она и сама была крестьянкой. Это вызвало новые вопросы; Даг в благодарном молчании слушал ответы Фаун, изредка подтверждая ее слова кивком. Такая плодотворная беседа продолжалась, пока фургоны не достигли конца длинного откоса и не выехали на узкую речную пойму.

Доехав до перекрестка, Даг сказал:

— Фаун, ничего, если ты на какое-то время останешься с Витом? Я хотел бы нанести визит. — Он кивком показал на дорогу, уходящую вверх по течению.

— Конечно. Это тот самый лагерь, где были Саун и Рила?

Сауном и Рилой звали двоих дозорных, пострадавших в схватке у Глассфордджа: сюда их отправили на поправку, как в ближайший лагерь. Саун был собственным напарником Дага, а с Рилой Фаун более или менее подружилась, пока та лежала на постоялом дворе со сломанной ногой.

— Да, — ответил Даг.

— У тебя там друзья? Или ро... — Последнее слово — «родичи» — Фаун не договорила.

— Сам не знаю, — сказал, не обращая внимания на ее запинку, Даг. — Я давно здесь не бывал. Вот я и подумал — стоит узнать. — На самом деле его желание было вызвано не этим, но обсуждать истинную причину при Таннере Дагу не хотелось... особенно учитывая, что в успехе своей затеи он сомневался. — Я потом разыщу вас. Поездка может занять какое-то время. Держись рядом с Витом, хорошо?

— Даг, мне вовсе не нужна постоянная охрана братца.

— Кто сказал, будто я считаю, что это за тобой нужно присматривать?

На щеке улыбнувшейся Фаун появилась ямочка; Даг подмигнул ей с более веселым видом, чем то соответствовало бы его чувствам. Фургоны свернули на дорогу, идущую вниз по течению к Жемчужной Излучине; Даг направил Копперхеда в противоположном направлении.

Миновав отмели и поднявшись на холм, Даг оказался на краю лагеря; он слегка приоткрыл Дар, только чтобы его смогла узнать охрана, если таковая имелаась. Он ощутил безмолвный вопрос и, подняв глаза, увидел двоих Стражей Озера, сидящих на пнях у обочины дороги. Старик вытесывал колышки, и у его ног громоздилась кучка вытесанных за утро; до Дага донесся приятный запах свежих стружек. Молодая женщина плела корзину из ивовых прутьев, однако лук и колчан были у нее под рукой. Оба дозорные — выполняют легкие дела по лагерю...

Даг натянул поводья и кивнул.

— Привет.

Старик поднялся на ноги.

— Добрый тебе день. — Даг заметил в его взгляде легкое сомнение, пока Страж Озера оглядывал его с ног до головы. Потом на его лице появилась тревога. — Ты что, гонец?

— Нет, сэр, просто оказался поблизости. Не скажете ли вы мне, где найти командира лагеря и кто сейчас занимает этот пост?

Молодая женщина, хмурясь, взглянула на крюк, вокруг которого были обмотаны поводья, и Даг поспешил опустить левую руку, чтобы протез не бросался в глаза. Старик посоветовал Дагу поискать Амму Оспри в третьем шатре слева от расколотого молнией дуба, и Даг, не желая оказаться втянутым в разговор, подхлестнул Копперхеда. Его Дара коснулось легкое «Проезжай, друг».

При виде знакомого домашнего окружения Даг испытал смесь облегчения и тревоги. Между деревьями виднелись шатры — обычные бревенчатые строения с поднятыми с одной стороны — обычно выходящей к реке — тентами. Кое-где группами росли фруктовые деревья, под ними стояли ульи, на веревках сушилось белье. Пахло дымом, готовящейся на очагах едой, коптящимся мясом. Издалека долетел менее приятный запах — где-то дубили кожи. С десятков черно-белых кур с квохтаньем что-то клевали на дороге, и Копперхед вскинул голову и фыркнул.

На берегу у самой воды двое мужчин сооружали лодку, заколачивая соединяющие доски колышки. Двадцати пяти футов в длину, широкое в середине суденышко явно предназначалось для перевозки товаров по реке; доски корпуса выглядели явно изготовленными не вручную. Из таких же материалов были построены и некоторые более новые шатры; должно быть, фермеры из Опоссумей Пристани или Жемчужной Излучины построили лесопилку на одном из притоков реки.

Даг узнал штабной шатер по коновязи перед ним и отсутствию очага для готовки и веревок с выстиранным бельем. Строение могло похвастаться окнами из привезенного из Глассфорджа стекла; в этот последний теплый день осени окна были распахнуты. Даг спешился, привязал коня и снова слегка приоткрыл Дар. В шатре находились двое, и у обоих Дар был закрыт. До Дага долетел резкий женский голос:

— Если мы снимемся с места и перенесем лагерь и переправу на милю, а лучше на пять миль выше по течению, мы избавимся от этих проклятых стычек.

— И лишимся остатков возможности торговать: все торговцы поедут по большаку к Излучине и ее парому. Мы и так уже несем убытки, — ответила другая собеседница. У нее был более низкий и теплый голос — голос немолодой женщины.

— Ну и пусть. Торная дорога для наших дозорных и выючных животных не нужна.

— Амма, три четверти доходов лагеря дают фермеры, пользующиеся нашей переправой. И именно этими деньгами мы расплачиваемся: ведь все — от муки до подков — мы теперь получаем со складов Жемчужной Излучины.

— Так не должно быть. Твои слова только подтверждают мою точку зрения.

Повисло мрачное молчание. Когда ни одна из женщин его не нарушила, Даг поднялся

на деревянное крыльцо и постучал, еще плотнее закрыв свой Дар.

— Это ты, Верел? — откликнулся первый голос. — Входи. Когда ты собираешься отпустить тех двоих?.. — Высокая широкоплечая женщина, опиравшаяся бедром о дощатый стол, обернулась к вошедшему. Даг поднес руку к виску в вежливом приветствии. Ему было нетрудно определить, что это и есть командир дозорных, — женщина была в штанах для верховой езды, потертом кожаном жилете и с длинным ножом за поясом. Вид у нее был встревоженный. Шатер, как и полагается штабу, был полон снаряжения и раскиданных по столу карт; полки вдоль стен ломились от свитков с отчетами. Другая женщина в помещении была примерно того же возраста; она была более дородной и носила юбку. Судя по тому, что держала она себя не менее властно, чем командир, она, должно быть, была кем-то из глав кланов.

— Что еще? — рявкнула командир, в голосе которой прозвучало давно накопившееся раздражение. Губы ее сложились для следующего вопроса.

— Я не гонец, мэм, — поспешил заверить ее Даг, и женщина с облегчением кивнула. — Я просто ехал мимо. Меня зовут Даг Блуфилд. — Обе женщины недоуменно посмотрели на него. Блуфилд не было именем Стража Озера, да и своего лагеря Даг не называл. Прежде чем они успели начать выяснять эту странность, Даг торопливо продолжал: — Я хотел поговорить насчет разделяющего ножа, но могу заглянуть и позднее.

На лице командира отразилось непонятное Дагу прозрение.

— Нет, нет, если ты что-то видел, я определенно хочу услышать обо всем сейчас. Садись, мы скоро начнем. — Она показала на скамью у задней стены. — Прошу прощения. Я думала, что пришел целитель, за которым мы послали.

Похоже, возникла путаница, однако прежде чем Даг успел открыть рот, чтобы объясниться, другая женщина выглянула в окно и сказала:

— Ах, вон они идут. Отсутствующие боги, какой же потрепанной и несчастной выглядит эта парочка!

— Они станут еще потрепаннее и несчастнее, когда я с ними разделаюсь. — Амма Оспри заправила за ухо прядь седых волос, выбившуюся из косы, скрестила руки на груди и сжала губы.

В дверь, хромая, вошли двое молодых людей. Один был рыжий коротышка крепкого телосложения; правая кисть его была забинтована, а рука покоилась на перевязи; светлую кожу лица сплошь покрывали синяки. Чистая рубашка парня не сходилась на груди — должно быть, была позаимствована у кого-то из друзей, а штаны, не отличавшиеся чистотой, украшали пятна засохшей крови. Шел парень, сгибаясь на один бок.

Вошедший следом его товарищ был темноволос и высок; он казался постарше, но все равно, на взгляд Дага, выглядел совсем юнцом. На его лице синяков оказалось еще больше, один глаз заплыл, нижняя губа распухла. Под порванной рубашкой виднелась повязка, стягивавшая, должно быть, сломанные ребра. Два длинных пореза на левой руке были зашиты черными нитками. Правой рукой парень тяжело опирался на палку; кулаки его носили следы изрядной потасовки.

Все ясно: дозорные, которые накануне проиграли схватку. Подрались друг с другом? Обе женщины, находившиеся в шатре, наградили попытавшихся встать по стойке смирно парней одинаково ледяными взглядами. Рыжий коротышка попытался улыбнуться, но его улыбка быстро увяла при виде нахмуренных бровей командира. Даг устыдился своего любопытства. Ему следовало бы извиниться и уйти... Вместо этого он отодвинулся в тень, как охотник, притаившийся в высокой траве, тихий и незаметный.

— Не самая мелкая ваша провинность, — резко сказала Амма Оспри, — в том, что сегодня утром пришлось отозвать двоих ваших товарищей из отпуска, чтобы они заняли ваши места в отряде. Не забудьте попросить у них прощения, когда они вернутся.

Дагу в свое время приходилось такое переживать — сокращать и без того короткий отпуск, чтобы заменить заболевшего, раненого или находящегося в трауре.

Темноволосый парень приуныл еще больше, но рыжий вызывающе поднял голову и

попытался оправдаться:

— Но начали ведь не мы! Мы просто...

Амма Оспри подняла руку, заставив его умолкнуть:

— Ты еще сможешь высказать свою точку зрения, Барр, обещаю. — Это прозвучало скорее как угроза, чем как обещание; так или иначе рыжий коротышка сник.

По деревянному крыльцу протопали чьи-то ноги, и дверь снова распахнулась. Вошла широкоплечая женщина, кивнула двум другим и кинула на парней хмурый взгляд. Судя по желтым кожаным перчаткам, засунутым за пояс, и сапогам на толстой подошве, это была паромщица; по тому, как держалась эта пожилая женщина, Даг счел ее и хозяйкой парома. Из-за пояса она вытащила какой-то сверток и сказала:

— Это я нашла в лесу около Опоссумьей Пристани.

— Ох, замечательно! — воскликнула Амма. — Ремо, остальное у тебя?

Темноволосый парень прохромал к столу, вытащил из-за пазухи что-то, завернутое в ткань, и неохотно передал командиру. Амма развернула оба свертка. Даг встревожился, разглядев обломки разделяющего ножа из белой кости. Предполагалось, что такой нож ломается, когда отдает свою ношу смертности Дару Злого, однако у Дага возникло нехорошее подозрение: тут дело было не в Злом, потому что тогда оба дозорных были бы гораздо жизнерадостнее. Амма Оспри быстро сложила вместе обломки.

— Теперь на месте все, Исси, — сообщила она. Хозяйка парома с удовлетворением кивнула; даже темноволосый Ремо с облегчением перевел дух.

— У нас есть кворум, — сказала женщина в юбке, и трое членов совета расселись — двое на стульях, Амма снова на кромке стола. Молодым дозорным сесть не было предложено.

— Хорошо, — мрачно сказала им командир, — давайте объясняйте. Как все это началось?

Дозорные обменялись унылыми взглядами. Ремо с распухшей губой ткнул покрытой синяками рукой в сторону своего сотоварища и выдал:

— 'Овори 'ы, 'Апп.

Барр сглотнул и начал:

— Началось-то все хорошо, будь оно проклято! Когда последняя баржа с углем пыталась пройти мимо Стремнины по низкой воде десять дней назад, дно ее оказалось пробито, и уголь на полмили рассеялся по перекатам. Мы с Ремо взяли лодку, чтобы подобрать тех из команды, кто застрял на камнях. Трех спасли, наверное, — по крайней мере так они, похоже, считали. Отвели их в таверну в Жемчужной Излучине, жалких, как мокрые крысы, высушили... хотя бы снаружи. Так или иначе, угостили они нас выпивкой. Раз уж все спаслись, они надумали это отпраздновать и повеселиться... ну, кроме хозяина баржи, который лишился всего груза... так что кое-кто из матросов с парусных лодок и с барж затеял игру.

— Вы же *знаете*, что не должны играть в азартные игры с фермерами. — В голосе Аммы Оспри прозвучала угроза. Стражей Озера всегда винили в том, что они выигрывают с помощью колдовства, — правда, только в тех случаях, когда из-за невезения или неумения им случалось выиграть.

— Я и не и'рал, — запротестовал Ремо.

— Это была борьба! — воскликнул Барр. — С парой матросов... И что бы они ни говорили, мы не жульничали — хотя я вполне мог, чтоб им провалиться! — Возмущение невинно обвиненного заставило его голос зазвенеть, и Даг, все еще тихо сидевший на скамье, с трудом сдержал улыбку. — Они так меня разозлили, — продолжал Барр, — что я сказал им: мы и вправду колдуем, но они могут защититься от зловедных происков Стражей Озера металлическими шлемами — вроде тех, что бывают видны на разбитых статуях древних воинов: для того они тогда и были нужны. И дураки-фермеры купились! На следующий день половина матросов из Опоссумьей Пристани щеголяла, напялив на головы кухонные горшки и тазы. Это было... это было... — Барр задохнулся от мстительной радости при

воспоминании. — Это было великолепно! — Парень попытался выпятить подбородок, но тут же поморщился и стал тереть свои синяки.

— Так вот откуда пошла вся эта чушь! — воскликнула паромщица Исси. Голос ее дрожал от смеха, хотя она изо всех сил пыталась изобразить гнев. Она отвернулась от провинившихся и стала тереть лицо, пока с него не исчезли все следы ухмылки. Даг, который хорошо мог представить себе толпу наивных, уstraшенных Стражами Озера матросов, разгуливающих по Пристани в звякающих доморощенных шлемах, прижал ладонь к губам.

«Ах, оказаться бы здесь на прошлой неделе!»

— Я просто слегка уравновесил весы, — продолжал Барр. — Вы же знаете, как много мы делаем для этих тупых фермеров и как мало мы видим от них благодарности. Да это никому и не вредило, пока твои девицы не рассказали им, что это все розыгрыш.

Паромщица вздохнула.

— Моим девочкам потребовалось почти три дня, чтобы уговорить матросов бросить их глупости, да и то некоторые так и не пожелали расстаться со своими шлемами. Ну а остальные, — задумчиво добавила она, — изрядно взбеленились. Жители Пристани, да и старые речники вдоволь над ними посмеялись.

Амма Оспри потеряла переносицу.

— Несмотря ни на что, думаю, вода все унесла бы вниз по течению при следующем паводке, если бы вы, безответственные дураки, не отправились туда прошлым вечером и снова их не раздразнили. Почему?..

— Я попался на крючок, — уныло признался Барр.

— 'Оворил ведь тебе, — буркнул его напарник, вытаращив здоровый глаз.

— Так в чем было дело? — потребовала ответа Амма.

Барр молчал еще более уныло.

— Я слышала одну версию происхождения сегодня утром на пристани, — вмешалась паромщица. — Лучше, если ты сам все расскажешь.

Барр совсем съежился.

— Расскажи правду, чего уж, — пробубнил Ремо. — Хуже, чем мне, тебе не будет.

Барр совсем сник. Голосом, который, казалось, исходил откуда-то из его колен, он сказал:

— Девчонка с баржи назначила мне свидание... В лесу за Пристанью.

Ледяное молчание, следовавшее за этим признанием, нарушила Амма Оспри.

— Где и когда она тебя пригласила?

— У переправы в Опоссумей Пристани... вчера днем. — Барр вызывающе обвел взглядом осуждающие лица. — Она прямо горела. Я не думал, что она врет. Ну вы же знаете, как эти крестьянские девчонки иногда вешаются на шею дозорным.

— Предполагается, что вы должны их отваживать, — суровым голосом сказала женщина в юбке.

— 'Оворил же я, что это запа'ня, — мрачно глядя на напарника, заявил Ремо. — А он — «Нет, 'акое 'ыло 'ы 'слишком очевидно!»

Лицо Барра там, где его не покрывали синяки, покраснело.

— Я не просил тебя ходить со мной.

— Ты мой на'рпик. Я 'олжен 'рикрывать 'вою спину.

Барр глубоко вздохнул, потом выдохнул воздух, ничего Ремо не возразив.

— На меня в темноте накинулись шестеро матросов с баржи. У меня никакого оружия не было, у Ремо тоже. Сначала матросы работали кулаками и палками. Потом, когда мне на помощь пришел Ремо и дело повернулось в нашу пользу, один из матросов вытащил нож. Ремо *должен был* воспользоваться своим ножом, чтобы защититься, — больше у нас ничего не было, кроме голых рук!

— Ты обнажил заряженный разделяющий нож в обычной потасовке. — Голос Аммы Оспри был холоднее и тяжелее зимнего льда.

— Лучше бы я 'рался голыми 'уками, — пробормотал Ремо и добавил совсем тихо; — Или 'одставил шею...

Дагу все было ясно, и он почти жалел об этом. Он смотрел на обломки светлой кости, разложенные на дощатом столе. Сердце у него болело за этих двух молодых глупцов. Обхватив себя правой рукой, он стал ждать, что будет дальше.

— Ну вот мы и добрались до главного, — сказала Амма Оспри. — Почему вообще ты взял с собой прошлой ночью разделяющий нож, хотя знал, что в дозор отправишься только сегодня?

На лице Ремо было написано страдание, не имевшее никакого отношения к синякам.

— Он... он 'ыл новый. Мне его 'олько что 'али. Я хотел 'ривыкнуть к нему...

Картина была ясна. Даг хорошо знал, какое возбуждение и гордость испытывает молодой дозорный, которому в первый раз доверили разделяющий нож. Обычно такая гордость отрезвляла и вместе с личным горем порождала всепоглощающую решимость быть достойным подобного посмертного доверия.

«Ох...»

Даг подумал, что суровая внешность женщин скрывает такие же переживания.

— И тут эти проклятые матросы, эти проклятые фермеры разломали его на куски, — продолжал Барр, и в его голосе зазвенело воспоминание о тогдашней ярости. — Ну и мы оба накнулись на них. Я даже не помню, как это случилось. — Парень коснулся руки на перевязи. — Они трусили и разбежались. Некоторые до сих пор бегут, насколько мне известно.

Это Даг тоже мог себе представить: ярость, ужас, чувство страшной вины привели к такой потере власти над собой, что она ужаснула, должно быть, самих страдальцев не меньше, чем их жертв.

«Дозорный никогда не должен терять власти над собой. Особенно, когда рядом фермеры».

Это вдалбливалось дозорным, но иногда недостаточно глубоко. Ведь когда подобное случалось, плохо приходилось всем: испуганные фермеры платили сторицей.

— Твоя прапрабабка Грейджой не ради такой судьбы поторопилась умереть, — сказала женщина в юбке. — Она могла бы прожить еще несколько месяцев, если бы не боялась умереть во сне.

Лицо Ремо сделалось из красного белым.

— Знаю... — Парень изо всех сил закрывал свой Дар, но тело выдавало его: он дрожал, как при невыносимой физической нагрузке.

— Я собиралась сама отнести обломки твоим родителям, но, пожалуй, это следует сделать тебе.

Ремо закрыл глаза.

— Да, мэм, — прошептал он мертвым голосом. Барр не произнес ни звука.

Амма Оспри показала на Дага.

— Теперь ты, сэр. Как я понимаю, ты вчера был в Опоссумей Пристани. У тебя есть какая-то информация по этому делу?

Исси уставилась на незнакомца; она должна была знать, что он не переправлялся через реку с прошлого вечера. Бросив взгляд на его протез, она спросила:

— Я тебя знаю, дозорный?

Даг смущенно откашлялся и поднялся.

— Прошу прощения, командир. На самом деле я только что приехал из Глассфорджа и пришел к тебе совсем по другому делу. Впрочем, не думаю, что сейчас для него подходящий момент.

Недовольный взгляд Аммы подтвердил его мнение, но в этот момент Исси щелкнула пальцами.

— Я тебя видела! Ты обычно ездил с Мари Редвинг из лагеря Хикори. Ты ведь ее племянник, верно?

Да, Исси и Мари вполне могли быть ровесницами, знакомыми, даже подругами, кто знает?

— Да, мэм.

Женщина в юбке сказала:

— Но он сказал, что его зовут Даг Блуфилд.

— Я недавно женился, мэм.

— Что это за имя?.. — начала женщина в юбке.

Двое молодых дозорных озадаченно посмотрели друг на друга. Барр выпалил:

— Сэр! Ты не Даг ли Редвинг Хикори, напарник Сауна? Который убил Злого у Глассфорджа — в одиночку?

Даг вздохнул.

— Нет, не в одиночку. — Ну да, эти двое как раз такого возраста и наклонностей, чтобы стать приятелями Сауна, пока тот поправлялся здесь прошлой весной. Даг поморщился при мысли о том, какого рода истории о нем Саун мог рассказывать, чтобы развеять скуку и развлечь новых друзей. Даг видел, как его надежда на анонимность испаряется, словно утренняя роса, под взглядами этих двух пар заинтересованных глаз.

Командир Оспри заморгала.

— Тогда ты также тот Даг Редвинг, который возглавил силы лагеря Хикори в Рейнтри пару месяцев назад и уничтожил ужасного Злого, с которым там никак не могли справиться?

Даг стиснул зубы.

— К тому времени я был уже Дагом Блуфилдом, мэм.

— В последнем отчете Громовержца для дозорных назван командир Даг Редвинг.

Ах вот как распространяются новости... Да, из-за того, что они задержались в Вест-Блю, официальный отчет успел опередить Дага. Громовержец времени не терял.

— Тогда Громовержец назвал меня неправильно, — предположил Даг, — возможно, по привычке. Я восемнадцать лет был под его командой как Даг Редвинг. Я входил в его отряд еще до того как он возглавил всех дозорных лагеря Хикори.

— Э-э... так что же у тебя за дело?

Даг заколебался.

Амма нетерпеливо взмахнула рукой.

— Выкладывай, и давай закончим. Что бы это ни было, хуже того, что я услышала сегодня утром, уже не будет.

Даг кивнул, стараясь справиться с неожиданным поворотом событий: его репутация опередила его, пусть отчасти это и было следствием преувеличенных рассказов Сауна. Впрочем, может быть, это и сослужит ему службу...

— Я покинул лагерь Хикори по собственным делам после... и из-за кампании в Рейнтри. За несколько следующих месяцев я намерен посетить многие места. Свой последний заряженный нож я израсходовал на Злого из Глассфорджа, а другого еще не приобрел. Не требуется участвовать в дозоре, чтобы столкнуться со Злым, — когда я в одиночку ездил гонцом в Сигейт, я однажды обнаружил еще сидячего Злого, который мог вырасти в очень опасную тварь, прежде чем его обнаружил бы какой-нибудь отряд. С тех пор я взял за правило никогда не путешествовать безоружным. Я знаю, что иногда люди завещают заряженные ножи дозорным вообще, чтобы вооружить тех, кто их не имеет. Вот я и хотел бы узнать, нет ли у вас такого ножа. — Взгляд Дага смущенно остановился на обломках ножа на столе; на Ремо он старался не смотреть. — Запасного.

Амма Оспри скрестила руки на груди.

— А почему ты не обзавелся ножом прежде, чем покинуть лагерь Хикори? — На лице женщины в юбке тоже появилось вопросительное выражение.

Потому что он все еще был болен и расстроен, да и без сил... и многого не предвидел.

— Тогда еще мои планы не определились.

— Какие планы? — спросила Амма.

— Я собираюсь спуститься по реке до Греймауга, а весной вернуться. Что я буду

делать после этого... не уверен. Может быть, тогда я смогу вернуть одолженный нож, если не повстречаюсь со Злым. — А если повстречается и использует нож, никому и в голову не придет желать для ножа лучшей судьбы. — Я обещал своей жене показать ей море, — тихо закончил Даг.

Женщина в юбке потерла губы.

— Погоди-ка. Так ты тот самый Даг Редвинг, которого только что изгнали из лагеря Хикори за связь с какой-то крестьянской девчонкой?

Даг резко вскинул голову.

— Я не был изгнан! Откуда ты слышала такую ложь?

— Ну... — женщина помахала рукой, — не то чтобы изгнан... Однако в решении совета лагеря о счастливом расставании не говорилось.

Чтобы получить время собраться с мыслями и взять себя в руки, Даг коснулся виска и сухо произнес:

— У тебя преимущество надо мной.

Женщина в юбке показала на себя.

— Ниси Сэндвиллоу. Председатель совета лагеря в этом сезоне.

Значит, она старшая из глав шатров — именно из них с помощью ротации избираются члены совета лагеря. Командир дозора — постоянный член совета, да и хозяйка парома, наверное, тоже. Таким образом, сегодняшнее расследование вдвойне важно — и для дозора, и для совета разом.

Однако это означает, что одной из обязанностей Ниси Сэндвиллоу является получение и передача новостей от других советов по всей Олеане, так же как обязанностью Аммы Оспри — следить за событиями в дозоре.

— Мнение совета лагеря Хикори в моем случае разделились, — осторожно сказал Даг.

— Но обвинение все-таки было.

Даг не обратил на эти слова внимания.

— Пакона Пайк — руководительница совета Хикори этим летом — была не на моей стороне. Однако я не могу поверить, чтобы она настолько исказила факты.

— Факты, которые она сообщила, заключаются в том, что ты явился в лагерь, опоздав с возвращением из отпуска, в сопровождении какой-то крестьянской девчонки и со свадебной тесьмой на руке, которую вы с ней каким-то образом соорудили, и стал утверждать, что это твоя жена, а не просто шлюха. В письме содержится предупреждение всем советам лагерей остерегаться подобного жульничества.

Даг мрачно закатал левый рукав.

— Я утверждаю, что это настоящая тесьма, и так же думают многие, включая Громовержца. Смотрите сами. Эту тесьму изготовила Фаун.

Он ощутил, как Дар собравшихся коснулся тесьмы и живого Дара Фаун в ней и тут же отпрянул. Женщины выглядели растерянными, молодые дозорные — смущенными. Все это очень напоминало разбирательство в лагере Хикори, и Даг с горечью вспомнил о том, почему покинул родной лагерь.

— И Фаун — не *какая-то* крестьянская девчонка, — с жаром продолжал Даг. — Именно ее рука нанесла удар Злому около Глассфорджа, хоть и моим ножом. Там была свалка, признаю, но не могу поверить, чтобы история дошла до вас такой искаженной, потому что и Саун знал правду, и Рила тоже.

— Хм-м... — Амма Оспри потерла подбородок. — Насчет свалки я верю.

— Это к делу не относится, — бросил Даг. — Есть у вас разделяющий нож, который вы могли бы одолжить?

— Хороший вопрос, Даг Редвинг Блуфилд-кто-то-там, — сказала Амма. — Ты все еще остаешься дозорным или нет?

Даг заколебался. Он мог сказать, что еще не поправился после ранения или находится в длительном отпуску... или в отпуску на время разбора его дела — уж этому-то они поверили бы! Однако, чтобы не запутаться в полуправдах, лгать ему не хотелось.

— Нет. Я подал в отставку. Правда, Громовержец дал мне понять, что если я захочу вернуться, место для меня он найдет.

— А как насчет твоей... крестьянки? — спросила Ниси Сэндвилу.

— Это и был камень преткновения. Один из них.

Амма оглянулась на слушавших разинув рты молодых дозорных; теперь они уже опирались друг на друга, еле держась на ногах. Даг снова пожалел о присутствии этих свидетелей, потому что Амма, принимая решение, конечно, учтет, какое оно произведет впечатление на парней. По крайней мере сам Даг, пока оставался командиром, никогда не упустил бы такой возможности.

— Такие ножи завещаются дозорным, и именно дозорным Жемчужной Стремнины. Спросить мертвых, пожелают ли они сделать исключение, я не могу. Как хранительница я вижу свой долг в том, чтобы сберечь их для своего отряда — особенно потому, что может случиться нехватка.

Ремо поморщился.

«Их...» Значит, не то чтобы у нее оставался последний... Она могла бы одолжить нож и все же не лишит оружия собственных дозорных.

«Но не мне. И не сегодня».

Даг с огорчением подумал, глядя в решительное лицо Аммы, что, если бы он с той же просьбой обратился накануне, до того как начались все неприятности с матросами, весы могли бы качнуться в другую сторону. Он с новой неприязнью глянул на двоих жалких нарушителей.

Были, конечно, другие источники, другие лагеря Стражей Озера вниз по реке. Ему просто придется попытаться счастья где-то еще.

— Понятно. Не буду больше отнимать у тебя время, командир. — Даг коснулся рукой виска и вышел.

6

В пятидесяти шагах вверх по склону от пристани Жемчужной Излучины фургоны остановились перед дощатым сараем, и Фаун вытянула шею, разглядывая строение. Оно, по-видимому, пыталось дорасти до склада, давая отростки: пристройки расползались во все стороны. Вит спрыгнул с облучка переднего фургона, чтобы помочь Хогу дохромать до скамьи, с которой были согнаны двое бездельников; впрочем, Мейп, удостоверившись в их трезвости, тут же нанял их для разгрузки своего хрупкого товара. К удивлению Фаун, из ее фургона был выгружен только верхний ряд ящиков; после этого Вит залез внутрь, Таннер взял вожжи и направил лошадей к реке.

— Куда мы едем? — спросила Фаун.

Таннер кивнул на привязанный к пристани паром, похожий на дверь амбара, уложенную на баржу; только с одной стороны торчало, как короткая толстая мачта, бревно.

— Через реку, потом мимо Стремнины. Эта часть товара предназначена для верховьев.

Что ж, Даг наверняка найдет ее и там. Фаун взялась за повод Вефт, чтобы провести ее по широким сходням на паром; Вит сделал то же самое в отношении Варп. Лошадки сначала отнеслись к парому с сомнением, но потом все-таки поверили в то, что это просто какой-то странный мост, и не опозорили ни себя, ни своего бывшего хозяина, попытавшись заартачиться. Равнодушное спокойствие другой пары коней тоже помогло делу.

Короткая мачта оказалась воротом; вокруг нее был несколько раз обернут толстый пеньковый канат. Один его конец был прикреплен к крепкому дереву на этом берегу, другой, поддерживаемый несколькими поплавками, — к такому же дереву на противоположном берегу реки. Фаун была несколько разочарована, что переправляться им предстоит не на знаменитом пароме Стражей Озера, но с интересом наблюдала, как двое крепких перевозчиков вставили шесты в отверстия ворота и начали его вращать. Вит, не менее ее зачарованный, предложил паромщикам свою помощь и принялся толкать скрипучий шест;

канат медленно раскручивался с одной стороны, накручиваясь с другой, и тянул паром через реку. Вода казалась Фаун спокойной и прозрачной, но она так и подпрыгнула, когда ствол вывороченного с корнем дерева, незаметный с поверхности, ударил в борт парома, напомнив о том, что река — это не спокойное озеро. Управлять паромом могло быть не так уж приятно, когда уровень воды повышался и течение становилось быстрым или когда начинались дожди и холода. С середины русла река казалась гораздо более широкой.

— А как же другие суда минуют канат? — спросила Фаун Таннера, глядя, как древесный ствол зацепился за канат, потом поднырнул под препятствие, снова всплыл на поверхность и неуклюже двинулся дальше.

— Паромщикам приходится его снимать, — ответил Таннер. — Они обычно перевозят его туда-сюда на ялике, но когда вода стоит так низко, никто не пересекает перекаты, так что канат просто остается укрепленным все время.

Когда паром ткнулся носом в противоположный берег, перевозчики выдвинули сходни, и Фаун с Витом повторили процедуру — успокоили лошадей и благополучно, хотя и с грохотом, выкатили фургон на твердую землю. Брат и сестра уселись рядом с Таннером, и тот направил упряжку по ухабистой дороге вверх по течению.

Когда они достигли вершины холма, Фаун с предвкушением принялась разглядывать баржи, привязанные к деревьям за Опоссумьей Пристанью. Они были совершенно не похожи на грациозные остроносые узкие лодки Стражей Озера; баржи напоминали хижины, установленные на больших плоских ящиках, — не слишком-то красивые. На некоторых даже имелись очаги с каменными трубами, из которых вился дымок. Все это выглядело так, словно какая-то деревня неожиданно решила отправиться к морю, и Фаун улыбнулась, представив себе, как какой-то домик удирает от своих изумленных хозяев. Люди все время убегали из дому; так почему бы не случиться и обратному? На одной из этих барж они с Дагом проделают весь путь до Греймаута. Все вместе отправятся в бегство... Улыбка Фаун погасла.

Однако даже такие мысли не могли умерить ее любопытство, и когда Таннер остановил фургон перед еще одним сараем-складом, Фаун выпрыгнула на землю и сказала брату:

— Я собираюсь пойти посмотреть на баржи.

Вит бросил на нее огорченный взгляд, но, хоть и позавидовал, отлынивать от дела не стал: откинул задний борт и принялся таскать ящики.

— Будь осторожна, — крикнул он вслед сестре — скорее, решила она, с завистью, чем с беспокойством.

— Я буду все время на виду! — Фаун с трудом удержалась от того, чтобы не пуститься вприпрыжку: в конце концов она теперь солидная замужняя женщина. К тому же это было бы жестоко по отношению к Виту; несмотря на это соображение, Фаун все-таки позволила себе немножко пробежаться.

Добравшись до берега, она отдышалась и стала с интересом оглядываться. Людей вокруг оказалось меньше, чем она ожидала. Она заметила нескольких парней у склада и еще нескольких — на пристани, которая, как рассказал ей Таннер, служила для речников местом торговли. Некоторые дома хутора, скрытые от ее взгляда еще не совсем облетевшими деревьями, были, должно быть, тавернами. Наверное, мужчины с барж отправились охотиться в холмы, чтобы пополнить запасы провизии во время вынужденной задержки. Еще несколько человек удии рыбу с бортов барж; один из них почему-то напялил на голову, как шлем, железный котелок. Фаун не могла догадаться, зачем: может быть, он проиграл спор? Несколько человек, сидя на плоской крыше хижины, во что-то играли; похоже, в кости, хотя с такого расстояния Фаун и не могла разглядеть все в точности. Один из игроков оглянулся, заметил Фаун и собрался, похоже, отпустить какую-то грубую шуточку, но в это время игра закончилась, начались споры, и он отвернулся. Из хижины на одной из барж вышла женщина и выплеснула за борт содержимое горшка — привычный домашний жест...

Фаун пошла вдоль берега, высматривая подходящее для них судно. Некоторые имели длинные надстройки, явно не оставляющие места для коня; на других уже была всякая

живность — Фаун заметила четырех волов, спокойно жующих жвачку на корме одной из барж; значит, крупных животных на борт брали, но тут все было уже заполнено. Почти на всех судах имелись курятники, кое-где на палубах на солнышке дремали собаки; правда, ни одна из них не стала облаивать Фаун. Все же нужно было выбрать что-то подходящее... Парень, сидевший на бочонке на носу одного из суденышек, сдвинул на затылок потрепанную шляпу и ухмыльнулся, показав отсутствие половины зубов.

— Вы берете пассажиров? — окликнула его Фаун.

— Тебя бы я взял, малышка!

Фаун нахмурилась.

— Речь идет обо мне, *моем муже* и его коне.

Парень церемонно сорвал с головы шляпу, открыв жирные волосы.

— Ах, мужа и его коня лучше оставить на берегу. Держу пари: со мной ты прокатишься лучше! Если ты... Ой! — Парень прижал руку к макушке, от которой с явственным «щелк» отскочила непонятно откуда прилетевшая деревяшка. Посмотрев налево, парень пожаловался: — Ну и зачем ты это сделала? Я только пытался быть любезным...

На крыше каюты привязанной рядом баржи в качалке сидела женщина в домотканой юбке и что-то выстукивала из дерева. Присмотревшись, Фаун обнаружила, что это совсем молоденькая девушка, довольно тощая, с прямыми светлыми волосами, выбившимися из завязанного на затылке хвоста. Выражение ее голубых глаз было сердитым.

— Чтобы напомнить тебе, дураку, что следует вести себя прилично, — резко сказала девушка. — А теперь извинись, Джос.

— Прошу прощения, хозяйка Берри.

По воздуху пролетела еще одна деревяшка, увернуться от которой Джос не сумел.

— Ой!

— Перед *ней* извинись, безмозглый!

Джос натянул на голову шляпу — чтобы, по-видимому, было что снять перед Фаун.

— Прости, мисс... миссус, — пробормотал он и нырнул в каюту — чтобы избежать нового обстрела.

— Болван, — спокойно подытожила девушка.

Фаун прошла еще немного по берегу; она с интересом отметила, что если суденышко Джоса сидело на мели, то баржа Берри, стоявшая на якоре ниже по течению, была на плаву. И на корме у нее имелся пустой загон для скота, а от курятника, вокруг которого клевали зерна несколько несушек, совсем не воняло: кто-то его регулярно чистил. Уперев руки в бедра, Фаун запрокинула голову и еще раз посмотрела на хозяйку баржи, которая с виду была ненамного старше ее.

— Что это ты вырезаешь? — окликнула девушку Фаун.

Девушка показала ей закругленный брус.

— Поплавки. Из тополя получают хорошие полавки. Годятся и другие мягкие сорта дерева.

Фаун кивнула. Ее обнадежила общительность девушки: недовольное выражение ее лица сменила улыбка. Берри могла ведь просто буркнуть «поплавки», а то и «не твоё дело».

— Так что... берешь ты пассажиров?

Светловолосая девушка наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть Фаун.

— Да не собиралась... Я планирую поторговать, спускаясь по реке, так что буду делать много остановок. Путешествие было бы медленным.

— Это ничего. Мы не торопимся. А как далеко ты направляешься?

— Я еще не решила.

— Можно мне заглянуть к тебе на баржу? Я никогда не бывала на судах, — улыбнулась Фаун. Обратиться с подобной просьбой к слишком игривому Джосу она бы не рискнула; ей повезло, что она повстречала женщину.

Девушка склонила голову к плечу, потом кивнула. Сунув свой нож в ножны на поясе, она просто прыгнула с крыши каюты, не воспользовавшись грубой лестницей из прибитых

к стене планок; высота в пять футов ее не смутила, она только сильно согнула колени. Схватив длинную доску, она перекинула ее на берег. Фаун с опасением посмотрела на узкую и прогибающуюся доску, потом затаила дыхание и пробежала по сходням, не свалившись в грязь. Спрыгнув на палубу, она с интересом огляделась.

— Привет. Меня зовут Фаун Блуфилд.

Девушка поклонилась. У нее были высокие скулы и острый подбородок, что делало ее похожей на дружелюбного хорька. Она оказалась выше Фаун — да и кто бы не оказался? — и, пожалуй, повыше Вита. На ее нежной светлой коже были заметны солнечные ожоги.

— Берри Кликрик. Я хозяйка этой баржи.

Хозяйка баржи могла быть ее капитаном, владелицей или и тем, и другим; Фаун предположила, что Берри имеет в виду как раз последнее, и порадовалась этому. Берри гостеприимно протянула ей руку — маленькую, но еще более загрубелую, чем ее собственная. Фаун с улыбкой обменялась с Берри рукопожатием.

— А кто живет в загоне? — спросила она, потом разглядела катышки в соломе. — А, коза!

— Наша нянюшка Дейзи. Мой маленький брат пасет ее на берегу.

— Значит, у вас есть свежее молоко. И яйца. — Баржа уже начала казаться Фаун домашнему уютной.

— Некоторое количество, — кивнула Берри.

— Я выросла на ферме, рядом с Вест-Блю. — В ответ на непонимающий взгляд Берри Фаун пояснила: — Это к северу от Ламптона. — Судя по выражению лица Берри, она была не особенно сильна в географии, поэтому Фаун добавила: — Ламптон стоит на реке, которая впадает в Грейс у Серебряных Перекатов.

Лицо Берри прояснилось.

— А, у Каменной Вилки. Там такая большая песчаная отмель... Ты ведь умеешь доить козу?

— Конечно.

— Хм-м... — Берри явно колебалась. — Ты и готовить умеешь, я думаю. Ты хорошая повариха?

— По крайней мере так говорит мой муж.

Хозяйка баржи оглядела маленькую фигурку Фаун, рост которой, как той было известно, заставлял ее выглядеть еще моложе, чем в действительности.

— И давно вы поженились?

Фаун покраснела.

— Около четырех месяцев. — За это время столько всего случилось, что, казалось, прошло много больше...

Берри слегка улыбнулась.

— Ну, тогда не знаю, можно ли доверять его мнению. Ладно, иди осмотри баржу.

Низенькая дверь в передней стене каюты вела к лесенке из нескольких дощатых ступенек; внутри было темно. Даже Фаун пришлось нагнуться, чтобы пройти в дверь; Даг тут должен будет складываться чуть ли не вдвое и очень осторожно выпрямляться. Передняя часть каюты была заполнена товарами: мотками пеньковой веревки, рулонами шерстяной и льняной ткани, связками шкур, бочонками и горшками. Фаун почувствовала запах яблок, масла, свиного сала и чего-то, что могло быть медвежьим жиром. Один бочонок был установлен на козлах и имел снизу краник. Из него доносилось довольно зловещее шипение: там бродил яблочный сидр. Еще Фаун разглядела мешки с орехами и копченые окорока, подвешенные к балкам, а по всем углам оказались распиханы бочарные заклепки — явно местные продукты, закупленные где-нибудь вверх по притоку реки Грейс. В одном углу хранились металлические изделия из Трипойнта — от лопат и топоров до иголок и булавок.

— Ты проделала всю дорогу от Трипойнта? — с почтением спросила Фаун, проводя пальцем по новому блестящему плугу.

— Нет, это я закупила на полпути. Мы покупаем в одном месте, продаем ниже по

течению в другом — как удастся.

Остальная часть каюты была отведена под жилье; ее освещали два маленьких застекленных окошечка и открытая дверь, ведущая на заднюю часть палубы. Вдоль стен располагались две узкие койки с наваленными на них матрасами; под койками тоже хранились товары. Одна из коек была задернута занавеской. Баржа Берри имела даже настоящий каменный очаг; над углями висел закопченный железный чайник. Изобретательно укрепленный на петлях стол мог откидываться и крепиться к стене, закрывая полку с металлической посудой и припасами.

— Как тебе удалось приобрести такое замечательное судно?

Улыбка Берри сменилась гримасой.

— Мой отец строит... строил... строит каждый год по одному такому для плавания к Греймауту. Они с моим старшим братом сколачивают корпус, а я конопачу и занимаюсь оборудованием. Отец стал брать нас, детей, с собой с тех пор, как умерла мама, — мне было тогда десять лет. — Выражение лица Берри смягчилось. — Потом он возвращается в верховья, нанимаясь с моим старшим братом на гребные лодки. Мы с младшим братом плавали как груз, пока я не научилась играть на скрипке для гребцов. После этого мне стали платить даже больше, чем отцу! Ну и жаловался он на это — правда, с гордостью.

Фаун понимающе кивнула.

— Уж эти отцы... — пробормотала она, и Берри согласно вздохнула.

Фаун заметила неловкую запинку Берри, когда та говорила об отце, и задумалась о том, как тактично сформулировать следующий вопрос.

— А теперь он... э-э... судов больше не строит?

Берри скрестила руки на груди и оценивающе посмотрела на Фаун; потом, сделав глубокий вдох, она, по-видимому, пришла к решению.

— Я не знаю. Они с моим старшим братом прошлой осенью отправились в низовья, но весной обратно не вернулись. Я так ничего о них и не услышала, хотя просила всех речников, кого только знаю, высматривать их и прислать весточку. А эту баржу отец оставил недоделанной. Я ее оснастила и загрузила товаром, и вот теперь сама отправляюсь вниз по реке. Так его работа хоть не пропадет даром... — Голос Берри дрогнул. — Это последнее судно отца — все, что он мне оставил. Я собираюсь часто останавливаться по дороге и расспрашивать... может, удастся что-то узнать.

— Понятно, — сказала Фаун. — Думаю, что это очень умно с твоей стороны.

Существовало множество причин, по которым человек мог не вернуться из путешествия к низовьям, и большинство из них ничего хорошего не сулило. По крайней мере, если дело касалось семейного человека... Молодой парень, возможно, и соблазнился бы каким-то новым приключением по дороге, жестокосердно ничего не сообщив встревоженным родичам, но не отец семейства.

— Как получилось, что в это последнее путешествие ты с ним не отправилась?

Последовало короткое молчание, потом Берри отрывисто сказала:

— Пойдем, покажу тебе остальную часть, — и вывела Фаун на заднюю палубу, которая оказалась близнецом передней.

Фаун, щурясь от отраженного водой света, оказалась, как она решила, на заднем дворе баржи. Длинное тяжелое весло, укрепленное на прочных деревянных опорах, отходило под углом от крыши каюты к воде за кормой; Фаун догадалась, что это и есть руль. Берри или еще кто-то забросил с борта несколько лесок, привязанных к веревке с колокольчиком.

— Хорошо клюет? — спросила Фаун.

— Когда как. Здесь на хороший улов надеяться не приходится — слишком много конкурентов. — Берри взглянула на длинный ряд барж, с большинства которых в воду тоже свешивались рыболовные снасти.

— Даг — мой муж — здорово умеет ловить рыбу.

— Правда? — Берри забеспокоилась. — Он разбирается в судах?

— Гораздо больше, чем я, только это не значит, что хорошо разбирается. Не знаю,

бывал ли он хоть раз на барже, но грести и ходить под парусом он умеет. И плавать. Да вообще он умеет почти все, за что берется.

— Хм-м... — протянула Берри и потерла нос.

Фаун набралась смелости и спросила:

— Сколько ты взяла бы с нас? За двоих человек и коня?

— Ну, дело в том... — начала Берри и умолкла. Фаун с тревогой ждала. Берри смотрела на воду, рассеянно теребя в пальцах леску. — Дело в том, что двое из моей команды — парни, которые сидят вон на тех больших веслах по каждому борту, — ввязались в какую-то глупую потасовку на Пристани прошлой ночью и не вернулись на борт. — Она окинула взглядом берег. — Начинает походить на то, что они вообще сбежали... так что осталась только я, мой маленький брат и старый Бо. Я могу управляться с рулем, но делать это целый день, быть вперёдсмотрящим, да еще и еду готовить у меня не получится. Ты говоришь, что умеешь готовить. А если твой муж крепкий крестьянский парень с двумя сильными руками, который не боится воды, мы с дядюшкой Бо смогли бы достаточно быстро научить его управляться с большим веслом. Тогда мы могли бы заключить сделку: вы отработали бы свою перевозку. Если, конечно, захотите, — неуверенно добавила Берри.

— Конечно, я могла бы готовить, — смело заявила Фаун, вдохновленная мыслью о возможной экономии. Их кошелек, на ее взгляд, был не таким уж толстым для предстоящего им путешествия, хотя в своих опасениях по поводу денег Дагу она и не признавалась. — Я начала дома помогать на кухне с восьми лет. Ну а Даг... — Даг, конечно, не слишком соответствовал описанию Берри, но Фаун не сомневалась, что он сможет управиться с любым веслом. — Даг сам должен будет решать, когда появится.

Берри склонила голову.

— Что ж, это справедливо.

Наступившее неловкое молчание нарушила Берри, весело предложив:

— Не хочешь кружечку сидра? У нас его много. В такую жару он быстро бродит, вот я и продала, чтобы мои труды не пропали даром, бочонок матросам, которым нравится, когда он шипучий; только даже они не станут пить его, когда сидр превратится в уксус.

— С удовольствием, — ответила Фаун, радуясь возможности посидеть и поговорить с такой интересной собеседницей, как эта женщина, выросшая на реке: сама-то Фаун до последней весны и носа со своей фермы не высовывала. Она попыталась представить себе, каково это: проплыть по рекам Грейс и Серой от истока до устья, и не один раз, а восемь или десять... нет, даже восемнадцать или двадцать. Берри показалась Фаун очень высокой и завидно уверенной в себе; она провела гостью обратно в каюту, по пути прихватила две помятые кружки с полки и наполнила их из бочонка на козлах. Сидр и в самом деле оказался шипучим и пенистым, но еще не утратил сладости, и Фаун, успевшая проголодаться, с благодарностью улыбнулась Берри. Та провела ее к откидному столу, и они уселись за ним на табуретках.

— Хорошо бы поскорее начались дожди, — сказала Берри. — Я всех расспросила здесь в первый же день, а застряла на целую неделю. Мне нужно, чтобы вода поднялась по крайней мере на восемнадцать дюймов, чтобы «Надежда» прошла через пороги, да и то скребя днищем по камням. — Она отхлебнула из кружки и вытерла рот рукавом, потом осторожно поинтересовалась: — Ты ведь недавно на реке, верно?

Фаун покачала головой и ответила на тот вопрос, который подразумевался:

— Нет, мы ничего не могли услышать о твоих родичах. — Подумав, она добавила: — Ну, по крайней мере мы с Витом. Насчет Дага не могу сказать.

— С Витом?

— Это мой брат. Он добрался с нами вместе до реки Грейс, а завтра отправится обратно с возчиками стекла. — Фаун рассказала Берри про Варп и Вефт и финансовых планах Вита. После того как половина сидра была выпита, Фаун почувствовала, что теперь ей хватает храбрости спросить: — А как вышло, что прошлой осенью ты осталась дома? — Фаун прекрасно знала, как мучительно не знать, что за несчастье случилось с теми, кого ты

любишь, однако подумала: может быть, Берри повезло, что и с ней ничего не случилось.

— Ты в самом деле вышла замуж этим летом? — задумчиво спросила Берри.

Фаун кивнула. Под столом ее пальцы коснулись свадебной тесьмы, обвивавшей левое запястье. То ощущение направления, которое Даг заложил в тесьму перед отправкой в Рейнтри, почти исчезло. Может быть, теперь, когда его призрачная рука вернулась, он сможет обновить заклинание? «Воздействие Дара», — тут же старательно мысленно поправила себя Фаун.

— Я думала, что и я к лету выйду замуж, — вздохнула Берри. — Я осталась, чтобы обустроить мой... наш новый дом, вот папа и поручил мне младшего брата: ведь я должна была стать взрослой женщиной. Элдер, мой суженый, отправился с папой, потому что никогда раньше не спускался по реке, а папа решил, что ему нужно обучиться ремеслу речника. Мы должны были пожениться, когда они весной вернулись бы с заработанными деньгами. Папа говорил, что это будет его лучшее путешествие... Правда, он так говорил каждый раз, независимо от того, ожидал удачи или нет. — Берри отхлебнула еще сидра. — Весна-то вернулась, а вот они — нет: ни сами, ни те матросы, которых они наняли. У меня все уже было готово... совсем все... — Голос Берри оборвался.

Фаун кивнула: ей не нужен был список, чтобы представить себе это «все»: белье и кухонную посуду, супружескую постель с пуховыми перинами, покрытую вышитым покрывалом... занавески повешены, продукты запасены, дом убран — все блестит. Подвенечное платье сшито... и начинается ожидание: сначала с нетерпением, потом с гневом, наконец с беспомощным страхом, когда надежда начинает исчезать... Фаун поежилась.

— Земляничный сезон наступил и миновал, и я перестала возиться с домом и принялась обустраивать баржу. Единственный родственник, который мне помог, был дядюшка Бо — он старший сводный брат моей матери, так никогда и не женившийся. Мои двоюродные братья с ним дела не имеют, потому что, как они говорят, он слишком много пьет и ненадежен... это и в самом деле так, только даже такая помощь лучше, чем никакой... а от них-то я никакой помощи не видела. Они заявили, что не женское это дело — самой спускаться по реке, как будто я не знаю о баржах в десять раз больше, чем любой из них!

— Ты думаешь, что найдешь их? Всех твоих пропавших мужчин? — робко спросила Фаун. — Должно быть, они где-то крепко застряли. — Она не стала упоминать самые вероятные несчастья: баржа могла разбиться на камнях и вся команда могла утонуть; людей могли съесть медведи или те ужасные болотные ящерицы, о которых рассказывал Даг, или ужалить гремучие змеи; еще более вероятной была мрачная возможность какой-то внезапной болезни, от которой люди умирают на холодном речном берегу, и даже никого не остается, чтобы похоронить тела в безвестной могиле...

— Поэтому-то я назвала свою баржу «Надежда», а не «Искатель», как сначала хотела. Я ведь не дура, — тихо сказала Берри, — я представляю себе все, что могло случиться. Только я не могла прожить еще и недели, ничего не зная наверняка, когда у меня под рукой было судно, на котором можно отправиться на поиски. Ну, отчасти под рукой. — Она запрокинула голову, допивая сидр. Сглотнув, она продолжала: — Вот почему мне нужно иметь в готовности команду. Если вода вдруг быстро поднимется, я не хочу застрять, дожидаясь тех двух перепуганных дураков.

— А если они все-таки вернутся, для нас место на барже найдется?

— Ага! — Берри неожиданно улыбнулась, и ее широкий рот стал еще шире. Нельзя сказать, чтобы Берри была хорошенькой, но привлекательной — точно, решила Фаун. — Я не люблю готовить.

— Если ты... — начала Фаун, но ее прервал жалобный голос, донесшийся с берега.

— Фаун! Эй, Фаун, куда ты делаешь?

Фаун поморщилась и допила свой сидр.

— Это Вит. Должно быть, он закончил разгрузку. Я лучше пойду успокою его. Даг велел мне присматривать за братцем. — Она поднялась и двинулась через темную часть

каюты, крикнув на ходу:

— Я здесь, Вит!

— Вот ты где! — Вит сбежал по берегу, вытирая покрасневшее лицо. — Ну и перепугала ты меня, когда исчезла, не предупредив! Даг же с меня шкуру бы спустил, если бы я позволил чему-нибудь с тобой случиться.

— У меня все хорошо, Вит. Мы с Берри просто пили сидр.

— Тебе не следовало заходить на баржу к незнакомым людям, — принялся отчитывать ее Вит. — Если бы ты... — Вит умолк, забыв закрыть рот, и вытаращил на что-то глаза. Фаун оглянулась.

У нее за плечом стояла улыбающаяся Берри. Опершись о поручни, она дружелюбно помахала Виту.

— Это и есть твой муж?

— Нет, это брат.

— Ах да, он на тебя похож.

Вит все еще неподвижно стоял у перекинутой на берег доски. Почему его так поразило, что сестра решила поболтать с хозяйкой баржи? Только на Фаун он и не смотрел. Ошеломленное выражение его лица показалось Фаун странно знакомым, и Фаун поняла, что уже видела его — и совсем недавно.

«Ах, никогда еще я не видела, чтобы человек дважды за один день влюблялся с первого взгляда...»

7

День начинал клониться к вечеру, когда Даг наконец догнал фургон Таннера у склада Опоссумей Пристани. Ему пришлось сделать крюк — сначала побывать в Жемчужной Излучине, откуда Мейп и направил его в нужную сторону, на другой берег реки. Долгое ожидание парома, потом короткая поездка по берегу, поворот к Пристани... Даг напрягся, когда его хромающий Дар не смог обнаружить знакомой искорки — Фаун. Однако тут он увидел Вита, возбужденно ему махавшего.

— Даг! — закричал парень, когда тот натянул поводья, останавливая Копперхеда. — Я уж и не знал, когда же ты появишься! Стал придумывать, как тебя искать... Мы уже обо всем договорились насчет баржи!

Таннер, сидевший на облучке, разобрал вожжи и несколько растерянно посмотрел на Вита.

— Так что, ничего передавать не надо?

— Нет, раз он явился! Спасибо. Ох... подожди чуток. — Вит подошел к упряжке, похлопал Вефт по крупу, потом обнял за шею. Обойдя фургон, так же он попрощался и с Варп. — До свидания, лошадки. Слушайте теперь Таннера, слышите? — Лошади насторожили уши, а Варп потерлась о Вита мордой — то ли прощаясь, то ли приняв его за столб, о который можно почесаться. Это заставило Вита быстро заморгать.

— Они прекрасная пара, хоть и молодые еще, — заверил Вита Таннер. — Удачи тебе. — Он коснулся шляпы, кланяясь Дагу. — И тебе тоже, Страж Озера.

К удивлению Дага, фургон покатиł прочь без Вита. Быстро оглядевшись, Даг заметил седельные сумки и Фаун, и Вита у ступеней склада. В тени на скамье у входа сидели двое местных жителей; один что-то выстрегивал, другой просто сидел, свесив руки между колен, и с любопытством таращился на Дага.

— Разве ты не будешь помогать ему в дороге? — спросил Вита Даг, кивнув на удаляющийся фургон Таннера.

— Я только помог ему погрузить кучу товаров из Трипойнта и с верховьев, которые он повез в Глассфордж. Мейп должен загрузить свой фургон в Жемчужной Излучине — хлопок и чай, говорил Таннер, и индиго, если найдется... ну и если цена будет подходящей.

— Он так и сделал. Я его только что видел.

— Ну и прекрасно.

— Мейп говорил, что они собираются выехать завтра утром, когда лошади отдохнут. Ты... э-э... их догонишь?

— Да не совсем.

— Как это — «не совсем»? — Боги, он начал разговаривать с этим парнем совсем как Соррел! Впрочем, Вит ничего не заметил.

— Ох, ты должен это увидеть! Давай, грузи наши сумки на Копперхеда, и я тебе покажу!

Даг не решился охладить такой энтузиазм, несмотря на собственное унылое настроение. Он послушно спешился и помог перекинуть сумки через седло, обмотал поводья вокруг крюка и двинулся за Витом, который рвался вперед, как щенок на поводке. Сидящие на скамье зеваки проводили их взглядами. На Дага они смотрели с подозрением и не слишком дружелюбно, но все же без той враждебности, какой можно было бы ожидать, если бы кто-то из жертв Барра и Ремо прошлой ночью умер.

«Спасибо вам, отсутствующие боги!»

Вит, успевший пройти вперед, вернулся и попрощался с сидящими на скамье, из чего Даг заключил, что Таннер нанимал их для погрузки: так обычно и бывало на пристани — местным бездельникам удавалось заработать несколько монеток.

— Так если ты не собираешься вернуться в Глассфордж вместе в Таннером, Мейпом и Хогом, что ты собираешься делать? — поинтересовался Даг.

— Хочу попробовать поторговать на реке. Я потратил часть денег, вырученных за лошадок, на оконное стекло — буду продавать его по пути «Надежды». Это баржа Берри... — объяснил Вит с кривой улыбкой.

— А как насчет обещания твоим родителям сразу же вернуться домой?

— Это на самом деле было не обещание... скорее план. А планы меняются. Да и вообще — если я распродам стекло к тому времени, когда мы доберемся до Серебряных Перекатов, я могу вернуться домой по дороге вдоль реки — там не заплутаешь. И времени уйдет ненамного больше.

В таком новом плане чувствовалась смущающая неопределенность... Что ж, Даг скоро сможет узнать, что думает об этом Фаун. Он снова стал настороженно оглядывать окрестности.

Они шли вдоль ряда барж, привязанных к деревьям на берегу. Парень, сидевший на ящике на палубе одной из них, при виде Дага нахмурился. Женщина на другой схватила своего малыша, глазевшего на Дага, засунув палец в рот, и утащила в каюту. Несколько речников, болтавших и смеявшихся на плоской крыше каюты, внезапно умолкли, поднялись на ноги и в упор уставились на Дага.

— Чего это они таращатся? — спросил Вит, поворачивая голову в ту сторону. — На тебя, что ли, Даг? Я тут проходил дважды, так на меня они и не глядели...

— Ты просто продолжай идти, Вит, — устало ответил Даг. — Не поворачивай головы. Да отвернись же!

Вит уже снова двинулся было обратно, но послушно развернулся.

— А?

— Я Страж Озера, один, в крестьянской стране. Пожиратель мертвых, грабитель могил, колдун — ты не забыл? Они гадают, что я затеваю.

«Они гадают, не окажусь ли я легкой добычей. Они гадают, не напасть ли на меня».

Возможно, решил Даг, они также гадают, не является ли его появление следствием потасовки прошлой ночью — не собирается ли он отомстить.

— Но ты же ничего не затеваешь? — спросил Вит, оглядываясь через плечо. — Ты уверен, что они не разглядывают просто твой крюк?

Даг стиснул зубы.

— Совершенно уверен. Ты разве не помнишь, что подумал, когда Фаун в первый раз ввела меня в кухню вашей фермы?

Вит заморгал, пытаясь вспомнить.

— Ну, я, должно быть, подумал, что моя сестрица притащила довольно странного парня. И очень высокого — это я помню.

— Разве ты не испугался?

— Да нет, не особенно. — Вит заколебался. — А вот Рид и Раш трусили, я думаю.

— Вот видишь.

Вит скосил глаза; компания матросов на крыше каюты снова расселась на прежнем месте.

— А знаешь, в дрожь бросает...

— Да.

— Хм-м... — Темные брови Вита сошлись на переносице. Задумался? Хотелось бы надеяться...

— Что ты слышал на складе о драке прошлой ночью? — спросил Даг.

— Ах да, такая удача для нас!

— Что? — Даг от изумления даже замедлил шаг. Вит взмахнул руками.

— Похоже, парней с «Надежды» их приятели подговорили напасть на кого-то из местных Стражей Озера, которые их разозлили. Когда хозяйка паромы и еще несколько Стражей Озера явились их разнимать, эти дурни перепугались и сбежали — вместе с какой-то девицей и ее ухажером. Еще троим было не до бегства — они теперь отлеживаются на своих судах. Вот так и вышло, что Берри понадобились двое крепких мужчин-гребцов. — Вит показал на Дага и на себя, широко ухмыльнулся и поднял два пальца. — А Фаун будет стряпать.

— Хотелось бы все понять в точности, — сказал Даг. — Ты подрядил меня — и Фаун — в качестве команды на баржу?

— Ага! Разве не здорово? — весело ответил Вит. Даг собрался было объяснить ему, насколько это «здорово», но тут Вит добавил: — На самом деле это была идея Фаун, — и Даг просто выдохнул воздух, ничего не сказав.

Снова сделав вдох, он все-таки поинтересовался:

— А ты хоть представляешь себе, как управляться с большим веслом?

— Нет, но ты-то наверняка умеешь, а Берри и Бо сказали, что научат меня.

Все это было не слишком похоже на то свадебное путешествие, которое Даг обещал Фаун — да и себе тоже. Дело было не просто в работе, которую Вит явно недооценивал. Даг все еще чувствовал упадок сил после случая с Хогом, хотя тогда физически он и не пострадал; но тут Даг вспомнил, какое оздоравливающее действие оказала на него работа на жатве, и заколебался.

— Ты сказал этому хозяину баржи, что я Страж Озера? — осторожно поинтересовался Даг.

— Э-э... не помню, заходил ли об этом разговор, — смущенно признался Вит.

Даг вздохнул.

— А не носит ли он на голове железный горшок?

— Не он, а она — нет, не носит. Что за горшок? Зачем его носить?

Короткий рассказ Дага о злключениях Барра и Ремо вызвал у Вита взрыв хохота.

— Ух и круто! Нет, грузчики на складе об этом мне не говорили. Может, и они тоже были из тех, кто напялил горшки?

— Не так уж круто в результате, — сказал Даг. — Один из дозорных имел при себе разделяющий нож, чего не должен был делать, и в драке его сломали. Стражи Озера из Жемчужной Стремнины очень этим сегодня встревожены.

Вит прищурился.

— Это что, очень плохо?

Даг попытался найти сравнение.

— Представь... представь, что ты затеял пьяную драку с Санни Семеном и его дружками на площади в Вест-Блю и что в толчее один из парней свалил с ног тетушку Нетти

и убил ее на месте. Это было бы примерно так же плохо.

— Ох, — пораженно выдохнул Вит.

— Думаю, те дозорные чувствуют себя так же скверно, как чувствовал бы себя ты на следующее утро. — Даг нахмурился. — И думаю, что друзья тех речников, которые отлеживаются после драки, сейчас не пылают особой любовью к попавшемуся им на глаза одинокому Стражу Озера. — Даг снова вздохнул. Что ж, так или иначе им нужно уплыть из Серебряной Излучины, как только поднимется вода. И лучше бы она поднялась поскорее...

К этому моменту они подошли к барже, о которой шла речь.

Фаун — наконец-то нашлась! — стояла на палубе и разговаривала с высокой светловолосой девушкой в практичной домотканой одежде, закатанные рукава которой открывали тонкие, но мускулистые руки. У девушки была милая широкая улыбка, в которой, когда она смотрела на Фаун, проглядывало то же возбуждение от только что обретенной дружбы, которое Даг заметил в Вите. Фаун выглядела столь же довольной. Даг постарался не чувствовать себя стариком. В загоне на палубе мальчик, стоя на коленях, доил козу. У него были такие же соломенные волосы, как и у девушки, остриженные под горшок, и такие же высокие скулы. Мальчик был слишком велик, чтобы быть сыном девушки, так что скорее всего приходился ей братом. Пожилой мужчина, небритый и довольно хилый, стоял, прислонившись к стене каюты, глядя на девушек мутным, но доброжелательным взглядом.

Даг кивнул на светловолосую девушку.

— Это и есть твоя хозяйка Берри?

— Ага, — с гордостью подтвердил Вит.

Даг внимательно посмотрел на парня.

«Так вот откуда ветер дует!»

— Ее следовало бы называть хозяйка Клиркрик, но она говорит, что так зовут ее отца, а она просто хозяйка Берри. Разве не повезло Фаун, что на борту будет еще одна женщина? Ясно, что Берри это тоже нравится. Они сразу нашли общий язык.

У Дага возникло чувство неизбежности. Он позволил своему Дару раскрыться и оглядел суденышко. По крайней мере, вся вода была снаружи, а не внутри корпуса. Дар баржи обладал единством, которое говорило: «Это судно, а не набор досок».

— Эта баржа хорошо сработана, — признал Даг.

Увидев Дага, Фаун вприпрыжку пробежала по доске над прибрежной грязью и обняла мужа так, словно он отсутствовал многие дни, а не часы. Он отпустил Копперхеда щипать траву и прижал к себе Фаун, позволив своему Дару на мгновение коснуться ее. После лагеря в Жемчужной Стремнине это было как целебное лекарство, наложенное на рану. Даг выпустил Фаун, увидев, как по доске на берег спускается хозяйка баржи; ее широкая улыбка несколько поблекла.

— Даг, я нашла самую лучшую баржу, — начала Фаун, отстраняясь от мужа только для того, чтобы заглянуть ему в лицо. «Она как цветок выюнка!» — Берри говорит, что мы можем плыть с ней, расплачиваясь работой, если ты сочтешь, что это получится...

— Я уже рассказал ему об этом, — вмешался Вит.

— Не торопи события... — начала Фаун.

Светловолосая девушка прыгнула на берег и теперь стояла, скрестив руки на груди.

— Это и есть твой Даг? — сказала она Фаун.

Фаун выскользнула из однорукого объятия Дага, но продолжала сжимать его пальцы.

— Да, — с гордостью ответила она.

Теперь улыбка сменилась выражением растерянности.

— Но он же Страж Озера!

«Только теперь это под вопросом...»

Даг вежливо кивнул хозяйке баржи.

— Добрый день, мэ.

Растерянность на лице девушки сменилась неприязнью.

— Фаун, я знаю Стражей Озера. Я... я скорее выйду замуж за... за нашу козу Дейзи,

чем один из них женится на крестьянке. Не знаю, ты или обманываешь меня, или он обманул тебя, только одно знаю точно: я не желаю иметь у себя на борту мошенников.

Фаун и Вит хором принялись за обычные объяснения насчет свадебной тесьмы и брака, заключенного в Вест-Блю; Даг почувствовал, что его терпение на исходе. Дело было не только в хозяйке Берри и подозрительных взглядах разозленных матросов; все это наложилось еще и на сцену в штабе дозорных. Даг неожиданно ощутил себя пловцом, которого увлекает течение, не позволяя достичь ни одного из берегов. Он стиснул зубы. «Никто и не обещал, что будет легко». Даг только надеялся, что Фаун не лишится желанного плавания по реке... и своей новой дружбы.

Берри коснулась свадебной тесьмы, которую показала ей Фаун; судя по выражению лица хозяйки баржи, ее если и не удалось полностью убедить, то все же удалось несколько успокоить. Ее взгляд упал на протез Дага.

— Они говорят, что ты смыслишь в судах, — наконец в первый раз обратилась она напрямую к Дагу.

Даг снова вежливо кивнул.

— Я никогда не управлял баржей или плоскодонкой, но плавал на парусных лодках, больших и малых, и по реке Грейс, и по Серой, хотя ни разу не добирался до устья за один раз.

— А я никогда раньше не имела в команде Стража Озера... даже никогда не видела ни одного на крестьянских судах. — Теперь в голосе Берри звучала скорее озабоченность, чем враждебность.

— Я отправился в это путешествие, чтобы сделать много вещей, которые никто не делал раньше. — Даг посмотрел на взволнованное лицо Фаун и решил постараться убедить Берри. — Я плавал и по низкой воде, и по высокой; я сумею отличить топляк от коряги. И я могу показать тебе фарватер между мелями и камни даже в мутной воде и днем, и в темноте.

— Ах, это тебе покажет твой Дар? — радостно проговорила Фаун. — Ну конечно!

— Верно, — сказала Берри, — я ни разу не видела, чтобы парусная лодка села на мель. Вы, Стражи Озера, пользуетесь своей магией, чтобы направлять суда?

— В определенной мере. — Если Берри решит взять его и его спутников на борт, у него будет много времени, чтобы объяснить ей тонкости использования Дара. Даг кивнул в сторону щипавшего траву Копперхеда. — А место для моего коня у тебя найдется?

— Твоя жена... — Берри запнулась, потом продолжала: — Фаун упоминала коня. Сможет он находиться в одном загоне с Дейзи?

— Да, его можно заставить.

— Что ж, тогда... — Глаза хозяйки баржи все еще оставались настороженными, и Даг подумал, что они казались более голубыми, когда девушка улыбалась. — Пожалуй, вы подойдете.

Вит завопил от радости, а Фаун улыбнулась. Даг почувствовал, что их энтузиазм заразителен, и криво улыбнулся тоже. Даже губы Берри дрогнули, когда она, пройдя по доске, вернулась на палубу своего суденышка.

Небритый старик с затуманенным взглядом слушал разговор, не шевелясь и повесив голову; светловолосый мальчишка перестал доить козу и во все глаза смотрел на Дага.

— Ну вот, Бо, — сказала Берри старику, кивнув на троицу на берегу, — похоже, у нас будет гребец — Страж Озера.

Одна кустистая седая бровь приподнялась; старик сплюнул через борт, но только протянул:

— Такое будет в новинку, — и следом за Берри нырнул в каюту.

— А как нам завести Копперхеда на баржу? — неожиданно спросила Фаун, как будто только теперь заметила такую проблему. — Он гораздо больше, чем коза Дейзи.

— Нужно уложить еще несколько досок, — коротко ответил Даг.

— Ах...

— Фаун, мне удалось купить стекло для продажи! — возбужденно начал Вит, не сводя

глаз с двери каюты, за которой скрылась Берри. Даг мог только подумать: «Не раскатывай губы, парень».

Фаун озабоченно нахмурила лоб; Даг предположил, что она подумала о том же, что и он. Взяв Вита за руку, она, понизив голос, проговорила:

— Пойдем — как будто нам нужно привести Копперхеда. — Даг двинулся следом за ними; вскоре они оказались там, где их не услышали бы с баржи.

Фаун притворилась, что возится со своей седельной сумкой.

— Вит, ты умчался, прежде чем я сумела тебе кое-что сказать. Берри не просто отправляется вниз по реке торговать. Ее отец прошлой осенью отправился к устью и не вернулся. С тех пор о нем она не слышала ни слова. Берри собирается искать его.

— Ох, так мы можем ей помочь... — начал Вит, но Фаун его перебила:

— Ее отец, ее старший брат и ее жених — пропали они все.

С лица Вита исчезло всякое выражение. После паузы он проговорил:

— Так она обручена?

— Да... а может быть, в трауре. Она сама этого сейчас не знает. Так что постарайся немного... немного... ну, просто постарайся не вести себя, как идиот, ладно?

Вит заморгал.

— Э-э... угу. — Сглотнув, он храбро продолжал: — Ну нам же все равно нужно судно, а ей — команда, верно?

— Верно, — ответила Фаун, внимательно глядя на брата.

— Такая девушка и в таком несчастье — она заслуживает всей помощи, какую только может получить. Две крепких пары рук... три пары... точнее, две с половиной. — Улыбка Вита получилась принужденной.

— Если ты отпустишь еще хоть одну из твоих дурацких шуточек, — ровным голосом сказала Фаун, — клянусь, я огрею тебя по уху.

— Ладно.

Даг начал разгружать седельные сумки, думая: «Нам нужен дождь, и поскорее».

* * *

Они устроились быстрее, чем ожидала Фаун. Дядюшка Бо принял присутствие Дага без возражений, хотя младший брат Берри Готорн, которому должно было скоро сравняться двенадцать, молча глазел на Дага и пятился, если тот оказывался слишком близко. Берри и Фаун вместе занялись ужином; Берри по большей части только показывала Фаун, где и что хранится на барже. После вкусной еды и Бо, и Готорн стали вовсю улыбаться Фаун.

Решив, что лучше сразу установить порядок, которого она намеревалась придерживаться и впредь, Фаун поручила мытье посуды Виту с Готорном. Когда с наступлением сумерек похолодало и от реки поднялся туман, все собрались вокруг маленького очага, в котором еще тлели угли. Разгонять темноту помогала лампа, заправленная каменным маслом. Берри угощала всех пенящимся сидром: его пили столько, сколько могли вместить.

Вит выглянул в задний люк каюты, потом со вздохом снова уселся на свой табурет.

— Интересно, скоро ли пойдет дождь? — ни к кому конкретно не обращаясь и, похоже, не ожидая ответа, пробормотал он.

Бо приподнял ногу в поношенном сапоге.

— Мой погодный палец говорит, что этой ночью дождя не будет.

Вит скептически посмотрел на старика.

— У тебя есть палец, который предсказывает погоду?

— Ага. С тех пор как мне его сломали.

Берри усмехнулась.

— Эй, не вздумай усомниться в пальце дядюшки Бо. Он никакой гадалке не уступит.

— В это время года погода в долине Грейс может измениться неожиданно, —

дружелюбно сказал Виту Бо. — То дождь, то снег, то ветер, то туман. Знаешь, однажды, когда я шел на парусной лодке от Серебряных Перекатов, туман опустился такой, что руки перед собственным носом было не разглядеть. Такой был туман, что лодка в нем застряла, хочешь верь, хочешь — нет, и в конце концов хозяин велел бросить якорь. На следующее утро мы проснулись — а рядом коровы мычат; оказалось, что в тумане мы на добрых полмили удалились от реки и бросили якорь на чьем-то пастбище.

Вит поперхнулся сидром. Вытерев лицо рукавом, он сказал:

— Не выдумывай, ничего такого с вами не было!

Готорн столь же скептически спросил:

— А как же вы вернули лодку в реку?

— На катках, — невозмутимо ответил Бо.

Хотя ответ был логичным, Готорн продолжал сомневаться.

Бо вскинул голову в шутливой обиде, шевеля седыми бровями.

— Нет, все так и было! Вот смерчи — о них стоило бы рассказать!

— Смерчи? — испуганно переспросила Фаун. — Они на реке бывают?

— Иногда, — ответила Берри.

— Тебе случалось попадать в смерч? — спросил Вит.

Берри покачала головой, но тут в первый раз за весь вечер раздался глубокий голос Дага.

— А я однажды попал — в верховьях Серой.

Все оглянулись с таким изумлением, как если бы заговорил один из стульев. Сидя в темноте, куда не достигал свет очага, вытянув длинные ноги, Даг поднял свою кружку и отхлебнул сидра. Только Фаун заметила, как он втянул воздух: усилие, которое он собрался предпринять, далось ему нелегко.

— Мы вшестером отправились из Лутлии на большой лодке торговать мехами. Смерч налетел неожиданно, небо стало темно-зеленым. Мы с трудом догребли до западного берега и все, что могли, привязали к деревьям, да только не очень-то это помогло: вихрь вырывал деревья из земли, как травинки. Вот тогда-то я и увидел самую странную вещь в своей жизни: ветер сдул с пастбища где-то поблизости белую лошадь, и она пролетела прямо над нами, колотя ногами так, словно мчалась галопом. Мчалась галопом по небу...

На несколько мгновений воцарилась тишина; седые брови Бо поползли на лоб. Наконец Готорн спросил:

— И что же случилось с лошастью? Ты видел, как она опустилась?

— Мы были слишком перепуганы и слишком крепко цеплялись за землю, чтобы думать об этом, — ответил Даг. — Бедная животина разбилась, наверное.

Лицо Готорна сморщилось. Даг быстро взглянул на Фаун и поспешно поправился:

— Или могла кувырнуться вниз и приземлиться в пруду. Выплыла бы, встряхнулась и пошла щипать травку.

Готорн повеселел. Вит повеселел тоже, заметила Фаун и закусила губу.

— Это же выдумка, верно? — неуверенно протянул Вит.

Даг с невинным видом широко раскрыл глаза.

— Ты разве ожидал от меня небылицы?

— Ну, так обычно состязаются фермеры, — начал объяснять Вит. — Полагается на невероятную историю отвечать еще более невероятной.

— Ох, прошу прощения, — склонил голову Даг. — Значит, правдивые истории рассказывать нельзя? Похоже, я опростоволосился.

— Я... — Вит сконфуженно умолк.

Берри потеряла губы. Лицо Бо осталось неподвижным, но он поднял свою кружку, молча приветствуя Дага.

* * *

Берри, окинув взглядом Дага и сравнив его рост с длиной койки, предложила им с Фаун расположиться в отведенной для товаров части каюты. Там было темно и довольно сыро, пахло кожами, на которых пришлось расстелить одеяла, но зато Берри принесла кусок толстой ткани, и они с Фаун повесили его на балку, обеспечив таким образом супружеской паре уединение. Это безмолвное признание за Фаун статуса новобрачной заставило Берри погрузнеть, но доброй ночи она пожелала новой подруге без каких-либо комментариев.

Таким образом, оказалось, что Фаун не лишится общества Дага, как она опасалась, учитывая скученность на борту. Куча кож не издавала предательского скрипа каждый раз, когда тела на ней двигались. Дагу пришлось только заглушить смехок Фаун поцелуем, когда они занялись приятным делом поиска друг друга в темноте, что явно пришлось ему по вкусу. Фаун вспомнила, что его Дар действует одинаково как днем, так и ночью. Видеть Дага было для Фаун наслаждением, и она жалела, что не имеет такой возможности, но зажечь свечу было бы слишком рискованно: отделяющая их занавеска могла загореться, лишив их драгоценного уединения.

Потом, лежа рядом с Дагом в своей любимой позе — ухом к его сердцу, — Фаун прошептала:

— То, что ты рассказал про летающую лошадь, — правда?

— Угу. — Помолчав, Даг добавил: — В следующий раз я эту историю изменю. Ясно, что обязательно нужно упомянуть про пруд. — Грудь его дрогнула от сдерживаемого смеха.

— Ну, мне кажется, это зависит от того, кто твои слушатели. Некоторые мальчишки предпочли бы услышать, что летун лопнул, ударившись о землю.

— Так, возможно, и случилось, — печально признал Даг.

— Мне нравится Готорн, — подумав, сказала Фаун. — Для мальчика он удивительно добросердечен и при этом не застенчив и не боязлив. — Это хорошо говорило о Берри, которая воспитывала брата. — По детям и животным всегда видно, как с ними обращались. Я хочу сказать... если вспомнить про беднягу Хога.

— Я бы предпочел не вспоминать, — вздохнул Даг.

Они тесно прижались друг к другу, и даже неровный храп, доносившийся с койки в глубине каюты, не мог помешать Фаун уснуть в их уютном убежище.

* * *

Даг проснулся в гораздо лучшем настроении. Готорн и Дейзи показали им с Копперхедом дорогу к лужайке за Опоссумей Пристанью, где речники пасли своих животных. Кроме них, там никого не оказалось. Даг мирно провел два часа, растянувшись под деревом, пока его конь щипал траву; это к тому же позволило ему уклониться от участия в бурной деятельности Вита, затеявшего перетаскивание ящик за ящиком стекла со склада на «Надежду». Когда парню не удалось привлечь Дага, он попытался захомутать Фаун, но та предусмотрительно сослалась на необходимость пополнить запас продовольствия на барже в соответствии со своими представлениями о готовке; воспрепятствовать ей в этом никто Виту не позволил бы.

После обеда, доказавшего обоснованность забот Фаун о разнообразии припасов, Даг ушел на заднюю палубу и уселся там на ящике, прислонившись спиной к стенке каюты; здесь он не был виден речникам с других судов. Пока он ходил туда-сюда по доске-сходне, ему пришлось вытерпеть обычное любопытство соседей, несколько смягченное, впрочем, тем обстоятельством, что его приняли и хозяйка баржи, и ее маленькая команда. Берри, похоже, пользовалась авторитетом в плавучем сообществе. Даг оглядел лески, свешивающиеся с кормы, и подумал: не следует ли ему своим способом наловить рыбы на ужин, чтобы доказать пользу от присутствия на борту бывшего дозорного. Чистка рыбы, впрочем, требовала двух рук; эта обязанность легла бы на Вита. Даг ухмыльнулся.

Эх, если бы этот ясный осенний день стал пасмурным и дождливым...

Голоса, донесшиеся с носа, сообщили Дагу о том, что Вит на одолженной тележке

привез еще один ящик... но этим дело не ограничилось: через каюту кто-то быстро протопал. Вит высунул голову из двери и смущенно сказал:

— Даг, лучше бы тебе выйти...

«Что там еще?»

Даг неохотно обернулся.

— Куда? Зачем?

— На нос. Ну... трудно объяснить зачем.

Вит нырнул обратно в каюту. Даг подтянулся и влез на крышу каюты — так было удобнее, чем пробираться понизу, рискуя удариться головой о балку. Дойдя до противоположного конца крыши, он обнаружил там сидящую, свесив ноги вниз, хозяйку Берри; она растерянно смотрела на то, что происходило на носу.

Там рядом с загоном для козы на бочонке, стиснув в руках палку Дага, сидел Хог; на его длинном лице было написано беспокойство. Вокруг него суетилась Фаун. Вит вынырнул из каюты и возбужденно взмахнул руками.

— Я наткнулся на него у склада, — объяснил он. — Он сказал, что ищет тебя.

С недоумением посмотрев на Хога, Даг спрыгнул с крыши каюты на палубу. Его не особенно порадовало наличие заинтересованных зрителей: на соседней барже двое матросов, опершись на поручни, разинув рты наблюдали за происходящим, как за увлекательным представлением.

— Страж Озера! — обрадовался Хог; впрочем, улыбка на его лице быстро сменилась выражением неуверенности.

— Привет, Хог, — кивнул ему Даг. — Что привело тебя сюда? — Ведь Мейп и Таннер собирались выехать на рассвете: иначе им было бы не добраться до Глассфорджа за два дня. — Что-нибудь случилось?

Хог, запинаясь, выдавил:

— Я принес обратно твою палку, — и он в доказательство поднял ореховую трость Дага.

— Ну... — Даг растерянно почесал затылок. — Это очень любезно с твоей стороны, только необходимости в том не было. Я могу вырезать себе в лесу другую палку. Совсем не стоило тебе проделывать такой дальний путь со своей больной ногой.

Хог повесил голову и сглотнул.

— Да... моя нога. Она все еще болит.

— Неудивительно. От Жемчужной Излучины тут идти не меньше мили. — Даг закусил губу. Говорить Хогу, что такая идея была не слишком умной, представлялось бесполезным.

— Я хотел... я думал... не сделаешь ли ты со мной того же снова. Ну... как ты говорил — колдовство Стражей Озера.

— Укрепить твой Дар? — предположил Даг.

Хог быстро закивал.

— Ага, ага. Отчего нога перестает болеть.

— Чтобы твое колено не болело, нужно не нагружать его, как тебе и было сказано, — строго заметил Даг.

— Пожалуйста... — пробормотал Хог, раскачиваясь на бочонке. Он было протянул к Дагу руки, потом уронил их на колени. Лицо паренька сморщилось, и Даг с изумлением увидел, что глаза его полны слез. — Пожалуйста! Никто никогда раньше не снимал боль... Пожалуйста!

Фаун беспомощно похлопала бедолагу по плечу и озабоченно посмотрела на Дага. Тот вздохнул и присел на корточки перед Хогом, положив правую руку на пострадавшее колено.

— Ладно, посмотрим, что там происходит.

Он осторожно раскрыл свой Дар. Прежнее подкрепление Дара в колене сохранялось, плоть хорошо заживала, но сустав, несомненно, снова воспалился из-за несвоевременной нагрузки. Даг нахмурился.

— Послушай, Хог, — заговорила Фаун, с тревогой наблюдавшая за мужем, — ты же

знаешь, что Даг не может в любой момент прибегнуть к целительству. Это отнимает у него очень много сил. Ему нужно время, чтобы прийти в себя.

Хог сглотнул.

— Я подожду. — Умоляюще глядя на Дага, он повозился на своем бочонке, словно готовясь просидеть на нем весь день, а то и неделю.

Даг покачался на пятках, глядя на паренька.

— Ты не сможешь ждать так долго. Разве Мейп и Таннер не собирались выехать пораньше? — Если из-за этой глупой затеи Хога им пришлось задержаться, возчики будут недовольны.

— Они и выехали...

— Что? — изумленно переспросил Вит. — Они что, просто бросили тебя здесь?

— Нет, они рассчитали меня.

— Но это же нечестно! Просто потому, что ты неделю или две не сможешь ходить, они не должны были тебя вышвыривать! — Вит нахмурился при мысли о такой несправедливости.

— Да нет... Я сам попросил отпустить меня.

— Почему?

— Я хотел остаться. Здесь. Нет, не здесь, — Хог неопределенным взмахом руки обвел Жемчужную Излучину. — С ним. — Он показал на Дага. — Он мог бы меня нанять.

— Для чего? — недоуменно спросила Фаун.

— Не знаю, — пожал плечами парнишка. — Так... для чего-нибудь. — Он настороженно посмотрел на Дага. — Ну, сначала, конечно, для какой-нибудь сидячей работы... — После паузы он добавил: — Платить мне ничего не нужно.

— Ты хоть что-нибудь о судах знаешь? — задумчиво спросила Фаун. Она бросила взгляд на Берри, которая все еще сидела на крыше каюты и с тревогой следила за происходящим.

Хог неуверенно покачал головой.

Вит скривил губы. Подойдя к Берри, он прошептал:

— Боюсь, Хог не слишком сообразителен.

— Ну, мои сбегавшие гребцы тоже были туповаты. Мне по нескольку дней приходилось ждать, пока они вернут миски, из которых ели.

Вит спрятал ухмылку и продолжал:

— Но он старательный. Я хочу сказать — станет, когда у него заживет колено, по которому его лягнул злой конь Дага, — так это случилось. Даг его вылечил, как водится у Стражей Озера.

— Хм-м... На «Надежде» все еще не хватает команды, это верно.

— Он вроде как сирота, насколько я понял.

Брови Берри поползли вверх.

— Занятно... Я тоже вроде как сирота. — Она посмотрела на Хога более оценивающе.

Даг подумал о том, не удастся ли ему уговорить Хога сесть позади него на Копперхеда, чтобы галопом догнать Мейпа и Таннера и вручить им их подручного для доставки в Глассфорд. Впрочем, было ясно: Хог не захочет ехать, и у Дага возникло очень нехорошее подозрение о причине этого. Дело тут было не только в несчастной прошлой жизни мальчишки.

Удастся ли ему проверить свое подозрение? Хог согнулся, снова обхватив обеими руками колено. Не приходилось сомневаться: боль и в самом деле мучила его.

Даг откашлялся.

— Ладно, Хог, я смогу еще немного укрепить твой Дар. Но после этого ты должен вести себя как положено и выполнять распоряжения, чтобы твое колено зажило. Хорошо?

Лицо Хога засияло от радости, он закивал. Приоткрыв рот, мальчишка следил, как Даг наклоняется над его коленом и кладет руку на больное место.

Воспользоваться Даром оказалось легко; Даг почувствовал, как из его руки словно

волна тепла растеклась по пульсирующему суставу. На мгновение все напряжение исчезло из тела Хога; он втянул воздух, наслаждаясь облегчением.

— Хорошо, — прошептал он, — до чего же хорошо!

Фаун ободряюще похлопала паренька по плечу.

— Вот видишь! Скоро ты совсем поправишься.

Берри задумчиво потерла губы.

— Очень интересно. Страж Озера, так ты еще и костоправ?

— Иногда приходится, — признал Даг, поднимаясь на ноги. Сердце его колотилось, и не только от предпринятого усилия. — Только в чрезвычайных ситуациях. Я не был обучен настоящему целительству.

Фаун начала с гордостью рассказывать Берри, как Даг с помощью своего Дара восстановил разбитую чашу, но умолкла, когда Даг ухватил ее за руку и увлек в каюту. Он не остановился, пока они не оказались у очага, где их никто не мог бы услышать.

— Что-то не так? — испуганно спросила Фаун. — Нога у Хога не заживает?

— Да нет, заживает прекрасно. И его живот тоже.

— Ну, я рада это слышать. Знаешь, я подумала: может быть, путешествие по реке пойдет ему на пользу — теперь он ведь не будет мучиться все время. Уверена: мы сможем присмотреть за ним лучше, чем те возчики.

— Тихо, Фаун. Дело не в этом. Тут кое-что другое.

Напряженный голос Дага заставил Фаун заморгать и внимательно на него посмотреть.

— Хог... — Даг глубоко втянул воздух, — совершенно околдован. И я не знаю, как его от этого избавить.

8

Выражение лица Дага было очень встревоженным, даже испуганным; Фаун тоже пришла в смятение.

— Как это случилось? — спросила она.

— Не уверен... Наверное, когда я лечил его колено... только... только я совсем этого не хотел. Я всегда думал, что околдовать можно лишь нарочно.

— Значит, такое колдовство существует? — Фаун считала это рассказами, выдумками. Клеветой на Стражей Озера.

— Я сам никогда с таким не сталкивался, только слышал о подобном. Сплетни, всякие истории... Мне не приходилось встречать крестьянина, который... Ну, до тех пор как я встретил тебя, я вообще как следует не знал никого из крестьян. Я проезжал мимо, вел с ними дела — да, все это было, но так долго близок ни с кем я не бывал.

— На что похоже такое колдовство?

— Ты видела почти столько же, сколько и я. Хог хочет все больше — больше исцеления, больше подкрепления Дара, больше... меня, наверное.

Фаун недоуменно наморщила лоб.

— Но ведь Стражи Озера лечили меня. Ты, Мари, старый Каттагус как-то, когда я обожгла руку. И я не стала околдованной. — «Или стала?» Эта мысль вызвала более сильное чувство, чем просто смятение. Фаун вспомнила, в какую ярость пришла, когда брат Дага Дор именно это и предположил, издеваясь над их браком.

— Я... — Даг покачал головой, и Фаун понадеялась, что это отрицание ее зависимости от него, а не просто попытка прогнать туман в голове. — Это все были мелочи. То, что я проделал с Хогом, являлось самым глубоким погружением, на какое только может отважиться целитель. Я едва сумел высвободить собственный Дар.

Фаун испуганно прижала руку к губам.

— Даг, ты же ничего мне об этом не говорил!

Даг жестом успокоил ее.

— Что касается тебя... не знаю, как и сказать. Твой Дар не голоден, как Дар Хога. Ты

— само изобилие. Думаю, ты и не подозреваешь, как много ты мне даешь — даешь каждый день. — Даг нахмурил брови, словно пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль. — Я даже почти убедил себя в том, что риск околдовать крестьянина, оказывая ему медицинскую помощь, преувеличен... что у других могут возникать проблемы, но я-то — исключение. Похоже, мне нужно крепко подумать.

Оба они резко повернулись при звуке шагов. Хозяйка Берри, хмурясь, пробралась между загромождавшими каюту товарами.

— Что ты собираешься делать с тем парнем, Страж Озера? Берешь ты на себя ответственность за него или нет? Пока от него не слишком-то много пользы.

— Он мог бы быть судомойкой, — с некоторым сомнением сказала Фаун. — Даг, сколько времени пройдет, прежде чем его можно будет посадить за весло?

— Если его удастся этому обучить, имеешь ты в виду? Через пару недель, при условии что он снова не повредит колено. — Даг посмотрел на Фаун, сведя брови. — Через две недели мы уже спустимся далеко вниз по реке.

— Это если хоть когда-нибудь снова пойдет дождь, — вздохнула Берри.

— Если ссаживать Хога на берег, то лучше здесь, чем где-то в незнакомом месте, — сказал Даг. — Я не знаю, что с ним делать.

Не знает, как его расколдовать... А если оставить Хога в Опоссумьей Пристани, не попытается ли он следовать за Дагом? И если попытается, то до какого предела?

— Ну... — пробормотала Фаун, — если мы возьмем его с собой, тебе то ли удастся разобраться, то ли нет. Если же оставить его здесь, ты никогда этого не узнаешь.

Даг огорченно поскреб подбородок.

— Ты, пожалуй, права, Искорка.

Фаун взглянула на Берри, которая слушала их, подняв брови. Нет, собственные дела хозяйки баржи были не так хороши, чтобы просить ее еще и позаботиться о Хогe. Это было их с Дагом дело.

— Я готова взять его с собой, — сказала Фаун, — если ты, Даг, согласен.

Даг глубоко вздохнул.

— Значит, потащим его с собой.

Хозяйка Берри коротко кивнула.

— Выходит, на «Надежде» появилась судомойка. — С некоторым сожалением она добавила: — За проезд я с него ничего не возьму.

* * *

Когда среди дня солнце согрело воздух, дядюшка Бо возглавил поход к Излучине, где местные жители собирались спасти сколько удастся угля с недавно разбившейся баржи, пока вода стоит низко. Хог остался на «Надежде», чтобы не потревожить колено; считалось, что он должен нести вахту, но, как подумала Фаун, скорее всего он будет дремать. Вит преисполнился энтузиазма, узнав, что хозяин разбившейся баржи покупает извлеченный из воды уголь, хоть и по грошовой цене. Некоторые сборщики предпочитали забирать уголь себе, и тогда под ругань хозяина баржи за те же гроши его могли купить все желающие. Берри рассказала Фаун, что такой порядок установился несколькими днями раньше, после того как сборщики опрокинули свои корзины на самом глубоком месте, чтобы заставить хозяина баржи вести себя разумно. Вит разделся и вместе с Бо и Готорном принялся нырять за рассыпавшимся по дну грузом баржи — или, изогнувшись, захватывать куски угля пальцами ног. Фаун присоединилась к Берри: подоткнув юбки, они шлепали по мелководью, забирали у ныряльщиков мокрые мешки и рассыпали уголь на берегу сушиться. Осень сделала воду холодной.

Даг решительно заявил, что, будучи одноруким, участвовать в сборе угля не может; это заставило Фаун поднять брови и фыркнуть. Даг с удобством расположился на берегу, привалившись к стволу дерева и глядя на реку. Фаун забеспокоилась: не лишило ли его сил

новое подкрепление Дара Хога... Даг не обращал внимания на глазевших на него речников и жителей деревни, занятых сбором угля ниже по течению. Никто из молодежи из лагеря Стражей Озера не явился, чтобы поживиться плодами крушения, как заметила Фаун.

После часа спокойной работы мимо сборщиков в направлении Излучины прошла компания из полудюжины загорелых матросов. На некоторых из них были полосатые штаны, другие щеголяли цветными платками, повязанными вокруг головы, или перьями на шляпах. Парни начали было выкрикивать грубые шутки в адрес Фаун и Берри, но потом кто-то узнал хозяйку баржи и одернул приятелей. Берри достаточно дружелюбно помахала им; Даг приоткрыл один глаз, но увидев, что ничего не происходит, снова его закрыл.

— Куда это они направляются? — спросила Берри Фаун.

— В Жемчужную Излучину — думаю, чтобы выпить в таверне.

— А разве в Опоссумей Пристани нет таверны? — Фаун вспомнила, что именно туда отправлялась Берри на поиски Бо, когда тот надолго исчезал.

Берри ухмыльнулась и, понизив голос, ответила:

— Есть-то есть, да только сейчас ниже Излучины причалила постельная лодка. Ее содержат три сестры и пара их кузин. В Пристани такого нет — хозяйка парома их не потерпела бы.

Фаун запнулась: ей не хотелось обнаруживать собственное невежество. Некоторые подозрения у нее, конечно, имелись... Впрочем, она ведь теперь замужняя женщина.

— Постельная лодка? — переспросила она наконец.

— Некоторые из девиц, которые спят с речниками за деньги, держат собственные суда и плавают вверх и вниз по реке. Так им легче смыться, если женщины в городе начинают возражать, и не приходится делиться доходом с хозяевами таверн.

Фаун задумалась о том, было ли известно маме Блуфилд о таком экзотическом промысле на реке.

— Ты когда-нибудь встречала хозяек постельных лодок?

— Время от времени. Когда плаваешь на плоскодонках, задавая гребцам ритм игрой на скрипке, рано или поздно познакомишься практически со всеми речниками. Ну, конечно, не самыми отпетыми: папа не брался работать на постельных лодках. Большинство этих девиц славные: некоторым пришлось заняться таким ремеслом из-за невезения, другим оно, похоже, нравится. Встречаются среди них и воровки — поэтому у постельных лодок дурная слава. Ну, проходимцы встречаются и среди матросов, — поморщилась Берри.

По молчаливому соглашению разговор на эту тему прекратился, когда Вит помахал им, приглашая забрать улов. Фаун гадала, слышал ли Вит о постельной лодке; она не сомневалась, что он проявил бы даже большее любопытство, чем она сама. А денежки у него в кармане сейчас были... Фаун решила ничего при Вите о постельной лодке не говорить. Потом она задумалась о том, не навещают ли легкомысленных девиц мужчины из лагеря Стражей Озера. Даг должен знать... И если задать ему прямой вопрос, он, наверное, расскажет ей, хотя, конечно, первый на эту тему не заговорит.

Она высыпала уголь из мешка Вита, а Берри — из мешков Бо и Готорна на образовавшуюся кучу; потом Берри зашла в воду, чтобы кинуть мешки мужчинам. Вит благодарно улыбнулся ей посиневшими губами. Солнце садилось, и на берег легли тени; Фаун принялась тереть одна о другую замерзшие ноги, гадая, долго ли Берри и Бо собираются продолжать... Тут Даг приподнялся и повернул голову; согнув колено, он принял сидячее положение. Фаун проследила за его взглядом.

По тропинке вдоль берега приближались трое немолодых Стражей Озера — две женщины и мужчина. Одна из женщин была одета как дозорная, другая носила шерстяную юбку и кожаные туфли, украшенные иглами дикобраза; на мужчине были опрятные штаны и рубашка, а на спине лежала аккуратная коса, ничем не украшенная. В отличие от женщин, в его волосах не было седины, однако лицо мужчины выдавало возраст. Левая рука его была перевязана. Все трое выглядели одинаково хмурыми.

Стражи Озера остановились перед Дагом. Женщина-дозорная сказала:

— Даг Блу-как-тебя-там, нам нужно с тобой поговорить.

Даг сделал приглашающий жест, указав на траву и корни дерева рядом с собой.

Берри подошла к Фаун, и обе женщины вытаращили глаза на Стражей Озера. Те оглянулись на них, и женщина-дозорная мотнула головой в сторону.

— Наедине.

Даг прикрыл глаза, потом кивнул.

— Хорошо. — Он поднялся на ноги и сказал: — Я скоро вернусь, Искорка, или догоню вас уже на «Надежде».

Никто из Стражей Озера не обратил внимания на Берри, но все они пристально посмотрели на Фаун — и особенно на тесьму на ее левой руке. Фаун коснулась тесьмы пальцами правой руки и подняла подбородок. Она ожидала, что Даг представит ее, но он этого не сделал, просто коснувшись виска и довольно сурово кивнув. Было ли ему известно, чего хотят эти Стражи Озера? Если и было, то Фаун он ничего не говорил... Он вообще ничего не рассказал ей о своем посещении лагеря, когда догнал ее накануне, и в возбуждении от последующих событий она его ни о чем не спросила, просто предположив, что он не нашел тех друзей, с которыми хотел повидаться. Теперь стало ясно, что дело было не только в этом. Фаун с беспокойством следила, как Даг удаляется по тропе вдоль реки вместе с тремя мрачными Стражами Озера.

* * *

Поскольку его Дар снова был закрыт, Даг не мог напрямую распознать настроение своих спутников, да в этом и не было нужды. Амма Оспри и Ниси Сэндвиллоу явно были недовольны, еще более недовольны, чем накануне, а мужчина казался потрясенным; правой рукой он прижимал к груди свою пострадавшую левую. У него не было с собой сумки с инструментами, но одежда и осанка явно выдавали его ремесло.

Амма свернула с тропы и углубилась в лес, выбрав место, где их никто не мог бы увидеть и услышать. Троица уселась на стволе поваленного тополя, и Амма показала Дагу на дубовый пенек рядом. Взмахнув рукой, она коротко представила незнакомого мужчину:

— Верел Оулет, целитель из нашего лагеря.

Напряжение, исходившее от троих Стражей Озера, оказалось заразительным. Даг не мог решить, следует ли ему резко поинтересоваться «В чем дело?» или холодно спросить «Что я могу для вас сделать?». В конце концов он просто склонил голову и назвал:

— Даг Блуфилд.

Под неуверенными взглядами остальных Амма сделала глубокий вдох и заговорила:

— Первым делом я хочу узнать, есть ли основания в слухах, распространившихся по Жемчужной Излучине. Правда ли, что ты вылечил ногу какому-то возчику из Глассфорджа пару дней назад?

Даг колебался, затем ответил:

— Да. Мне пришлось — его лягнул мой конь.

Целитель взволнованно спросил:

— Ты прибег к помощи Дара или просто вправил ему кость?

Вместо ответа Даг показал ему свой крюк. Однако призрачная рука осталась скрытой — как и вообще его Дар.

— Я редко делаю что-то, требующее участия двух рук.

— Ах, ну да... — пробормотал целитель. — Прости. А поняли возчики, что ты сделал?

— Да. Я не делал секрета из своих действий. — Скорее он постарался произвести на зрителей впечатление...

Амма зашипела сквозь зубы и выдохнула:

— Проклятие!

Различные возможные оправдания боролись в душе Дага с желанием выпросить у целителя обо всем, что тот знает об околдовывании.

Вместо этого он осторожно поинтересовался:

— А почему вы спрашиваете?

Верел Оулет выпрямился, положив раненую руку на колено.

— Впервые я услышал о твоём трюке, когда какой-то крестьянин из Жемчужной Излучины — он вроде тамошний плотник — явился сегодня утром в мой шатер и потребовал, чтобы я пошел к его больной жене. Когда я сказал ему, что Страж Озера может лечить только других Стражей Озера, он начал болтать об этой истории с возчиком, о которой, как видно, говорили в таверне накануне. Сначала он умолял, потом предложил мне деньги и наконец кинулся на меня с ножом, чтобы заставить пойти в деревню. Рядом было несколько дозорных, так что они успели отнять у него нож, а потом отвели до перекрестка. Он ушел, плача и ругаясь.

Верел был, конечно, потрясен нападением, решил Даг, но также и отчаянием нападавшего. Целители бывали обычно очень чувствительны из-за необходимости быть открытыми для своих пациентов. Насколько больна была жена этого плотника? Образ смертельно больной Фаун непрошено явился Дагу, и он подумал: «Я бы сделал много больше, чем просто броситься с ножом».

— Но ведь это же неправда.

— Что неправда? — спросила Ниси.

— Неправда, что Стражи Озера не могут с помощью Дара лечить крестьян.

— Именно так мы говорим здешним крестьянам, — нетерпеливо бросила Амма. — Отсутствующие боги, ты подумай головой! У нас всего один умелый целитель и два его помощника — едва достаточно для нас самих!

— Скорее недостаточно, — пробормотал Верел.

— Мы продаем крестьянам те лекарства, которые изготавливаем и которые есть в излишке, да, — продолжала Амма, — но они же высосут бедного Верела досуха, если узнают... Они будут приходить и приходить, и сцены вроде сегодняшней окажутся еще не самой большой из наших бед.

— Они никогда не поймут, что такое Дар, — сказал Верел, — чего его использование нам стоит, какой опасности подвергает.

— Не поймут, если им никогда ничего не рассказывать, — сухо ответил Даг. — Странно, правда?

Амма пристально посмотрела на Дага.

— Тебе-то хорошо — ты уедешь, как только вода поднимется. А мы останемся здесь, и нам придется каждый день иметь дело с этими людьми.

Верел смотрел на Дага с новым интересом.

— Твой напарник Саун говорил, что у тебя необычно сильный — для дозорного, конечно, — Дар.

О боги, ну конечно: здешний целитель наверняка разговаривал с выздоравливающим Сауном, да и с Рилой тоже.

— Я делал, что мог, с тем, что имел. Медицинская помощь в походе требуется иногда экстренно. — Правда, с появлением призрачной руки Даг как будто стал иметь... больше. Была ли это какая-то новая сила или просто проявление исцелившегося после давнего увечья Дара, даже знаменитая целительница Хохария не смогла определить.

Верел не упомянул о неумышленном околдовывании как об основании отказывать в помощи крестьянам. Да и знал ли он вообще о таком, если никогда никого, кроме Стражей Озера, не лечил? Может быть, воздействие Дага на Хога было чем-то уникальным? Даг неожиданно подумал: а знает ли Амма о том, что Хог не отправился домой вместе с другими возчиками? Наверное, не знает, раз не упомянула об этом.

Ниси Сэндвиллоу усталым жестом потерла свое морщинистое лицо.

— Что именно ты говорил этим крестьянам и речникам, Даг?

— Ничего. Иногда правду, но по большей части ничего. По крайней мере, — мрачно добавил Даг, — я не прибегал к удобной лжи.

— Отсутствующие боги! — воскликнула Амма. — Тебя только изгнали, или ты собрался стать предателем?

— Ни то и ни другое! — Даг возмущенно выпрямился. «Предатель» было еще более гнусным оскорблением, чем «беглец». Стражи Озера, каковы бы ни были их дарования, редко становились отступниками; на памяти Дага такого не случилось ни разу, однако страшные предания прошлого он слышал. Дозорные, имевшие опыт выслеживания, несомненно, быстро обнаружили бы такого безумца и уничтожили его — совсем как Злого. — Громовержец фактически дал мне свое благословение. Если мне удастся найти ответ, он хочет его узнать. Он так же ясно видит проблему, как и я.

— И что же это за проблема? — скептически поинтересовалась Амма.

— Я столкнулся с нею летом в Рейнтри, — начал Даг, стараясь собраться с мыслями. Предшествовавший разговор был не слишком хорошим вступлением к обсуждению такого серьезного вопроса, но тут уж он ничего поделать не мог. — Там Злой чуть не ускользнул от нас, потому что вывелся совсем рядом с городом и украл силу пяти сотен горожан даже еще до того, как двинулся на юг. Так случилось потому, что никто не учил крестьян опасаться Злого. Вот я и спросил Громовержца: что произошло бы, появись он у незаконно возникшего поселения? Или у большого города, такого, как Трипойнт или Серебряные Перекаты? Для Злого это было бы мгновенно приобретенное богатство. И чем больше фермеров просачивается на север, чем большую территорию они заселяют, чем крупнее становятся их города — а Жемчужная Излучина выросла вдвое с тех пор, как я в последний раз проезжал здесь, — тем более вероятным делается такое несчастье. И что же мы тогда будем делать?

— Оттесним крестьян обратно на юг, — немедленно ответила Амма. — Им здесь не место.

— Ты же знаешь, что они не уйдут. Они уже не одно поколение осваивают земли к северу от Грейс, они тяжелым трудом сделали эти земли своими. Нас и так слишком мало, чтобы вовремя обнаруживать всех Злых, и если мы еще ввяжемся в войну с крестьянами, то победителей в ней не будет, а выиграет от нее только следующий появившийся Злой. Фермеры уже здесь, и здесь мы должны искать выход.

Даг не мог не подумать о том, что там, где вместе будут жить крестьяне и Стражи Озера, предстоит жить и их с Фаун детям. Эта новая и очень личная сторона проблемы стала беспокоить его только теперь; Даг многие годы — пока она не обрела такого значения для него — просто от нее отмахивался.

«Этот кризис назревал всю мою жизнь. Он не должен был бы оказаться сюрпризом».

Новая мысль заставила Дага помолчать, прежде чем он продолжил:

— Лагерь Хикори не имеет дела с крестьянами — с ними соприкасаются только дозорные, — потому что окружен лесами, куда фермеры еще не проникли. Здесь, на переправе Жемчужная Стремнина, вы сталкиваетесь со всеми проблемами уже не один год. Вы должны были уже найти способ уживаться с крестьянами.

— Еще чего, — проворчала Амма. — Ты только подумай об этих идиотских горшках на голове — вот пример того, с каким страхом и подозрительностью относятся к нам эти люди. И ты полагаешь, что мы дадим им доказательство того, чем в действительности занимаемся? Если нельзя вытурить крестьян, значит, нужно переселиться нам — как минимум на пять миль выше по течению. Вот мой ответ. — Она сердито посмотрела на Ниси, которая ответила ей тем же.

Даг покачал головой.

— Со временем крестьяне заполнят всю эту долину. Если уже сейчас трудно держаться от них подальше, позднее это делается невозможным, когда переселяться станет некуда. Нам следовало бы подумать о будущем заранее.

— Кому это «нам», Даг Блуфилд-без-лагеря? — бросила Амма. — Твоя светлая мысль о помощи крестьянам чуть не привела к убийству нашего целителя сегодня утром.

Верел изобразил слабый протест, хотя только по поводу собственной возможности погибнуть.

Амма воинственно продолжала:

— Я сказала этим недотепам из деревни, что лечить крестьян могут только Стражи Озера с золотыми глазами, хотя и тревожусь теперь за бедолагу с такими же глазами, который им попадется в следующий раз. Пожалуй, следует сказать им, что на это способны только дозорные из лагеря Хикори; вот пусть твои соплеменники и разбираются с любителями помахать ножом.

— На самом деле, — медленно проговорила Ниси, — лечение крестьян — такая же проблема, как и война с ними. Такая ноша тяжело ляжет на нас, еще больше осложнит борьбу со Злыми.

По крайней мере она прислушивалась к тому, что говорил Даг. Что ж, она — член совета, привычная к спорам... Даг попытался предложить выход:

— Мы сохранили бы равновесие, если бы крестьяне, в свою очередь, взяли на себя часть наших обязанностей. Не в подарок, а в обмен. — Он посмотрел на Ниси и рискнул добавить: — Или даже в виде денежной сделки. — Такова была тайная мысль Дага о том, как заработать на жизнь в крестьянской стране... до того момента, как проблема с околдовыванием так его смутила.

Ниси подняла брови.

— Так что, лечить только богатых фермеров?

Даг открыл было рот и тут же его закрыл. Похоже, он не все продумал... да что там, тут сложностей не оберешься.

Верел странно посмотрел на Дага.

— Немногие способны на глубокое подкрепление Дара.

— А это не каждому и нужно. Очень многие могут оказывать помощь в легких случаях. Мы, дозорные, все время лечим друг друга.

— Чем именно ты, дозорный, помог тому возчику? — спросил Верел.

Даг пожал плечами, потом, сглотнув, как можно более кратко описал, как передвинул обломки кости, как соединил сосуды и нервы, чтобы повреждения могли начать заживать. Он был очень осторожен, когда упомянул о своей призрачной руке: назвал ее проекцией Дара, как делала и Хохария. Даг надеялся, что целитель одобрит его действия, если уж не то, что совершены они были на пользу крестьянину. Он не стал упоминать о неожиданных последствиях своего вмешательства, хотя и позволил себе высказать сожаление об отсутствии страхующего напарника.

— Целительница в лагере Хикори знала, что ты на такое способен, и *отпустила* тебя? — спросил Верел.

В Рейнтри Хохария видела, как Даг совершает и более странные вещи...

— Хохария пыталась привлечь меня к своим делам, и если бы она была готова признать Фаун как мою жену и, может быть, как помощницу, я, возможно, согласился бы. Только она не захотела, так что мы расстались. — Даг заметил, что Верел смотрит на него с алчностью, хотя и настороженно. Следовало ли ему понять намек? Вдвоем с Фаун они могли сойти за полутора целителей — ценное добавление к недостаточному для лагеря штату.

Верел, похоже, думал о том же, потому что Даг ощутил прикосновение его Дара к свадебной тесьме, скрытой от обычного взгляда рукавом.

— Она похожа на настоящую, — с сомнением протянул целитель.

— Таковой она и является.

Верелу явно очень хотелось уединиться с Дагом и расспросить его о том, как удалось изготовить тесьму. Дагу столь же сильно хотелось отвести целителя в сторонку и вытрясти из него все, что тот знал о подкреплении Дара, о его повреждениях, об околдовывании и сотне других сложностей... однако ему было ясно, что раздраженная Амма не для того к нему явилась.

— Старые обычаи прекрасно годились в течение тысячи лет, — мрачно сказала Амма. — Нет ничего, что сохранялось бы так долго без веской причины. Так пусть крестьяне остаются крестьянами, а Стражи Озера — Стражами Озера; так все мы выживем. Смешивать

разные вещи опасно. Хорошо, если такое падет только на твою собственную глупую голову, но ни к чему, чтобы это вредило кому-то еще. — Она показала на перевязанную руку Верела.

— Это все, чего ты хочешь? — вызывающе спросил Даг. — Чтобы проблема переместилась куда-нибудь прочь?

Амма фыркнула.

— Если бы я попыталась взвалить на себя беды всего мира, я бы сошла с ума. И Жемчужная Стремнина пострадала бы. Я командую здешними дозорными. Соседние лагеря отвечают за свои территории, их соседи — за свои, по всей равнине, да и за ее пределами тоже. Так мы и выживаем — каждый сам по себе и все мы вместе. Я должна доверять соседям, они должны доверять мне. Доверять, в частности, в том, что я не стану гоняться за болотными огоньками. Так что будь добр, Даг-без-лагеря, держись в сторонке и не будоражь народ на моей территории.

— С подъемом воды я уеду, — сказал Даг. Показав на холодную синеву безоблачного неба, он добавил: — Только управлять дождями я не могу.

— Это меня устраивает, — проворчала Амма Оспри. Она резко поднялась, показывая, что разговор окончен. Двое ее спутников поднялись тоже, хотя продолжали хмуриться скорее от тревожных мыслей, чем в раздражении.

Было ясно, что момент снова заговорить о разделяющем ноже неподходящий. Даг вздохнул и поднял руку к виску в вежливом приветствии.

9

Фаун то и дело оглядывалась на лес, но Даг так и не вернулся на берег до того, как хозяин угольной баржи явился с тачкой и выкупил их добычу. Берри скрупулезно разделила скромный заработок на пять частей. Когда они возвращались к «Надежде», Бо бесшумно исчез в удлиняющихся тенях, направившись в Опоссумью Пристань.

Берри только покачала головой. На вопросительный взгляд Фаун она ответила:

— Мы с Бо заключили соглашение: он не пропивает деньги, которые я зарабатываю на барже. До сих пор он его соблюдал. — Берри вздохнула. — Не думаю, что мы увидим его до утра.

Все еще дрожа, несмотря на сухую одежду, Вит и Готорн развели огонь в очаге, пока Фаун и Берри, натыкаясь друг на друга, накрывали на стол и готовили горячую еду. Встревоженный Даг явился, как раз когда Фаун раскладывала по мискам бобы с беконом. На вопросительный взгляд жены он только покачал головой.

— Может, прогуляемся после ужина? — шепнула Дагу Фаун, когда он сел к столу.

— Было бы неплохо, — согласился Даг.

И прогуляться, и поговорить... Фаун видела, что Дага что-то гнетет. Впрочем, она тут же отвлеклась на готовку, счастливая возможностью иметь хоть тесную, но настоящую кухню после того, как целое лето коптилась в дыму у открытого огня. Она принялась угощать стеснительного Хога, и тот впал в противоположную крайность: накинудся на свою порцию с такой жадностью, словно кто-то мог отнять у него миску. Вит принялся отчитывать парнишку, и Фаун пришлось отвернуться и спрятать улыбку при виде того, как Хог с почтением выслушивает указания Вита — да к тому же насчет правил поведения за столом. Готорн весело обсуждал разнообразные способы потратить заработанные на добыче угля деньги. Берри посоветовала ему приберечь денежки, а Вит — купить на них что-то, что можно с выгодой продать ниже по течению.

— Лучше всего что-нибудь небьющееся, — предложила Фаун, заработав недовольный взгляд Вита. Даг молча улыбнулся, и на сердце у Фаун стало легче. За квадратными окнами каюты наступала морозная ночь — к утру на стеклах, должно быть, появятся ледяные узоры, — но внутри было уютно и светло от масляной лампы. Уютно... и в компании друзей. Фаун нашла, что это очень ей нравится. Даг повернул голову и положил вилку. Через мгновение по сходням прогрохотали тяжелые шаги и кто-то спрыгнул на палубу. Баржа

слегка качнулась. В переднюю дверь каюты — люк, мысленно поправилась Фаун, — заколотил чей-то кулак, и мужской голос прорычал:

— Хозяйка Берри, вышли-ка к нам того длинного Стража Озера, который у тебя тут прячется!

— Что? — удивленно спросил Вит поморщившегося Дага. — Кто-то к тебе пришел, Даг?

— Довольно много этих «кто-то», — вздохнул Даг.

— Вечно Бо нет, когда он нужен, — проворчала Берри, поднимаясь со скамьи. Вит и Фаун последовали за ней к двери; Готорну Берри знаком велела оставаться на месте. Хог боязливо съезжился, а Даг остался сидеть, где сидел, только провел правой рукой по волосам, а потом оперся о нее подбородком.

— Берри! — прокричал тот же голос. — Давай его сюда, говорят тебе!

— Потихше, Вейн, ты перебудуешь всех мальков в реке своими воплями, — раздраженно крикнула в ответ Берри. — Я прекрасно тебя слышу, я не глухая. — Она распахнула люк и вышла наружу. — Что за переполох? — Вит встал у ее локтя, Фаун выглядывала из-за спины брата.

На передней палубе между загонем для козы и курятником высился здоровенный речник. Даг оставил Копперхеда привязанным к дереву на берегу в стороне от тропы, утешив охапкой сена, но коза Дейзи забеспокоилась и заблеяла. Речник — Вейн? — размахивал факелом. Оранжевый свет плясал на его широком лице, раздумывавшемся не от ходьбы или холода, а, судя по исходившему от него густому запаху, от пива.

На берегу собралась толпа человек из двадцати. Фаун смотрела на них в панике. Некоторых из матросов она узнала: это были те самые обладатели красно-синих полосатых штанов, что днем прошли мимо, направляясь в Жемчужную Излучину. Остальные, должно быть, были деревенские жители; между ними виднелось несколько женщин. У кого-то имелись фонари, пара речников размахивала факелами. На фоне темного берега сборище сияло, как костер.

Обычно речники носили за поясом ножи, некоторые из которых не уступали боевому ножу Дага, но теперь почти все сжимали еще и дубинки. Шестеро матросов держали на плечах снятую с петель дверь, на которой лежала закутанная в одеяла стонущая фигура. На мрачных лицах было написано напряжение, улыбки казались то глупыми, то волчьими. Фаун подумала, что эти люди выглядят скорее возбужденными, чем разозленными, но их число ее смущало. Разбуженные шумом, речники на соседних баржах собрались у поручней, наблюдая за происходящим.

— Марк-плотник говорит, что эти надутые Стражи Озера отказались лечить его жену, а ей ужас как плохо. — Хозяин Вейн ткнул толстым пальцем в скорчившуюся фигуру на двери. — Так что мы на «Кусачей черепахе» проголосовали и решили, что нужно заставить помочь ей *этого!*

Толпа согласно заворчала и качнулась вперед; носильщики накренили дверь, и с нее донесся резкий крик. Широкоплечие матросы виновато переглянулись и более бережно перехватили ношу.

Фаун подумала о том, не стоит ли ей заявить, что Даг отсутствует, и не последует ли в этом случае насильственный обыск баржи, как, прежде чем она успела открыть рот, Даг вынырнул из люка и выпрямился во весь рост — он был на ладонь выше хозяина Вейна, с удовольствием отметила Фаун.

— Привет, — обратился он к толпе своим глубоким спокойным голосом. — Что у вас приключилось?

Речник наклонил голову, как бык, готовый броситься на обидчика.

— У нас тут очень больная женщина.

Взгляд Дага скользнул по берегу.

— Вижу.

Благодаря Дару он наверняка видел гораздо больше и разобрался в ситуации еще до

того, как вышел на свет факелов. Фаун ухватила за эту мысль. Только знает ли он, что делает? Если и нет, то все равно он знает о каждом из собравшихся больше, чем те догадываются.

— Ты вылечил разбитое колено тому парню-возчику, — продолжал Вейн. — Он прошлым вечером показывал его нам в таверне. Мы все видели. Мы знаем, что ты можешь помочь.

Даг сделал глубокий вдох.

— Я, знаешь ли, не настоящий целитель, я всего лишь дозорный.

— Не пытайся своими увертками обмануть нас!

Даг вскинул голову; речник отступил на шаг, встретившись с его сверкнувшими глазами.

— Я не обманываю. — Про себя он прошептал: «И не стану лгать». Он потер шею, поднял взгляд и тихо спросил Фаун, подобравшуюся к нему поближе: — Ты не замечаешь туч на горизонте?

Длинные прозрачные полосы облаков предвещали перемену погоды. Фаун посмотрела в ту же сторону, что и Даг. Легкая пелена, похожая на снятое молоко, скрыла осенние звезды на западе.

— Да... пожалуй.

Даг ободряюще улыбнулся жене.

— Что ж, рискнем. — Он повернулся и распорядился: — Несите ее сюда и положите на палубе. Нет, для всех вас здесь нет места. Только ее муж и... есть тут кто из ее родственников? А, сестра — хорошо. Поднимись сюда, мэм. — Толпа зашевелилась, матросы принесли еще пару досок, чтобы расширить сходни, внесли на палубу дверь и с кряхтением опустили ее.

— Вит, оставайся поблизости, а ты, Фаун, стой рядом, — сказал Даг; шум на берегу заглушил его слова. — Это и есть ее муж? — спросил Даг, когда вперед вышел молодой человек с черными кругами под глазами. — Вот дерьмо, он же не старше Вита!

Риск уронить импровизированные носилки в грязь заставил людей отойти подальше; тех, кто оказался на территории Берри, тоже удалось потеснить — на это ее авторитета хватило: она просто объяснила, что места на барже для них нет. Кроме мужа и сестры больной, остался только Вейн. Фаун предположила, что вся экспедиция была организована в таверне. Доброе дело в сочетании с шансом избить кого-нибудь показалось, конечно, полупьяным матросам идеальным сочетанием. Двадцать на одного — уж не думали ли они, что справятся с Дагом? Даг бесстрастно смотрел на больную женщину.

«Может быть, и нет».

Жена плотника напомнила Фаун Кlover — до того как болезнь скрутила ее, она, должно быть, была пухленькой и веселой. Теперь ее круглое лицо осунулось и блестело от холодного пота. Темные волосы на висках слегка завивались: из углов глаз женщины текли слезы боли. Быстро дыша, она теребила юбку на животе влажными от пота руками. Фаун заметила, как из каюты выбрался Хог; Готорн тоже с любопытством выглядывал из люка.

Марк-плотник опустился на колени и взял женщину за руку; их пальцы переплелись. Он посмотрел на Дага с душераздирающей мольбой.

— Что с ней такое, Страж Озера? Она так не стонала, даже когда рожала нашего малыша.

Даг потер губы, потом опустился на колени с другой стороны от больной, потянув за собой Фаун.

— Мне уже случалось видеть такую неприятность раньше. Давно, в медицинском шатре Лутлии. — Фаун бросила на мужа тревожный взгляд: она-то знала, когда именно он долго пробыл в этом шатре. — Туда принесли парня, которого неожиданно схватила боль в животе. У нее тоже все началось внезапно?

Плотник встревоженно закивал.

— Два дня назад.

— Угу... — Даг потер руку о колено. — Не знаю, случалось ли тебе видеть

внутренности человека... — Не самый удачный выбор слов, забеспокоилась Фаун: ведь половина крестьян подозревает Стражей Озера в людоедстве. — Внизу в уголке живота имеется такой скользкий слепой отросток размером с мизинец ребенка. Целители так и не смогли объяснить мне, для чего он нужен. Так вот у того парня этот отросток то ли перекрутился, то ли воспалился, и в результате началось жуткое воспаление — отросток раздулся, как пузырь. К тому времени, когда парня доставили в медицинский шатер, этот пузырь лопнул... и вся мерзость из него разлилась по кишкам — парня как будто ранили в живот.

Из слушателей Дага по крайней мере хозяин Вейн, похоже, знал, к чему такое ведет, и его губы издали беззвучный свист.

— Заражение распространялось слишком быстро, чтобы даже подкрепление Дара лучшим целителем могло его остановить, так что через три дня тот парень умер. Странная вещь: когда его отросток лопнул, боль уменьшилась, поскольку пузырь перестал давить на кишки. Думаю, это парня и обмануло: он решил, что дело пошло на поправку, а потом было уже поздно...

Плотник спросил внезапно охрипшим голосом:

— Так у Кресс в животе эта штука тоже лопнет?

— Пока еще не лопнула, — ответил Даг. — Болезнь такая очень опасна, но для Дара тут дело несложное. Есть множество болезней, особенно у женщин, когда никакой целитель на свете не поможет, но эта... — Даг шумно выдохнул воздух. — Я по крайней мере могу попытаться. — Он толкнул локтем Фаун. — Искорка, будь добра, сними мой протез.

Даг прекрасно мог справиться с этим и сам, но такая просьба заставила всех зрителей сосредоточить внимание на ней — крестьянской жене дозорного. Он сделал так намеренно? Фаун расстегнула пряжки и сняла деревянную основу и тонкий хлопковый чехол, который она связала, чтобы протез не натирал мозолей, и отложила все это в сторону. Насколько Фаун было известно, протез никак не мешал призрачной руке Дага, но он, наверное, решил, что плотник будет меньше тревожиться, если над животом его жены не будет маячить устрашающий крюк.

— Что я могу... что я попытаюсь сделать... — Даг поднял глаза и огляделся, и Фаун предположила, что только она замечает, сколько неуверенности и страха скрывается за неподвижностью его лица, — это первым делом окружить воспаленное место Даром. Большинство из вас не знает, что такое Дар, да вы и не увидите ничего. Потом я попытаюсь открыть конец отростка, чтобы тот опорожнился в кишку, как это нормально и должно происходить. Думаю, будет больно, но потом полегчает. Однако есть опасность... две опасности. Посмотрите на меня — муж и сестра... и ты, Кресс. — Даг улыбнулся женщине, и в ее глазах промелькнула надежда. — Когда Даг удостоверился, что все внимательно его слушают, он тихо продолжал: — Тот маленький отросток сейчас очень раздут. Есть шанс, что он лопнет, когда я попытаюсь освободить его от гноя. Только я думаю, что он в любом случае скоро прорвется... Хотите ли вы, чтобы я попытался?..

Слушатели переглянулись, и больная стиснула руку мужа. Тот облизнул губы и кивнул.

— Есть и еще одна угроза... которая может возникнуть потом. Тут дело более хитрое... — Даг судорожно сглотнул. — Иногда, когда Стражи Озера своим Даром помогают фермерам, те делаются околдованы. Такое не делается намеренно, но отчасти поэтому местные Стражи Озера и не хотят лечить вас. Я уплыву отсюда, как только вода поднимется, и скорее всего Кресс какое-то время будет тосковать по тому, чего никогда не сможет получить. Такое может случиться и с человеком, который не околдован... Не знаю, будешь ли ты страдать от глупой ревности, Марк-плотник, или поведешь себя разумно. Только если подобное случится с Кресс, твое дело как мужа будет помочь ей, а не упрекать. Ты меня понял?

Плотник сначала помотал головой, потом кивнул, потом растерянно вздохнул.

— Ты хочешь сказать, что моя Кресс убежит? Бросит меня, бросит малыша? — Он вопросительно взглянул на Фаун. — Такое и с тобой случилось?

Фаун резко покачала головой, встряхнув черными кудрями.

— Мы с Дагом вместе убили зловредное привидение — так и встретились. — Она хотела было добавить: «Я не околдована, я просто влюблена», — но подумала, что разница не так уж заметна. Дыхание Кресс было быстрым и поверхностным, и Фаун, сжав ее руку, закончила: — Она не убежит, если только ты ее к тому не вынудишь.

Плотник сглотнул.

— Сделай, что можешь, Страж Озера... чем бы это ни было. Помоги ей, избавь от боли.

Даг кивнул, наклонился над женщиной и вытянул правую руку поверх культи левой над животом женщины. Его лицо приобрело то же отсутствующее выражение, которое Фаун видела, когда он лечил Хога: как будто его внимания не хватало на то, чтобы управлять лицевыми мышцами. Это было в полном смысле слова отсутствующее лицо. Через несколько секунд вернулось просто бесстрастное выражение лица...

— Ох, — выдохнула Кресс, — полегчало...

Фаун гадала, догадывается ли кто-нибудь, от какой неуверенности страдает сейчас Даг: то ли подкрепление Дара помогло, то ли случилась самая страшная беда и отросток лопнул... Не надеется ли Даг, что вода поднимется и он окажется вне досягаемости, когда смертельная лихорадка больной сделает это очевидным?

— Это и было подкрепление Дара, — сказал Даг. Его гримаса должна была сойти за обнадеживающую улыбку. — Нужно несколько минут, чтобы все успокоилось.

— Магия? — с надеждой прошептал плотник.

— Это не магия, это работа Дара. — Даг впервые оглядел собравшихся вокруг людей: двоих хозяев барж, любопытного матроса, должно быть, помощника Вейна, встревоженных родичей и друзей больной, выглядывавших из-за их спин Вита, Хога и Готорна. — Ух... — Он оперся рукой о палубу и поднялся на ноги; Фаун последовала его примеру. Медленно повернувшись, Даг взглянул на толпу, все еще переминавшуюся на берегу; люди вытягивали шеи и переговаривались. — Знаешь, Искорка, до меня только сейчас дошло, какие у меня здесь внимательные слушатели.

— Я-то думала, — прошептала Фаун в ответ, — что они собирались избить тебя, а что останется — поджечь.

Даг ответил ей быстрой улыбкой.

— Тогда, дожидаясь такой возможности, они выслушают меня со всем вниманием, верно? Как шестеро кошек у единственной мышшиной норки...

Он прошел на нос баржи, широким жестом левой руки предложив собравшимся на палубе присоединиться к нему, потом обхватил Фаун за талию и поставил ее на крышу курятника, так что она оказалась выше остальных. Спрятав культю у нее за спиной, Даг в приветствии поднес правую руку к виску и громко спросил:

— Вы все слышали, что я только что говорил Марку-плотнику и Кресс? Нет? Я объяснял, что я прибег к подкреплению Дара, чтобы уменьшить воспаление у Кресс в животе. Полагаю, большинство из вас не знает, что такое подкрепление Дара, да и Дар тоже, так что я собираюсь рассказать вам...

И тут, к изумлению Фаун, Даг пустился примерно в те же объяснения, которые с такими запинками давал на кухне в Вест-Блю. Только на этот раз речь его была более гладкой, более логичной, со всеми деталями и примерами, которые оказались наиболее убедительными для недоверчивых Блуфилдов. Говорил Даг, как решила Фаун, голосом командира дозорных — так, чтобы его все услышали.

Вит, стоявший за плечом Фаун и слушавший Дага, широко раскрыв глаза, прошептал ей в ухо:

— Думаешь, им все это понятно?

— Пожалуй, один из трех тут достаточно умен или трезв, чтобы понять, — прошептала она в ответ. — Значит, получается не меньше чем полдюжины, по моим подсчетам. — Однако все люди в толпе перестали переговариваться между собой, а речники на палубах ближайших барж казались столь же поглощенными речью Дага, как если бы он был

проповедником.

К еще большему изумлению Фаун, закончив объяснять работу Дара и скверну, которую несут Злые, он оглянулся через плечо и тут же принялся говорить о разделяющих ножах. Тишина сделалась мертвой, словно люди увлеченно слушали историю о привидениях.

— Поэтому-то, — закончил Даг, — когда тот глупый мальчишка-дозорный сломал свой костяной нож в потасовке за пристанью прошлой ночью, все Стражи Озера из Жемчужной Стремнины восприняли это так, словно он убил свою бабушку. Примерно это и случилось... Поэтому, понимаете ли, они и с вами такие раздражительные.

Как показалось Фаун, по крайней мере некоторые слушатели действительно поняли: закивали и стали обмениваться осторожными замечаниями, а другие изумленно разинули рты.

— Вы можете спросить: почему никто из Стражей Озера не рассказывал вам об этом раньше? Ответ вы видите перед собой — или сжимаете в собственных руках. Вы говорите, что боитесь нас, нашего колдовства и наших тайн? Что ж, мы смертельно боимся вас тоже. Того, как вас много, вашего непонимания. Спросите беднягу Верела, целителя из лагеря, рискнет ли он приблизиться к кому-нибудь из фермеров. В том, что Стражи Озера ничего вам не объясняют, как следовало бы, не только наша вина.

Мужчины, сжимавшие в руках дубинки, переглянулись и стали смущенно прятать их за спину. Один из крестьян даже вовсе отбросил дубинку и вызывающе сложил руки на груди.

Даг глубоко втянул воздух и обвел взглядом толпу; те, с кем он встречался глазами, поднимались на цыпочки, так что по стоящим на берегу словно пробежала волна.

— Вот Марк-плотник только что спросил меня, не магия ли работа Дара, и я ответил ему, что нет. Дар — это часть мира, и работает он лучше всего, когда действует в соответствии с природой, а не наперекор ей. Тут такая же разница, как если рубишь бревно вдоль или поперек волокон. И никакого чуда в этом нет — по крайней мере чуда в Даре не больше, чем в посеве и проращении зерна, хоть это, может быть, и чудо. Фермер сажает четыре зернышка и надеется, что хоть одно прорастет; если прорастут два, он окупит расходы; три принесут ему прибыль, а четыре он, возможно, назовет чудом. Работа Дара не чаще совершает чудеса, чем посадка семян, но иногда нам удается окупить расходы. — Даг снова оглянулся через плечо. — А теперь, вы уж простите меня, мне нужно еще поработать Даром. И если среди вас есть те, кто готов надеяться, надейтесь вместе со мной, что сегодня мои труды окупятся.

Даг закончил своим привычным приветствием и повернулся к своей пациентке.

«Уж сейчас-то он никого не обманывает», — решила Фаун.

— Отсутствующие боги, — выдохнул Даг так, что его слышала только Фаун, — если еще и остались правила, которые можно было бы нарушить, я таких вспомнить не могу.

— Летаешь, дозорный? — прошептала она в ответ. Так проникательно отозвалась о Даге тетушка Нетти в тот вечер, когда он так замечательно восстановил разбитую чашу, удивив себя этим еще больше, чем Блуфилдов.

Губы Дага дрогнули от воспоминания, но тут же глаза его снова стали серьезными. Он подошел к Кресс и опустился на палубу, неловко согнув свои длинные ноги. Когда он наклонился над больной, лицо его опять утратило всякое выражение.

Все происходило очень быстро: Дар коснулся тут... коснулся там... где бы это «там» ни было... Фаун мысленно занялась приготовлениями, усевшись на прежнее место рядом с Дагом, — горячий чайник на очаге, одеяла в каюте расстелены...

Тихие стоны Кресс превратились в задыхающийся крик. Фаун крепко сжала ее руку, не давая больной схватиться за живот. Прикоснуться к Дагу Фаун боялась, чтобы не разрушить его сосредоточенность, но то, как сильно он побледнел, заставило ее предположить, что его все сильнее бьет внутренний озноб. Ночной воздух становился ледяным, и фонари и факелы, которые держали зачарованно сгрудившиеся вокруг зрители, тепла не давали.

Минуты шли за минутами, но все-таки не так много, как потребовалось для колена Хога... Наконец Даг выпрямился, шумно выдохнул воздух, расправил плечи и потер лицо.

Кресс перестала стонать и смотрела на Дага, приоткрыв губы в благоговении.

— Ну, пока что я сделал все, что мог. Отросток освободился от гноя, отек идет на убыль. — Даг свел брови к переносице. — Думаю, Кресс, ее сестре и Марку лучше провести ночь здесь, на барже. Воспаление все еще сильное, новое подкрепление Дара утром будет не лишним. Стражи Озера, когда лечат таких больных, дают им пить кипяченую воду с капелькой сахара и соли, а потом чай, только пару дней никакой еды — внутренностям нужен отдых, пока они заживают. И нужно Кресс хорошо укутать на ночь.

— Только я же не видел, чтобы ты что-то делал, — неуверенно сказал хозяин Вейн; его голос теперь уже ничем не напоминал воинственный рев.

— Ты можешь верить мне или не верить, как пожелаешь, — ответил Даг. Он посмотрел на Кресс, и слабая улыбка тронула его губы. — Будь ты Стражем Озера, ты многое бы увидел.

Даг дрожал, и Фаун решительно вмешалась:

— Пора тебе уйти в каюту и согреться, целитель ты мой. Думаю, кружка горячего питья будет тебе на пользу.

Даг склонил голову и улыбнулся жене, потом обхватил ее левой рукой и крепко поцеловал. Его губы были холодными, как глина, но глаза горели огнем.

«Печь для обжига нуждается в глине и в огне, — озадаченно подумала Фаун. — Какой новый сосуд мы слепили тут и обжигаем?»

* * *

Несмотря на все события, посетители баржи были так измучены, что немедленно уснули на шкурах, постеленных у очага. Даг, словно сраженный наповал, упал на одеяла в их закутке и скоро начал похрапывать, уткнувшись лицом в кудри Фаун. Утром после завтрака он еще раз занялся Кресс, потом отправил супружескую пару и их сопровождающих домой. Непроспавшиеся, страдающие от похмелья матросы в сером утреннем тумане были совсем не такими угрожающими, как пьяная возбужденная толпа накануне; впрочем, они с похвальным усердием повторили свое доброе дело: без жалоб потащили дверь, на которой лежала Кресс, в обратном направлении.

Как только шествие скрылось из вида, Даг сказал Фаун:

— Собери-ка нам корзинку для пикника, Искорка. Мы с тобой отправляемся на прогулку.

— Ох, сегодня такой пасмурный холодный день, — возразила Фаун, удивленная внезапным намерением мужа.

— Тогда захвати с собой побольше одеял. — Даг понизил голос. — Стражи Озера из Жемчужной Стремнины вчера ясно дали мне понять, что не желают, чтобы я раскачивал их лодку. Думаю, мне стоит затаиться. Не сомневаюсь, что командир дозорных услышит обо всем за завтраком, если не раньше. Не знаю, видела ли ты когда-нибудь Массап, жену Громовержца, в настоящем гневе, только Амма сильно мне ее напоминает. К тому времени, когда она переправится на пароме на этот берег, я намерен оказаться где-нибудь в другом месте. — Когда Фаун запротестовала, он только добавил: — Поговорим по дороге, — и отправился седлать Копперхеда.

Когда Фаун удобно устроилась на седельных сумках и обхватила Дага за талию, он пустил коня рысью; они проскакали добрых две мили на юг по большаку. Это очень бодрило, но разговаривать не позволяло. Несмотря на двойную ношу, Копперхед явно был рад размяться после двух дней безделья. Только свернув налево в холмы и проделав извилистый путь в лес — чтобы сбить со следа возможную погоню — Даг рассказал Фаун о своем бесплодном посещении штаба дозорных и о том, как сплетни в таверне и их опасные для лагерного целителя последствия заставили явиться к нему делегацию недовольных Стражей Озера. Фаун начала горячо возмущаться, но Даг только покачал головой.

Серый туман после восхода солнца не рассеялся, а скорее сгустился. В животе у Фаун

уже начало бурчать, когда Даг высмотрел ствол огромного вывороченного из земли тополя; под его смотрящие в небо корни нанесло сухих листьев. Расстелив в этом углублении одеяла, Фаун и Даг устроили что-то вроде уютной лисьей норы и принялись за поздний холодный завтрак: разводить костер Даг не захотел, чтобы дым не выдал их убежище. Вспышка энергии в нем погасла так же быстро, как и возникла, и Даг погрузился в усталую дрему. К счастью, отдых освежил его, и остаток сумрачного дня они провели в неспешных ласках — такого уединения им не выпадало уже давно. Туман превратился в изморось, но в их гнездышко сырость не проникала. Свернувшись в клубочек под боком Дага, Фаун подумала, что они напоминают впавших в спячку белок.

В следующий раз Даг проснулся со счастливым смехом. Фаун уже и не помнила, когда видела его таким веселым. Приподнявшись на локте, она ткнула его пальцем в бок.

— Что это ты?

Даг притянул ее к себе и поцеловал в улыбающиеся губы.

— Я ведь и в самом деле спас жизнь той женщине!

— Как, ты только сейчас это заметил? — Фаун поцеловала его в ответ. — Тебе нравится целительство, верно ведь? Мне кажется, оно тебе очень подходит. — После короткой паузы она добавила: — Я так тобой горжусь!

Лицо Дага стало серьезным.

— Мой народ всегда предостерегает от подобного. Не то чтобы Стражи Озера считали, что лечить крестьян невозможно, да и не в околдовывании дело, — о нем и не говорят почти. Беда в том, что фермеры считают умения Стражей Озера магией, а магия всегда должна действовать без осечки. Мне удалось с Хогом, мне удалось с Кресс, но только потому, что мне повезло и у нее оказалось что-то, с чем я мог справиться. Я знаю множество болезней, за которые мне браться не следует.

Фаун потеребила волосы у Дага на груди и прижалась губами к его шее.

— Что бы ты делал в таком случае?

— И не начинал бы ничего, наверное. Вел себя паинькой, как и желала Амма Оспри. Просто смотрел бы, как бедняжка умирает. — Даг задумчиво свел брови. — Некоторые молодые целители очень переживают, когда теряют своего первого пациента, но я уже давно миновал эту стадию. Да помогут мне отсутствующие боги... я ведь не раз убивал людей. Только в чем Стражи Озера видят самую большую опасность, так это в неудачной попытке помочь: тогда фермеры на них накидываются. Так уже случалось, знаешь ли. Я не первый, кто уступил подобному искушению. И я не знаю, как тут быть. Полечить и бежать? Жалобы Аммы Оспри не из пальца высосаны.

— А может быть, — медленно проговорила Фаун, — если бы ты долго жил на одном месте, люди узнали бы тебя и стали бы доверять. И тогда было бы безопасно иногда терпеть неудачу.

— Безопасно терпеть неудачу... — Даг словно пробовал эти слова на вкус. — Для дозорного это очень странная идея. — После долгого молчания он добавил: — Никогда не бывает безопасно терпеть неудачу в охоте на Злого. Нужно добиваться успеха каждый раз. И даже не любой ценой, потому что нужно сохранить силы на то, чтобы добиться успеха и завтра тоже.

— Для Злых такая система хороша, — согласилась Фаун. — Не уверена только, что она хороша и для людей.

— Хм-м... — Даг перекатился на спину и стал смотреть на пятнышки света, проникающего через дырочки в одеяле, которое они накинули на растопыренные корни тополя. — Да, ты здорово умеешь взбаламутить мои мозги, Искорка.

— Ты хочешь сказать, что я путаю твои мысли?

— Скорее что тебе удастся добраться до таких глубин, которые слишком долго оставались непотревоженными.

Фаун усмехнулась.

— И кто это у нас говорит такие глупости о глубинах?

— Я всегда бываю готов вызваться добровольцем, — ответил Даг, покрывая поцелуями ее нагое тело. И действительно, последовали очень милые глупости, и щекотка, и смех, и еще один час пролетел незаметно.

* * *

Они добрались до «Надежды», когда уже совсем стемнело; холодная морось явно очень разочаровала речников — ее было совсем недостаточно для того, чтобы перекааты могло преодолеть судно большее, чем бочонок. Вит доложил о четырех посещениях мрачных Стражей Озера, искавших Дага: дважды являлась командир дозорных, один раз — хозяйка парома и один раз тайком проскользнул целитель; Даг пожалел, что с ним не встретился. Судя по настороженности, которую он проявлял, Фаун решила, что Даг держит свой Дар открытым, но ничего не случилось, никто больше не появился, и ночь прошла спокойно.

После долгого дня в лесу ни одному из них не хотелось чем-то еще заниматься в постели — только спать, в чем Даг, по мнению Фаун, все еще нуждался. Они проспали примерно час, когда Даг сел, разбудив жену.

— Что там? — сонно пробормотала Фаун.

— Думаю, что у нас посетитель.

Фаун не слышала ни шагов на палубе, ни недовольных жалоб козы и кур.

— Берри разве на ночь не убрала сходни?

— Он не по тропе идет — приближается со стороны реки. Отсутствующие боги, думаю, что он плывет!

— В такой холодной воде? Кто?

— Если не ошибаюсь, это молодой Ремо. Что он задумал? — Даг нашарил штаны, натянул их, поднялся со шкур и выглянул из-за занавески.

— А мне что делать? — прошептала Фаун.

— Оставайся здесь, пока я не выясню, в чем там дело.

Даг бесшумно прошел мимо груд товаров, стараясь не разбудить похрапывающих соседей. Фаун едва расслышала, как люк открылся и закрылся.

10

Еле горевший масляный фонарь на кухонном столе был искусным изделием мастеров из Трипойнта: стеклянный корпус защищала проволочная сетка, масло наливалось в специальный резервуар, и всю конструкцию венчала металлическая крышка с проволочной ручкой. Проходя мимо, Даг прихватил его с собой. Осторожно открыв люк, ведущий на заднюю палубу, он выскользнул наружу, закрыл его за собой, потом повесил фонарь на кривой гвоздь и открутил фитиль, чтобы сделать пламя ярче. Луна и звезды скрывались за тучами, и по чернильно-черной воде зазмеились оранжевые отблески света фонаря.

Через несколько секунд мелкие волны ударили в борт, разбив отражение фонаря, и из воды вынырнула темная фигура. Даг разглядел сначала мокрые волосы Ремо, потом его бледное лицо; пловец развернулся и подплыл к корме «Надежды». Левой рукой, на которой все еще были заметны швы, он тащил за собой плотик из плавника, кое-как связанного лианами. На плотике виднелись седельные сумки, а поверх них — свернутая одежда. Ремо проплыл под рулевым веслом баржи и выдохнул:

— Будь добр... не возьмешь ли ты все это?

Если парень в такую погоду приплыл с другого берега, он должен был окоченеть и быть совсем без сил, какие бы преимущества ни давала ему юность. Даг поднял брови, но все же наклонился, схватил узел и вытащил его на палубу. Ах, конечно: сапоги и одежда Ремо... Затем последовали седельные сумки, содержавшие, судя по их весу, все остальные сокровища парня. Даг крикнул и опустил их на палубу рядом с узлом. Когда он обернулся, Ремо пытался вскарабкаться по рулевому веслу, но его трясущиеся руки все время

соскальзывали. Даг вздохнул, наклонился, протянул руку и втащил дрожащего молодого дозорного на палубу. Брошенный плотик стукнулся о борт и поплыл прочь.

Ремо благодарно кивнул и принялся онемевшими пальцами распутывать узел с одеждой. Вытершись полотенцем, в которую она была завернута, он натянул штаны и рубашку.

— С-спасибо.

— Внутри все спят, — тихо предупредил его Даг. Он колебался: следует ли ему отвести парня в каюту и посадить у очага или же выкинуть за борт. Ну, это, несомненно, скоро выяснится...

— Ага, понял, — прошептал Ремо. Его губа снова приняла нормальный вид, но синяк вокруг глаза, начинавший зеленеть по краям, приобрел живописный лиловый оттенок. Застегнув наконец рубашку, Ремо стоял перед Дагом, сжимая и разжимая кулаки, и молчал, словно слова застряли у него в горле.

Ради этого разговора наедине, подумал Даг, парень преодолел нешуточные трудности, и вот теперь не может выдать ни слова. Осторожность возобладала над любопытством, и вместо того чтобы спросить: «Чем я могу тебе помочь?», Даг просто вопросительно поднял бровь. Впрочем, этого оказалось достаточно.

— Возьми меня с собой, — выпалил Ремо.

— И с какой стати мне это делать?

Ответный взгляд огорчительно напомнил Дагу Хога.

— Ты хоть знаешь, куда я направляюсь? — попытался прояснить ситуацию Даг.

— Вниз по реке. Прочь отсюда. Куда угодно, только прочь отсюда.

Это был тот самый дозорный, напомнил себе Даг, которому пришлось представить своей семье сломанный, пропавший даром разделяющий нож, стоивший жизни его прапрабабушке. Нетрудно было представить себе, какой тяжелой была сцена, хотя и имелся широкий выбор между «плохо», «ужасно» и «невыносимо». Из двоих бесшабашных напарников Ремо был более совестливым, он хотя бы пытался вести себя как положено. Да только вышло все у них нескладно...

«Ну уж ты-то знаешь, как такое бывает, старый дозорный».

Даг потер лоб и опустил на скамью у стены каюты. Поскольку протез на ночь он снял, левую руку он старался не показывать, а правую положил на колено.

Ремо поспешно уселся на палубе, скрестив ноги, возможно, почувствовав, что не стоит обращаться с просьбой, нависая над собеседником.

— Туда направляются десять других судов, — сказал Даг. — Почему тебе нужна именно «Надежда»?

Ремо поджал губы и раздраженно посмотрел на Дага.

— Потому что они полны *крестьян*!

Даг не очень понял, как воспринимать такой тон. У него возник соблазн задать Ремо взбучку, чтобы тот сбавил гонор, но было поздно, а Даг устал. Ну, со взбучкой еще успеется...

— Это судно тоже их полно.

Вторую стрелу Ремо выпустил ближе к цели.

— Ты же уезжаешь!

— Я не...

— Если тебя и не изгнали, то выжили! Сделали так, что ты не мог оставаться. Я думал, ты меня поймешь. — Горький смех подчеркнул и юность Ремо, и то, что он дошел до крайности.

«Ох, понимать-то я понимаю...»

— Ты отбросил их старые правила. Ты восстал. Ты выбрал собственный путь и вступил на него в одиночку. И никто не скажет тебе, что все это только потому, что ты глупый мальчишка!

«Мы видим мир не таким, каков он есть, а похожим на нас».

— Это не совсем то, к чему я стремлюсь. Вот что должен тебе сказать: что бы ни происходило между тобой и твоей семьей, все это пройдет. Так всегда случается с великими горестями, хотя бы потому, что ни у кого не хватит сил выносить их долго.

«По крайней мере не больше, чем двадцать лет».

Ремо только покачал головой. Может быть, он слишком погружен в свое горе, чтобы слушать? Чтобы услышать?

Даг с печалью вспомнил собственную семью и решил, что его мудрый совет нуждается в уточнении.

— А пока ты ждешь перемен к лучшему, всегда есть возможность отправиться в дозор.

Ремо еще сильнее затряс головой.

— Отряд из Жемчужной Стремнины кишит моими родичами — в нем почти все мои братья и сестры... и кузены тоже, и дяди с тетками. И все они уверены, что нож прапрабабушки должен был достаться им, а не мне... и они правы! — Ремо сглотнул и добавил: — Я вчера зашел к мастеру, чтобы он сделал нож для меня, а он даже на это не согласился!

«При твоём-то настроении?»

Даг мысленно похвалил осмотрительного мастера, а вслух терпеливо проговорил:

— Каковы бы ни были твои трудности, ты не разрешишь их тем, что убежишь. Моя дорога не для тебя. Вот что я тебе скажу: лучшее, что ты можешь сделать и для себя, и для лагеря, — это вернуться и притвориться, что реку ты не переплывал.

Губы Ремо задрожали.

— Я могу проплыть обратно до середины реки. Это разрешит мои трудности.

Даг вздохнул, но прежде чем он успел привести следующий довод, люк бесшумно открылся, и на палубу проскользнула Фаун. Она закуталась поверх ночной рубашки в одеяло, как в шаль, а в руке держала объемистый сверток. Глянув на Дага, Фаун вскинула голову.

— Может быть, мне стоит вставить словечко — как-никак я тут главный специалист по побегам из дому. — Она развернула сверток. — Вот, возьмите-ка по куску яблочного пирога. Я сделала начинку сладкой.

Ремо автоматически взял угощение, но воззрился на него в полной растерянности. Фаун протянула кусок Дагу, а сама взяла последний. Даг принялся жевать, жестом предложив Ремо последовать его примеру. Фаун прислонилась к стене каюты и толкнула Дага в колено босой ногой.

— Это и есть твой Ремо, верно? Или это Барр?

Даг слизнул с ладони крошки и представил Фаун и Ремо друг другу:

— Да, это Ремо. Ремо, это моя жена, Фаун Блуфилд.

Ремо, держа в руке кусок пирога, смущенно сделал попытку встать, но Фаун махнула рукой, так что он ограничился тем, что только кивнул.

— Ты и есть жена-крестьянка? Я думал, что ты окажешься... выше.

Даг с любопытством подумал о том, какое прилагательное Ремо проглотил вместе с пирогом, и решил, что это наверняка было «старше».

— А теперь, — весело сказала Фаун, — вот в чем я совершенно уверена, когда дело касается побега из дома: план, придуманный в середине ночи, не всегда самый удачный. Утром, после завтрака, обычно удается придумать гораздо лучший план. — Она обменялась с Дагом многозначительным взглядом и продолжала: — Сейчас как раз середина ночи, и ты вытащил Дага из моей постели. Я разложила для тебя меха и одеяла у очага, где прошлой ночью спала больная; они теперь уже не только нагрелись, но стали прямо-таки горячими.

Ремо бил озноб, холодный туман лип к мокрой коже. Пряди, выбившиеся из намокшей косы, свешивались на лоб.

— Если ты согреешься, держу пари: ты тут же уснешь, несмотря на все свои горести. Ты выглядишь ужасно усталым — переплыть реку не шутка. Да и болит еще у тебя все, наверное.

Болело у бедняги многое, не только ушибы, подумал Даг. Он не позволил себе улыбнуться при виде того, как Ремо, открыв рот, вытаращил глаза на Фаун: как ему было не поддаться на первые добрые слова, услышанные за последние дни... Милая молодая женщина, накормившая его, мягкая постель, симпатия и сочувствие — этому противиться он не мог, пусть женщина и была крестьянкой.

— Умница Искорка, — похвалил жену Даг. — Воспользуйся предложением, Ремо: лучшего тебе никто не посоветует. — Ему едва хватило мудрости не добавить вслух: «Это много лучше, чем доплыть до середины реки». Не стоит сыпать соль на раны, даже если их нанес себе сам страдалец.

Ремо с удивлением взглянул на собственную руку, в которой уже не оставалось пирога, потом посмотрел на баржу и темную реку. Только немногие оранжевые огоньки светились между голыми деревьями в лагере на противоположном берегу.

— Эта баржа сегодня ночью все равно никуда не поплывет, — сказала Фаун.

Ремо покачал мокрой головой.

— Нет, но высокая вода близка. Это хорошо чувствуется там, на середине реки. Поэтому-то я и приплыл сейчас — к утру такое стало бы слишком опасным, а завтра к вечеру здесь уже не останется ни одной баржи.

Ремо всю жизнь прожил на переправе, и Даг предположил, что он хорошо разбирается в настроениях реки. И еще: преодолев реку вплавь, он не оставлял свидетельств того, куда направился. Пропажа коня говорила бы о том, что он поскакал на север, свидетели переправы на пароме могли бы предположить, что он выбрал южное направление. Как только Ремо выбрался бы за пределы чувствительности Дара Стражей Озера из лагеря, никто не мог бы сказать, направился ли он на север, на юг, на запад или на восток... или до середины реки.

Легкое дуновение ветра заставило посиневшую кожу молодого дозорного покрыться мурашками, и он отрывисто бросил:

— Хорошо.

— Только тихо, — прошептала Фаун, кладя руку на ручку двери. — Там все по большей части спят.

— Берри? — вопросительно пробормотал Даг.

— Я сказала ей, что ты все объяснишь утром, и она перевернулась на другой бок.

— Угу...

Укутав Ремо в одеяла, как большого и ужасно измученного младенца, Даг и Фаун наконец смогли вернуться в свой закуток. Их постель успела остыть; они растерли друг друга, как могли, и улеглись, тесно прижавшись друг к другу.

— Интересно, почему ты появилась именно в тот момент? — прошептал Даг, зарывшись лицом в кудри Фаун. — Решила, что он серьезно говорит насчет середины реки?

— Посреди ночи о таком думаешь всерьез. К тому же Ремо настолько ослаб, а река такая широкая, что все могло закончиться само собой до того, как он добрался бы до того берега. Грейс гораздо больше реки, протекающей через Вест-Блю, — задумчиво продолжала Фаун, — чтобы утопиться там, потребовалось бы гораздо больше решительности. Здесь достаточно просто зазеваться...

Даг крепко прижал ее к себе.

— Никакой середины реки!

— И еще я не верю в твой совет не убегать от неприятностей — уж больно ты жуликоват, любитель пикников.

Грудь Дага дрогнула от беззвучного смеха.

— Но я не бегу прочь от неприятностей — я бегу к ним. — Он вздохнул. — И на случай, если я с какими-то разминусь, они бегут следом. Эта баржа будет переполнена, Искорка.

Утром Фаун с волнением обнаружила, что потрескавшаяся глина, окаймлявшая берега, исчезла под прибывающей водой. Однако Берри сказала, что подъем воды еще недостаточен для того, чтобы «Надежда» могла преодолеть пороги. Фаун предположила, что на движущейся барже будет не очень безопасно заниматься готовкой на очаге, и дала себе волю — ведь такой шанс мог оказаться последним — приготовила завтрак в фермерском стиле.

В результате, когда все собрались за столом, некоторое время никто не разговаривал — все только жевали, хотя и бросали любопытные взгляды на Ремо. Берри была любезна с незванным гостем, Бо то ли страдал от похмелья, то ли был безразличен, Хог выглядел смущенным и только поглядывал на Дага в поисках одобрения. Вит вел себя настороженно — Ремо был и старше его, и выше, не говоря уже о том, что входил в отряд дозорных. Только Готорн ни на что не обращал внимания: на одну из заработанных монеток он купил детеныша енота и теперь только им и интересовался.

Зверюшка, не могла не признать Фаун, была занятой. Готорн пытался держать ее за пазухой, но без особого успеха. Вит выразил сожаление, что мальчик не купил себе опоссума вместо енота, а Бо, считавший енотов вредными, пообещал сделать из приобретения Готорна шапку, если парнишка не будет следить за своим питомцем.

— Ладно тебе, Бо, — прервала Берри жаркие протесты родича. — Могло быть и хуже. Помнишь медвежонка Бакторна?

Бо рассмеялся и перестал донимать Готорна. Вит и Хог принялись спорить о том, как назвать малыша. Даг помалкивал, но Фаун заметила, как он скормил любопытному зверьку кусочек хлеба.

Ремо не пытался принять участие в разговоре. Даг раньше называл его мальчишкой, но Фаун он казался вполне взрослым мужчиной — хоть и не особенно высоким, но широкоплечим и сильным. Его нельзя было назвать красавцем, но лицо Ремо было достаточно приятным, и если бы не последствия побоев, он, должно быть, выглядел бы привлекательным здоровяком. Его волосы, высохшие и расчесанные, были заплетены в косу, спускавшуюся до середины спины. Выскребя дочиста тарелку, Ремо наконец поднял глаза и обратился к Дагу:

— Так что ты решил? Можно мне отправиться с тобой?

Даг перестал подкармливать детеныша енота и посмотрел на Ремо.

— Не знаю. А сам ты как думаешь?

Ремо неуверенно пожал плечами.

— Я не твой командир, — продолжал Даг. — Более того, это не моя баржа, я только на ней работаю. Если ты хочешь плыть, ты, как и все, должен договариваться с хозяйкой. — Он кивнул на Берри; Ремо повернулся к девушке, встретил ее насмешливый взгляд и смутился окончательно.

Ответ Дага показался Фаун несколько чересчур безразличным, но она решила, что у мужа, должно быть, имеются для того основания, и стала ждать, что будет дальше.

— Так как, мне можно было бы плыть с вами? — наконец обратился Ремо к Берри.

— Ну, ты должен или оплатить свой проезд, или отработать. Все остальные пассажиры решили расплачиваться работой.

— И сколько ты берешь с пассажира?

— Зависит от того, куда ты хочешь доплыть.

— Я... я не знаю. — Ремо взглянул на Дага. — До Греймаута, наверное.

Берри назвала сумму, которая заставила Ремо приуныть. Похоже, кошелек его был тощим. Это Фаун не удивило.

— А если отработать?

— Ну, не знаю... Что ты умеешь делать? Я слышала, как вы, парни, вытаскивали с порогов тех угольщиков, — так что с лодкой ты управляться умеешь. А вот как насчет большого весла на барже?

— Я однажды греб целый день — на спор с Барром... — Ремо замолк.

— Хм-м... — Берри взглянула на Дага, но тот только пожал плечами. — Никак не думала, что у меня в команде появится один Страж Озера — не говоря уже о двух. Так что... как ты посмотришь на такой вариант: я возьму тебя на пробу до Серебряных Перекатов — это моя следующая стоянка. Папу и Элдера там прошлой осенью видели одни наши друзья, так что дотуда они добрались наверняка.

Ремо вопросительно хмыкнул, и Вит сурово принялся объяснять ему, какая у Берри цель. Судя по выражению лица Ремо, ему не приходило в голову, что не только у него, но и у других людей могут быть большие неприятности; парень посмотрел на Берри так, словно увидел ее впервые. Фаун подумала о том, что на мир сквозь пелену собственных бед Ремо смотрит все еще рассеянно.

— Имей в виду, — с намеком на вызов сказал Даг, — что если ты решишь работать на барже, то с момента, когда ты ступишь на борт «Надежды», и до Серебряных Перекатов хозяйка Берри будет твоим командиром.

Ремо пожал плечами.

— Это же всего только баржа. Насколько тяжело может оказаться на ней работать?

Вит нахмурился и собрался уже вместо Берри отчитать дозорного, но прежде чем он успел открыть рот, с кормы донесся удар, и все головы повернулись в том направлении.

— Бревно, — сказал Бо.

— Течение ускоряется, — кивнула Берри. «Надежда» покачнулась, и удерживающие ее веревки натянулись и загудели.

Готорн выбежал на заднюю палубу и, вернувшись, доложил:

— Вода в реке сделалась коричневой. Теперь уже недолго!

Мытье посуды было поручено Виту, Готорну и Хогу. Дома Вит бессовестно увиливал от этой обязанности, сваливая ее на Фаун, но теперь у него под началом оказались Готорн и Хог, да к тому же и Берри наблюдала, так что он неожиданно проявил удивительное старание. Фаун уже собралась вытащить свое веретено и заняться прядением, когда кто-то пробежал по дорожке вдоль берега и прокричал:

— Эй, Берри! Выше по течению лодки тянут на бечеве!

Берри ухмыльнулась и поднялась на ноги.

— Пойдем, Фаун! Ты должна это увидеть!

Берри вытащила из-под своей койки странной формы кожаную сумку, Фаун накинула жакет, и они направились к сходням. Вит потащился следом.

Утро было пасмурным и холодным, но туман разошелся. С деревьев ветер срывал последние листья, и они лежали мокрыми желтыми грудками на земле; обнажившиеся стволы, такие же серые, как и воздух, призрачными рядами взбегали по склону холма. Берри свернула на дорожку, которая вела мимо пристани и причала парома. Как заметила Фаун, проходя мимо, паром Стражей Озера находился у другого берега, и канат, прикрепленный к вороту, был свернут в бухту. Значит, никто не сможет пока переправиться через реку, даже если за Ремо была бы погоня.

Немного выше по течению от того места, где они собирали уголь, Берри влезла на высокую скалу, откуда открывался прекрасный вид на перекааты. Там, где начинались камни, которые уже потихоньку скрывала вода, вдоль противоположных берегов двигались вверх по реке две лодки. У дальнего берега суденышко против течения тянула восьмерка быков, которых погоняли двое местных фермеров. Лодку вдоль ближнего берега за толстый канат волокли человек двадцать бурлаков. Фаун наконец поняла, почему все деревья вдоль идущей по берегу дорожки были вырублены. По палубе обеих лодок туда-сюда бегали матросы с длинными шестами и отталкивали свои суда от камней и коряг. Обе команды перекликались через реку, выкрикивая оскорбления и подначки, смысл которых сводился к одному: «Мы будем в Трипойнте раньше вас!»

— Так это гонка? — зачарованно спросила Фаун.

— Ага, — кивнула Берри. Наклонившись, она вытащила из сумки полированную ореховую скрипку, проверила, как та настроена, подкрутила колки, встала на самый высокий

камень и извлекла долгий звук — сначала низкий, но потом взвившийся так высоко, что, казалось, вовсе улетел со струн. — Я играла бурлакам на всех порогах и Грейс, и Серой. Работа идет легче, если задается ритм. Когда хозяин лодки хотел, чтобы ее перетащили побыстрее, он платил мне за более быструю игру, а бурлаки платили, чтобы я играла помедленнее, — дельце получалось прибыльным.

Фаун заметила, что на пристани собралось много народа; речники кричали, подбадривая соперников.

— Уж не заключила ли ты пари насчет исхода гонки? — спросила Фаун Берри.

Хозяйка баржи ухмыльнулась.

— Угу. — Берри взмахнула смычком, и по речной долине разнеслись удивительно громкие звуки. Бурлаки на ближнем берегу взбодрились и стали налегать на канат в такт музыке Берри. Фаун предположила, что та играет знакомую речникам мелодию — со знакомыми и скорее всего грубыми словами; впрочем, на то, чтобы подпевать, дыхания бурлакам не хватало. Быки на противоположном берегу остались безразличны к музыке.

Повторив несколько раз одну мелодию, Берри переключилась на другую, потом на третью. Некоторые хозяева других барж, включая Вейна с «Кусачей черепахи», тоже вышли на берег, чтобы видеть представление. Лодка с бурлаками приближалась, и Берри слезла с камня, перешла на другую сторону дорожки и заиграла еще более быструю мелодию, резко взмахивая рукой. Зрители двинулись за ней следом. Пряди светлых волос, выбившиеся из прически Берри, упали ей на лицо, и девушка то сдувала их, то начинала сосредоточенно жевать. Ее пальцы двигались так быстро, что за ними трудно было уследить. Все речники смотрели на лодки, а Вит блестящими глазами смотрел на Берри, приоткрыв рот.

Проходя мимо, бурлаки ухнули, потом снова согнулись и потопали дальше. Берри заставила свою скрипку ответить им почти человеческим голосом. Лодка речников явно обгоняла ту, которую тащили быки. Берри продолжала играть, пока бурлаки не достигли пристани; там их лодка пристала к берегу, и победители, бросив канат, разразились радостными воплями. Скрипка Берри откликнулась таким же ликующим звуком; только теперь девушка, тяжело дыша, опустила смычок.

Деревенские жители и матросы, наблюдавшие за гонкой, собрались у паромного причала; проигравшие расплачивались, выигравшие на радостях пропускали по рюмочке, однако ни Берри, ни другие хозяева барж к ним не присоединились. Они пристально смотрели вверх по течению: там одна из барж снялась с якоря и медленно двигалась к середине реки.

— Вон пошла «Лилия Олеаны», — пробормотал кто-то. Фаун поняла, что все следят за смельчаками: пройдет ли их судно через пороги, не повредив корпус о камни.

— Если им удастся, мы тоже отправимся? — спросила она Берри.

— Еще нет, — ответила Берри, следя из-под руки за баржей, которая набирала скорость. — «Лилия» имела меньшую осадку, чем «Надежда», даже до того как я взяла на борт еще людей, тонну стекла и скандальную лошадь. Вон видишь, из воды ниже пристани торчит длинный шест?

Фаун посмотрела, куда показывала Берри, и увидела что-то вроде тонкого ствола дерева, очищенного от веток, с верхушки которого футах в тридцати от поверхности воды свисал красный флаг. Через каждые полфута на стволе виднелась зарубка, выкрашенная красной краской; в нескольких футах над водой метка была черной.

— По нему видно, как высоко стоит вода, верно? Безопасно плыть через пороги, когда она дойдет до черной метки? — Воде, похоже, предстояло подняться еще на несколько футов.

— Зависит от того, как нагружена твоя баржа и как глубоко она сидит в воде. Когда вода дойдет до черной черты, любой дурак проведет свое судно через пороги.

— Зарубки идут до самой вершины, — обеспокоенно сказала Фаун. — Вода ведь не поднимается так высоко, правда?

— Нет, — ответила Берри, но не успела Фаун успокоиться, как хозяйка баржи

добавила: — К тому времени, когда вода дойдет до середины шеста, его обычно уже сносит течением.

Фаун наконец поняла, почему здесь речники доски пристани крепят на лодках, а не строят более основательные доки вроде тех, что она видела на озере Хикори. Такая пристань могла подниматься и опускаться, следуя за уровнем воды в реке, ее можно было вытащить на зиму на берег, ее не снесло бы паводком и не раздавило льдинами. Скорее всего не снесло бы и не раздавило, мысленно поправилась Фаун.

Некоторые хозяева барж, выстроившись вдоль берега, выкрикивали советы рулевому «Лилии Олеаны»; тот с гордостью игнорировал их. Впрочем, большая часть речников наблюдала за баржей молча. Когда рулевой резко наваливался на руль, изо всех сил разворачивая судно, многие на берегу тоже наклонялись и стискивали кулаки, словно помогая ему своей силой. Когда баржа еле уклонилась от столкновения с камнем, процарапав по нему всем своим дубовым корпусом, стоявшие на берегу в один голос застонали. Они наклонялись, как деревья на ветру, одновременно выпрямлялись и вздыхали в ответ на понятные им, но совершенно непонятные Фаун знаки; наконец «Лилия» миновала последнюю скалу и последнюю корягу и благополучно поплыла дальше.

Речники начали расходиться; Берри только ненадолго задержалась на пристани, чтобы получить выигрыш с приунывших деревенских жителей, ставивших на упряжку быков. Бурлаки от души благодарили девушку, чуть не переломав ей кости в медвежьих объятиях, и щедро предлагали пиво, сидр или любой напиток на ее выбор, но Берри отказалась:

— Мне еще править баржей, парни. Мы и так тут слишком надолго застряли — вот вы и выпили все, что только могли!

Берри задержалась на берегу, чтобы еще раз взглянуть на шест с отметками.

— Ну, еще не совсем тот уровень, какой нужно, но, я думаю, можно уже загрузить на баржу коня.

Вернувшись на «Надежду», именно этим они и занялись: укрепили сходни, и Даг принялся уговаривать упирающегося коня ступить на прогибающиеся доски. Копперхед испуганно фыркал, но в конце концов послушался и был водворен в загон к козе Дейзи. К какому воздействию Даром прибег Даг, чтобы обеспечить послушание мерина, Фаун, конечно, не видела, но заметила поднятые брови Ремо: на того умение Дага явно произвело впечатление.

Берри взобралась на крышу каюты и оттуда наблюдала, как две соседние баржи, отчалившие одновременно, запутались веслами; матросы принялись осыпать друг друга ругательствами. Берри прикрыла рот рукой, чтобы скрыть усмешку.

— Думаю, наша очередь следующая, — сказала она стоявшей у нее за плечом Фаун. — Тут приходится гадать: желательно отчаливать попозже, чтобы захватить самую высокую воду, но и не опоздать: при такой толкучке какой-нибудь торопливый дурак может посадить на камень свое судно и перекрыть фарватер.

Тем не менее отплытие происходило неторопливо. Готорн бегал, отвязывая веревки от деревьев, а Хог, хромя, сворачивал их в аккуратные бухты: две на передней палубе и две — на задней. Гребцы не сидели на веслах, а стояли или ходили, налегая на весла по мере надобности. С одним длинным веслом управлялись Бо и Вит, с другим — Даг и Ремо, так что Берри, взявшаяся за руль, командовала просто: «Крестьяне, гребите!» или «Дозорные, гребите!» или «Теперь табаньте, дозорные! Разворачивайте баржу!»

Толчок качнул судно, когда его корпус задел скрытое под поверхностью бревно. Звон посуды из каюты заставил Фаун броситься проверять, все ли как следует закреплено и надежно ли закрыта железная дверца печки. Когда Фаун снова вышла на палубу, судно уже находилось на середине реки, которая казалась гораздо шире, чем с берега. Баржа двигалась по фарватеру; если раньше вода была прозрачна и спокойна, то теперь она стала мутно-коричневой и кипящей; быстрое течение несло обломки и мусор. Фаун и представить себе не могла, чтобы пострадавший в потасовке Ремо смог переплыть такую реку.

Фаун заколебалась: усесться ли ей на скамье у переднего люка или вскарабкаться на

менее надежную крышу каюты. Решив, что ей надоело из-за своего маленького роста ничего не видеть, она влезла наверх и устроилась на середине крыши, там, куда не достал бы взмах ни одного из весел. Решительно усевшись там, Фаун только пожалела, что крыша не имеет перил или чего-то, за что можно держаться. Может быть, потом удастся уговорить Бо что-нибудь такое прибить... Пока же можно было любоваться прекрасным видом.

Баржа достигла порогов, и движение ее ускорилося. Неожиданно Даг закричал:

— Держи правее, хозяйка! В двух футах под водой здоровенная коряга!

Берри посмотрела туда, куда показывал его палец.

— Ты уверен? Я ничего не вижу!

— Проверь!

— Ладно, — с сомнением ответила Берри и налегла на руль, поворачивая судно — в результате чего оно оказалось в опасной близости от хорошо видных камней у края фарватера. Бо пришлось поднять весло, чтобы не сломать его; старый речник вопросительно посмотрел на Берри. Та только пожала плечами и налегла на рулевое весло, возвращая баржу на середину реки. Вит, управлявшийся с веслом на пару с Бо, выглядел ужасно взволнованным.

— Твоя баржа слушается руля, как пьяная свинья, — буркнул Ремо, табаня в ответ на следующий приказ Берри.

— Ага, это тебе не ялик, — весело ответила та, ничуть не обидевшись. — Век живи, век учись, дозорный.

Хозяин судна, шедшего следом за «Надеждой», предпочел держаться подальше от камней. С громким треском его баржа сначала почти замерла на месте, потом начала разворачиваться поперек фарватера. С криками и руганью команда навалилась на весла, чтобы не дать барже подставить борт течению. Берри, подняв брови, взглянула на Дага, который в ответ поднес руку к виску.

— Что ж, век живи, век учись, — повторила Берри уже совсем другим тоном.

Фаун смотрела назад, на удаляющуюся переправу Стражей Озера, и гадала, не следят ли оттуда за ними недоброжелательные глаза членов совета. «Надежда» миновала скалы, кучу плавника, в которой застряла раздувшаяся туша овцы, и еще несколько невидимых на поверхности препятствий; потом река стала шире, и водовороты, напоминавшие Фаун кипящий суп, исчезли. Водная гладь сделалась спокойной.

— Ну, парни, расслабьтесь: пороги мы наконец прошли, — сказала Берри. — Теперь на три мили русло прямое.

Даг и Бо отошли от весел. На легких участках пути, как поняла Фаун, гребцы должны были сменять друг друга, чтобы баржа могла плыть целый день без остановок. Даг влез на крышу каюты, уселся, свесив одну ногу, и обнял Фаун за плечи.

— Все в порядке, Искорка?

— Как здорово! — Фаун посмотрела на Жемчужную Излучину, уже едва видную на берегу, и оглянулась на хозяйку баржи, с довольным видом опирающуюся на рулевое весло. — Мы плывем так быстро!

Берри в ответ широко улыбнулась.

— Не менее быстро, чем скакала бы лошадь!

«Надежда» до наступления сырых осенних сумерек прошла по реке тридцать миль. На ночь баржу привязали к дереву на берегу, насколько Фаун могла судить, вдали от любого жилья. В ответ на безответственное предложение Вита продолжать путь Берри с сожалением ответила, что не хочет плыть вниз по течению в темноте. В добавление к тем опасностям, которые представляли скалы, плавник, отмели, река делилась на протоки вокруг островов, часто менявших свое расположение. Если бы оказался выбран не тот канал, можно было застрять в непроходимых тростниках, в результате чего команде пришлось бы с трудом

выгребать против течения, чтобы вернуться к развилке. Это было бы нелегко даже для ялика, не говоря уже о неповоротливой барже. Как сообщила Берри, в таких обстоятельствах речники иногда даже бросали свои суда. Фаун ткнула Вита локтем в бок, чтобы заставить замолчать, когда он начал предлагать Дага на роль ночного лоцмана. Даже если бы Дар Дага полностью восстановился, некоторые острова имели до пяти миль в длину, да и река была достаточно опасна и при свете дня.

После остановки на ночлег Фаун стало некогда тревожиться: нужно было приготовить ужин. День был полон волнений, и все были рады пораньше отправиться на покой. К тому же Фаун подозревала, что Даг все еще страдает упадком сил после лечения женщины в Жемчужной Излучине — усталостью более глубокой, чем просто физическая. Даг обнял Фаун на постели скорее ради утешения, чем ради чего-либо еще; судя по тому, каким крепким было его объятие, он особенно нуждался в комфорте и ласке. Фаун подумала о том, что, возможно, Дага тревожит присутствие на борту Ремо. Занавеска не служила укрытием от Дара. Впрочем, предположила Фаун, поскольку крестьяне вообще не были способны скрывать свои эмоции, Ремо мог, как это часто делал Даг, закрыть свой Дар во избежание неприятных ощущений. Фаун так устала за день, что скоро все ее размышления сменились сном.

Отправились в путь они на рассвете; к полудню облака разошлись, и выглянуло солнце. Хотя его лучи были бледными и грели мало, настроение у всех улучшилось. По предложению Берри Фаун начала экспериментировать с печкой и сумела к обеду испечь пироги, не останавливая баржу. Пожара она тоже не устроила — чем и гордилась больше, чем пирогами, которые, впрочем, были съедены с завидным аппетитом. После полудня Фаун нашла Дага, сменившегося с вахты, на скамье на передней палубе; он явно наслаждался отдыхом в обществе Копперхеда, козы Дейзи и кур. Фаун перегнулась через перила, глядя на гладкую бурую воду. «Надежда» опережала полосу сырого тумана, но плывшие по течению опавшие листья, казалось, оставляли судно позади.

— Даг, — обратилась к мужу Фаун, — как ты думаешь, не сумеешь ли ты наловить рыбы на ужин?

Даг открыл глаза и выпрямился.

— Какой рыбы?

— Я даже не знаю, какая рыба водится в реке. Бо тут недавно распространялся о том, как он любит сома, зажаренного в кляре. Удастся ли тебе наловить достаточно, чтобы накормить восьмерых?

Углы рта Дага дрогнули в улыбке.

— Могу попытаться, Искорка.

Он поднялся, потянулся и наклонился через борт позади загона, опустив левую руку. Его крюк скользил по поверхности воды. Фаун следила за мужем, внезапно забеспокоившись. Когда Даг заставил того крупного окуня так неожиданно выпрыгнуть из воды на озере Хикори, они плыли в небольшой лодке, борта которой были гораздо ниже. Поручни на палубе «Надежды» казались Фаун слишком высокими для того, чтобы какая-нибудь рыбина могла через них перепрыгнуть. Да и прыгают ли когда-нибудь сомы? У Фаун было смутное представление о них как о рыбах, держащихся на глубине.

Когда в течение десяти минут ничего не произошло, Фаун собралась вернуться в свои владения у печки и подумать о том, что можно приготовить на ужин из бекона, но побоялась оставить Дага: как бы он не уснул. Конечно, упав в воду, он проснулся бы, и плавать он умел гораздо лучше ее... но только если бы она ухватила его за ноги, Даг мог утянуть ее с собой вместе... Однако тут Даг напрягся и выдохнул:

— Ха...

Фаун вытянула шею, глядя в воду.

В этот момент Даг испуганно вскрикнул и чуть не свалился за борт.

Фаун рванулась вперед, стараясь обхватить его вокруг талии. Она успела бросить только один взгляд за борт, прежде чем отчаянно начала тянуть Дага назад, скользя ногами

по палубе. Огромная серая бьющаяся тень, казалось, заглотила крюк Дага до середины и пыталась утащить рыбака в воду. Несомненно, желая его съесть. На взгляд Фаун, это, возможно, и было справедливо, но она не собиралась отдавать своего лучшего мужа какому-то жуткому речному чудищу.

— Даг, отпусти его! Не нужно! Я не настолько мечтаю о рыбе на ужин!

— Не могу! Проклятие! Эта тварь застряла на крюке! — Даг безуспешно попытался отстегнуть протез, но тут ему удалось упереться коленями в борт изнутри и сильно дернуть. Фаун повисла на нем всем своим весом.

Из мутной воды поднялись несколько футов бьющейся серой мокрети, изогнулись в воздухе и грохнулись на палубу так, что вся баржа содрогнулась. Даг, все еще удерживаемый рыбиной, упал тоже, и Фаун с ним вместе. Ей, правда, сразу же удалось подняться на четвереньки. Испуганный Копперхед стучал копытами, мотал головой и ржал, коза Дейзи блеяла от страха — то ли боясь коня, то ли речного чудища, Фаун не могла решить.

— Вит! — закричал Даг. — Тащи киянку! Скорее!

Шум заставил всю команду «Надежды» кинуться на переднюю палубу. Вит, Хог и Готорн столкнулись в переднем люке, Берри, Ремо и Бо свесились с крыши каюты. Услышав крик Дага, Вит нырнул в каюту; Готорн скрылся следом за ним, а Хог, увидев свирепого Копперхеда, попятился. Вскочив на ноги, Фаун теперь смогла разглядеть самую огромную рыбу — если это была рыба, — какую она только могла себе представить. Чудище в длину было с нее ростом. На уродливой голове горели желтые глаза, протез Дага все еще наполовину скрывался в широкой разинутой пасти. Красные жабры открывались и закрывались, длинные усы хлестали по палубе. Изгибаясь, рыбина швыряла Дага из стороны в сторону.

Вит выскочил, сжимая в руках блестящую новенькую лопату из запасов Берри и попытался прикончить или по крайней мере укротить рыбу, подгоняемый Дагом:

— Бей ее, Вит! Сильнее! Ой... Целься в голову, будь ты проклят!

Наконец сом почти перестал шевелиться, и Даг перевел дух, сел и осторожно высвободил свой крюк. Если бы чудовищу удалось утащить его за борт, не уволокло бы оно его на дно и не утопило бы? Фаун почувствовала дурноту. Даг потряс рукой, оглядел потрясенных зрителей и откашлялся.

— Ну вот, Искорка, тебе рыба на ужин для восьмерых.

— Спасибо, Даг, — выдохнула Фаун. Она была вознаграждена улыбкой, напряжение на лице Дага исчезло. Он выглядел почти так, словно сделал то, что и собирался, но Фаун подумала, что он тоже хорошо представляет себе путешествие на дно реки.

— Больше похоже на ужин для сорока восьми, — заметил Вит, шагами измеряя длину добычи. — Сколько же весит эта тварь?

— На мой взгляд фунтов сто — сто двадцать, — протянул Бо.

Это мнение знатока, решила Фаун. Вит присвистнул.

— Ну, — покачала головой Берри, глядя на Фаун, — ты ведь и правда говорила мне, что твой муж умеет ловить рыбу... Никогда еще не видела, чтобы в качестве наживки использовали живого Стража Озера.

— Как же ее засунуть в кастрюлю? — почти застонала Фаун. Она представила себе, как по футу туши торчит с обоих концов противня... Да она и поднять-то рыбину не сможет... Может быть, жарить ее на вертеле, как свинью?

— Вит и Хог почистят и нарежут ее для тебя, — великодушно предложил Даг. Он осторожно поднялся на ноги, выпрямил спину и вытер крюк о штаны. — Не сомневаюсь, Бо объяснит им, как это делать.

Энтузиазм Вита несколько увял, однако возражать он не стал. Они с Хогом потащили добычу на заднюю палубу и там, под насмешливым присмотром Бо, принялись ее разделять.

Оставшись на минуту наедине с Дагом в каюте, пока он приводил себя в порядок, Фаун приподнялась на цыпочки и обхватила мужа за плечи.

— Знаешь что, совсем не обязательно делать глупости только потому, что я попросила. Надеюсь, ты будешь вести себя как разумный взрослый человек!

Даг обнял ее и возразил:

— Я совсем не считал просьбу поймать рыбку на ужин неразумной. По крайней мере в реке. Вот будь мы посреди пустыни, это было бы действительно жестокое требование. — Он с невинным выражением заморгал.

Демонстрируя свою жестокость, Фаун ткнула мужа в живот и нахмурилась.

Даг весьма насмешливо скосил на нее глаза, но сказал:

— Признаю, рыбина действительно несколько отбилась от рук.

— Правильнее было бы сказать, что она почти проглотила твою руку — я же видела! — Фаун снова вцепилась в Дага и попыталась его встряхнуть. — Ты мог бы выбрать добычу и поменьше. Ты ничего не должен мне доказывать!

В ответ Даг только тихо рассмеялся и поцеловал Фаун в волосы. Она сдалась и расслабилась в его объятиях, хотя и не была уверена: следует его ласку рассматривать как извинение за то, что он так ее перепугал, или просто как попытку ее отвлечь.

Все же Фаун ворчливо пробормотала:

— Не возражаю против того, чтобы поужинать рыбой, хоть у нас на ферме мы такое и нечасто готовили. Только мне не нравится идея иметь дело с рыбой достаточно большой, чтобы она могла съесть меня.

— О, в реке встречаются сомы и покрупнее. И еще есть морской осетр, который заходит в низовья Серой, — он раз в десять больше нашей сегодняшней добычи.

— Ой, не пугай меня! — пискнула Фаун. — Сначала болотные ящерицы с огромными зубами, теперь рыбины такие здоровенные, что могут проглотить «Надежду»? В какие края ты нас тащишь? Вот что, я устанавливаю новое правило: ты не будешь вытаскивать на палубу рыб, которые больше меня ростом. Слышишь, Даг Блуфилд?

В ответ Даг только усмехнулся и крепче обнял жену. Само по себе это было вполне удовлетворительно, но ответом все-таки не являлось.

* * *

На ужин Фаун нажарила столько филе сома, что все наелись до отвала. Белое мясо было нежным и сочным, но уж очень бесконечным. На завтрак все получили то же самое. Обед посередине реки состоял из хлеба с жареной рыбой. И ужин. И еще один завтрак... После этого Вит возглавил бунт и отправил остатки рыбы за борт, где с ними быстро расправились ее родственники-каннибалы. Разрываясь между сожалениями по поводу расточительства и искренним облегчением, Фаун только выдохнула:

— Ух!

На это Вит буркнул:

— Вот что, будь в следующий раз поосторожнее с тем, о чем просишь Дага, ладно? Этот парень иногда просто пугает меня.

* * *

К концу дня Даг спросил Берри, нельзя ли ненадолго причалить у еще одного лагеря Стражей Озера — на южном берегу Грейс. Фаун знала, что Берри хочет воспользоваться этим подъемом воды, чтобы миновать Серебряные Перекаты: иначе можно было застрять и дожидаться новых дождей в верховьях. Однако хозяйка баржи посмотрела на Дага, кивнула и только сказала:

— Постарайся побыстрее, дозорный.

Место переправы представляло собой всего лишь расчищенную площадку на берегу; лагерь, расположенный за скалами, с берега не был виден. Этот паром обслуживал не торговую дорогу, а только тропу дозорных, а потому им пользовались немногие фермеры.

Даг отправился в лагерь один, не позвав с собой ни Фаун, ни Ремо; да Ремо едва ли и принял бы приглашение.

Дозорный из Жемчужной Стремнины выполнял приказания хозяйки баржи без возражений и жалоб, но между вахтами оставался молчаливым и нелюдимым. Неуклюжие попытки Вита подружиться с ним оставались без ответа. Фаун заметила, что даже со старшим Стражем Озера Ремо не разговаривал, хотя иногда она ловила его на том, что он наблюдает за Дагом, словно пытаясь что-то понять и терпя в этом неудачу. Хог в присутствии Ремо был застенчив — ну да он был застенчив в присутствии любого из членов команды.

Готорн вывел козу на берег попасться, а Ремо вызвался сделать то же самое с Копперхедом; это удивило Фаун, но она скоро догадалась, что это дает Ремо повод побыть вдали от остальных. Вит, как пришитый, следовал за Берри. Фаун, воспользовавшись передышкой в делах, объявила:

— Я, пожалуй, пройдусь — встречу Дага.

Тропа, ведущая от берега вверх по склону холма, была покрыта скользкими мокрыми желтыми листьями; на ней Фаун никто не встретился. Пройдя с полмили, она увидела Дага, возвращающегося сквозь буро-серый лес. По его мрачному лицу Фаун заключила, что его попытка не удалась.

— Не повезло? — тихо спросила она.

Даг покачал головой.

— Я постарался не повторять ошибок. Я назвался Дагом Оттером из лагеря Хоуп и притворился гонимым. Мог и не жертвовать своей гордостью — у них просто нет запасных ножей. Что ж, это совсем небольшой лагерь, так что неудивительно.

— Жаль. — Фаун повернулась и пошла рядом с мужем. Сейчас их не только никто не мог услышать с «Надежды», они были и вне пределов досягаемости Дара. Поэтому Фаун сочла, что нужно воспользоваться возможностью и спросить: — Твой Ремо выглядит довольно несчастным. Что ты думаешь с ним делать?

— Он не мой Ремо.

— Он, похоже, берет с тебя пример.

— То, что мы оказались на одной барже, еще не значит, что я его усыновил.

— А ему не грозят крупные неприятности от лагеря в Жемчужной Стремнине за дезертирство?

Даг вздохнул.

— Может быть. Не уверен, что он понимает разницу между тем, чтобы быть изгнанным и подать в отставку.

— Он не слишком много говорит. — Фаун подумала и добавила: — О чем бы то ни было.

— Однако он слушает. — Даг склонил голову набок. — Ты вспомни: когда я явился в Вест-Блю, еще до нашей свадьбы... это был первый раз за время гораздо более долгое, чем вся жизнь Ремо, когда я спал в крестьянском доме, ел за семейным столом и слушал, как фермеры разговаривают друг с другом. Ремо даже никогда не бывал в другом лагере по обмену, никогда раньше не покидал родной лагерь — совсем как Вит. Думаю, ему не повредит, если он какое-то время будет накапливать новые впечатления.

— М-м-м... — протянула Фаун. — Вчера после своей вахты он стащил детеныша енота у Готорна, спрятался с ним в укромном уголке между припасами, положил зверюшку себе на колени и так и сидел, сгорбившись над единственным живым существом, которое на него не злилось. Только Готорн быстро хватился своего любимца, нашел их и заставил Ремо отдать малыша.

— Никто на барже на Ремо не злится.

— Никто на барже не кажется Ремо реальным, кроме тебя. А ты им не так уж доволен.

Даг безразлично хмыкнул.

Фаун решительно подняла подбородок и продолжала:

— Думаю, для Стражей Озера нехорошо неожиданно оказываться отрезанными от всего, что им знакомо. Они начинают чахнуть.

— С этим не поспоришь, — вздохнул Даг.

Фаун бросила на мужа острый взгляд.

«Ну да».

— А вот Хог стал выглядеть лучше, — сделав еще несколько шагов, заметила Фаун, надеясь переменить тему на более веселую. — Его кожа порозовела, и движется он шустрее, когда вся пища стала доставаться ему самому. Он теперь почти не пользуется твоей палкой. И он следит за тобой и за Ремо, который следит за тобой. — Фаун закусил губу. Пожалуй, тема оказалась не такой уж веселой. — Ревность — неправильное слово, и зависть тоже, но... Хог заставляет меня почему-то вспоминать о собаке, охраняющей свою единственную косточку.

Даг кивнул.

— Это результат околдовывания. Не могу сказать, что у меня на этот счет появились свежие идеи...

— А ты пытался что-то придумать? Потому что... ай! — Фаун сморщилась и остановилась. Ветка, которую она беззаботно отвела от лица, хлестнула ее снова — это оказалось колючая гледичия. Ветка не только оцарапала кожу, но и запуталась в волосах.

— Постой. — Даг протянул руку и осторожно извлек ветку, переломил и отвел в сторону с тропы. — Я просто ненавижу эти вредные деревья! Я встречал их по всей Олеане. Плодов они не дают, древесина мало на что годится — для таких шипов просто нет никакого оправдания.

— Наверное, живая изгородь из них была бы хороша, чтобы отводить нежеланных гостей.

— А еще лучше устроить из них костер. — Даг не выпустил ветку; на лице его появилось отсутствующее выражение, внезапно встревожившее Фаун. — Никто не минует это дерево. Если бы Злой вырвал Дар у подобного вредителя, это было бы просто благодеянием. — Даг помолчал. — Помнишь москита, у которого я вырвал Дар в гостинице в Ламптоне?

— Да. Ты после этого был очень болен.

— С тех пор я гадаю: что произойдет, если я попытаюсь повторить что-то в том же роде...

— Даг, не думаю, что это удачная идея. — Что за настроение на него нашло после разочарования, которое он испытал в лагере?

— Нет, ты послушай — ведь целители... Я тут думал о целителях... Самые умелые наверняка имеют какие-то секреты ремесла. У них такой плотный Дар — это практически признак их способностей. И им не обязательно видеть далеко. Из Хохарии никогда не получился бы дозорный, но она может день за днем производить подкрепление Дара. Я всегда думал, что это врожденная способность, но что, если тут что-то другое? Я никогда не видел...

— Никаких больше москитов, — решительно перебила его Фаун. — И вообще никаких насекомых. Ты помнишь, что было с твоей рукой?

— Да, но как насчет этого вот дерева? По нему-то не промахнешься.

— Оно же в сто миллионов раз больше москита!

— Москит заставил меня чесаться, не спорю. Может быть, дерево сделает меня колючим и неподвижным.

— И ты думаешь, никто ничего не заметит? — В ответ на непонимающий взгляд Дага Фаун неискренне добавила: — Прости. — Губы Дага дрогнули.

Фаун не могла себе представить, что может сделать с человеком поглощение Дара целого дерева. Не знал этого, как она подозревала, и Даг. Однако взгляд его стал пугающе пристальным; он продолжал смотреть на колючие ветви и ствол. Колючки были тройными и торчали угрожающими остриями из всех возможных частей мерзкого растения.

— Подумай как следует, — умоляюще сказала Фаун. — По крайней мере не начинай с целого дерева — попробуй на чем-то меньшем. — Она порылась в кармане юбки, нашла несколько зернышек, застрявших в шве, и вытащила одно. — Вот!

Даг протянул руку за подарком.

— Овес?

— Я утром кормила Дейзи и Копперхеда.

— Одно зернышко? — Даг пристально смотрел себе на ладонь.

— От овса ты не заболеешь, даже если съешь целую миску. Не то что если бы это была бы миска москитов или этих жутких колючек. Даже Копперхед не смог бы съесть целое такое дерево!

— Ну... любопытная параллель. Ха... Мы и в самом деле поглощаем Дар пищи и преобразуем его, — все так делают, Стражи Озера, фермеры, животные — все живые существа. Это естественное подкрепление Дара. — Даг оглядел тропу. Они были на ней одни. Даг сжал руку, провел по ней своим крюком и разжал ладонь. Зернышко исчезло. Даг вытер о штаны тонкую серую пыль. — Ха... — повторил он. Лицо его неожиданно стало очень задумчивым.

— Ну и как? — с тревогой спросила Фаун.

Даг потер левую руку.

— Я чувствую застрявший во мне кусочек Дара... совсем не такой неприятный, как Дар москита. У тебя в кармане больше овса нет?

— Помнишь, тебя начало лихорадить не сразу. Ограничься пока одним зернышком... а через день попробуй еще... может быть.

— У Берри на «Надежде» целая бочка овса, — протянул Даг. — Интересная мысль, нужно ее проверить: не безопасно ли вырывать Дар того, что съедобно? Я, пожалуй, предпочту есть свою пищу, но может быть, так получится быстрее — в чрезвычайных обстоятельствах.

— Не знаю, Даг. Мне кажется, тебе для подобных экспериментов может быть нужен напарник — Страж Озера. — Кто-нибудь, кто мог бы сказать Дагу, что он вредит своему Дару, — и предупредить Фаун, чтобы она могла вмешаться и топнуть ногой. Достаточно вспомнить того сома... — Как ты думаешь, от Ремо могла бы быть польза?

Даг сложил губы трубочкой и медленно выдохнул воздух.

— Не уверен, что хотел бы пробовать такое в присутствии юного Ремо. Это очень обеспокоило бы любого Стража Озера, который видел, как действует Злой.

— А Ремо видел?

Даг нахмурил брови.

— Может быть, и нет, Искорка. Сообщений о том, что в округе Жемчужной Стремнины находили Злых, не было уже несколько лет. Если Ремо никогда не бывал по обмену в другом лагере, то он такого шанса еще не имел.

— Так что он не узнал бы магию Злого, если бы ее увидел.

— Возможно.

Оставив колючую гледичию в покое — к большому облегчению Фаун — Даг двинулся дальше по тропе, прижимая к себе жену, чтобы та больше не пострадала от цепляющихся ветвей.

— Значит, — заговорила Фаун, — если у целителей Дар плотный, а у дозорных — далеко достающий, как же ты назовешь того, кто имеет оба качества?

— Почтенным... или почтенной мастером по изготовлению ножей.

— Среди мастеров по изготовлению ножей бывают женщины? — Фаун встречала только одного мастера — недоброжелательного брата Дага Дора... По крайней мере недоброжелательного по отношению к крестьянкам-невесткам.

— О да.

— А как ты назовешь того, чей Дар и не плотный, и не далеко достающий?

— Фермером, — улыбнулся Даг, потом глянул на Фаун и извинился: — Прости.

Только не слишком-то он раскаивался... Фаун вскинула голову.

— Впрочем, это не совсем верно, — задумчиво продолжал Даг. — Мы встречаем среди фермеров и таких, кто на грани овладения Даром, — по крайней мере встречают те из нас, кто покидает лагерь и отправляется в дозор... и если обращает на это внимание. Вот пример — тетушка Нетти и отчасти ты.

— Я? — удивленно переспросила Фаун. — Мой Дар никуда не достигает. У меня и нет такого Дара, который куда-то достигал бы.

— Совсем никакого, — весело согласился Даг, и Фаун едва не пнула его в бок. — Только у тебя очень необычный Дар... не плотный, хотя и это есть, а яркий. Твой Дар очень красив, знаешь ли. Почему, как ты думаешь, я называю тебя Искоркой, Искорка?

— Я думала, это просто ласковое прозвище... для домашнего зверька, — добавила она вызывающе.

Даг обиженно глянул на нее, но сказал:

— Нет, это точное описание. Называть тебя так столь же естественно, как назвать рыжеволосого Сассу Морковными Вершками.

— Морковные вершки зеленые. Уж я-то знаю — я ведь крестьянка. — Все же Фаун не сдержала улыбку. Может быть, красота Дара — в глазах смотрящего? Не иначе... Другие Стражи Озера не были очарованы ее Даром, как Даг. А может быть, это дело вкуса... как сказала старая леди, целуя корову. Фаун улыбнулась еще шире, вспомнив старую присказку тетушки Нетти. И все же мелькнула у Фаун мысль, что, если в словах Дага кроется истина? Что, если это не лесть и не следствие влюбленности, а правдивое описание? Даг предпочитает говорить правду. Что, если он и в самом деле видит в ней яркость, как чувствительные глаза видят ее в солнце? Как жаждущий видит ее в воде...

— Что я тебе даю? — отрывисто спросила Фаун.

— Дыхание.

— Нет, серьезно! — Фаун остановилась, и Даг тоже остановился и повернулся к ней лицом.

— Я и отвечаю серьезно, — по крайней мере улыбка его была серьезной.

— Помнишь, когда Хог явился на «Надежду», ты сказал, что я сама не знаю, что каждый день даю тебе. А ты знаешь?

В этот момент Фаун поняла разницу между «остановиться» и «замереть на месте».

— Что знаю? — спросил Даг.

— Что я даю твоему Дару?

Даг медленно моргнул, крепко обнял жену и припал к ее губам долгим поцелуем — не для того, чтобы уклониться от ответа, а чтобы распробовать ее Дар. Когда наконец он отпустил ее, брови его были задумчиво сведены.

— Равновесие, — сказал он. — Ты меня распутываешь.

— Не понимаю.

— Я тоже.

— Даг, — взмолилась Фаун, — если ты ничего не можешь понять и мне объяснить, то кто может?

Даг с шутливой покорностью склонил голову.

— Ты заставляешь мой Дар исчезнуть. Нет, это неправильно, — продолжил он, когда Фаун начала возражать. — Представь себе... представь, что все твои мышцы напряжены, завязаны узлами и болят, не давая тебе пошевелиться. А теперь представь, что все твои мускулы разогреты и работают без усилий. Достаточно пожелать — и все исполняется... как безупречный выстрел в цель.

— Хм-м? — Фаун видела, что Даг еще сам не все понимает, но уже ухватил за хвост ускользающую мысль.

— Когда мне удастся безупречно выстрелить из лука... Такое временами случается, хотя всегда реже, чем хотелось бы. Я не имею в виду просто попадание стрелы в цель — этого-то я добиваюсь постоянно. Совершенный выстрел — все то же самое, и одновременно

не то. В такой неуловимый момент все мои горести, мое тело, лук, цель, даже стрела — все исчезает. Остается только полет. — Даг сжал руку в кулак и снова разжал. — Работа Дара моей левой руки похожа на полет стрелы без стрелы.

Даг смотрел на свою ладонь с таким выражением, словно его слова упали ему в руку неожиданно, как украшенный драгоценным камнем зуб.

«Он только что сказал что-то важное. Запомни услышанное, крестьянская девчонка, даже если ты пока ничего не поняла».

— Так почему я не околдована, как Хог? Ты воздействовал своим Даром на нас обоих. «Почему» и «как» должны лежать где-то между нами тремя.

Даг медленно закрыл рот; глаза его погасли. Однако он только проговорил:

— Мы задерживаем Берри, — и двинулся по тропе.

Фаун пошла рядом, довольная тем, что Даг не отмахнулся от ее вопроса. Его неожиданная задумчивость только означала, что колесики в его голове со скрипом завертелись в непривычном направлении.

«Так, может быть, мне следует постоянно смазывать эту ось, а?»

12

Несмотря на задержку, связанную с безрезультатной попыткой Дага, «Надежда» прошла еще восемь миль по реке, прежде чем сумерки заставили Берри причалить к берегу. За ужином хозяйка баржи высказала мнение, что на следующий день они доберутся до Серебряных Перекатов, если вода в реке за ночь не спадет. Даг только молча улыбался в свою кружку с пенистым сидром, глядя, как от этой новости оживились Фаун и Вит. Они оба принялись расспрашивать Берри и Бо о знаменитом городе; разговор длился до тех пор, пока Готорн и Хог не стали относить посуду на заднюю палубу, чтобы вымыть ее. Это занятие должно было занять у них изрядное время, потому что Готорн попутно пытался научить детеныша енота сидеть у него на плече. До полной темноты оставалось еще довольно много времени, и вечер был тихий, сравнительно теплый, без дождя.

— Как насчет урока стрельбы из лука? — предложил Даг Виту. — Мы уже давно этим не занимались. — Действительно, и Глассфорддж, и Жемчужная Излучина надолго отвлекли мужчин от тренировок.

Вит радостно вскочил, но тут же засомневался:

— А разве для этого не слишком темно? Луны еще какое-то время не будет, да она и на ущербе.

— На «Надежде» есть несколько фонарей. Может, Берри одолжит нам парочку.

Берри, явно заинтересованная предложением Дага, кивнула.

— Один фонарь поставь рядом с мишенью, другой — рядом с нами, — сказал Даг.

— Напрасная трата хорошего каменного масла, — проворчал Бо. — Да и фонари могут пострадать.

— Вит будет целиться не в фонарь, а при его свете... будем надеяться, — ответил Даг. Вит только смущенно улыбнулся. — Ты должен учиться стрелять при любом освещении. Был бы ты Стражем Озера, я поучил бы тебя стрелять в полной темноте — ориентируясь с помощью Дара. Деревья при дневном свете теперь уже для тебя слишком легкая цель. Скоро нужно будет давать тебе задания потруднее. Ну а сегодня можно одолжить у Дейзи и Копперхеда тук соломы и установить его где-нибудь на берегу.

— Погоди-ка, — вмешалась Фаун. — А кто будет собирать стрелы, не попавшие в цель, в темноте? — При предыдущих уроках это было ее обязанностью — главным образом потому, что Фаун дорожила собственноручно изготовленными стрелами.

— Не беспокойся, — заверил ее Даг. — Ты будешь приносить только те, что попадут в мишень, а остальные найду я. — Он бросил на Вита шутливо-свирепый взгляд. — Это значит, что тебе, парень, следует хорошенько целиться.

Фаун понесла фонари, а Вит потопал на берег, взгромоздив на плечо тук соломы.

Берри двинулась следом. Бо пошевелил кочергой угли, потом уселся, протянув ноги к очагу. Даг не торопясь допил свой сидр.

Ремо слушал разговор, недовольно хмурясь. Наконец он сказал:

— Ты в самом деле собрался учить этого болтливого крестьянского парня стрелять, как Стража Озера? Почему?

— Во-первых, он мой брат по шатру. Во-вторых, он попросил.

Ремо запнулся, но все же продолжил:

— Думаю, ты сам давно уже не имеешь возможности пользоваться луком. — И более тихо добавил: — Раньше ты был хорошим стрелком?

Ремо явно не слышал всех рассказов Сауна про Дага; может быть, это с таким же неугомонным, как он сам, Барром и подружился Саун, когда был в их лагере. Судя по его тону, Ремо пытался извиниться перед Дагом.

«Жаль, что он так плохо умеет это делать».

На языке Дага вертелось несколько едких ответов, вроде «Еще на прошлой неделе я бил без промаха», но он ограничился тем, что сказал:

— Пошли, если хочешь, с нами: поможешь мне. Есть вещи, которые я просто не могу показать Виту — например, стрельбу левой рукой.

Ремо явно растерялся, услышав такое предложение.

— Знаешь, — спокойно добавил Даг, — если ты собираешься жить среди фермеров, тебе пора учиться разговаривать с ними.

— Не собираюсь я жить среди фермеров!

— Ну, похоже, что и среди Стражей Озера ты жить не собираешься. Уж не надумал ли ты поселиться на дереве с белками и всю зиму питаться желудями? Выбор тебе обязательно придется сделать.

Ремо упрямо сжал губы. Даг только покачал головой, поднялся, чтобы последовать за Фаун и Витом, и бросил через плечо:

— Если передумаешь, приходи.

Вит укрепил тюк соломы на пне на прогалине выше по течению — там было меньше деревьев и более ровная почва — и теперь спорил с Фаун о том, где лучше разместить фонарь. В конце концов они сговорились на том, чтобы повесить его на сухом стволе тополя. Фаун пришила к тюку соломы потрепанную мешковину с нарисованными на ней двумя концентрическими кругами. Светлая ткань была отчетливо видна даже в неярком желтом свете фонаря. Потом Вит и Фаун вернулись на баржу, и Вит нырнул в каюту, чтобы взять свой лук. Когда он вышел снова, за ним медленно последовал Ремо, хотя ограничился тем, что дошел до перил на палубе, на которые и облокотился.

Ночь была тихая — песни лягушек и насекомых смолкли после недавних заморозков, волны еле слышно плескали в темный берег. Даг с удобством расположился на стволе упавшего дерева рядом со вторым фонарем и оттуда поправлял Вита, пока тот выпускал дюжину стрел; потом он с кряхтением поднялся и отправился на поиски тех шести, которые пролетели мимо мишени. Однако в следующий раз ему пришлось искать всего две стрелы, и Даг, довольный успехами своего ученика, увеличил дистанцию на десять шагов.

Тут явился Готорн, мечтающий о том, чтобы и ему разрешили попробовать. По крайней мере после мытья посуды руки у него были чистыми, и можно было не опасаться появления жирных пятен на луке. Даг тут же поручил Виту учить паренька: старый трюк дозорных, заставлявший новичка взглянуть на свои проблемы со стороны. Даг усмехнулся, услышав некоторые свои излюбленные выражения, с важностью повторяемые Витом. Ремо, как с удивлением заметил Даг, подбирался все ближе — сначала до сходней, потом до того бревна, на котором сидел Даг. Руки молодого дозорного иногда дергались. Если у него и был лук, он не захватил его с собой в ночной заплыв через реку. Что ж, если ему захочется попрактиковаться, придется, как и Готорну, просить у Вита его лук...

Когда Даг вернулся из очередного поиска пролетевших мимо мишени стрел и посоветовал Виту поставить Готорна поближе к цели, Ремо неожиданно сказал:

— Поиск стрел всегда был делом новичков, а не командира.

Уж точно не командира, на счету которого двадцать семь уничтоженных Злых, хотел он сказать? За кого это Ремо обиделся?

— Ты притаскивал их, когда был начинающим?

— Да!

— Вот и молодец.

Фаун подошла и стала наблюдать из-за спины Дага; ее неугомонные руки принялись массировать плечи мужа, так что ему сразу расхотелось снова отправляться на поиски.

— Как насчет тебя, Даг? — спросила она. — Ты тоже давно не практиковался.

— Да ну, Искорка, я же полдня греб. Я устал. Если я не смогу попасть в мишень, я буду плохо выглядеть в глазах всех этих молокососов.

— Ха! — бесчувственно фыркнула Фаун и прекратила свое восхитительное занятие, так что Даг еле сдержался, чтобы не охнуть. Проскользнув по сходням на баржу, Фаун через минуту появилась с усовершенствованным луком Дага и его полным стрел колчаном.

Ремо выпрямился, и глаза его широко раскрылись.

— Что это?

— Это мой лук. — Даг вывинтил свой крюк из деревянной основы и сунул его в кошель на поясе. Поднявшись, он всем весом навалился на короткий тяжелый лук, натягивая тетиву. Вставив в деревянную часть протеза болт, Даг повернул лук, чтобы установить его на место, удостоверился, что тетива находится на внутренней стороне, и защелкнул замок.

— Эту штуку сделал для меня много лет назад фермер-умелец, которого знал в Трипойнте Громовержец, — продолжал Даг. — К ней прилагались и ремни, и все прочие приспособления. Потребовалось четыре попытки, прежде чем удалось создать конструкцию, которая работала бы. Интересный то был парень. Он начал делать деревянные руки и ноги для горняков и сталеваров, понимаешь ли: тамошние жители занимались опасными вещами. Они с Громовержцем подружились, еще когда тот был молодым дозорным и путешествовал в тех краях. Никогда не знаешь, когда тебе пригодится старый друг.

Дар Ремо был таким же взволнованным, как и выражение его лица; Даг не мог сказать, как воспринял парень это нравоучение. Ремо только пробормотал:

— Похоже, натягивать этот лук трудно.

— Да — словно борешься с медведем. К тому времени пришлось изрядно помудрить. Требовался короткий лук, чтобы он не путался у меня в ногах, если придется бежать, поскольку быстро его не отсоединить. В то же время мне было нужно, чтобы лук был мощный. Когда у меня были две руки, я пользовался длинным луком, соответствовавшим моему росту и длине рук. Пришлось тренироваться многие месяцы, прежде чем удалось избавиться от прежних привычек. — Пальцы правой руки Дага кровоточили.

— Ты говоришь об этом так спокойно...

Неизвестно, что Ремо ожидал услышать в ответ на свое замечание, так что Даг предпочел сказать правду:

— Сначала было иначе. Мне долго пришлось привыкать... — Легкое движение левой руки Дага ясно показало, что он имеет в виду. — Не сказал бы, что нет таких, кто остается проклятым дураком навсегда: я видел парней, которые так и не сумели себя преодолеть. Только я в конце концов решил, что эта компания не по мне.

Ремо надолго умолк.

Появление нового замечательного приспособления заставило Готорна запрыгать на месте, не в силах сдержать любопытства. Подошедший следом за мальчишкой Вит добродушно протянул:

— Ну-ка, Даг, устрой нам представление!

— Этот лук не годится, чтобы учить тебя, знаешь ли. Он требует иной позиции и иных ухваток, чем твой, и к тому же у меня полно скверных старых привычек, которым тебе лучше не подражать.

Вит ухмыльнулся.

— «Делай, как я говорю, а не как я делаю?»

— Вот именно, — кивнул Даг.

Готорн вытащил из колчана одну из тяжелых, со стальным наконечником стрел Дага.

— Эй, а эти-то получше тех, которыми мы стреляли! Спорю: они точнее попадают в цель!

— Ваши ничуть не хуже. Их делал один мастер. — Даг подмигнул Фаун. — Ну-ка дай мне ваши, а эту положи обратно.

Готорн охнул, и Фаун пришлось вынуть стрелу из его окровавленной руки.

— Дай сюда, пока глаз не выколол. Это боевые стрелы Дага. Он не тратит их на стрельбу в мишень.

— А для чего он их бережет?

Даг предусмотрительно оставил этот вопрос без ответа и обменялся колчанами с Витом. Отойдя от мишени на то расстояние, с какого Виту удавалось не промахнуться, Даг распрямил плечи и лениво послал в цель дюжину стрел с кремневыми наконечниками. Все они вонзились между двумя концентрическими кругами. Результат был вполне удовлетворительным.

— Вот видишь, Готорн, они прекрасно работают. А теперь пойдика их принеси. — Мальчишка кинулся выполнять распоряжение. — Мой стиль не годится для соревнований в стрельбе, — сказал Даг Виту. — Я всегда спорю на этот счет с ортодоксами: по-моему, дозорный должен стрелять из любой позиции, и тут не годится заботиться о правилах. А они твердят... ладно, пожалуй, не стоит повторять то, о чем они твердят.

Фаун не сводила глаз с мужа и решила, что теперь его мышцы разогрелись и стали послушными. Фальшиво напевая себе под нос, Даг взял свой колчан, неуклюже зажал под левой рукой, вытащил половину стрел и передал их Фаун; оставшаяся дюжина тяжелых стрел теперь лежала в колчане свободно. Повесив колчан через плечо, Даг вернулся на прежнее место; прикинув расстояние до тюка соломы, он отошел еще на десяток шагов. Потянувшись, он прогнал все мысли и повернулся к мишени.

Первая стрела ушла в цель с гораздо более громким звуком, чем прежние. Вит, разговаривавший у схода с Берри, резко обернулся. Вторая стрела последовала за первой еще до того как та достигла цели. Одну за другой Даг доставал стрелы из колчана, целился, спускал тетиву. Он увеличил расстояние не ради показухи: это было нужно, чтобы получить замечательный эффект потока — две или три стрелы были в воздухе одновременно.

Двенадцать выстрелов меньше чем за минуту...

«Давненько ты не делал такого, старый дозорный!»

Даг опустил свой короткий лук и оценил результаты. Что ж, все стрелы попали в нарисованный на мишени круг. Не то чтобы точный выстрел в сердце, но и сбежать тюку соломы не удалось бы. Даг немного пожалел, что не сумел написать колышущимися перьями «Д+Ф»; впрочем, если прищуриться, получается что-то вроде «Ах»... тоже неплохо.

Фаун подошла и встала рядом, зачарованно глядя на мишень.

— Это и были безупречные выстрелы? Клянусь звездами, выглядело потрясающе!

— Почти, — удовлетворенно кивнул Даг. — По крайней мере качественная работа. Можешь пойти вытащить стрелы, Вит.

Парень побежал к мишени. Даг разумно решил прекратить соревнование, пока остается непревзойденным. Он отсоединил лук и предоставил Виту продолжать развлекаться. Готорн был безжалостно отстранен, стоило только Берри, наблюдавшей за событиями со сходней, намекнуть, что и она не прочь попробовать пострелять. Даг уютно устроился на бревне в обнимку с Фаун. Становилось холодно. Скоро захочется вернуться в каюту.

Фаун толкнула его локтем в бок и ухмыльнулась. Ремо стоял рядом с Витом, с увлечением объясняя какую-то тонкость стрельбы из лука. Даг в ответ приложил палец к носу и поднял брови; губы его кривила улыбка. Когда пришло время идти собирать выпущенные Берри стрелы, молодой дозорный махнул Дагу и отправился с Витом вместо него.

Громкий удар, донесшийся с баржи, заставил и Берри, и Дага резко обернуться.

— Что это было? — спросила Берри, однако, поскольку все оставалось тихо, снова стала смотреть на Ремо и Вита.

Даг напряженно смотрел в темноту, нахмутив брови.

«Хог... Что теперь затеял этот глупый мальчишка?»

Через несколько мгновений Бо высунулся из переднего люка и крикнул:

— Эй, Страж Озера, не заглянешь ли сюда на минутку?

«Нет, не загляну...» Однако так ответить Даг не мог. Он поднялся, жестом предложив обеспокоенной Берри продолжать развлекаться с Витом и Ремо. Фаун, бросив на мужа острый взгляд, двинулась следом за ним.

В той части каюты, что была отведена для ночлега, на полу сидел, закатав правую штанину, Хог; паренек раскачивался и скулил.

— Что случилось? — спросил Даг.

— Я упал на задней палубе, — простонал Хог. — Повредил колено. Вылечи его... пожалуйста, ты ведь можешь снова его вылечить...

Фаун сочувственно вздохнула. Даг покачал головой, опустил на колени и протянул руку к колену паренька, на мгновение приоткрыв Дар. Повреждение было не особенно глубоким, но Хог действительно умудрился обновить только что зажившую трещину в коленной чашечке. Проклятие!

— Хог, ты опять потащил слишком много посуды за раз? — сурово проговорила Фаун. — Помнишь, что я тебе говорила насчет трудов лентяя?

— Нет, я просто упал, — возразил Хог и, подумав, добавил: — Я пытался не наступить на енота.

Дар тут же доложил Дагу, что детеныш мирно спит на их с Фаун постели. Даг поднял глаза и нахмурился.

Бо встретился с ним взглядом и поднял свои кустистые брови. После долгой многозначительной паузы он медленно проговорил:

— На самом деле звереныша поблизости не было. И судя по звуку, Хог не оступился на палубе. Похоже, он налетел на заднюю стенку каюты.

Хог испуганно пискнул:

— Ты меня не видел! — потом с запозданием добавил: — Ага, верно. Я споткнулся и ударился о стену.

Даг сел на пятки, обдумывая все неприятные возможности.

— Хог, скажи правду. Ты что, ударился коленом о стену нарочно?

Хог постарался не смотреть ему в глаза.

— Упал, — повторил он с вызовом.

Даг глубоко вздохнул. Хог, конечно, повредил колено, но срочности никакой не было. Не требовалось поспешно ставить заплаты. Даг мог повременить, остановиться, подумать. Сейчас размышления не казались его лучшим умением, но может быть, как и со стрельбой из лука, требовалась практика...

«Интересно, будет ли мозг, как и пальцы, кровоточить?»

Хог выглядел глуповатым и надутым, но может быть, он просто косноязычен и перепуган? Даг вляпался в неприятности, полагаясь на свои предположения насчет Хога. Его собственная привычка к секретности встретилась с молчаливой растерянностью парнишки, так что нечего удивляться, что прозрения не последовало.

— Хог, ты же стоял рядышком на передней палубе, когда я с помощью Дара избавил Кресс от боли в животе. Ты слышал, что я сказал ей и Марку насчет околдовывания? Ты понял мои слова?

Хог умудрился одновременно и кивнуть, и покачать головой. Даг не мог понять, значит ли это, что парень не слышал, или не понял, или просто не уверен, что признаться в чем-либо безопасно.

— Ты хоть знаешь, что такое околдовывание? — А знал ли это сам Даг? Похоже,

теперь он как раз начал выяснять...

Хог снова затряс головой, но потом буркнул:

— Магия Стражей Озера? Они заставляют людей совершать с ними выгодные сделки... или девушек, — паренек кинул взгляд на Фаун и покраснел, — по доброй воле отправляться с ними на сеновал.

Последнее, решил Даг, было собственным словечком Хога или, может быть, принятым в Глассфордже обозначением соблазнения.

— Ничего подобного, — возразил Даг, несколько кривя душой. По крайней мере в данном случае действительно ничего подобного не было, и он совсем не хотел, чтобы это оскорбительное — или пугающее — представление затуманило Хогу мозги... или мозги ему самому. — Мы с тобой на самом деле как раз и выясняем, что же такое околдовывание, потому что я случайно околдовал тебя, когда лечил твоё поврежденное колено. Похоже, такое случается, когда фермер — это ты — испытывает исцеление Даром и хочет, чтобы это произошло снова. Хочет так отчаянно, что делает всякие глупости, чтобы получить желаемое. — Даг коснулся пальцем воспаленной кожи на колене Хога; парень заскулил.

— Больно... — выдохнул Хог.

Было ли это жалобой или попыткой смягчить Дага?

— Не сомневаюсь. Что я хочу понять — это почему ты жаждешь подкрепления Дара так сильно, что готов навредить себе, лишь бы выманить у меня подкрепление.

Хог выглядел таким же перепуганным, как попавший в капкан опоссум. Он сглотнул, но так и не разжал губ.

— Проклятие, я не пытаюсь тебя подловить! — рявкнул Даг. Хог от испуга подпрыгнул, и Даг смягчил тон. — Стражи Озера постоянно... ну, во всяком случае, часто — подкрепляют Дар друг другу, и на нас это так не действует. Мне нужно знать... потому что у меня было намерение... мечта: поселиться где-нибудь с Фаун и стать целителем, который помогает крестьянам. Только я, конечно, не могу этого сделать, если буду сводить с ума всех моих пациентов. Я очень надеюсь, что ты поможешь мне разобраться.

— Ох, — прошептал Хог голосом, в котором прозвучало доступное ему прозрение, — мне помочь тебе? Мне? — Он поднял на Дага глаза и заморгал. — Почему ты раньше не говорил?

Почему не говорил? Может, это ему, Дагу, следовало выйти на заднюю палубу и стукнуться головой о стену... Даг заметил, что Фаун, сложив руки на груди и подняв брови, смотрит на него так, словно вполне разделяет недоумение Хога.

Чтобы уклониться от ответа, Даг продолжал:

— Первым делом нужно это прекратить. Ты не можешь продолжать причинять себе вред, только чтобы получить подкрепление Дара.

Хог с надеждой посмотрел на него.

— А ты мне его дашь, если я не стану себе вредить?

— Не думаю, что тебе следует вообще получать его больше. Не знаю, выветривается ли околдовывание со временем, но я практически уверен: повторение ухудшает дело.

— Ох... — Хог осторожно коснулся колена и сморгнул слезы. — Ты собираешься заставить меня... ждать?

— Если бы у меня было два пострадавших Хога, я мог бы заставить одного ждать, а другого — нет, а потом сравнить. Тогда бы я знал.

— Которым из двух буду я?

Даг не нашелся, что на это ответить, и только провел рукой по волосам.

— В определенном смысле у тебя есть второй Хог, который ждет, — вмешалась Фаун. — Это Кресс. Если мы когда-нибудь вернемся в Жемчужную Излучину, скажем, следующей весной, ты сможешь узнать, как у нее дела.

— Хорошая мысль, Искорка.

Хог сразу повеселел и посмотрел на Фаун почти с симпатией.

— Значит, это дает мне возможность попробовать что-то другое. — Даг,

прищурившись, смотрел в огонь очага. Ему ужасно не хотелось прерывать первый разговор, который Ремо по доброй воле завел со своими спутниками со времени отплытия, но с необходимостью не поспоришь. — Фаун, не попросишь ли ты Ремо на минутку зайти сюда?

Фаун нахмурила брови, но кивнула и вышла из каюты. Через несколько минут Ремо пробрался между грудями товаров и вышел на освещенное очагом и лампой место. Фаун шла следом. Ремо хмуро глянул на Хога и вопросительно — на Дага.

— Ах, Ремо, — заговорил Даг, — рад, что ты здесь. Тебя учили, как во время дозора подкреплять Дар в случае небольшого повреждения?

— Верел обучил всех нас, кто имел способности, — осторожно ответил Ремо. — У меня, правда, ни разу не было случая попробовать это на практике.

— Прекрасно, значит, тебе самое время попробовать. Я хотел бы, чтобы ты подкреплением Дара помог поврежденному колену Хога.

Ремо шокированно вытаращил на него глаза.

— Он же крестьянин!

— Я думал, что ты собрался нарушать правила?

— Но не это!

«Что-то ты неожиданно стал очень разборчивым...»

Даг потер губы, напоминая себе, что Ремо не присутствовал, когда он лечил Кресс... и несчастья с Хогом не видел тоже. Стиснув зубы, Даг кратко описал оба случая и закончил так:

— Хог уже околдован мной, и последнее, чего я хочу, — это сделать еще хуже. Вот чего я не знаю — так это что случится, если околдовывание разделится между двумя Стражами Озера. Я надеюсь... по крайней мере хотел бы узнать, не уменьшит ли такое разделение проблему вдвое.

Ремо с подозрением надул губы.

— Ты что, пытаешься взвалить это на меня?

— Нет, — терпеливо ответил Даг. — Я пытаюсь разрешить проблему Дара. Для себя, да, но если я сумею разрешить ее для себя, появится шанс, что я разрешу ее и для многих целителей тоже. Похоже, попытаться стоит.

— Я думал, ты дозорный.

— Старые привычки умирают нелегко. Или ты думал, что я ушел в отставку только потому, что разозлился из-за хорошенькой маленькой крестьяночки втрое меня моложе? — Фаун насмешливо взглянула на него, подняв брови, и Даг подмигнул ей. — Я также становлюсь — пытаюсь стать — мастером. — «Я только никак не определяюсь, в чем именно». — Присмотрись хорошенько к колену Хога, ощути его Дар и скажи мне, не обманывает ли меня моя надежда.

Ремо неохотно опустился рядом с Дагом на колени; Хог неуверенно улыбнулся ему. Молодой дозорный оглянулся на Дага и в первый раз за несколько дней открыл свой Дар. Даг заметил, как поморщился Ремо, когда на него обрушились ничем не сдерживаемые эмоции окружающих крестьян: темная настороженность Бо, растерянность Хога, яркий оптимизм Фаун. Молодому дозорному потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточиться на пострадавшем колене. Когда он все же сделал это, брови его поползли вверх.

— Это все совершил ты? Даже Верел не соединяет обломки так прочно!

— Хотелось бы мне, чтобы рядом был Верел... или еще кто-нибудь, кто страховал бы меня. Я едва не углубился в его Дар до предела, откуда нет возврата.

Теперь, когда наконец Дар Ремо был открыт для Дага, его догадка о том, в какой растерянности тот пребывает, подтвердилась. Взволнованный дозорный... признаки были Дагу хорошо известны. Иногда он жалел о том, что способность воспринимать Дар не позволяет читать мысли, хотя обычно благоразумие не изменяло Дагу. «Мы и так уже слишком много знаем друг о друге». Как, интересно, воспринимает его Ремо?

— Что тебя тревожит? — мягко спросил Даг молодого Стража Озера.

Ремо лизнул свою еще не совсем зажившую губу.

— Не знаю, чего ты от меня хочешь! — выпалил он. — Раньше ты не видел во мне пользы!

Даг чуть не ответил ему: «Я же только что сказал тебе, чего от тебя хочу», но вовремя остановился.

— Что ты имеешь в виду?

Ремо повесил голову и пробормотал:

— Не важно. Глупость это... — Он сделал попытку уйти, но Даг протянул руку, останавливая его. — Когда вчера ты чуть не влип с той рыбой... ты же позвал Вита. Крестьянина! Не меня — Ремо-неумеху... Да и с какой стати тебе доверять мне? — яростно закончил он.

Ну да, ведь Ремо раньше не удалось помочь в беде своему напарнику Барру. Даже если не считать вспышки ревности к Виту, бедняга страдает от укоров совести... Даг понимал, что не может вернуть парню самоуважение как готовенький подарок, и подумал, не стоит ли рассказать ему историю Волчьего перевала. Он вспомнил уловку Мари: та, чтобы пристыдить местных фермеров, скупившихся на деньги или припасы после убийства Злого неподалеку от их угодий, не стеснялась пользоваться историей увечья Дага. Одна мысль о таком заставила Дага поморщиться от отвращения. Нет. Негоже выставлять на обозрение свои старые несчастья, чтобы пристыдить Ремо: стыда парню и так хватило бы на двоих. «Уж очень ты все усложняешь, старый дозорный. Попробуй попроще...»

— Ты сидел на веслах, а Вит был свободен — вот и все.

«Мир не вращается вокруг одного тебя, малец, хоть сейчас ты этого и не видишь».

Даг вспомнил о шутилом родительском проклятии, о котором слышал от Фаун: «Пусть у тебя родится шестеро детей и все в тебя». Разве не возникает подобной мысли и у командира отряда? Это многое бы объяснило...

Ремо сглотнул.

— Ох... — Лицо его залилось краской, но напряжение немного отпустило парня.

Даг не стал говорить Ремо, что стал бы звать его раньше, чем Готорна или Хога, чтобы обидчивый дозорный не счел себя всего лишь возглавляющим список неподходящих кандидатур. «Проявляй такт, старый дозорный». Ему все же удалось чего-то достичь...

Рука Ремо протянулась к колену Хога, потом отдернулась.

— А дело не кончится тем, что он начнет таскаться за мной, как таскается за тобой?

Даг отверг оба пришедших ему на ум ответа: «Если бы я знал, не нужно было бы пробовать» и «По крайней мере он не сможет таскаться за нами одновременно». Он посмотрел на Хога, не сводившего с них встревоженных глаз.

— А почему бы тебе не спросить у него самого?

«А то тебе придется проделать весьма интимную работу над человеком, с которым ты и слова не сказал с тех пор, как оказался на барже».

Ремо неохотно взглянул в лицо Хогу.

— Ты собираешься ко мне приклеиться? — резко спросил он.

Парнишка снова полуутвердительно-полуотрицательно потряс головой, озадачив Ремо так же, как раньше остальных.

— Не знаю, — наконец выдавил он. — Не хотел бы. Только колено очень болит, а я хочу помогать Дагу. Разве ты сам не хочешь помогать Дагу?

Ремо поскреб голову, отводя глаза.

— Пожалуй, хочу.

Дагу случалось и раньше обнадеживать молодых дозорных, когда они в первый раз неловко подкрепляли чей-то Дар; в этом отношении Ремо не представлял для него ничего нового. Само действие заняло всего мгновение. Хог судорожно втянул воздух, когда охватившее его колено тепло сняло боль. Даг строго предупредил его, чтобы впредь он вел себя осторожнее и номеров не выкидывал. Хог изо всех сил замотал головой — на этот раз совершенно однозначно.

В этот момент в каюту вошли Вит, Берри и Готорн, раскрасневшиеся от ночного холода, и начали убирать лук и колчан со стрелами. Даг, чувствуя себя таким же выжатым, как если бы он сам, а не Ремо производил подкрепление Дара, устало откинулся на стуле у очага, предоставив Фаун объяснять хозяйке баржи, что тут произошло. Фаун и описала все с точностью, заставившей смутиться не только Хога, но и Ремо; впрочем, поскольку делала она это, одновременно раздавая всем теплый яблочный пирог, все восприняли ее слова достаточно спокойно.

Дагу выпало неожиданное удовольствие: в течение получаса выслушивать, как крестьяне над тарелками с остатками пирога серьезно обсуждают проблему околдовывания — не как темную магию, а скорее как поиск фарватера после наводнения, переместившего все мели и коряги. За исключением Фаун и Вита, все они путались в своих предположениях и предложить ничего путного не могли; однако тон их разговора странным образом согрел Дага. Ремо, сначала обращавший внимание только на путаницу, со скучающим видом сложил руки на груди, но потом помимо собственного желания оказался втянут в первые для него, как предположил Даг, попытки объяснить посторонним правила, которых придерживаются Стражи Озера.

Собравшиеся разбрелись по постелям, не найдя лекарства для горестей мира, однако Даг несмотря ни на что чувствовал определенное удовлетворение.

Фаун, проходя мимо Хога, положила руку ему на плечо и сказала:

— Знаешь, ты ведь мог тоже пойти со всеми и попроситься в очередь за луком Вита, как и Готорн. Попробуй сделать так в следующий раз.

Парнишка взглянул на нее удивленно; обнажив в улыбке свои кривые зубы, он благодарно кивнул. Может быть, ему только и нужно было такое приглашение? Какое воображаемое отчуждение заставило его ударить коленом в стену? Неужели его переживания были так мучительны, что даже жестокое причинение себе вреда показалось ему лучшим выходом? Даг, покачив головой, добавил к ласковым словам Фаун пожелание доброй ночи, что вызвало новый благодарный кивок и румянец удовольствия на лице Хога. Направляясь следом за Фаун в отведенный им уголок, Даг задумчиво вздохнул.

Потребовав от Готорна, чтобы тот забрал своего енота — зверек, выспавшись, теперь хотел играть, — Даг и Фаун свернулись в своем теплом гнездышке.

— Как дела с твоим зернышком овса? — пробормотала Фаун.

Даг удивленно потер левую руку.

— Я почти забыл о нем. Ха, похоже, оно уже влилось в мой Дар. Почти ничего не осталось — только теплое пятнышко. Может быть, завтра я попробую десяток зернышек.

— Я-то думала о двух.

— Ну, пять. — Поколебавшись, Даг признался: — Я рад, что ты отговорила меня от того дерева.

— Угу, — сухо согласилась Фаун. Даг почувствовал, как ее губы у его плеча растянулись в сонной улыбке, и через минуту она добавила: — Ты действительно расшевелил Ремо сегодня. Если бы только нам удалось отучить его путать фермеров с их скотиной, думаю, из него получился бы приличный парень.

— По-твоему, он настолько плох? Он ведь хочет, как лучше.

— Я и не спорю. Он просто... полон привычек Стражей Озера.

— Скорее был полон, пока его не вытряхнули из колыбели. Подозреваю, что путешествие по реке не такой уж бунт, каким он его считает.

Фаун хихикнула, и Даг ощутил тепло ее дыхания на своей коже.

— Он был просто обычным дозорным, — медленно проговорил Даг, — пока его нож не сломался. Однако если обычные люди не могут исправить мир, значит, ему не суждено исправиться. Лордов теперь нет. Боги отсутствуют.

— Знаешь, сначала это кажется привлекательным, но я не уверена, что хотела бы, чтобы мир исправляли лорды и боги, потому что они исправляли бы его для себя... и не факт, что мне в таком мире было бы хорошо.

— Ты права, Искорка, — прошептал Даг.

Фаун кивнула, и веки ее смежились. Даг еще долго лежал с открытыми глазами.

13

К общему возбуждению — правда, Фаун подумала, что Даг и Бо умело его скрывают, — «Надежда» к полудню добралась до Серебряных Перекатов. Был очередной серый промозглый день; дождь навис, но так и не пошел.

Взобравшись на свой наблюдательный пост на крыше каюты, Фаун порадовалась своему теплому жакету.

На северном берегу реки раскинулась деревня с паромной переправой. Вит, сидевший на веслах, бросил на нее неуверенный взгляд.

— Это и есть Серебряные Перекаты? Деревня раза в четыре больше Жемчужной Излучины!

— О, это еще не город, — сказала Берри, наваливаясь на рулевое весло, чтобы удержать баржу на середине фарватера. — Здесь только переправа. Вот подожди, пока мы минуем тот утес и повернем на юг. — Прикрыв глаза рукой, она присмотрелась к шесту, торчащему из воды у переправы. — Река опять мелеет. Думаю, мы пройдем перекаты, пока это еще возможно, и остановимся ниже по течению. Я не хочу застрять еще на одну неделю.

Ремо стал особенно молчалив, когда русло реки сделало поворот и наконец показался город; раскинувшийся на холмах южного берега; Даг, сидевший за тем же веслом, что и молодой дозорный, проследил за его взглядом. Многие дома были выкрашены в белый цвет и ярко выделялись на фоне облетевших деревьев; самые новые, более высокие здания были кирпичными, и Фаун подумала, что одно из них, должно быть, знаменитый монетный двор. Во влажном воздухе плавал дым из труб, а вдоль берега тянулись пахучие мастерские ремесленников, нуждавшихся в большом количестве воды, — дубильщиков, красильщиков, мыловаров, копильщиков; виднелась среди них и верфь. Производства, использующие водяные колеса, подумала Фаун, должно быть, расположены по притокам — по крайней мере одно такое, судя по всему, лесопилку, она уже углядела. По грязным улицам грохотали фургоны, запряженные тяжеловозами, а по деревянным тротуарам торопились пешеходы. Город был больше, чем Ламптон и Глассфордж вместе взятые и раз в сорок больше Жемчужной Излучины.

Резкий окрик Берри заставил всех зевая заняться делом: чтобы преодолеть перекаты — очень похожие на пороги у Жемчужной Стремнины, только больше — требовались усилия всей команды. Несколько скелетов судов, застрявших на камнях, предупреждали о судьбе неосторожных или невезучих. Даг коротко предупреждал Берри о скрытых опасностях — теперь уже она только кивала в ответ — и они миновали все камни и мели, даже не поцарапав корпус баржи. Потом гребцам пришлось навалиться на весла, чтобы подвести «Надежду» к берегу.

Десятка два судов — и плоскодонок, и парусников — были пришвартованы к участкам берега между несколькими пристанями, от каждой из которых вверх по склонам холмов тянулись складские помещения. Идущая вдоль берега дорога была заполнена фургонами, которые загружали или разгружали команды грузчиков.

— В этом городе можно потеряться, — растерянно пробормотал Ремо, что вызвало у Дага легкую улыбку. Вит откровенно глазел по сторонам, разинув рот. Хог, выросший в Глассфордже, был впечатлен меньше и старательно принялся вместе с Готорном перекидывать веревки на берег и привязывать баржу к сваям.

Когда «Надежда» была благополучно пришвартована между другой баржей и яликом, Берри поинтересовалась у соседей новостями с низовий, однако оба суденышка, как и они сами, прибыли из верховий реки. Бо перекинул на берег сходни, и Берри двинулась вверх по берегу к ближайшим складам, пригласив с собой Фаун; Вит, конечно, увязался следом.

В передней части склада располагались прилавки, за которыми сидели клерки и хозяева

товаров. С последними Берри вступила в переговоры о бартере, предлагая кожи, бочарные клепки, медвежий жир и перебродивший сидр. Попутно она всех расспрашивала о судне своего отца, которое могло оказаться здесь прошлой осенью. Большинство в ответ только качало головами, но кто-то вспомнил о каком-то парне из Трипойнта, который задавал такие же вопросы о пропавших судах и с которым стоило бы поговорить. Эта информация была бы гораздо более полезной, если бы доброжелатель помнил его имя или где его искать.

Однако на третьем складе нашелся торговец, который не только обнаружил в своих книгах запись о покупке кож у хозяина «Шиповника-4» по имени Клиркрик, но и сумел назвать парня из Трипойнта. Он посоветовал Берри искать торговца по прозвищу Камнерез, которого в это время суток можно было найти в таверне на улице, тянущейся позади складов. У этого добросердечного торговца Берри сделала свою единственную покупку — несколько коробок жемчужных и перламутровых пуговиц, производством которых славился город.

Виту она посоветовала попридержать свое оконное стекло, так же как сама она не торопилась продавать инструменты из Трипойнта: ниже по реке за них можно было получить гораздо более высокую цену. Этот разговор открыл Фаун то, что она и так уже подозревала: Вит и не думал возвращаться из Серебряных Перекатов домой. Фаун решила, что нужно по крайней мере заставить брата написать письмо родителям или написать самой. Правда, она не знала, как переправить послание в Вест-Блю без помощи гонца — Стража Озера; у нее возникла мысль, что тот сообразительный торговец, что пришел на помощь Берри, знает способ обмениваться новостями по крайней мере с Ламптоном... нужно будет потом его спросить.

Пока же Фаун и нагруженный коробками с пуговицами Вит поспешили по дощатому тротуару следом за Берри; на противоположной стороне грязной улицы обнаружилось здание с раскачивающейся на нем вывеской, гласящей, что это таверна «Серебряная мидия». На вывеске была изображена раковина с ножками, глазками и зубастой улыбкой. Если мидии сколько-нибудь похожи на свой портрет, подумала Фаун, то ей совсем не хочется класть их в рот даже запеченными. Однако запах, доносившийся из-за двери, совсем не напоминал вонь от засолочной мастерской ниже по берегу; в таверне приятно пахло луком, чесноком и свежим пивом. Вит принялся и заулыбался.

Внутри таверна состояла из большой комнаты с посыпанным опилками полом и длинным прилавком вдоль одной стены. Судомойки и мальчишки-служки не спеша убрали со столов — обеденный наплыв закончился. Фаун проследила за взглядом Берри; та оглядела комнату и высмотрела человека, который вполне мог быть тем, кого они ищут, за столом в дальнем конце комнаты.

«Крупный мужчина лет сорока, — сказал торговец, — начавший полнеть, с кудрявыми темными волосами и аккуратно подстриженной бородкой. Одет как речник, это точно, только все у него самого лучшего качества». — Берри кивнула, словно подтверждая соответствие описанию, и двинулась между столами к привлечшему ее внимание человеку.

Тот поднял глаза от раковины мидии, которую рассматривал, слегка улыбнулся приближающимся молодым женщинам и поспешно проглотил то, что жевал, когда Берри остановилась рядом с ним и спросила:

— Ты Камнерез? Из Трипойнта?

— Капитан Камнерез, ага, — ответил мужчина. — Чем могу быть вам полезен, мисс... и мисс? — Заметив Вита, он кивнул и ему.

Берри протянула ему свою загрубевшую от работы руку.

— Я хозяйка «Надежды» Берри Клиркрик. Это мой гребец Вит Блуфилд и моя подруга и повариха миссис Фаун Блуфилд.

Брови Камнереза полезли было вверх, но тут же приняли обычное положение, когда Берри ответила на его матросское рукопожатие таким же. Он кивнул на Фаун и Вита:

— Женаты? — но тут же поправился: — Ах да, брат и сестра.

— Я слышала, что ты расспрашивал о пропавших судах, — сказала Берри.

Прохладное дружелюбие Камнереза сменилось напряженным вниманием.

— Вы идете с низовий?

— Нет. «Надежда» — плоскодонная баржа... но мы туда направляемся. Понимаешь, прошлой осенью мои папа и брат отправились на барже из Клиркрика и так и не вернулись. С тех пор от них ни слова... Такое впечатление, что они просто исчезли. Вот я и отправилась на поиски, чтобы что-то о них узнать.

— Суда, которые пропали у нас, вышли в плавание весной, гораздо позже... Вот что, садитесь! — Камнерез привстал и показал на свободные стулья у квадратного дощатого стола. Тарелка рядом с ним, полная раковин мидий, говорила о том, что раньше с ним обедал кто-то еще — может быть, человек, от которого Камнерез пытался что-то узнать? Пока Берри и ее спутники усаживались, Камнерез, хмурясь, о чем-то думал.

— Суда, ты сказал? — с любопытством поинтересовалась Фаун. — Больше чем одно?

Камнерез кивнул.

— Я был капитаном парусника в Трипойнте, пока не женился и не пошли детишки, так что женушке стала нужна моя помощь дома. Тогда я обзавелся складом и начал продавать товары вместо того, чтобы их возить. Сначала у меня было немного товара, потом я обзавелся судном, потом двумя и наконец четырьмя. В целом мне везло, и я нашел надежных капитанов. Суда у меня тоже были надежные, построенные на верфи в Бивер-крик. Не то что самодельные корыта, которые сколачивают береговые жители из сырых или гнилых досок, да еще и не конопатят как следует. Я однажды потерял груз, отправленный с такой баржей, и хорошо усвоил урок. Баржа пошла ко дну ясным днем на спокойной воде — клянусь, напоролась-то всего лишь на сома.

После того как она увидела пойманного Дагом сома, Фаун не была уверена, что такое происшествие свидетельствовало о ненадежности баржи, но предпочла промолчать.

— Надежные суда, надежные команды, — продолжал Камнерез, — и все-таки две баржи не вернулись летом. А когда я начал расспрашивать, оказалось, что пропали не только они. Целых девять судов из окрестностей Трипойнта не вернулись, когда были должны. Можно ожидать, что одно-два судна будут потеряны за сезон, но девять? И даже потонувшие суда иногда удается поднять или их хотя бы видят. Тела всплывают, и люди, которые их вытаскивают и хоронят, обычно посылают весточку. Когда мы, речники, собрались вместе и все обсудили, стало ясно, что кому-то нужно все выяснить, и выбор пал на меня. Должен вам сказать, что потеря двух судов для меня тяжелый удар.

Тут их прервала служанка, убравшая со стола использованные тарелки и спросившая, не хотят ли они чего-нибудь. Фаун из осторожности помотала головой, Берри, увлеченная разговором, отмахнулась, но Вит заказал миску мидий и кружку пива.

— Мой папа провел на реке больше двадцати лет, — сказала Берри после того как служанка ушла. — Он хороший судостроитель, а в команде у него были только наши местные парни, много раз с ним уже ходившие. Я обычно тоже его сопровождала, только не в этот последний раз...

Глаза Камнереза широко раскрылись.

— Скажи, ты не играешь ли на скрипке?

Берри кивнула.

— Я хорошо зарабатывала, когда играла гребцам при путешествии вверх по течению.

Улыбка их собеседника стала более почтительной, хотя и раньше грубости он себе не позволял. Тут действовало товарищеское чувство речников, решила Фаун.

— Я слышал о тебе! Белобрысая девчонка, которая сопровождает своего папу и уж так живо играет! — Камнерез высосал содержимое очередной раковины и продолжал: — Мой парусник, пришвартованный ниже по берегу, — «Сталь Трипойнта», и команду я подбирал тщательно. Все крепкие парни, и на этот раз мы вооружены до зубов. У некоторых пропали друзья или родичи, и они сами вызвались, когда услышали, что я затеваю. В чем бы ни была причина неприятностей, мы рассчитываем до нее докопаться.

Берри потеряла нос.

— Сталь не поможет, если их свалила болезнь или случилось крушение, но признаюсь, твои слова воодушевляют. Ты думаешь, что виноваты какие-то речные разбойники? Баржи грабили и раньше, это верно, но обычно об этом быстро становится известно.

Камнерез в сомнении поскреб свою короткую бородку.

— В том-то и дело. Так много народу пропало, и все так шито-крыто... Тут некоторые думают, что дело нечисто. — Губы мужчины сжались. — Что, может, не обошлось без колдовства... или чего похуже. Штука в том, что не только суда и тела никто не видел от истока Грейс до Греймаута, но и товары, похоже, исчезли. Вот и начинаешь гадать: что, если их завернули на север, в Лутлию — к этим диким Стражам Озера?

Фаун возмущенно выпрямилась.

— Стражи Озера не станут грабить крестьянские суда!

Камнерез покачал головой.

— Товары-то были ценные. Отличная трипойнтская сталь и изделия из железа. К тому же я дал капитанам немало серебра для покупки в низовьях чая и специй. Кто угодно соблазнился бы... а некоторым это было бы легче, чем другим.

— Не похоже, — настаивала Фаун. — Даже если не считать того, что Стражи Озера такого просто не делают, Лутлия — один из немногих округов, который сам производит сталь, и хорошую сталь — я своими глазами видела. Даг говорит, что шахты и кузницы Лутлии снабжают оружием лагеря от Мертвого озера почти до Сигейта! Они умеют делать сталь, которая даже не ржавеет! Так зачем же им грабить твои баржи?

Камнерез понизил голос.

— Так-то оно так, но ведь и тела пропали тоже! Может быть, имеется особая причина того, что в низовьях ни одно тело не нашли, и не очень-то это приятная мысль. — Он многозначительно постучал ногтем по зубам, потом бросил на побледневшую Берри виноватый взгляд. — Прости, красавица... Да только мысли-то не прогонишь.

Фаун захотелось вскочить и в возмущении выбежать из таверны, но тут как раз служанка принесла заказанных Витом мидий и пиво, а к тому времени, когда она ушла, Фаун привела свои мысли в порядок.

— Я могу назвать гораздо более вероятную причину, чем Стражи Озера — которые к тому же не едят людей, — для того, чтобы люди исчезали: это Злые. Зловредные привидения. Я участвовала в уничтожении Злого у Глассфорджа прошлой весной — уж ближе такое увидеть невозможно. Злые, если могут, превращают крестьян в рабов. Если тварь вывелась у реки, думаю, речниками-рабами она не побрезговала. А о том, что товары можно продать ниже по течению, Злой может и не знать. — Только об этом наверняка знали его новые пособники. Мог ли Злой отправить их торговать, не утратив над ними контроля? Возможно, и нет.

Но все-таки... Вся речная долина регулярно прочесывается отрядами, и не только Стражами Озера из нескольких лагерей у переправ, но и теми дозорными, кто плавает по реке в своих лодках. Это не какое-то позабытое захолустье.

Мог ли Злой такой же силы, как у Глассфорджа, оставаться незамеченным больше года?

«У Глассфорджа именно так и произошло, — напомнила себе Фаун. — Нужно все рассказать Дагу».

Судя по выражению лица Камнереза, идея о речном Злом не пришлась ему по вкусу, но просто так он ее не отверг. Если захватывает суда Злой, все его крепкие ребята с большими ножами будут ему ни к чему.

«Но очень пригодятся Злому». — Фаун поежилась.

Вит, с беспокойством следивший, как на лице сестры появляется знакомое упрямое выражение, предложил:

— Эй, Фаун, попробуй-ка, — и подвинул к ней блюдо с раскрывшимися раковинами мидий. Фаун взяла одну и стала рассматривать; Берри наклонилась к ней и показала, как извлекать мякоть. Фаун осторожно попробовала, прожевала, не почувствовав ожидаемого

вкуса, и запила пивом из кружки Вита. Берри рассеянно потянулась за мидией тоже.

— Если найдешь жемчужину, — сказал наблюдавший за Фаун с улыбкой Камнерез, — она твоя. А вот раковины хозяева забирают.

Ну конечно — пуговицы нужно из чего-то делать. Однако мысль о жемчужине заставила Фаун взяться за мидий, пока Вит не отодвинул от нее блюдо, чтобы защитить свой обед.

Камнерез снова повернулся к Берри.

— Твои пропавшие мужчины не обязательно связаны с моими. А может быть, проблема глубже, чем я думал. Однако мой парусник, наверное, опередит твою баржу, и я могу поспрашивать и о твоих родичах. Как их зовут, напомним.

Камнерез внимательно выслушал Берри, когда та принялась описывать своего отца, брата Бакторна, Элдера и гребцов. Она не упомянула того, что помолвлена с Элдером, и судя по тому, что Вит перестал жевать, он это заметил. Похваставшись, что две пары весел лучше, чем одна, Камнерез в ответ описал суда из Трипойнта и их капитанов; Фаун быстро запуталась, тем более, что некоторые суда были названы именами людей, но Берри все схватывала на лету. Она даже заметила:

— Ох, я знаю тот парусник. Мы с папой ходили на нем из Греймаута вверх по реке три года назад, — чем заслужила одобрителный кивок Камнереза.

Откинувшись на спинку стула, Камнерез оглядел молодых женщин и Вита и спросил:

— Так кто у вас на «Надежде» есть из мужчин, не считая этого паренька? — Вит в ответ выпрямился и расправил плечи.

— Двое крепких мужчин и мой дядя Бо, который, когда трезвый, кое на что годится. И пара мальчишек.

Берри не упомянула, как заметила Фаун, что эти двое крепких мужчин — беглые Стражи Озера. Уж не начала ли Берри вставать на защиту своих необычных гребцов?

Камнерез озабоченно закусил губу.

— На вашем месте, девушки, я нашел бы еще пару барж, чтобы плыть вместе: так вы смогли бы присматривать друг за другом. Если на реке шалют разбойники, они скорее нападут на одиночное судно, чем на несколько. Чем больше народу, тем безопаснее.

Берри кивнула, хотя и не высказала вслух согласия с планом, и они распрощались с речником из Трипойнта.

* * *

Фаун, хоть и кипела возмущением по поводу клеветы Камнереза на Стражей Озера, не собиралась пересказывать эту часть разговора Дагу, когда они вернулись на «Надежду», но, к сожалению, возбужденный Вит сразу же все выболтал. Даг прореагировал на это только своим странным бесстрастным выражением лица и движением век, которое Фаун поняла как «Спорить я не собираюсь» и которое могло скрывать что угодно — от усталого равнодушия до безмолвного гнева. Отмахнувшись от хулы, Даг, впрочем, очень заинтересовался новостью о пропавших судах. Он согласился с оптимистическим предположением Фаун о том, что существование у реки Злого маловероятно по причине тщательного прочесывания окрестностей дозорными, однако Фаун заметила, что его рука рассеянно коснулась того места, где так долго висели ножны с разделяющим ножом.

* * *

Перед ужином, оставшись ненадолго на палубе наедине с Витом, Фаун сказала:

— Знаешь, Берри все еще считает себя помолвленной со своим Элдером. Что ты будешь делать, если мы найдем его где-нибудь в низовьях?

Вит поскреб затылок.

— Тут вот что. Думаю, если мы узнаем, что он погиб, Берри понадобится плечо, на

котором можно выплакаться. А если окажется, что он сбежал с какой-то другой девицей и больше Берри не любит — ей все равно будет нужно плечо, на котором выплакаться. У меня два плеча, так что я готов к любому повороту событий.

— А если мы найдем и спасем его от... от не знаю чего, и они по-прежнему не откажутся друг от друга?

Вит поднял брови.

— От чего спасем? Прошло слишком много времени. Если бы он любил ее по-настоящему, он вернулся бы к ней, даже если бы пришлось проползти вдоль всей реки на четвереньках. И на это у него было достаточно времени, на мой взгляд. Нет, я не боюсь Элдера.

— Даже если Элдер больше не будет фигурировать, это не значит, что начнешь фигурировать ты.

Вит оценивающе взглянул на сестру.

— Ты Берри нравишься. Тебя не убудет, если ты иногда замолвишь за меня словечко. — После запинки он добавил: — Или по крайней мере перестанешь меня шпынять.

Фаун покраснела, но ответила:

— Так, как ты переставал меня шпынять, когда я тебя об этом просила и плакала?

Вит тоже покраснел.

— Мы были моложе.

— Угу.

Они мрачно смотрели друг на друга.

Подумав еще минутку, Вит буркнул:

— Прости.

— Я должна забыть годы мучений за единственное «прости» — да и то, когда тебе что-то от меня потребовалось? — Фаун сжала губы. Она терпеть не могла проявлять слабость, прощая, но в данных обстоятельствах... — Ладно, я подумаю. Мне Берри тоже нравится. — Однако она не смогла удержаться от того, чтобы добавить: — Вот я и гадаю: стоит мне содействовать твоему уходу или нет, знаешь ли.

— Что ж, — вздохнул Вит, — может быть, мы найдем ее Элдера, и тогда оба мы с тобой окажемся ни при чем. — Отвернувшись, он пробормотал себе под нос: — Интересно, он высокий?

* * *

В темноте Даг сидел на краю крыши каюты, свесив ноги, и осторожно пробовал оглядеться при помощи Дара. Знакомое тепло Копперхеда, козы Дейзи, кур, знакомые фигуры людей поблизости: Вит и Готорн на задней палубе мыли посуду после ужина и дружелюбно спорили, яркий огонек Фаун, вместе с Берри устраивающей для них новую постель после того, как шкуры, на которых они спали, были проданы, Ремо сидел в углу, старательно закрыв свой Дар, и был почти незаметен для Дага... Бо отправился по окрестным тавернам, заявив, что собирается еще поспрашивать про «Шиповник-4», — этот план заставил Берри поморщиться. Хог присоединился к нему.

Даг расширил сферу своего внимания, охватив соседние суда и десятки людей. Там, где начинались склады, было безлюдно, если не считать пары ночных сторожей и бродяги, который то ли высматривал незапертую дверь, то ли просто брел куда глаза глядят. Река с ее живой текучей водой, водорослями, обычным плавучим мусором, Дар которого казался подозрительно активным, несколько рыбин с их яркой аурой, моллюски, цепляющиеся за камни или зарывшиеся в ил... Еще дальше вдоль улицы тянулись дома, где кипела жизнь — люди бодрствовали, спали, спорили, мошенничали, любили, ненавидели... а вот теплый свет Дара матери, кормящей младенца...

«Это в трех сотнях шагов. Попробую-ка подальше».

На дальнем берегу реки в тростнике спали утки, спрятав головы под крыло. В сарае

дремали усталые волю, целый день по утоптанной дорожке перетаскивавшие через перекаты суда. Вокруг переправы теснилось с дюжину домов, окруженных складами. Даг мог пересчитать всех, кто там находился.

«Это уже больше полумили, да!»

Даг принялся изучать Дар своей левой руки. Пять зернышек овса, Дар которых он тайком вырвал сегодня утром, позаимствовав их из пригоршни, предназначенной Копперхеду, все уже превратились в теплые пятнышки — часть его собственного Дара. Тот десяток, который он прихватил среди дня, уже почти усвоился тоже. Его Дар выглядел сильным и здоровым, прежние пораженные участки побледнели, как давние синяки. Даг осторожно вытянул свою призрачную руку, убрал ее обратно, снова вытянул. Пугающая проекция Дара, появление которой раньше было непредсказуемым, теперь подчинялась, и даже хорошо подчинялась Дагу.

«И почему я этого боялся?»

Может быть, завтра стоит попытаться вырвать Дар из чего-то более крупного... Не из дерева, конечно, — умница Фаун права, лучше пока ограничиваться съедобными вещами.

Тень закрытого Дара Ремо, как рябь на чистой воде, приблизилась, когда молодой дозорный вынырнул из переднего люка и остановился у колен Дага, глядя на него снизу вверх. Легкая вспышка его Дара показала, что он слегка приоткрылся. Ремо повернул голову и стал смотреть на огни Серебряных Перекатов. Город тянулся по склону холма и уходил дальше, за его вершину. Даже в этот час на улицах еще виднелись люди и повозки. За рядом складов открылась и закрылась дверь таверны, выпустив в ночь луч света и взрыв смеха. Шум был достаточно громким, чтобы достичь берега.

— Как ты это выносишь? — спросил Ремо, прижимая руки к вискам, словно у него разболелась голова. Он не имел, конечно, в виду долетавшие до них звуки мирной осенней ночи. Серебряные Перекаты были, должно быть, самым большим скоплением людей с их неприкрытыми чувствами, с которым он столкнулся в своей короткой жизни.

Даг посмотрел на него, потом дружелюбно похлопал по крыше рядом с собой. Ремо легко вскарабкался наверх. Он уже вполне оправился после полученных побоев — помогло лечение Верела, обилие хорошей пищи и простая работа на свежем воздухе, хотя по большей части, как мрачно подумал Даг, дело было в его молодости.

— Крестьянский Дар малость шумный, — сказал Даг, — но к нему можно привыкнуть. У фермеров славный Дар, только уж очень их много. Вот оскверненный Дар мучителен. Дар Злого причиняет страдания, как ничто больше на белом свете.

Это воспоминание Дага должным образом впечатлило молодого дозорного.

— И все равно привыкнуть трудно, — продолжал Даг, — даже к горожанам. Если ты присмотришься, то заметишь: встречаясь на улице, они гораздо меньше смотрят друг на Друга или разговаривают, чем деревенские. Они учатся так себя вести, потому что невозможно остановиться и поговорить с каждым, когда вокруг тысячи людей. Нельзя сказать, что они закрывают свой Дар, но тут что-то подобное, мне кажется. В определенной мере это делает большие города безопаснее... удобнее для Стражей Озера, чем маленькие селения. Горожанам привычнее не обращать внимание на странных людей.

— Только их и больше окажется, если ты попадешь в беду, — с сомнением протянул Ремо.

— Тоже верно, — согласился Даг. — Попробуй открыть свой Дар до пределов возможности — всего один раз — и посмотри, что получится. Уверю: это тебя не убьет.

— Может, на месте и не убьет, — пробормотал Ремо, но послушался. Сведя брови, он стал открываться все шире и шире; то, что раньше было рябью на воде, постепенно густело и делалось видно Дагу во всей своей сложности.

«У парня Дар охватывает не меньше чем полмили», — с удовлетворением подумал Даг. Ремо явно очень подходил в дозорные, может быть, в будущем сгодился бы в командиры отряда, если бы удалось не дать ему разбиться на скалах собственных ошибок.

С тихим «уф» Ремо закрыл свой Дар, но, как заметил Даг, не полностью; он теперь

охватывал «Надежду» и ее обитателей... и Дага. Ремо потер лоб.

— Ничего себе.

— Города вроде этого так и кипят Даром, — согласился Даг. — Только это жизнь, как на болоте или в лесу, — в отличие от пустоши. Если наша долгая война должна сдерживать наступление пустоши и питать Дар всего мира, если ты с правильной точки зрения посмотришь на места вроде этого, — Даг кивнул на склон холма, на котором, как светлячки летом, перемигивались огоньки, — то города — наш самый большой успех.

Ремо заморгал, усваивая эту новую для себя мысль. Даг надеялся, что она заставит молодого дозорного пошевелить мозгами.

Даг сделал глубокий вдох и наклонился вперед.

— Меня очень тревожит, что такой город окажется настоящим пиршеством для Злого, которому удастся завестись поблизости. Что вы в лагере Жемчужной Стремнины слышали о потерях во время нашей летней кампании в Рейнтри?

— Потери были ужасные, как я слышал, — серьезно ответил Ремо. — Местность вокруг лагеря Боунмарш была полностью опустошена, и при отступлении наши потеряли от семидесяти до ста человек.

— Название Гринспринга когда-нибудь упоминалось?

— Это разве не то поселение фермеров, рядом с которым Злой вывелся?

— Молодец Громовержец, хоть это стало известно. Да. А слышал ты об их потерях?

— Сам я не читал отчет, только слышал разговоры. Много погибло, наверное.

— Правильно. Они потеряли почти половину населения, всего около пятисот человек, в том числе почти всех детей. Ведь ты знаешь: Злой в первую очередь охотится на самых юных. Отсутствующие боги! Видел бы ты того Злого — после такого-то пиршества, — когда мы с ним разделились. Я и представить себе не мог, что Злой может быть таким ужасающе красивым. Сидячие твари, еще не созревшие — они грубые, отвратительные создания, и можно подумать, что уродство — это и есть их суть, да только это не так. — Даг умолк, но потом прогнал мучительные воспоминания и продолжал, пользуясь тем, что и Дар, и разум Ремо открыты ему. — Я повел свой отряд через Гринспринг на обратном пути, и мы повстречали некоторых горожан, которые вернулись хоронить своих мертвых. Дело было в летнюю жару, но у большинства жертв был вырван Дар, так что тела разлагались медленно. Я проехал вдоль ряда — до чего же они были бледные, эти дети, как слепленные из снега... Как ты думаешь, какой длины траншеей пришлось бы выкопать, чтобы похоронить всех детей из Серебряных Перекатов?

Губы Ремо дрогнули, но он только покачал головой.

— По моей оценке, в милю длиной, — ровным голосом проговорил Даг. — И это еще самое малое. Если бы я мог, я бы протащил вдоль того ряда всех Стражей Озера, кого только знаю. Только это не в моих силах, так что приходится обходиться словами. — И может быть, его неуклюжие слова производили большее впечатление здесь, где перед глазами Ремо раскинулся город, чем в уютном уединении лагеря Жемчужная Стремнина.

— Да, я вижу, какая в этом проблема, — медленно сказал Ремо.

«Да будут благословенны отсутствующие боги!»

— Но я не вижу, что еще мы можем сделать, — продолжал молодой дозорный. — Мы и так уже изо всех сил отслеживаем Злых.

— Нужно изменить не наши объезды. Понимаешь... Дело в том, что если бы жители Гринспринга больше знали о Злых и о Стражах Озера, о том, что мы делаем, кто-то мог поднять тревогу раньше. Больше жизней — не все, я знаю, но больше — могли бы быть спасены в Гринспринге, а лагерь Боунмарш не подвергся бы опустошению, если бы нас предупредили и мы разделились со Злым, прежде чем тварь двинулась на юг. И единственный способ сделать так, чтобы крестьяне знали больше, — это начать их учить.

Глаза глядевшего на город Ремо широко раскрылись.

— Как мы могли бы научить их всех?

Что ж, по крайней мере Ремо уже не задавал обычного вопроса: «Как можно их чему-то

научить? Крестьяне же не могут...» — за чем обычно следовал набор высокомерных насмешек Стража Озера над неспособностью фермеров управлять Даром. Даг чуть не улыбнулся.

— Ну, понимаешь, если бы нам пришлось поднимать и тащить каждого крестьянина, мы сломали бы себе спины; если же начать с того, чтобы научить кого-то из них в каком-то месте, может быть, после этого они начнут учить друг друга. Спасать друг друга. Если еще им удастся изготовить подходящие орудия... Эти парни здорово умеют изготавливать орудия, как я обнаружил. — Даг приподнял левую руку, и крюк и пружки протеза блеснули в тусклом желтом свете фонаря.

Ремо молча глядел на берег.

Через некоторое время Даг сказал:

— Фаун и Вит с ума сходят по местному монетному двору, мечтают побывать там, прежде чем мы отправимся дальше вниз по реке. Не хочешь к ним присоединиться?

Ремо полностью закрыл свой Дар.

— Безопасно ли Стражу Озера в одиночку разгуливать по городу? — Ремо почти не покидал «Надежды»; если бы ему не пришлось помогать с разгрузкой, Даг сомневался, что он вообще сошел бы на берег.

— Вполне, — уверенно ответил Даг. Он подозревал, что Ремо последует за ним просто по привычке подчиняться командиру, если Даг проявит достаточно решительности; и нет никакой нужды сообщать парню, насколько неискренней такая решительность часто бывает. — Кроме того, мы же будем не одни.

— Я подумаю, — осторожно ответил Ремо и после паузы добавил: — Вит очень любит свои денежки. Но ведь их Дар ничтожен. Они просто металлические кружки.

— Если у денег и есть Дар, он существует только в людских головах, — согласился Даг. — Однако для торговли это очень удобно. Деньги как память о сделке, которую ты можешь держать в руке и взять с собой куда угодно. — Куда угодно, где они имеют хождение. Четыре больших крестьянских города — все, что интересно, расположенные у рек — теперь чеканили собственные деньги в дополнение к тем монетам, что сохранились с древности и время от времени появлялись в обращении. Клерки на складах имели богатую практику в их пересчете, решил Даг, производя справедливый обмен, — или не такой уж справедливый, как приходилось слышать. В таких случаях у людей появлялась богатая практика в спорах. Даже Стражи Озера пользовались крестьянскими монетами, и не только отправляясь в поход.

— Кредит лагеря Стражей Озера лучше, — сказал Ремо. — Грабители не могут огреть тебя по голове и все у тебя отобрать. Так у слабовольных или жестоких не возникает соблазна.

— Да, с помощью дубинки кредит не отберешь, — согласился Даг, настроение которого испортилось от воспоминания. — Однако тебя могут ограбить с помощью слов. Можешь мне поверить.

Ремо с удивлением посмотрел на Дага. Однако прежде чем он смог задать вопрос, у сходней появились Бо и Хог. Хог перекинул руку Бо себе через плечо и помогал старику идти посередине доски.

Даг удивился, увидев их. Одной из причин, по которым Берри не возражала против предполагаемого похода на монетный двор, была уверенность, что своего дядюшку она до утра не увидит. Она полагала, что они с Готорном, которого их отец уже водил однажды на монетный двор, займутся поисками Бо, пока Фаун и Вит будут удовлетворять свое любопытство.

Бо сварливо говорил Хогу:

— Я так и не понял, зачем было заставлять меня пить столько воды. Она просто заняла место, куда могли бы попасть лучшие напитки. Да еще и писать хочется ужасно.

— У тебя не так будет утром болеть голова, — заверил его Хог. — Это хороший трюк, я точно знаю.

— Ага, посмотрим, — проворчал Бо, но позволил Хогу провести себя по сходням. Когда он спрыгивал на палубу, колени его подогнулись, но Хог сумел удержать старика на ногах. Несмотря на то, что он несколько часов сопровождал Бо по всем прибрежным тавернам, парнишка был относительно трезвым, как заметил Даг. Хог оглянулся на Дага и Ремо, наблюдавших с крыши, и смущенно улыбнулся. Он направил шаги Бо к каюте, где их с еще большим удивлением встретила Берри.

— Интересно получается, — пробормотал Даг.

— Ты о чем? — спросил Ремо.

— Похоже, у Хога талант управляться с пьянчугами. Вот уж не ожидал. И где только в столь юном возрасте он мог такому научиться?

Ремо нахмурил брови и довольно долго молчал.

— В этом есть что-то тревожное — особенно учитывая, как он боится всего на свете.

— Ага, — сказал Даг, довольный тем, что Ремо поддерживает разговор. Из парня все-таки мог получиться командир отряда, — если он выживет, конечно. Дар Ремо был достаточно открыт, чтобы молодой дозорный ощутил одобрение Дага, и Ремо, сам того не замечая, расправил плечи.

Даг улыбнулся и спрыгнул с крыши: пора было пойти поинтересоваться, какую постель им приготовила Фаун.

14

К изумлению Фаун, на следующее утро Ремо присоединился к походу на монетный двор; это заставило ее гадать, что Даг сказал накануне вечером молодому дозорному. Она-то считала, что Ремо испытывает слишком большой страх перед городом, чтобы войти в него. Вначале на лице Ремо было такое напряженное выражение, что его легко можно было принять за неодобрение. Это в свою очередь навело Фаун на размышления о том, что скрывает мрачное выражение лица Дага; жена Стража Озера, его соплеменница, со вздохом подумала Фаун, не должна была бы гадать... В последний момент Даг надумал спросить Хога, не хочет ли тот присоединиться; мальчишка покраснел от удовольствия и молча закивал.

К общему разочарования, монетный двор в тот день не работал, но за несколько медяков сторож провел посетителей по зданиям и ответил на их вопросы; кроме того, как заподозрила Фаун, он при этом за ними еще и присматривал. Уж на пару Стражей Озера он точно кидал косые взгляды. Даже бездействующие, прессы выглядели потрясающе; они были почти такие же сложные, как прялка тетушки Нетти, только много тяжелее.

— Сидячие, — пробормотал Даг, глядя поверх плеча Фаун на агрегаты с обычным для Стража Озера недоверием к неподвижным мишеням. Ремо согласно кивнул.

Возвращаясь обратно по городской улице, Фаун и Вит очень заинтересовались, обнаружив лавку, где продавались инструменты и изделия из железа. Она скорее походила на склад, а не на кузницу, поскольку в ней производился только мелкий ремонт. Большинство товаров были, похоже, привезены из верховий — включая потрясающую печку из Трипойнта, целиком выкованную из железа, с трубой, отводящей дым. Она явно предназначалась для того, чтобы стоять в комнате.

— Смотри! — взволнованно обратилась Фаун к Дагу. — Она, должно быть, дает гораздо больше тепла — ведь очаг обращен в комнату всего одной стороной, а эта штука... сколько там... шестью. В шесть раз лучше! И не нужно наклоняться, чтобы на ней готовить, и она не будет дымить тебе в лицо, и меньше шанс, что твоя одежда или волосы загорятся!

«Ох, как же я хочу такую!»

Даг посмотрел на жену с беспокойством.

— Тебе понадобится фургон и упряжка, чтобы сдвинуть ее с места, Искорка!

— Естественно, возить с собой ее не будешь — ведь не возишь же ты очаг! Или камни для костра, — поправила Фаун, вспомнив лагерь Стражей Озера. — Ей нужно постоянное

место.

— Хм-м... — Даг посмотрел на Фаун с одной из своих странных улыбок. — Крестьянский инструмент.

— Ну конечно. — Фаун вскинула голову, представив себе постоянное жилище, где можно было бы установить такую печку, и окружающий его сад. И детей... Не лагерь Стражей Озера — в этом они убедились. И не крестьянская деревня, по крайней мере не такая, как Вест-Блю. Город вроде этого? Пожалуй, нет, поскольку такое скопление людей явно заставляло Стражей Озера чувствовать себя не в своей тарелке.

«Где же тогда?»

Фаун с сожалением позволила Дагу и Ремо увести их от этой потрясающей лавки.

Вернувшись на «Надежду», они обнаружили, что там назревает кризис: Берри и Бо были готовы отчаливать, но исчез енот Готорна. Бо требовал, чтобы они отплыли без этой надоедливой зверюшки, и уверял безутешного Готорна, что его питомец поплывет вниз по реке, чтобы найти себе место для норы в каком-нибудь уютном лесу. Готорн во все горло расписывал гораздо более печальную участь любимца. Но тут молча слушавший Ремо проявил героизм — по крайней мере в глазах Готорна: он прошел вдоль берега и нашел зверька на соседней барже, где его, забравшегося на кухню, ожидал печальный конец или от рук рассерженной поварихи, или в зубах возмущенной собаки. Фаун обнаружила, что улыбка, осветившая лицо Ремо, когда он вручал зверька не помнящему себя от радости Готорну, была столь же опасно привлекательна, как улыбка Дага. Берри заметила это тоже и улыбнулась в ответ; Вит сначала просиял, радуясь ее радости, но тут же нахмурился, ревниво глядя на Ремо.

Когда баржа достигла фарватера и все успокоилось, Фаун с веретеном в руках уселась на корме, чтобы, прядя шерсть, смотреть на проплывающие мимо берега и думать. Для такого молниеносного спасения маленького енота Ремо должен был открыть свой Дар, несмотря на все свое отвращение к окружающим крестьянам. Для Стражей Озера охота, должно быть, совсем не то, что для фермеров, раз они могут просто войти в лес и найти добычу с такой же легкостью, с какой хозяйка находит горшок на кухонной полке. Впрочем, продолжала размышлять Фаун, убедить, скажем, медведя расстаться со шкурой для Стража Озера не менее опасно, чем для любого крестьянина. А может, и нет... Не было ли в их арсенале и других средств убеждения, кроме тех, которыми они пользовались, общаясь с торговцами или девушками? «Или с лошадьми, москитами, светлячками...» Нужно будет спросить Дага.

Взбив комок шерсти, чтобы согреть руки, — так и нитка скорее прялась бы, — Фаун успела натянуть целый моток, прежде чем настало время идти готовить обед. Железная печка, со вздохом подумала она, могла бы быть установлена и на судне; тогда она была бы и не такой «сидячей». Однако подобный роман оказался бы коротким — печку пришлось бы продать вместе с баржей, добравшись до устья: иногда суда превращали в плавучие дома для бедняков, но чаще просто разбирали на доски. Большая часть домов в Греймауте была, как слышала Фаун, построена из таких досок. Ей ужасно не нравилось думать о том, что и «Надежду» ожидает такая участь, и Фаун принялась мечтать о том, что баржу кто-нибудь превратит в уютный плавучий дом.

Войдя в кухню, Фаун обнаружила Дага, в странной позе сидящего у откидного стола. Он пристально смотрел на пугающий серый комок на тарелке. Лицо Дага было измученным, почти зеленоватым.

— О боги, что это такое? — спросила Фаун, кивнув на тарелку. — Уж не собираешься ли ты это есть? — Мужчине, конечно, требовалось много пищи, но желательно чего-то более съедобного. То, что лежало на тарелке, выглядело как нечто давным-давно мертвое, выуженное со дна реки.

— Последний кусок яблочного пирога, испеченного вчера, — ответил Даг.

— Не может же это быть мой... — Фаун присмотрелась внимательнее. — Даг, что ты с ним сделал?

— Вырвал Дар. Точнее, попытался. Похоже, я как раз нашел свой верхний предел.
— Даг! Я же сказала — два зернышка!
— Я уже попробовал два. Получилось хорошо. И с пятью, и десятью... Пришло время попробовать что-то еще. Это же тоже была пища!

— Была, ага! — Фаун смотрела на мужа со смесью возмущения и ужаса. Даг неожиданно сорвал и отбросил протез, потом согнулся, прижав к груди левую руку, и судорожно сглотнул. Фаун кинулась за тазиком и сунула его под нос Дагу как раз вовремя. Вцепившись в тазик, Даг отвернулся от Фаун, стараясь, чтобы его рвало не слишком громко. Однако желудок его был практически пуст. Фаун молча протянула Дагу кружку с водой, чтобы прополоскать рот.

— Спасибо, — прошептал Даг.

— Все?

— Не уверен. — Даг поставил тазик на скамью рядом с собой, чтобы тот был под рукой. — Странное чувство... Как будто мой Дар пытается избавиться от лишнего и не может, а вместо него старается тело.

— Да у тебя же в желудке и не было ничего.

— И я очень этому рад.

— Тебя тошнило так же, как после лечения Хога?

— Нет, — медленно проговорил Даг. — Тогда в голове было пусто, как после потери крови, и головокружение быстро прошло. А это... давит, как после отравления — просто сидит и никуда не девается. Только в обоих случаях воздействие на Дар отзывается на теле.

— Так на что твой Дар похож — на лошадь или на собаку?

Даг непонимающе моргнул.

— Что ты сказала?

— У нас на ферме были собаки, которые жрали все, что только попадалось, а потом, если съеденное оказывалось не по ним, выташнивали... обычно там, где ходили люди. — Воспоминание заставило Фаун поморщиться. — А еще у Рида была собака, которая обожала валяться во всякой вонючей гадости — навозе, тухлятине, — а потом кидаться к тебе, чтобы поделиться радостью. Собаки, они такие.

Даг прижал руку ко рту.

— Да уж... Ты что, дразнишь меня, Искорка?

Фаун покачала головой, хотя ее яростный взгляд говорил: «Ты заслуживаешь, чтобы тебя дразнили!»

— А вот лошади другие. Лошади не могут избавляться от всякой дряни, как делают собаки. Если лошадь съест что-то неподходящее, беды не избежать. Папа однажды лишился славного пони из-за колик, когда тот наелся ядовитых листьев, так что с тех пор Флетч следил за тем, что растет в живых изгородях, а короб с овсом хорошо закрывал — пони-то был его. Так если в твой Дар попало что-то не то, можешь ты от этого избавиться или нет?

— Очевидно, нет. — Даг нахмурил лоб. — Я ведь не мог избавиться от тех ядовитых ошметков Дара Злого в Рейнтри. Они оскверняли меня, отравляли мой Дар. Они вышли наружу и исчезли вместе с оковами, которые Злой наложил на бедняг-дозорных, когда мы разрушили его сеть, только сейчас этот прием не работает.

— Уж не убьет ли это тебя? — Фаун внезапно охватил ужас. — Всего лишь кусок пирога — моего пирога?

Даг покачал головой.

— Не думаю. Это же не яд. И я не вырвал... не смог вырвать весь Дар. Только лучше бы я вообще этого не делал... — Он снова, морщась, согнулся над тазиком.

— Тогда, значит, ты будешь выздоравливать медленно, как после случая с москитом?

— Скоро выяснится, — вздохнул Даг.

— Колики Дара... — пробормотала Фаун. — Ну и ну...

Она унесла тарелку и тазик и выплеснула их содержимое с кормы, потом вернулась и решительно отправила Дага в постель. О степени его болезненного самочувствия говорило

то, что он послушался ее без споров.

За обедом Фаун извинилась за мужа перед остальными — «Он, должно быть, что-то не то съел», — что было принято без вопросов, но со множеством догадок о том, в чем могло быть дело, поскольку все тоже ели стряпню Фаун. В отчаянии — а также чтобы защитить свою репутацию — Фаун наконец предположила, что Даг мог что-то купить утром в городе, и все согласились с ней, глубокомысленно кивая. Больше всех встревожился Ремо; подойдя к их с Фаун закутку, он спросил Дага, все ли с ним в порядке и не может ли он чем помочь. Даг невнятно буркнул что-то отрицательное. Фаун подумала, что Дагу следовало бы ввести в курс дела единственного другого Стража Озера и рассказать ему о своих экспериментах с Даром, но настаивать она не решилась. В этих делах она мало смыслила, и мысль о том, что и Даг ненамного от нее в этом отличается, не особенно обнадеживала.

Потеря Дага обернулась выигрышем Хога, который неожиданно оказался повышен в звании: сделан гребцом вместо Дага. Хог был неуклюж, медлителен и путал правую руку с левой, но постепенно усвоил терпеливые наставления Берри и похмельные окрики Бо. Ошибки, которые парнишка в панике совершал, становились реже; впрочем, он так изумился, когда ему сказали, что он справляется с веслом, что чуть не уронил его за борт.

К огромному облегчению Фаун, Даг достаточно ожил к вечеру, чтобы поесть настоящей пищи, хотя, как заметила Фаун, протез все-таки не надел. Даг оставался молчаливым и в ответ на большинство вопросов только качал головой, каждый раз прижимая руку ко лбу, словно жалел об этом движении. Однако на следующий день Даг уже сел на весла, правда, пообещав горячо просившему его Хогу, что будет с ним регулярно меняться.

В полдень они причалили в деревне, которая, похоже, была постоянной стоянкой Клиркриков; там Берри нашла парня, который ее знал и к тому же помнил, что «Шиповник» останавливался здесь прошлой осенью. Значит, по крайней мере досюда ее отец добрался. Хозяин местного склада не мог припомнить, чтобы капитан Клиркрик рассказывал что-то необычное про свое путешествие, очень огорчился, узнав, что старый речник пропал, и только покачал головой, услышав об исчезновении судов из Трипойнта. В деревне Вит продал первую партию оконного стекла, и «Надежда» снова двинулась вниз по течению. Холодное осеннее солнце заставляло воду сверкать, а берега гореть яркими красками; Фаун радовалась красивым видам, но Берри с огорчением смотрела на мелеющую реку.

Ближе к вечеру мрачные предчувствия Берри подтвердились. Хозяйка баржи сидела с Фаун, Дагом и Хогом у кухонного стола, жуя остатки обеда и расспрашивая о жизни в Вест-Блю, когда скрежет корпуса о камень заставил ее стиснуть зубы. По палубе торопливо затопали чьи-то ноги, и Берри крикнула:

— Бо, ты держишь слишком близко к берегу, нужно круто развернуться... — но только горестно охнула, когда «Надежда» ощутимо вздрогнула и остановилась.

— Что это? — испуганно спросила Фаун; Хог тоже явно струсил.

— Мель, — бросила через плечо Берри, выскакивая на заднюю палубу. Все последовали за ней и влезли на крышу каюты, откуда Берри, уперев руки в бедра, мрачно посмотрела за борт.

— И что тебе вздумалось так забрать к берегу? — рявкнула она на Бо. — Мы здорово застряли!

Бо виновато и одновременно ворчливо принялся оправдываться, виня остров, рядом с которым они сели на мель, в том, что мель переместилась, куда ей совсем не полагалось. Вит покраснел, а Ремо, встретившись с Дагом глазами, уныло опустил голову. Берри только раздраженно вздохнула, так что Фаун приободрилась, поняв, что это обычная неприятность; Берри и Бо принялись привычно распоряжаться действиями команды.

Первым делом нужно было попытаться, используя весла как шесты, снять баржу с мели. Даг и Ремо так с кряхтением налегали на весло, что в конце концов сломали его, а «Надежда» ничуть не сдвинулась; тогда Берри распорядилась прекратить попытки, чтобы не сломать и другое — запасных было не так-то много — или не выворотить массивную

дубовую уключину. Следующий шаг заключался в том, чтобы отправить всю команду на берег, облегчив тем баржу, и попробовать стянуть ее с мели веревками. Копперхеда, которого Берри прозвала сухопутной лодкой Дага, тоже приставили к делу, привязав веревку к седлу. Мужчины разделись до штанов и попрыгали в холодную воду — кто с мрачной решимостью, кто с визгом: это было довольно забавно — Берри и Фаун даже обменялись улыбками, — но сдвинуть «Надежду» так и не удалось.

Третий способ заключался в том, чтобы просто подождать подъема воды, когда баржа могла бы всплыть сама. Такому выбору, который замерзшая команда отвергала еще два часа назад, теперь она аплодировала. Пока люди перекрикивались через узкое водное пространство между баржей и берегом, откуда-то сверху по течению до них донесся длинный низкий звук рога, закончившийся тремя резкими свистками.

— Это сигнал «Кусачей черепахи», — сказала Берри, поворачивая голову на звук.

Из-за поворота показался парусник, легко скользящий посередине русла. Человек на палубе в полосатых синих с красным — сухих — штанах весело помахал длинным жестяным рогом перемазанной в грязи команде «Надежды».

— У тебя ж баржа, а не плуг, хозяйка Берри, — прокричал человек. — Или ты решила проложить там новый канал?

Берри возмущенно фыркнула, но губы ее тронула улыбка.

Капитан Вейн прошел на нос и встал, заложив большие пальцы за зеленые кожаные подтяжки и ухмыляясь во весь рот. Берри сложила руки рупором и крикнула:

— Эй, Вейн, у тебя в команде такие силачи! Как насчет того, чтобы взять нас на буксир?

Вейн прокричал в ответ:

— Ну, не знаю, Берри, — как насчет поцелуя?

Стоявший на берегу Вит, хоть и посинел от холода, вспыхнул, услышав такое.

— Моя коза Дейзи готова упасть в твои объятия! — ответила Берри. — Можно подумать, ты принял «Надежду» за постельное судно!

— Так не пойдет, — покачал головой Вейн. — А что у тебя за груз?

— По большей части соленое масло, орудия из Трипойнта и оконное стекло.

«Кусачая черепаха» скользнула мимо «Надежды» с ухмыляющимся Вейном на борту.

— Похоже, мы продадим свои товары в низовьях раньше тебя! — Вейн красноречиво коснулся губ. — Может, передумаешь насчет поцелуя?

— Тупой охальник, — буркнула Берри себе под нос. — Он никогда не меняется. — Повысив голос, она крикнула вслед паруснику: — Как, все твои парни так измотались и ослабели, кидая кости? Им не под силу помочь маленькому суденышку? Ах, бедняжки, у «Черепахи» в команде одни девчонки! — Она насмешливо помахала руками.

Вейн согнул руку и похлопал себя по мощному бицепсу.

— Хорошо стараешься, Берри!

Фаун подумала, не предложить ли свой поцелуй, чтобы выручить Берри, но глянув на шумную компанию на палубе «Черепахи», подавила свой благородный порыв.

— Я сыграю вам, когда придет время перетаскивать судно через пороги! — Берри жестом изобразила игру на скрипке.

Это вызвало горячий спор среди дюжины крепких парней на борту «Черепахи»; прежде чем препирательства переросли в бунт, Вейн крикнул:

— Концерт плюс поцелуй!

Берри стиснула зубы.

— Я лучше дождусь дождя.

С парусника донеслись стоны разочарования, но река безжалостно несла судно дальше, и через несколько минут ничего не стало слышно, а потом «Кусачая черепаха» скрылась и из виду. Берри огорченно вздохнула. Все, что говорилось, было вполне добродушным, подумала Фаун, но... но они все еще сидели на мели.

Копперхеда выпустили пастись на острове, поскольку, хотя он послушно и спрыгнул в

воду по привычному приказу Дага, поднять его обратно на борт было бы практически невозможно до того как они смогут развернуть «Надежду» носом к берегу и перебросить сходни. Мужчины смыли с себя грязь, вернулись на борт и сгрудились вокруг очага, где Фаун принялась готовить ранний ужин: больше в общем-то занять долгий вечер было и нечем. Замерзшая команда ежилась, топала ногами и растирала руки — кроме Дага, который сунул свою единственную правую руку под мышку левой. Постепенно все уgomонились и расселись так, чтобы не мешать Фаун готовить пироги и похлебку. Даг спросил Фаун, не наловить ли рыбы, но почему-то это услужливое предложение оказалось единогласно отклонено.

* * *

Ночью Фаун, проснувшись, обнаружила, что Дага в постели нет. Сначала она подумала, что он отправился облегчиться, но когда он не вернулся через разумный промежуток времени, завернулась в одеяло и отправилась на поиски. В щель переднего люка сочился свет, слишком желтый, чтобы быть лунным. Фаун выскользнула на палубу и закрыла за собой люк. Ночной воздух был холодным, сырым и пах опавшими листьями и рекой; чувствовался теплый дух козы и спящих в курятнике кур; на небе горели яркие звезды.

Скамья оказалась отодвинута от стены, и на ней, оседлав ее, сидел Даг; на другом конце скамьи стоял фонарь. Одет Даг был кое-как, волосы стояли дыбом, протез отсутствовал. Даг хмуро смотрел на две маленькие кучки овса и кукурузных зерен, лежавших на скамье между его колен; когда Фаун подошла и встала рядом, Даг поднял глаза и улыбнулся жене.

— Что ты делаешь? — прошептала Фаун.

Даг провел рукой по волосам, не уменьшив этим беспорядок.

— Вот надумал вернуться к овсу. Решил, что ты это одобришь.

Фаун неуверенно кивнула.

— Ты что, собрался вырвать у зерен Дар? — Она не видела кучек серой пыли, так что, может быть, поймала Дага вовремя. Оставался, правда, вопрос: для чего вовремя? Что ж, возможно, само ее присутствие помешает ему предпринять новую неразумную попытку...

Даг сделал странную гримасу.

— Я тут подумал... Даже Злой обычно не лишает свои жертвы Дара до полного разрушения их физической структуры — серая пустошь образуется скорее вследствие долгого воздействия скверны. Злой пожирает только Дар жизни — так сказать, слизывает сливки.

Фаун сосредоточенно свела брови.

— Я помню, как Дор рассказывал мне о разделяющих ножах... Нож заряжается, впитывая Дар умирающего. Человек при этом не распадается. Так что подобное делают не только Злые.

Даг приоткрыл рот, потом снова сжал губы.

— Это... интересная мысль, хотя я представлял себе разделяющий нож не столько вырывающим Дар, сколько принимающим самый огромный подарок. Я... — Даг нахмурился, потом прогнал отвлекающую мысль, в чем бы она ни состояла, и продолжал: — Живой Дар сложнее, чем Дар неодушевленного предмета, — более легкий, более светлый и подвижный. Похоже на то, — он пальцем передвинул зернышко из одной кучки в другую, — что живой Дар лучше усваивается. Вот тебе и объяснение колики от Дара.

Фаун прикинула, сколько зернышек было в каждой кучке. Уж больше десятка-то точно...

— Даг, — обеспокоенно спросила она, — на скольких ты собираешься пробовать?

Даг пожевал губу.

— Ну... Помнишь, как в Рейнтри каждый дозорный, кто только умел это делать,

подкреплял мой Дар, чтобы я скорее поправился и мог ехать со всеми домой?

— Да.

— Через некоторое время я начал видеть расплывчатое красное облако вокруг предметов, и Хохария велела всем прекратить — сказала, что мне нужно время на усвоение Дара.

— Ты не говорил мне о красном облаке!

Даг пожал плечами.

— Все прошло через день или два. Так или иначе, это навело меня на мысль. Мне думается, что я пойму, что достиг своей ежедневной нормы в поглощении живого Дара, когда вокруг предметов начнет появляться что-то вроде красной каемочки.

Фаун в сомнении надула губы. Однако как может она требовать, чтобы Даг не исследовал собственные возможности, когда сама она полна вопросов? У них рядом не было знатока, от которого можно было бы ждать объяснений. Даг мог только спрашивать свое тело и свой Дар и внимательно выслушивать ответы. Ведь кто-то должен был все пробовать в первый раз, иначе не появилось бы знатоков.

— Ты думаешь, что если получишь больше Дара в виде пищи, чтобы подкрепить себя, то сможешь лучше и быстрее лечить?

Даг кивнул.

— Может быть. По крайней мере Стражей Озера. Только я хочу лечить и крестьян, а если не смогу разобраться с проблемой околдовывания... — Даг передвинул еще одно зернышко овса, потом — кукурузы... потом выпрямился, поморгал, обернулся и посмотрел в лицо Фаун.

— Что, теперь и вокруг меня красное облако? — мрачно спросила Фаун.

Даг протянул руку, передвинул еще одно зернышко и снова заморгал.

— Вот теперь — да, — удовлетворенно сказал он.

— Ну так остановись!

— Да, — вздохнул Даг, потер отросшую щетину на подбородке и задумчиво взглянул на две кучки на скамье. — Э-э...

— Что?

— Эта кучка, — Даг показал на ту, что находилась справа, — живые семена. Если их посадить в землю и полить, вырастут новые растения.

— Может быть, — кивнула прожившая всю жизнь на ферме Фаун. — Если посадишь достаточно много, что-нибудь да вырастет. Плюс сорняки.

— А вот та кучка, — не обращая на нее внимания, продолжал Даг, — семена мертвые. Если их посеять, они просто сгниют... со временем.

На его лице отразилась печаль, и Фаун подумала, что перед его умственным взором предстал длинный ряд неразложившихся детских трупов. Проклятие, семена овса — не дети! С другой стороны, можно видеть в них детей растения, только такая мысль в конце концов сведет с ума любого, кто собирается продолжать жить в этом мире... Фаун быстро сказала:

— Семена не прорастут, и если их приготовить. Разве тут есть отличие от обычной готовки пищи?

Даг прищурился, потом благодарно кивнул.

— Ты права, Искорка.

Фаун внимательнее пригляделась к двум кучкам зерен. Та, что была слева, показалась ей более блеклой, чем яркие желтые зернышки справа. Она показала на левую кучку и спросила:

— Их можно есть, как приготовленную пищу?

Даг растерянно посмотрел на жену.

— Не знаю. Они ведь что-то потеряли.

— Ими можно отравиться?

— Понятия не имею. — Даг долго смотрел на маленькие кучки. — Я бы скормил эту пригоршню Копперхеду, только он на острове... да и лошади... А собаки у нас нет. — Даг,

прищурившись, глянул на козу Дейзи.

— Мы пьем ее молоко, — поспешно сказала Фаун и добавила, когда Даг повернулся к куриному загону, — и едим яйца.

Даг нахмурился, потом в его глазах на мгновение появилось отсутствующее выражение. Царапание когтей по палубе заставило Фаун посмотреть вниз: рядом с Дагом появился маленький енот и принялся теребить того за штанину. Даг наклонился и поднял зверька. Маленькие лапки вцепились в его рукав, блестящие черные глазки на мохнатой мордочке уставились на человека.

— Даг, не смей! — ахнула Фаун.

— Ни конь, ни коза, ни куры, ни ты — никто не годится, — терпеливо проговорил Даг. — Кто же остается из тех, кто стал бы есть зерно? Ну, пожалуй, Хог, — нет, тоже не годится. Да я и не думаю, что этот малыш отравится.

— Все равно это неправильно. Я хочу сказать — ты по крайней мере должен был бы спросить разрешения Готорна, а как все это ему объяснить, я не представляю.

— Я и себе-то ничего не могу объяснить, — вздохнул Даг. — Ладно. — Он сгреб семена в ладонь и поднес к губам.

— Нет! — Фаун зажала себе рот рукой, чтобы заглушить крик.

Даг, подняв брови, посмотрел на нее.

— Не можешь же ты сказать, что я не имею на это права.

Фаун даже подпрыгнула в отчаянии и наконец бросила:

— Что ж, попробуй на еноте.

Даг насмешливо поклонился ей и протянул зерна зверьку. Тот не особенно заинтересовался: избалован, подумала Фаун, вкусными кусочками, которыми все на борту угощали забавного малыша; однако под настойчивым взглядом Дага — и не без использования Дара, как заподозрила Фаун, — все же начал жевать зерна, шевеля усами. Когда Даг опустил енота на палубу, тот убежал как ни в чем не бывало — по крайней мере не упал тут же мертвым. Даг кинул оставшиеся зерна за борт, вытер руку о рубашку и стряхнул с себя несколько волосков енота. Его взгляд упал на загон для кур.

— Еда... — рассеянно пробормотал он. — Интересно, что получится, если я попытаюсь вырвать Дар у курицы? В следующий раз, когда соберешься приготовить курицу на обед, Искорка, дай мне знать.

Фаун мысленно исключила курятину из меню на обозримое время.

— Ну, не знаю, Даг... Идея лишения Дара зерен овса меня ничуть не волнует, но если ты можешь вырвать Дар у курицы, значит, ты можешь... — Она оборвала себя.

Даг смотрел на нее, прекрасно все поняв.

— Вырвать Дар у человека? Совсем как Злой? Не знаю. Человек больше курицы. Я начинаю думать, что *повредить* Дар человека я мог бы. Да, эта мысль очень меня тревожит, можешь не сомневаться.

Фаун потеряла губы ладонью.

— Ты можешь нанести вред и телу, и Дару человека своим боевым ножом, и тебе случалось это делать. Разве тут такая уж большая разница?

— Еще не знаю, — вздохнул Даг. — Искорка, я на самом деле многого не знаю. — Даг привлек к себе Фаун и уткнулся лицом в ее волосы. — Я давно уже гадаю, не наткнулся ли случайно на секрет мастерства лучших целителей. А теперь ты заставляешь меня гадать, не наткнулся ли я вместо этого на секрет мастеров, изготавливающих разделяющие ножи. Они еще старательнее хранят свою работу в тайне, и наверное, не зря. Потому что...

— Почему? — поторопила его Фаун, когда Даг умолк.

— Потому что не может же быть, чтобы я один обладал такими способностями... если только я и в самом деле не осквернен Злым. Хотелось бы мне, чтобы можно было кого-то...

— Кого-то спросить?

Даг покачал головой.

— Кого-то спросить без опасений.

— Ах... — Фаун сразу поняла, о чем он.
— Хохария подошла бы, но она в лагере Хикори. Она видела, как я... кажется, я тебе об этом не рассказывал...

Фаун закатила глаза.

— Еще о каком-то красном облаке, да?

— Прости. Тогда я сам ничего не понимал, вот и не рассказывал. Когда ее подмастерье Отан пытался подкрепить мой Дар, чтобы помочь срастись сломанной руке, у него ничего не получилось. Кончилось дело тем, что я... вырвал у него то, что он пытался мне дать. Хохария была рядом и все видела.

— И что?

— И ее единственная реакция была немедленно рекрутировать меня в целители... пока я не обратил ее внимание на маленькую проблему: тонкая ручная работа не для меня. — Даг взмахнул своей култей. — Потом она предложила мне в напарники брата Отана — он заменил бы мне руки. Предложи она мне в напарники тебя, я мог и согласиться, и мы были бы сейчас там, а не тут. Только она и слышать не захотела.

Фаун не могла решить, хорошо это было бы или плохо, поэтому только склонила голову, показывая, что слышит. Однако она сразу же обратила внимание на важный момент:

— Это ведь было задолго до того, как ты вырвал Дар Злого в Рейнтри?

— Да. И что?

— Значит, твои новые способности, — Фаун откинула голову и коснулась его культи, — не могут быть чем-то, чем ты заразился от Злого, потому что они появились раньше. Не думаю, что ты превращаешься в Злого. — «Тогда ты был бы пугающим, а не просто вызывающим тревогу». — Если именно это тебя смущает.

По быстро меняющемуся выражению его лица — сначала растерянности, потом облегчению, — Фаун поняла, что коснулась его самого тайного страха. Как только его удалось извлечь наружу, он обнадеживающе съехался.

— Да, такая мысль у меня мелькала, — признался Даг. Он склонил голову, криво усмехнулся и крепче прижал к себе Фаун. — Если бы я превратился в Злого, ты продолжала бы меня любить?

— Если бы ты в самом деле превратился в Злого, ты бы просто меня съел, и такой вопрос не поднимался бы, — довольно язвительно ответила Фаун.

— Вот так бы мы все и выяснили, — пробормотал Даг.

— По крайней мере выяснил бы ты. — Подумав, Фаун добавила: — А может, и нет. Ты был бы слишком погружен в собственные страдания, чтобы заметить мои.

— Ах... Да, ты попала не в бровь, а в глаз. — Пальцы Дага коснулись шрамов на шее Фаун, словно говоря «Я должен был об этом подумать». Глаза Дага потемнели от воспоминания. — Судя по тому, что я успел увидеть внутри Злого, ты права. У тебя есть привычка иногда быть уж очень проницательной, Искорка, — даже страшно становится.

Фаун только покачала головой. Разговор уходил в пугающую темноту, и было ясно: пора возвращаться в постель, потому что ни до чего хорошего сегодня они не договорились бы. Она подняла фонарь и двинулась к каюте.

15

Рано утром Даг убедился в здоровье маленького енота: тот разбудил его, ткнувшись любопытным носом в ухо. Зверек также оставил на одеяле комочек помета — и не в первый раз, поскольку уже давно облюбовал их закуток для этих целей. Даг в сером утреннем свете вынес катышек к козьему загону и расковырял палочкой. Он не удивился бы, если бы обнаружил, что зерна с вырванным Даром не переварились, но все выглядело нормально, без всяких следов серой пыли или крови. Похоже было на то, что Даг мог оставлять за собой след из безжизненных семян, и это не причинило бы миру вреда. Впрочем, Даг все еще с глубоким подозрением относился к тому, что такие зерна можно использовать в пищу;

может быть, на следующей стоянке стоило купить собственных кур, чтобы изучать вопрос более методично. И поручить дело Фаун, поскольку Даг совсем не был уверен в своей способности сохранить жизнь курам, а ошибку совершить не хотел.

Опершись на поручни, Даг следил, как небо из стального делается серебряным, а потом золотым; ясный осенний восход возвращал цвета низким холмам, окаймлявшим одетую туманом реку. Предстоял еще один ясный день, как и накануне, что не предвещало освобождения «Надежды» из плена мели. Впрочем, день отдыха был не лишним. Может быть, они с Фаун смогут отправиться на пикник на другой конец острова. Даг воспользовался Даром, чтобы убедиться в отсутствии нежелательной компании; от Вита, Хога, Ремо, Готорна и енота они уж как-нибудь ускользнут. Остров тянулся на добрые две мили и, как обнаружил Даг, был безлюдным; Дар его растительности был щедрым и здоровым, без всяких признаков скверны.

Даг резко втянул воздух и, медленно поворачиваясь, еще раз окинул остров внутренним взглядом. Да, он видел обе оконечности — там, где твердость земли встречалась с непостоянным движением воды; Дар показывал Дагу дальние холмы с деревьями, готовящимися к зимнему сну, сухую умирающую траву с яркими искрами семян, множество мелких животных в норах, гнездах, чаще кустов, птичек, перелетающих с ветки на ветку, семейство бурых медведей, медленно ковыляющее по ложбине.

«Вернулось, все вернулось! Я снова вижу, как раньше!»

Если бы он оставался в лагере Хикори, он снова мог бы быть дозорным.

Даг слышал, как гремит мисками Фаун, готовя завтрак, как фыркает на путающегося под ногами маленького енота и требует, чтобы Готорн вылез из постели и занялся своим любимцем. Губы Дага дрогнули: он с уверенностью осознал, что будь ему в эту минуту предоставлен ничем не ограниченный выбор — вернуться или двигаться вперед, — он выбрал бы последнее. С улыбкой Даг прошел в каюту и отправился на заднюю палубу умываться.

Сытный завтрак был долгим; солнце стояло уже высоко, когда Фаун перестала придумывать, какие еще новые вкусы можно приготовить из имеющихся на «Надежде» припасов. Молодые едоки, обычно голодные как волки, стали проявлять признаки превращения в сидячих существ и потеряли интерес к идее поохотиться на острове, по крайней мере до тех пор, пока Берри не начала долгое перечисление работ на борту, которыми могли бы заняться имеющие свободное время мужчины.

Даг неожиданно перебил ее:

— Я хотел бы позаимствовать у тебя Ремо и Хога. И Фаун. Хочу кое-что испробовать.

Берри бросила на него проницательный взгляд.

— Это насчет околдовывания Хога?

— Ага, — подтвердил Даг, поразившись тому, как далеко они зашли, если он мог открыто в таком признаться — и быть понятым, по крайней мере достаточно хорошо, чтобы можно было начать действовать.

Хозяйка Берри кивнула.

— Не возражаю. А скажи, — добавила она заинтересованно, — не могли бы вы, Стражи Озера, наколдовать дождь?

— Мне очень жаль, но я не знаю никакого способа при помощи Дара воздействовать на погоду, — серьезно ответил Даг. — Правда, неизвестно, на что были способны древние лорды, прежде чем мир начал распадаться.

Берри выразительно посмотрела на него.

— Это была шутка, Даг.

— Ох...

— Ничего, — похлопала его по руке Фаун. — Я тоже не всегда понимаю юмор дозорных. Как правило, если случается что-то ужасное, Стражи Озера находят это утомительным.

Ремо посмотрел на нее так, словно хотел возразить, но не смог: рот у него был полон.

Сначала Даг собирался провести задуманные пробы на крыше каюты, но потом решил, что лучше будет удалиться подальше, где не будет помех от Дара команды баржи. Не замочив ног, они перебрались на берег в маленькой лодочке, имевшейся на «Надежде», хотя почти могли пройти посуху — так низко стояла вода; с берега они помахали Берри и Виту, которые устанавливали что-то вроде водомера в надежде заметить хоть слабый подъем воды, который мог бы освободить баржу из песчаной ловушки. Поднявшись на высокое место, откуда открывался вид на реку, окаймленную ивами, Фаун расстелила одеяло, на котором все и расселись, скрестив ноги, вокруг Дага. Хог нервно сглатывал, Ремо с подозрением хмурился, Фаун просто ждала, глядя на мужа.

Даг прочистил горло, сожалея, что ни в чем не может быть уверен.

— Фаун говорит, что мы все вместе должны найти ответ на загадку, если только сможем его разглядеть. Я хочу приложить все силы... Почему Хог оказался околдован, а Фаун — нет? Почему Стражи Озера друг друга не околдовывают? Что на самом деле делает наш Дар, когда мы чувствуем то, что чувствуем? Я предлагаю нам с Ремо открыть свой Дар как можно шире, попытаться обменяться со всеми присутствующими небольшими подкреплениями Дара и посмотреть, что получится.

— И что же мы будем искать? — жалобно спросил Ремо. — Я хочу сказать — мы же делали такое раньше.

Даг покачал головой.

— Нужно высматривать что-то, чего мы обычно не замечаем. Особенно обращать внимание на вещи, насчет которых мы думаем, будто знаем: такого не может быть. Нужно высматривать различия между Хогом и Фаун. Лежит ли причина различий в том, кто воспринимает подкрепление Дара, или в том, как передается Дар? Очень надеюсь, что дело не в том, кто воспринимает, потому что тогда я ничего не смогу с этим поделать — я смогу лечить только некоторых больных или раненых крестьян, а других не смогу... и как можно это определить заранее? Как смогу я сказать человеку, попавшему в беду: «Нет, уходи, тебе я помочь не в силах»... — Даг оборвал себя, сглотнул и обратился к Ремо: — Начинай ты. Дай небольшое подкрепление Хогу.

Ремо с сомнением скривил губы.

— Опять в колено?

— Как насчет его носа? — предложила Фаун. — По-моему, после вчерашнего холодного купания он начал хлюпать. И тогда не будет путаницы со старым применением Дара.

Хог, который все утро устрояюще шмыгал носом, покраснел, но кивнул. Болезненно осознавая, что полностью открывается перед Ремо, Даг снял всякую защиту со своего Дара и закрыл глаза. Он чувствовал поток Дара, исходящий от Ремо, быстрый всплеск, как будто капли влились в спокойную гладь Дара Хога, осязаемое касание тепла. Ремо чихнул, и Даг открыл глаза.

Хог смущенно потер нос.

— Ощущение замечательное, — пробормотал он.

Даг прищурился, но ни обычным зрением, ни внутренним взглядом не смог обнаружить ничего необычного. Он запустил руку в волосы.

— Ладно, а теперь сделай то же самое с Фаун.

— Ты уверен, что так надо, Даг? — спросил Ремо. — Я имею в виду — я не хотел бы рисковать тем, чтобы случайно околдовать твою жену. — Он искоса настороженно глянул на Дага.

— Фаун же получала от меня довольно основательное подкрепление Дара и менее значительные — от Мари и Каттагуса... Так, Фаун?

Та кивнула.

— Старый Каттагус вылечил ожог у меня на руке, а Мари... ты же был рядом, когда она мне помогла. — Фаун положила руку на живот; медленно заживавшие повреждения, нанесенные Злым, все еще делали ее месячные очень болезненными.

— До сих пор Фаун не становилась околдованной, а сейчас воздействие будет даже легче, чем в тех случаях, — сказал Даг. — Давай, Ремо.

— Куда? — спросил Ремо. — Барр говорил, что если ты используешь подкрепление Дара крестьянской девушки... — Он внезапно умолк, отчаянно покраснел и закрыл свой Дар.

— Договаривай, — терпеливо проговорил Даг. — Кто знает, какая незамеченная мелочь окажется важной?

Ремо приоткрыл свой Дар только наполовину и стал смотреть на реку, чтобы ни с кем не встречаться глазами. Наконец он выдал из себя:

— Барр говорит, что если подкрепить Дар тай... тайного местечка... крестьянской девушки, — слова явно давались ему с трудом, — это сделает ее очень покладистой.

— А? — спросил Хог.

— Девушка захочет отправиться с ним на сеновал, — перевел Даг на понятный Хогу язык.

— А-а, — многозначительно кивнул тот. — Ясное дело.

Судя по выражению лица Фаун, она в переводе не нуждалась. Однако она выпрямилась и нахмурила брови.

— Даг... уж не поэтому ли ты, когда мы в первый раз встретились, сказал, что не можешь лечить мою матку после вреда, который причинил Злой?

Ремо, услышав это, резко повернул голову, и впервые за время их знакомства позволил своему Дару заметить оставленные Злым шрамы не только на шее Фаун. Глаза его расширились.

— Нет, — ответил Даг. — Просто так меня всегда учили насчет экстренной помощи в полевых условиях. Для тех, кто не обучен целительству, лучше всего направлять подкрепление из органа собственного тела в тот же орган пострадавшего — как Ремо только что сделал с носом Хога. Не имея матки, я не имел соответствующего Дара, чтобы поделиться с тобой. — Даг заколебался. То, что он теперь пытался проделывать своей призрачной рукой — *проекцией Дара*, — определенно происходило не так. — Я не стал бы особенно верить болтовне Барра.

— Но это не болтовня, — выпалил Ремо. — Барр говорил, что он это проделывал.

Даг, после небольшой паузы, надул губы и спросил:

— Ты знаешь это наверняка?

Ремо смущенно кивнул.

— Наш отряд однажды остановился на ферме, мы расположились в амбаре. Барру приглянулась одна из дочек фермера — самая хорошенькая, понятное дело. Он подначивал меня попробовать ту же уловку с другой сестрой, но я пообещал рассказать все командиру, если он еще раз выкинет подобный номер, так что с тех пор он заткнулся. — После минутного молчания Ремо добавил: — Только я уверен, что он проделывал такое не раз.

— Не мог же он пользоваться Даром своей матки, — медленно проговорил Даг, все еще не убежденный, что похвальбе Барра можно верить.

— Нет, он говорил, что это был... — Ремо неловко показал на свой пах, — параллельный орган. Его-то Даром он мог делиться сколько угодно... так он говорил.

Фаун задумчиво проговорила:

— Тогда это не было *лечебным* подкреплением Дара. Может, он просто... возбуждал девушку. Знаешь, Даг, то, чему тебя учили, наверное, предназначено для молодых дозорных, чтобы они... не попали в беду. А потом, если никому не пришло в голову проверить то, чему его учили, все стали принимать это как факт. Так что вы каждый по-своему можете быть правы.

Даг потер шею, обдумывая слова Фаун. Пожалуй, нужно будет проделать эксперимент — наедине... Дагу пришлось сделать над собой усилие, чтобы вернуться к проблеме настоящего момента.

— В локоть. Попробуй направить небольшое подкрепление в ее локоть.

— Хорошо, сэр. — Тон Ремо ясно говорил: «И если что-нибудь пойдет не так, не

забудь, что это ты велел мне сделать такое». Молодой дозорный наклонился вперед.

Насколько Даг мог судить, эта попытка ничем не отличалась от того, что Ремо проделал с Хогом. Фаун потеряла локоть, глядя на Ремо, потом откинулась на одеяле с безмятежной улыбкой.

Что ж, тут ничего особенного заметить не удалось...

— Ладно, — вздохнул Даг, — теперь, похоже, моя очередь... если ты готов. Отдохнуть тебе не нужно?

Ремо покачал головой.

— После таких небольших подкреплений — нет.

Даг выпрямился и как можно шире распахнул свой Дар, стараясь уловить все, что только удалось бы.

— Мне тоже в локоть, только не в левый: что-то культия у меня воспалилась.

Ремо склонил голову набок, губы его приоткрылись.

— Даг, у тебя самый странный Дар, какой я только встречал. С одной стороны весь в шрамах, с другой — завязан в узел, и плотный... Твой Дар не менее плотен, чем у любого целителя. Тут уж и не знаешь, куда направлять подкрепление!

Даг кивнул.

— Призвание целителя росло у меня уже некоторое время... дольше, чем я догадывался. Попробуй в ногу. Уж ноги-то у меня всегда рады любой помощи. — Он подмигнул Фаун, вспомнив удовольствие, которое доставлял ему ее массаж. Фаун подмигнула ему в ответ.

Ремо сосредоточился, коснулся своей правой ноги, потом ноги Дага. Даг почувствовал, как его охватил вихрь Дара. *Вот оно!* Между ним и Ремо словно прозвучало эхо Дара, как еле заметная радуга, иногда возникающая как отражение основной. Потом Дар ноги Ремо снова закрылся, подобно густой жидкости, сомкнувшейся вокруг теплого ответного подарка.

— Ты видел? — возбужденно спросил Даг.

— Что видел? — осторожно поинтересовался Ремо. — Мне показалось, что это было обычное подкрепление.

— Тот слабый поток Дара от меня к тебе — что-то вроде обратного течения.

— Не могу сказать, что заметил.

Даг от огорчения стиснул зубы и с трудом удержался от резкого окрика: «Так откройся пошире, будь ты проклят!» Ремо всего лишь молодой дозорный. Было более чем вероятно, что увеличившаяся чувствительность к Дару росла у Дага вместе с остальными талантами мастера. Разве в молодости он когда-нибудь воспринимал такое простое подкрепление Дара как нечто отличное от расплывчатого пятна? Хотя, если Ремо и в самом деле не может чувствовать того, что ощутил Даг, от него не будет большого прока при проверке предположений Дага...

Даг вздохнул и выпрямился.

— Ладно. Моя очередь. Мне нужно, чтобы ты был очень внимателен, Ремо. Я начну с правого локтя Хога, потому что там никакого вмешательства не было. — Фаун правильно сообразила, что нужно проводить подкрепление там, где его еще не было, для более ясного сравнения.

Даг протянул свою призрачную руку и направил в цель небольшое подкрепление. Ха, никакого эха Дара! Подкрепление было жадно усвоено, словно проглочено. Хог удовлетворенно вздохнул.

Однако Ремо чуть не упал — так сильно он рванулся прочь. Опираясь на одно колено, явно готовый обратиться в бегство, он показал на крюк Дага и выдохнул:

— Проклятие! Что это?

Даг совсем забыл, что не сообщил Ремо о своем новом таланте.

— Успокойся. Это всего лишь призрач... проекция Дара. Вместо того чтобы устанавливать связь между отдельными органами, она черпает Дар из меня всего. Хохария — она старшая целительница в лагере Хикори — говорит, что это проявление способностей

целителя. У других мастеров оно обычно не принимает такой формы, но ведь ясно, почему у меня получилось именно так.

— Э-э... — пробормотал Ремо. — Да. — Даг предпочел бы, чтобы молодой дозорный не тарашил так глаза, но по крайней мере он снова уселся и постарался быть внимательным.

— Я подожду, — терпеливо сказал Даг, — пока ты сможешь снова открыть свой Дар.

Ремо сглотнул. Ему понадобилось несколько минут, но в конце концов он сумел расслабиться и раскрыться, как было нужно Дагу.

Даг задумчиво потер подбородок и сказал:

— Пожалуй, теперь я попробую передать подкрепление тебе. Ты следи не за ним, а за тем еле заметным эхом, которое подкрепление вызовет, — от тебя ко мне. Я бы сказал, что это обратное течение, хотя больше похоже на то, что встречный поток Дара проходит прямо сквозь Дар, направленный от меня к тебе, только с небольшим запозданием. Готов?

Ремо кивнул. Даг наклонился вперед и снова протянул свою призрачную руку, потом дождался, чтобы Дар Ремо, всколыхнувшийся было в панике, успокоился. Кивнув, Даг направил подкрепление в правую руку Ремо. На этот раз, когда он знал, за чем следить, встречный поток Дара был ясно различим. Слабое эхо оказалось поглощено Даром Дага так быстро, словно его руки коснулась пушинка, слетевшая с одуванчика. Брови Дага поползли вверх.

— Я видел... — взволнованно начал Ремо, но тут же сбился. — Я сам не знаю, что я видел.

— Ты видел эхо своего Дара. Я почувствовал, как оно скользнуло в меня... и было усвоено гораздо быстрее, чем обычное подкрепление. — То, что нога Дага получила от Ремо, все еще явственно ощущалось, а эхо, вернувшееся от ноги Ремо, уже почти растворилось. Даг шумно выдохнул воздух и повернулся к Фаун. Она внимательно смотрела на него, явно изо всех сил пытаясь уследить за происходящим. Даг ободряюще кивнул жене, но это только заставило ее поднять брови.

Даг сосредоточился, открыл свой Дар как можно шире и послал подкрепление в ее другой локоть. Эхо вернулось к нему, как легкий поцелуй, и его губы тронула улыбка.

— Я снова видел это... это... — воскликнул Ремо. — Мне кажется...

Даг откинулся назад и потер лоб.

— Я тоже видел. Почувствовал. Да. Причина того, что Фаун не околдована, в том, что ее Дар вел себя, как Дар Стража Озера, — по крайней мере когда подкрепление исходило от меня. Но ничего такого не было, когда то же самое делал ты, Ремо. Странно...

— Может быть, дело в том, что вы женаты? — предположил Ремо.

— Не уверен. — Брак — брак по обычаям Стражей Озера — несомненно, отражался на Даре, как об этом свидетельствовала свадебная тесьма. Однако не мог же Даг жениться на всех своих потенциальных пациентах! Тупик...

Для каждого они прошли по кругу... Ответ должен был быть где-то здесь, спрятанный в пересечениях потоков Дара, — ответ или его отсутствие. Даг растянулся на спине и стал смотреть на уже почти лишившиеся листьев ветки ивы, в холодное ясное небо. Даг и Ремо обменялись Даром друг с другом... только Даг обменялся им с Фаун... и никто ничего не получил обратно от бедняги Хога...

Или дело в том, что никто не *принял* обратно Дара от бедняги Хога?

«О боги! Так не я ли виноват в этом? Я не хотел, чтобы во мне оказалась какая-то часть Дара Хога!

Так хочешь ли ты на самом деле стать целителем для крестьян, старый дозорный? Настоящий целитель ведь не может выбирать себе пациентов! Он должен одинаково лечить любого, кто к нему придет».

— Так это неправда, — сказал Даг небу во внезапном озарении. — И никогда не было правдой!

— Что неправда, Даг? — спросила Фаун тем терпеливым тоном, который предупреждал о том, что терпение ее на исходе. Углы губ Дага поползли вверх, что вызвало

ворчание Фаун, а это заставило Дага улыбнуться еще шире.

— Неправда, — сказал он, — что Стражи Озера друг друга не околдовывают. Мы околдовываем друг друга все время.

— Что? — изумленно переспросил Ремо.

Даг сел, улыбаясь во весь рот, поднял левую руку и послал подкрепление Дара в уже почти зажившее колено Хога. Свой Дар он держал теперь открытым — без суровости, без напряжения, с теплотой и не сопротивляясь.

Обратное течение оказалось настолько сильным, что Ремо вскрикнул:

— Ох!

В конце концов у Хога оказалось такое количество накопившегося Дара, что он неожиданно разрядился навстречу Дару Дага.

Хог согнулся, заморгал, коснулся лба, потом вцепился в колено. На его лице играла неуверенная улыбка.

— Ух, — выдохнул он, — я почувствовал... все ушло! — Через мгновение он жалобно добавил: — Только можно... можно я останусь твоим другом?

— Да, Хог, конечно, можно, — ответил Даг. — Конечно, можно.

— Даг, — с угрозой в голосе проговорила Фаун, — не хочешь ли ты все объяснить остальным? Потому что если ты только что не сделал чего-то похуже, чем с тем сомом, я съем свою шляпу.

— Я только расколдовал Хога! — возбужденно ответил Даг, с трудом сдерживая совершенно неуместное хихиканье. — В определенном смысле.

— Первая часть звучит хорошо, — согласилась Фаун и стала ждать — с понятным подозрением — объяснения второй.

— Думаю... предполагаю, что стремление околдованного к повторению подкрепления Дара возникает не только потому, что после него человек себя хорошо чувствует. Это происходит из-за отчаянной попытки Дара вернуть себе равновесие... закончить обмен, от которого отказались. Однако дело становится только хуже с каждым подкреплением, если Страж Озера продолжит блокировать... отвергать встречный поток Дара. Это объясняет и то, — с растущим возбуждением продолжал Даг, — почему околдовывание такое случайное. Все зависит от того, насколько Страж Озера открывает — или не открывает — свой Дар перед крестьянами... или, по крайней мере, перед конкретным человеком. Перед Фаун я был открыт почти с самого начала, так что у нее нарушения равновесия не произошло. Вот с Хогом было иначе — до сегодняшнего дня. — Даг подумал, что напугает до смерти Хога и Ремо, если вскочит и начнет с воплями отплясывать вокруг них, но хотелось ему этого ужасно.

Ремо явно такого же энтузиазма не испытывал.

— Как это — мы околдовываем друг друга все время? Ничего такого мы не делаем!

— И околдовываем, и расколдовываем — если обмен Даром не нарушает равновесия и не отвергается. Клянусь: мы впитываем это с молоком матери, а потом так и идет: ни один ребенок не достигает совершеннолетия, не получив десятков подкреплений Дара от родичей или друзей из-за болезней или травм. А когда вырастает и становится дозорным или живет в лагере с родичами по шатру, он постоянно обменивается Даром с окружающими. Мы плаваем в озере разделенного Дара. Не удивлюсь, если окажется, что именно поэтому, когда Страж Озера оказывается изолирован от остальных, он чувствует себя таким несчастным.

Заинтересованный Ремо продолжал смотреть на Дага с сомнением.

— Даг, ты уверен во всем этом?

— Почти. Уж можешь не сомневаться: теперь я все время буду высматривать доказательства.

— Значит ли это, — спросила Фаун, — что ты сможешь научить других целителей лечить крестьян?

— Искорка, если я прав, любой целитель, который узнал бы о таком, смог бы лечить крестьянина, не опасаясь околдовать, — если только пожелал бы принять в себя часть Дара

фермера. — Даг заколебался. Это «если» могло оказаться большим препятствием, чем казалось сначала. Впрочем, целительство никогда не было уделом брезгливых.

— Но что произойдет с тем озером разделенного Дара, — медленно проговорил Ремо, — если многие Стражи Озера начнут впитывать Дар крестьян? И что случится с целителями?

Даг долго молчал.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Я отправился сюда сегодня утром в надежде найти некоторые ответы на вопросы — и нам это удалось! Только похоже на то, что я разворошил гнездо еще более загадочных вопросов. На них ответов я не знаю.

После долгого молчания Фаун поднялась и жестом предложила остальным освободить одеяло, чтобы его можно было скатать. По дороге обратно на «Надежду» все выглядели очень задумчивыми... ну, хотя бы Хог перестал шмыгать носом.

* * *

Днем, когда солнце разогрело воздух, Даг с Фаун отправились на остров — как было сказано Готорну, поохотиться на белок. Мальчишка, размахивая рогаткой, немедленно захотел принять участие в охоте. К счастью, Ремо знал условный язык дозорных и отвлек мальчика, позволив Дагу и Фаун сбежать на остров вдвоем.

Выбрать уютное местечко оказалось не так легко — ветер усиливался и задувал с северо-запада; на небе появились облака, то и дело скрывавшие солнце. Однако Дагу удалось найти углубление под корнями вывороченного бурей дерева, которое, благодаря захваченным с собой одеялам, они с Фаун превратили в удобное гнездышко.

За несколько следующих восхитительных часов Даг обнаружил, что полный контроль над проекцией Дара и в самом деле позволяет ему направлять подкрепления в те органы, которых сам он не имел; однако, по мнению Фаун, то, что раньше делала его призрачная рука, было гораздо лучше. Они принялись сравнивать технику, и серьезное исследовательское выражение лица Фаун тут же сменилось хихиканьем. Даг тоже не мог сдержать улыбки, хотя и надеялся, что ведет себя более солидно. Ну... может быть, и не очень солидно... Ему не удалось проверить утверждение Барра насчет того, что подкрепление Дара заставляет крестьянских девушек испытывать желание, потому что он не мог заставить себя закрыть свой Дар от Фаун, да к тому же такое было бы все равно, что лить молоко в молоко и ожидать, что оно изменит цвет. Даг, правда, надеялся, что его вновь открытое умение поможет ему избавить Фаун от вреда, причиненного Злым, и сделает ее месячные, которые должны были вот-вот начаться, менее болезненными.

— Подкрепление Дара на самом деле не исцеляет, — сонно пробормотал он, когда силы на исследования оказались временно исчерпаны. — Оно просто дает телу силы самому себя быстрее исцелить или побороть инфекцию. Если увечье слишком велико или болезнь распространяется слишком быстро, целитель оказывается побежден.

Фаун, надув губы, повернула голову, лежавшую на плече Дага, и между поцелуями спросила:

— Как может целитель оказаться побежден? Отдаст так много Дара, что погибнет сам? Даг покачал головой.

— Сначала ты теряешь сознание... это не похоже на потерю крови, которая может происходить помимо твоей воли или неосознанно. Только изнеможение может сделать целителя беззащитным перед болезнью, как и любого человека. — Даг помолчал. — Понимаешь, подкрепление не следует путать с угрожающим целителю захватом Дара. Если целитель слишком углубится и приведение Дара больного в соответствие с Даром целителя превратится в их смешение, а больной умрет, целитель может умереть тоже. Умиравший Дар разрушит и другой.

Фаун прищурилась.

— Ха... уж не из этого ли твои предки в первый раз почерпнули идею разделяющего

ножа?

Даг откинул голову.

— Ох, возможно, Искорка! Очень даже возможно!

«Что за умница эта крестьяночка!»

Фаун задумчиво кивнула.

— Так или иначе, следует поддерживать свои силы.

— Так же, как командиру отряда следует держать своих дозорных в хорошей форме, — проговорил Даг.

— И наоборот.

Даг зарылся лицом в волосы жены.

— Верно, Искорка.

* * *

На следующее утро, когда Фаун поцелует разбудила Дага, он обнаружил, что небо затянуто тучами. Опираясь на локоть, Фаун спросила:

— Ты знаешь, какой сегодня день?

— Я потерял счет, — признался Даг. — Нужно будет спросить Берри.

— Пожалуй, лучше ее спрошу об этом я. — Фаун ухмыльнулась и отправилась готовить завтрак.

Тучи сгустились, но дождь так и не пролился, и «Надежда» оставалась на мели. После обеда Вит потащил Дага на противоположный берег острова. Поваленные деревья образовывали там что-то вроде моста через узкий пролив, отделяющий остров от берега реки, и Вит с Дагом осторожно перебрались по этому ненадежному мосту, хоть Даг и уверял Вита, что ничего интересного по крайней мере на милю вокруг нет. Когда они вернулись, их встретил Ремо со строгим приказом поварахи: наловить на ужин рыбы, но только не сомов. Это потребовало возвращения к узкому проливу, откуда рыболовы пришли, нагруженные тяжелыми связками судаков и окуней. Бо и Хогу было поручено почистить и выпотрошить рыбу. Потом Вит предложил провести урок стрельбы из лука. Ремо и Даг установили мишень, Вит на лодочке привез лук и стрелы, а потом сплавал за Хогом и Готорном. К тому времени, когда все настрелялись вдоволь, замучив главного учителя, наступили сумерки.

Теплый воздух в каюте «Надежды» был полон восхитительных запахов. Даг, войдя на кухню, обнаружил, что тесное помещение украшено осенними полевыми цветами и листьями, перевязанными цветной тесьмой. Берри и Фаун нажарили горы рыбы с картошкой и луком, а Вит и Бо установили на подставке новый бочонок с пивом. И откуда только он взялся?

— Что мы празднуем? — весело поинтересовался Даг.

Фаун отставила сковородку, подошла к мужу, поднялась на цыпочки и обхватила его за шею, чтобы их лица оказались на одном уровне.

— Твой день рождения. Поздравляю, Даг! — Она крепко поцеловала его под аплодисменты и крики всех собравшихся. Когда Фаун отпустила Дага, он изумленно огляделся.

— Ага! — завопил Вит. — Попался! Как мы его поймали!

— Откуда ты узнала, что сегодня мой день рождения? — спросил Даг Фаун. Прошло не меньше двадцати лет с тех пор, как он перестал обращать внимание на эту дату, и уж во всяком случае в последнее время он о ней не упоминал.

— Даг! — с притворным возмущением воскликнула Фаун. — Ты же сообщил о нем городскому клерку, когда мы поженились в Вест-Блю! Конечно, я запомнила.

А день рождения Фаун должен был наступить через шесть недель — Даг узнал об этом из того же источника и не забыл; Даг предполагал, что к тому времени они могут уже добраться до Греймаута. Даг не знал, как принято отмечать дни рождения у крестьян, и радовался, что с ними Вит: у него можно и узнать, чем порадовать Фаун, и его общество

поможет не дать Фаун почувствовать себя одинокой в незнакомом месте.

«О боги, ей исполнится всего девятнадцать!»

Даг не знал, чувствовать ли себя стариком или счастливцем, однако когда Ремо усадил его на почетное место, а Бо вручил кружку с пивом, решил, что есть все основания для последнего.

Потом последовали нежная рыба и тающий во рту картофель и море разлитое пиво, шутки, рассказы и смех, — да, это были друзья, его собственные родичи по шатру. Даг порадовался, что за столом сидит и Ремо; какова бы ни была взаимосвязь Дара и тела, ума и сердца, мир казался более широким потому, что в нем были и Стражи Озера, и фермеры. И праздновали они общество друг друга.

Пиво, как выяснилось, было втайне припасено Витом как раз для такого случая — на последней остановке, где он продал часть своего оконного стекла. Только статус пива как подарка не позволил Бо раньше времени употребить его — факт, о котором Бо говорил с некоторой гордостью. Тайные приготовления Блуфилдов явно начались заранее: когда никто уже не мог проглотить ни кусочка, Фаун достала какой-то предмет, завернутый в ткань и перевязанный нарядной тесьмой. Когда Даг развернул подарок, им оказалась накидка с капюшоном из промасленной ткани, какие носят речники.

— Бо позволил мне использовать свою старую накидку как образец, — с удовлетворением объяснила Фаун. — Мы сговорились с Берри, что она даст мне ткань, а я за это сошью такие же для нее и Бо. Только за остальные я еще не бралась. — Еще одним подарком оказался рукав свитера — незаконченная, но многообещающая работа. — Я рассчитываю закончить его на следующей неделе. Ремо говорит, что Стражи Озера дарят на день рождения новую одежду и оружие, а когда человек становится дозорным, то коня. Конь и целый арсенал оружия у тебя уже есть, но я все-таки сделала тебе несколько новых стрел. Берри дала мне наконечники из трипойнтской стали, а Готорн — перья орла. — Она добавила в колчан Дага полдюжины новых стрел, и Даг решил, что позволит отрезать себе язык, прежде чем скажет, что подобные подарки принято делать в основном подросткам.

Из окружающей баржу тьмы ветер принес капли дождя, забарабанившие по стенам и окнам, и Берри нетерпеливо выглянула наружу. Однако ветер и дождь еще не сдвинули «Надежду» с места, и она вернулась к столу и принялась за пиво. Дага вполне устроило бы, позволь ему Фаун просидеть всю ночь у очага, держа на коленях теплую жену, но Фаун выскользнула из его объятий и снова куда-то исчезла.

— Что-то еще ожидается? — спросил Даг.

— Ремо говорил, что Стражи Озера не пекут тортов на день рождения, — ответил ему Вит, — но если ты собираешься стать настоящим Блуфилдом, тебе такой полагается. — Фаун с трудом внесла в кухню огромный торт на подносе. — На нем должны быть свечи, — продолжал Вит. — Это крестьянская традиция; по крайней мере у нас дома всегда бывало так.

— Мне особенно нравятся свечи, — сказала Фаун. — По одной на каждый год. — Она поставила поднос перед Дагом. Теперь стало понятно, почему торт такой большой: на нем рос целый лес маленьких восковых свечек. — Я сделала начинку из груш и имбиря, а крем — из масла и меда, — уж очень мне надоели яблоки, пусть у нас их еще и целая бочка.

— Где ты нашла столько свечей? — спросил Даг, очарованный и несколько растерянный. — У того же торговца, у которого Вит раздобыл пиво?

Фаун покачала головой; ее темные глаза и локоны весело блестели.

— Нет, там были только слишком большие. Эти я сделала сама сегодня днем: Берри дала мне воск из своих запасов, а нить для фитиля я спряла уже давно.

Даг взял одну свечку и покатал в пальцах, вдыхая легкий медовый запах.

— Отличная работа, Искорка.

От похвалы Фаун довольно улыбнулась.

— А теперь, — заявил Вит, — ты должен их все зажечь и загадать желание. Если потом тебе удастся задуть все свечки разом, желание сбудется.

Даг не мог себе представить, какое воздействие Дара могло бы дать подобный эффект, поэтому решил, что имеет дело с крестьянским суеверием, пусть и симпатичным.

— Уж очень это трудно...

— В шесть лет, понятное дело, легче, чем в пятьдесят шесть, — согласился Вит.

— Именно. Ладно, попытаюсь. — Некоторые мастера из Стражей Озера изготавливали такие свечи, которые зажигались и гасли по щелчку пальцев, но, как подозревал Даг, ему такое могло и не удаться. Однако эти восковые свечки были сделаны добросовестно, и к тому же собственными руками Фаун — совсем как их свадебная тесьма. Даг вставил свечку в ее дырочку в креме, сосредоточился, напряг Дар и взмахнул призрачной рукой над тортом. К его полному удовольствию, все пятьдесят шесть крошечных огоньков вспыхнули с легким «пш-ш».

Подняв глаза, Даг обнаружил, что по бокам от него, разинув рты, стоят Фаун и Берри с горящими лучинками в руках. На всех сидящих за столом опустилась тишина. Хог растерянно моргал, Готорн широко раскрыл глаза, Бо словно язык проглотил.

— Я сделал... неправильно? — неуверенно спросил Даг.

Вит, запинаясь, пробормотал:

— А я еще гадал, как ему удастся *задуть* их все разом!

Ремо громко рассмеялся — даже начал хохотать. Даг подумал, что это его рассердило бы, особенно учитывая, что Ремо никак не мог остановиться и в конце концов прижал к лицу рукав, если бы это не был первый случай с тех пор, когда Ремо оказался на барже, когда парень рассмеялся.

— Это было здорово, — решительно одобрила мужа Фаун. — Теперь ты сможешь зажигать свечи на всех наших тортах. — Она задула свою лучинку и вручила Дагу нож.

Даг дождался минутку, чтобы дать Фаун время полюбоваться на сияние свечей — сам он при этом любовался теплым отсветом на ее лице, похожим на свет летнего заката. Ему даже не пришлось особенно жульничать, чтобы задуть все свечи разом. Фаун вытащила огарки, собираясь использовать воск для других нужд; Готорн, как деятельный помощник, тут же принялся слизывать с них крем. Торт был разрезан на щедрые порции, а половина оставлена к следующему завтраку. Потом Дагу устроили местечко у очага с Фаун как раз в той позиции, какую он себе рисовал, а остальная команда принялась за уборку. Дождь стучал по крыше, а Хог и Готорн, освободившись, начали приставать к Ремо с просьбой показать, как Стражи Озера мошенничают в азартных играх; молодой дозорный отделался от них, заявив, что не умеет ни играть, ни мошенничать.

И тут с легким скрипом «Надежда» рывком снялась с мели. Берри завопила от радости, и все, побросав свои занятия, выскочили на палубу, чтобы отвести баржу подальше от опасного места. Оставив позади остров, Берри направила судно к берегу, чтобы надежно привязать его на ночь. Оба Стража Озера с их умением видеть в темноте были привлечены к этому делу; когда промокшие мужчины вернулись в каюту, их ждал вскипяченный Фаун чай и нагретые у огня полотенца. Влажная одежда была снята и развешена для просушки — только Дагу это не понадобилось, его новая непромокаемая накидка защитила его от дождя. Когда остальные натянули сухую одежду, те, кто был еще на это способен, принялись за остатки торта и пиво. Проливной дождь сменился осенней бурей, но канаты надежно удерживали «Надежду» на ее новой стоянке, и команда снова расселась вокруг очага.

Потом Берри достала свою скрипку и сыграла три мелодии — две быстрых и веселых, одну медленную и грустную. Места для танцев не было, но пока Берри давала отдых пальцам, Клиркрики предложили научить Блуфилдов песням речников. Готорн похвастался, что знает все неприличные слова.

— Знать-то знаешь, да не понимаешь, — проворчал Бо.

— А вот и понимаю!

— По-моему, теперь время для колыбельной, — сказала Берри.

— Нет, нет, еще рано! — запротестовал Готорн. Хог явно колебался, а Вит мечтательно посмотрел на Берри.

Ремо, сидевший на полу у очага с объевшимся енотиком на коленях, вдруг резко поднял голову.

— Что там? — тихо спросил его Даг.

— По реке в лодке плывет Страж Озера.

— В такую-то погоду? — фыркнул Бо. — Этому дураку давно следует быть на берегу, вытащить лодку и спрятаться под ней. Да еще и привязать лодку покрепче, если у него есть мозги.

Даг молча кивнул, но напряг свое внутреннее зрение. Действительно, там был Страж Озера, и в таком жалком состоянии, какого и следовало ожидать. Их Дар соприкоснулся, и лодочка изменила курс, борясь с поднятыми ветром волнами.

Ремо широко раскрыл глаза. Он спустил енота на пол и поднялся на ноги.

— Это Барр!

За скрипом уключин и ударом в корпус баржи последовал стук кулаком по доскам.

— Ремо, идиот! — донесся хриплый голос Барра. — Будь ты проклят! Я же знаю, что ты там! Поддай мне руку, пока я не замерз насмерть!

16

Фаун в панике следила, как Ремо, взяв фонарь, вышел наружу; Даг и Вит следом за ним отправились на заднюю палубу, не обращая внимания на ветер и дождь. Хог нерешительно топтался у люка, пока Бо, оставшийся сидеть у очага, не велел ему или выйти, или войти, но не загромождать проход, подобно глупому коту; Хог вернулся в каюту, где в нетерпении подпрыгивал на месте Готорн. Маленький енот предпочел спрятаться среди груза, а Берри убрала скрипку в кожаную сумку и сунула ее под свою койку.

Снаружи донесся спор, потом все перекрыл низкий голос Дага:

— Просто привяжи ее к поручням. Разберемся с лодкой утром. Если в нее и попадет вода, не важно: она и так уже наполовину затоплена.

Еще несколько ударов, крик, тихие проклятия... Вит распахнул люк и передал внутрь спальный мешок, сумку, лук со снятой тетивой и колчан, завернутые в одеяло, и два объемистых мешка, все совершенно мокрое. Хог сложил их на полу в кучу. Вит вернулся в каюту вместе с Дагом и незнакомым Фаун Стражем Озера, с которого так и текла вода. Последним вошел Ремо, поставил на стол фонарь и прислонился спиной к люку, с мрачным видом скрестив руки на груди.

Вновь прибывший встал перед очагом, тяжело дыша; он явно был совершенно измучен и замерз. Его прилипшие ко лбу волосы, заплетенные в жалкую косицу, могли бы оказаться, когда высохнут, рыжеватыми. Он стянул с широких плеч насквозь промокшую меховую куртку и сжал ее в руках, словно не зная, куда положить, а может быть, просто в растерянности. Команда «Надежды» таращила на него глаза кто с изумлением, кто с сомнением; парень неуверенно оглядел всех и перевел взгляд на очаг: яркий огонь явно был сейчас для него самым желанным зрелищем.

Значит, это и есть Барр. Фаун постаралась подавить немедленно возникшую неприязнь: она не могла забыть рассказ Ремо о том, как тот обошелся с хорошенькой дочкой фермера. Впрочем, совращение, если и имело место, могло быть делом обоих участников. И Барр проявил смелость, спасая речников, чуть не утонувших на порогах. Похоже, этот парень любил риск, хотя сейчас и выглядел унылым.

Очевидно, продолжая разговор, начатый еще на палубе, Барр взглянул на Ремо и сказал:

— Я уж боялся, что не догоню тебя еще через сотню миль!

— А зачем тебе вообще понадобилось догонять меня? — угрюмо спросил Ремо.

— Как это — зачем? Я же твой напарник!

— Больше не напарник. Я ушел из отряда.

— Ну да, никому ни слова не сказав! Амма с Исси добрый час поджаривали меня на

медленном огне — они-то думали, что я в курсе. Только как я мог узнать? С помощью магии? Ты передо мной в долгу и за это, и за те три сотни миль, что я проделал на лодке за три дня.

— Если ты отправился из Жемчужной Стремнины, — поправила его Берри, — то это двести миль, если только ты не двинулся кружным путем. — Уперев руки в бедра, она с явным сомнением смотрела на парня.

Барр отмахнулся от ее слов.

— Этих проклятых миль все равно было слишком много. — Он расправил плечи, издавшие легкий треск, встряхнул свою куртку и положил ее у очага, потом повернулся спиной к огню, упершись руками в колени. Это были большие и сильные руки, заметила Фаун, хотя сейчас они были все в мозолях от непрерывной гребли и посинели от холода. — Должен признаться: я порадовался, что не нашел тебя плавающим лицом вниз. Утром можем двинуться обратно.

— Куда это — обратно? — кисло поинтересовался Ремо.

— В Жемчужную Стремнину, дубовая башка. Если ты вернешься со мной сейчас, Амма пообещала снова взять нас в отряд. — Выражение лица Барра говорило если не о триумфе, то по крайней мере о большом достижении.

Ремо сжал губы.

— Я не собираюсь возвращаться.

— Ты должен вернуться! Амма с Исси и так спустили с меня шкуру, как будто я виноват в том, что ты сбежал!

— Так оно и было, — безжалостно ответил Ремо.

— Ну, теперь это вода, которая утекла через пороги. Важно другое: если я привезу тебя обратно, то нам все простят. Я не хочу сказать, что все сразу станет гладко, но рано или поздно кто-то другой вызовет гнев Аммы — так всегда случается. — Барр улыбнулся, и в других обстоятельствах его улыбка могла бы показаться очаровательной.

— Но не на этот раз.

— Ремо, ты говоришь глупости. Куда тебе податься, кроме как обратно?

— Дальше. — Ремо кивнул на Берри. — Думаю, что хозяйка Берри, на пол которой ты налил столько воды, позволит тебе переночевать под крышей, если ты вежливо попросишь. Утром ты отправишься вверх по реке, а я — вниз. Все очень просто.

— Да нет же, Ремо, какое там просто! Если я не притащу тебя обратно целым и невредимым, Амма поклялась, что навсегда выгонит меня из отряда! Я не шучу!

Фаун начала понимать, как обстоят дела. Барром двигало не только беспокойство о напарнике; парень должен был спасти свою и так уже подпорченную шкуру.

Ремо посмотрел на Барра с яростью.

— Я тоже не шучу.

Барр смотрел на него с искренней растерянностью человека, все свою жизнь полагавшегося на свое обаяние, когда это обаяние вдруг перестало работать.

Даг молча наблюдал за всем со стороны. Прежде чем препирательства пошли по новому кругу, он спокойно вмешался:

— Лучше вытри свое оружие, дозорный. Твой лук уже начинает коробиться от сырости.

Барр сделал растерянный жест — как если бы он хотел возразить против этого вмешательства, но не осмелился. Он настороженно посмотрел на Дага.

— А насчет тебя, Даг как-там-тебя... Амма также хотела, чтобы я сообщил ей, не подговорил ли ты Ремо на эту глупость. Как будто я знаю!

Ремо только возмущенно фыркнул.

— Я сказал, что вы не виделись с тех пор, как повстречались в шатре в первый день. Не уверен, что она мне поверила. Не уверен, что она поверила хоть чему-то, что я говорил, — добавил он с горечью.

— Ну почему, Барр, — с сарказмом протянул Ремо, — почему она тебе не поверила?

Прежде чем Барр нашел слова, чтобы выразить свое возмущение, Берри, обменявшись взглядом с Дагом, вышла вперед.

— Команде время отправлять спать, дозорный, а ты устроил утомительные препирательства в нашей каюте. Если хочешь, можешь доесть вкуснятину, оставшуюся после ужина, и получить сухую постель у очага. Если вы двое предпочитаете вместо этого спорить и дальше, отправляйтесь на берег и чешите языки до полного душевного удовлетворения или до рассвета — что раньше наступит. Выбор за вами, только решайте сразу. — Стук капель по крыше добавил зловещего веса ее холодному требованию.

После долгой паузы Барр проглотил все ругательства, которые ему хотелось обрушить на Ремо, и кивнул Берри.

— Я был бы благодарен за постель, мэм... и за еду. — На Ремо он кинул мрачный взгляд, ясно говоривший, что сдался он только временно.

Команда «Надежды» занялась почти нормальными приготовлениями ко сну. Барр, бросив на Дага косой взгляд, занялся своим оружием. Вит и Хог помогли ему разложить вещи для просушки, Готорн и Берри расстелили перед очагом шкуры, предназначенные для гостя, а Фаун разогрела рыбу, картошку и лук. Барр смел все так, что стало ясно, каким голодным он был, с изумлением уставился на кружку пива, которую налил ему Бо, и тут же осушил ее до дна. Все неловко толкались в каюте, которая неожиданно стала еще более тесной, но в конце концов улеглись.

Свет фонаря сквозь занавеску, отделяющую их закуток, казался Фаун еле заметным красным пятнышком; обняв Дага, чтобы согреться, она прошептала:

— Ты случайно не пожелал, когда задувал свечки, чтобы появился Барр?

Даг подавил смехок.

— Нет, Искорка. — Помолчав мгновение, он добавил: — По крайней мере не совсем.

— Я просто хотела, чтобы ты знал: к этому последнему сюрпризу я отношения не имела.

— Похоже, сюрприз нам преподнесла Амма Оспри. Жаль, что у меня не было случая подслушать тот разговор — могу поспорить, уж она-то в выражениях не стеснялась. Только мне кажется, что она опоздала поджаривать пятки парню.

— Ты считаешь, что Ремо следует с ним вернуться?

— Это не мне решать.

— Ты же хотел, чтобы он вернулся, — тогда, в первый вечер.

— Ну, молодым дозорным полезно повидать мир.

— И еще ты говорил, что не собираешься усыновлять его.

Даг откинул голову и прищурился, разглядывая лицо Фаун в полумраке.

— Ты так хорошо помнишь все, что я говорю? Это может оказаться тяжелой ношей для мужа.

Фаун хихикнула.

— Дело выглядит так, — добавил Даг, — что, если они приползут домой, поджав хвосты, Амма их примет обратно. Меня это не слишком удивляет. Никому не хочется лишаться дозорных. И все-таки... Мне бы очень не хотелось, чтобы Ремо вернулся... если он так решит. Мне казалось, что я в чем-то сумел его убедить. И с Хогом он очень мне помог.

— Вот ведь какое дело, — задумчиво проговорила Фаун, — нельзя убежать отчего-то одного без того, чтобы не прибежать к чему-то другому. — Она провела рукой по плечу Дага. — Вот ты, например. Я убежала из дома и тут же прибежала к тебе... и ко всему широкому миру. Я никогда не оказалась бы тут, если бы сначала не перестала жить там.

— И нравится тебе тут? На этом судне?

— Мне нравится на любом судне, если на нем находишься ты. — Фаун потянулась и поцеловала Дага. — Хороший получился твой день рождения?

— Лучший за многие годы. — Даг поцеловал ее в ответ и медленно проговорил: — Лучший за все мои годы. А это много, Искорка. Ха!

Фаун уже хотела пихнуть Дага в бок и потребовать объяснений: что он имел в виду под

этим «ха», — но в этот момент он зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть; ноги Фаун наконец согрелись, и она постепенно соскользнула в сон.

* * *

За завтраком Фаун обнаружила, что Барр, как большинство молодых животных, выглядит гораздо симпатичнее сухим и пушистым. Накануне ночью, глядя на измученного парня, она не могла определить его возраст, теперь же не сомневалась: из двух напарников он младший. Ему удалось обуздать свой нрав; по крайней мере теперь его доводы касались больше Ремо, чем самого Барра.

— Твои родичи по шатру очень беспокоятся о тебе, — сообщил он Ремо.

— Когда мы в последний раз виделись, это не было заметно, — проворчал тот. — Совсем даже не было заметно.

— Ремо, пойми же ты: Амма дала нам ограниченное время для исправления. Не можешь же ты ждать, что ее готовность простить сохранится навсегда.

Ремо ничего не ответил. Барр гнул свое.

— Если мы не вернемся вовремя, есть шанс, что она перестанет тревожиться о тебе и начнет злиться. Нам нужно ловить момент.

Фаун не утерпела и спросила:

— А разве она не будет тревожиться о вас обоих?

Барр посмотрел на нее так, словно не был уверен, следует ли ему разговаривать с крестьянкой; однако, не в силах упустить возможность поплакаться, проговорил:

— Поскольку она практически прямо велела мне вернуться с ним или не возвращаться вовсе, не думаю, что она тревожится и обо мне тоже.

— Барр, которым можно пожертвовать, — пробормотал Ремо.

Барр стиснул зубы, но удержался от резкого ответа; Ремо посмотрел на него с некоторым удивлением.

После минуты молчания, нарушаемой только жеванием и просьбами передать хлеб или масло, Ремо сказал:

— Если говорить о том, что тобой можно пожертвовать, то как получилось, что ты оказался на реке в бурю?

— Я на такое не рассчитывал, — ответил Барр. — Где-то поблизости есть лагерь у переправы, и я старался добраться туда до темноты. Чем сильнее лил дождь, тем более разумным это мне казалось — в такую бурю я уж точно не смог бы найти сухое местечко на берегу... Но до вас я добрался раньше, чем до них.

— Если ты имеешь в виду лагерь Лисий Ручей, — вмешался Даг, — ты на десять миль проплыл мимо.

— Как же это я его пропустил! — воскликнул Барр. — Я держал Дар широко открытым весь день — я ведь искал тебя, — повернулся он к Ремо. — Или твое тело.

— Вода такая холодная, что мое тело могло долго не всплыть, — равнодушно протянул Ремо.

Даг поднял брови, но сказал только:

— Лагерь Лисий Ручей лежит за грядой холмов. Они перегородили ручей и устроили там пруд. Наверное, у переправы, после того как стемнело, никого не было.

— Ох, дерьмо! — Барр на мгновение сник, но тут же приободрился. — Да так и лучше: если бы я остановился там, я не догнал бы вас по крайней мере до сегодняшнего дня, а это означало бы лишних пятьдесят миль вверх по течению на обратном пути. — Он снова повернулся к Ремо. — Это еще один довод в пользу того, чтобы тебе вернуться со мной вместе. Каждая миля вниз по течению означает дополнительный труд при подъеме.

— Это не моя проблема, — ответил Ремо.

— Зато моя! — рявкнул Барр, снова выходя из себя. — При таком течении лодка всего с одним гребцом даже с места не сдвинется! Нужно двое гребцов, а еще лучше четверо!

Проявляя свою обычную практическую сметку, а также желая предупредить резкий ответ, который явно просился на язык Ремо, Фаун предложила:

— Ты мог бы в следующем городке обменять лодку на коня и вернуться по суше.

— Что за глупая мысль! — возразил Барр. Не замечая, какое впечатление его грубость произвела на Фаун и Дага, он гнул свое: — За эту старую лодку я и одного хорошего коня не получу, не говоря уже о двух!

— Два тебе и не понадобятся, — сказал Ремо.

Вит, вспомнив о своей старой привычке подливать масла в огонь, вмешался в разговор:

— И кто сказал, что конь обязательно должен быть хороший?

Барр стиснул зубы и кинул на него мрачный взгляд. Тут в спор вмешалась хозяйка Берри:

— Вот что я тебе скажу, Ремо. Ты нанялся ко мне гребцом, и, если покинешь судно сейчас, я останусь в этой глуши с неполной командой. Не то чтобы я такое предлагала, но если ты хочешь уйти, сделай это по крайней мере в деревне или городке, где можно найти тебе замену.

— Это только справедливо, — согласился Ремо, вызываясь взглянув на Барра. Тот сразу не нашелся, что ответить, хотя по его гримасе Фаун заключила, что он мысленно подсчитывает, сколько дополнительных миль придется грести против течения.

— Небо прояснилось, — сказал Бо. — Время трогаться в путь.

— Первая вахта — я, Ремо и Вит, — кивнула Берри. Это положило конец спору по крайней мере на два часа.

Сидевшие за завтраком разошлись, и Ремо с Барром отправились вычерпывать воду из лодки Барра. Потом они подняли ее и привязали на задней палубе, где, как нашла Фаун, она должна была всем мешать. Хог и Готорн занялись своими обычными делами, Даг отправился на берег, чтобы забрать Копперхеда, который с рассвета жалобно ржал из-за лишившихся листы мокрых деревьев; ему столь же жалобно отвечала коза Дейзи. Конь, казалось, обрадовался возвращению на баржу и даже ткнулся носом в нос Дейзи; как ни странно, животные успели подружиться. Канаты были отвязаны, гребцы заняли свои места, и «Надежда» отошла от грязного берега, медленно разворачиваясь по течению. Река этим утром выглядела устрашающе: темная вода неслась между берегами, ледяной ветер разогнал остатки тумана. Фаун решила заняться шитьем непромокаемых накидок и со своей рабочей корзиной расположилась в каюте, радуясь тому, что нашла себе занятие под крышей.

* * *

Фаун разложила ткань на столе у окна, где было светлее, и трудолюбиво сшивала отдельные части, когда в кухню вошел Барр, настороженно глянул на нее и принялся приводить в порядок свои высохшие вещи. Дозорных, несомненно, учили быть аккуратными в дороге, подумала Фаун. Она кивнула Барру — на случай, если он хочет поговорить, но не решается. Впрочем, в таком поощрении нуждался скорее стеснительный Ремо; Барр, похоже, не испытывал в прошлом трудностей при общении с крестьянскими девушками. Только это, кажется, не распространялось на крестьянку, каким-то непонятным образом оказавшуюся женой Стража Озера: когда Барр наконец открыл рот, высказался он не слишком любезно.

— Здорово ты прилипла к Дагу. — Он уселся перед очагом и стал смазывать свой лук, перекрыв при этом поток теплого воздуха... впрочем, решила Фаун, может быть, он все еще не согрелся после вчерашнего.

Вместо ответа Фаун подняла левую руку и показала ему обвивающую ее свадебную тесьму.

— Что тебе говорит твой Дар?

Барр изумленно сморщил нос, но отрицать ничего не стал.

— Представить себе не могу, как вам это удалось.

— Мы вместе ее сплели. Как напарники, можно сказать. Я заставила свой Дар вместе с

моей кровью войти в тесьму, которую плел Даг. Брат Дага Дор сказал, что подобным образом изготавливают разделяющие ножи. Так или иначе, у нас получилось.

Барр заморгал.

— Саун говорил, что вы двое прыгнули с утеса в Глассфордже. Его это очень удивило: он не думал, что Даг такой — еще упрямее, чем Ремо... только никто никогда... Стражи Озера обычно не женятся на крестьянках, знаешь ли.

Парень, пожалуй, пытался даже быть вежливым: точнее было бы сказать не «обычно не женятся», а «никогда не женятся».

— Даг — необычный человек.

— Ты хоть представляешь, сколько ему лет? Для фермеров, я знаю, он кажется сорокалетним, но точно могу тебе сказать: он много старше.

«К чему это ты ведешь?»

— Вчера ему исполнилось пятьдесят шесть. У нас по этому случаю была замечательная вечеринка. Как раз остатки угощения ты вчера и ел.

— Ох... — Барр смотрел на Фаун со все большим изумлением. — Ты что, не понимаешь, что он наверняка тебя околдовал?

— А ты что, не понимаешь, как оскорбительны твои слова?

Судя по тому, как растерянно Барр покачал головой, это был не тот ответ, которого он ожидал. Фаун откусила нитку, завязала узелок и вдела в иглу новую.

— Даг ничуть меня не околдовал. Они с Ремо занялись изучением того, как возникает околдовывание при воздействии Дара, и выяснили кое-что просто ужасное. Тебе следовало бы попросить Дага обучить тебя. — Барр не выглядел многообещающим учеником, ну да Дагу наверняка попадались и похуже. Чтобы замысел Дага заработал, нужно было, чтобы обо всем узнали обычные люди, и Стражи Озера, и фермеры, и не только немногочисленные избранные.

Однако Барра занимали другие проблемы. «Значит, не она, — пробормотал он себе под нос. — Остается только блондинка». Вслух он сказал:

— Ремо втюрился в эту девицу Берри, да? Вот почему он не хочет возвращаться... идет по стопам Дага, наверное. Отсутствующие боги, уж не задумал ли он на ней жениться?

Раздражение Фаун росло; чтобы сдержаться, она не поднимала глаз от своей работы.

— Берри помолвлена с фермером по имени Элдер, который пропал во время плавания вниз по реке прошлой осенью вместе с отцом и братом Берри. Она отправилась на поиски — поэтому и назвала свою баржу «Надежда». Она ведет себя спокойно, потому что такой она человек и потому что поиски — дело долгое, но в душе она тревожится и печалится. Попробуешь хоть чем-то досадить Берри — станешь очень непопулярен среди команды «Надежды». — Удалось ли ей пробиться сквозь самоуверенность Барра? Что ж, если нет, найдется кое-кто, у кого молоток побольше. Недаром Даг дважды бывал командиром большого отряда. Фаун не думала, что молодой дозорный вроде Барра окажет ему непреодолимое сопротивление.

Барр, опустив голову, принялся укладывать свой мешок.

Фаун посмотрела на его рыжеватые волосы, завязанные в пышный хвост, проткнула иглой толстую ткань, не прибегая к наперстку, и резко бросила:

— Ха! Я вспомнила, кого ты мне напоминаешь, — Санни Сомена.

Барр оглянулся через плечо.

— Кто это?

Фаун мрачно усмехнулась.

— Крестьянский парень, которого я когда-то знала, — такой же светловолосый и широкоплечий, как ты.

Выпрямившись, Барр неуверенно улыбнулся. Интересно, подумала Фаун, почему улыбка не так меняет его лицо, как лицо Дага или Ремо? Может быть, потому, что не такая искренняя?

— Красавчик он был, верно? — сказал Барр.

— О да. — Барр расцвел еще больше, но тут Фаун продолжила: — Такой же эгоистичный, грубиян и врун. Может, и несправедливо было бы назвать его трусом, поскольку при таких мускулах ему мало что угрожало, но уж спрятаться от последствий своих поступков, когда дело оборачивалось плохо, он любил. — Фаун оглядела Барра с ног до головы, задумчиво надула губы и более добрым голосом закончила: — Наверное, дело в цвете твоих волос; вот и получается, что я переносу на тебя его черты. Я постараюсь не позволить сходству настраивать меня против тебя — это было бы чересчур.

Барр прочистил горло, открыл рот, но предусмотрительно закрыл его опять и вышел из кухни — можно сказать, сбежал — под тем предлогом, что нужно проверить, хорошо ли привязана его лодка. Фаун с удовлетворением воткнула иголку в плотную ткань.

* * *

За обедом Ремо совсем перестал отвечать на уговоры Барра, оставив того в растерянности. Фаун догадливо последовала примеру Ремо, а Вит присоединился к ним. Хог и Готорн вообще не разговаривали с молодым дозорным — Хог потому, что боялся его, а Готорн, которому нравился Ремо, потому что не хотел его отъезда и видел в Барре надоедливую чужаку. Бо был смущен, Берри недовольна, а Даг... ну, про Дага всегда было трудно сказать, о чем он думает. Во всяком случае, простыми его мысли не были.

Только к концу дня и проделав вниз по течению еще сорок миль, они добрались наконец до деревни достаточно большой, чтобы иметь пристань и склад товаров. После того как «Надежда» была привязана, почти все отправились на склад — хотя бы просто для того, чтобы размять ноги и пообщаться с новыми людьми.

Приказчик на складе, увидев троих высоких Стражей Озера, нырнул под прилавок и извлек оттуда железный шлем, изготовленный из старой кастрюли, у которой была вырезана одна сторона; только надев его на голову и затянув ремешок, идущий от ручки, под подбородком, он приготовился обсуждать сделку с посетителями. Ремо хихикнул, глаза Барра полезли на лоб, а Даг устало потер переносицу.

Берри закусила губу, но, не желая терять светлое время дня, быстро задала свои вопросы, никак не комментируя необычный головной убор. К сожалению, приказчик не знал ни одного местного жителя, который хотел бы наняться в гребцы; не помнил он и того, останавливалась ли в деревне прошлой осенью баржа под названием «Шиповник», хотя и вспомнил пару судов из списка Камнереза. Фаун сделала несколько мелких покупок, чтобы пополнить запасы «Надежды», а Вит продал ящик оконного стекла.

Когда дела были закончены и все повернулись к выходу, Барр неожиданно спросил приказчика, показав на его шлем:

— Откуда ты почерпнул такую идею?

Приказчик улыбнулся с победным видом.

— Интересно тебе, да, Страж Озера?

— Он же ничего на самом деле не дает. Мы разыграли некоторых речников, когда они застряли у Жемчужной Излучины несколько недель назад. Они купились, а мы повеселились.

Те самые речники, поняла Фаун, которые опередили «Надежду». Она закрыла рот рукой и стала ждать продолжения.

— Ага, я так и знал, что ты попробуешь заставить меня снять шлем. Не так ли, молодой человек? — с еще большим удовлетворением ответил приказчик. — Смейся на здоровье. Посмотрим, кто посмеется последним.

— Да я же не пытался ничего у тебя купить или продать!

— Ну да, — кивнул приказчик, — у тебя ничего и не получилось бы.

Барр растерянно развел руками.

— Послушай, я точно знаю, что это была шутка: я сам все выдумал!

Приказчик откинулся на стуле, проницательно прищурился.

— Ну как же, что еще ты можешь сказать!

— Нет, правда! Это же глупость! Такая штука не мешает Дару. Это был розыгрыш! Я сам придумал...

Берри многозначительно посмотрела на Дага, и тот положил руку Барру на плечо.

— Пошли, Барр, и перестань спорить. Хозяйка Берри собирается отчаливать.

— Но это... но он...

Ремо помог вытащить своего напарника за дверь. Барр уперся на грязном склоне и попытался повернуть обратно.

— Это была шутка. Я придумал...

Даг вздохнул.

— Если ты хочешь остаться здесь и продолжать спорить с тем парнем, мы, конечно, можем сгрузить твоё имущество и лодку. Что касается меня, могу предсказать: горшки будут носить на головах по берегам Грейс и Серой реки еще лет сто, так что нужно к этому привыкать. Такое будет длиться до тех пор, пока люди будут бояться Стражей Озера или оставаться в неведении насчет нашего Дара. — Даг помолчал, задумчиво глядя на мокрую, унылую долину. — Впрочем, если от этого люди чувствуют себя в безопасности, может, оно и на пользу... нет, все-таки нет. — Он покачал головой и двинулся дальше.

— Это не моя вина, — жалобно сказал Барр, следуя за Дагом, но все еще оборачиваясь на склад.

— Твоя, твоя, — раздраженно бросил Ремо одновременно с Фаун, которая пробормотала: «А чья же еще?», и Дагом, рассудительно протянувшим: «Конечно, твоя. Может, намерения у тебя и не было, но последствия на твоей совести. Живи и учись, дозорный».

Барр раздраженно сжал губы, но наконец заткнулся. Фаун, правда, услышала, как он бормочет себе под нос, поднимаясь на палубу: «Я же все выдумал...»

* * *

На следующее утро за завтраком кампания Барра против Ремо была временно прекращена, когда вся команда «Надежды» единодушно предложила ему уняться или подготовиться к заплыву. Полностью это проблему не разрешило, поскольку Барр теперь принялся смотреть на Ремо: то умоляюще, то сердито, то многозначительно. Ремо стиснул зубы и попытался не обращать на Барра внимания. Фаун понятия не имела, что эта парочка делала со своим Даром, но ничуть не удивилась бы, если бы Ремо пожаловался, как случалось с ее братьями, когда изнемогающие родители прибегали к угрозе поркой, если не воцарится тишина:

«Хозяйка! Даг! Он смотрит на меня! Заставьте его перестать!»

Барр следил, как за окном проплывает берег, и таращился еще выразительнее.

Сама Фаун предпочла заняться шитьем, вязанием и готовкой, не отходя от очага. Ее месячные начались накануне, и она позволила себе надеяться, что новый метод Дага помогает ее исцелению, потому что на этот раз боль была просто неприятной, а не лишаящей всех сил. Часы текли, и Фаун начали занимать новые надежды. Даг прибегал ко всяким уловкам, чтобы не зачать ребенка, пока ее матка полностью не заживет, но как было бы прекрасно отказаться от этих уловок... Теперь, решила Фаун, дело было не во времени, а в месте.

Она представляла себе будущее во всех деталях, втыкая иглу в жесткую ткань и иногда — в собственные пальцы; нет, все-таки заниматься готовкой предпочтительнее, чем шить... Новое жилище Блуфилдов должно располагаться неподалеку от достаточно большого города, чтобы Даг мог иметь постоянную практику как целитель, но не настолько близко, чтобы утомлять его. Требовалось также озеро или по крайней мере большой пруд, чтобы можно было выращивать в нем те лилии Стражей Озера, у которых съедобные корни. Еще нужен огород и выгон для Грейс с ее жеребенком и Копперхеда. Фаун потратила много

времени на разработку плана огорода и решение, каких еще животных завести. Если им не придется следовать обычаям Стражей Озера и переселяться каждый сезон, они смогут обзавестись домом с четырьмя стенами... и с железной печкой вроде той, что она видела в Серебряных Перекатах.

Фаун перебирала все имена, которые ей когда-нибудь нравились, и не только детские имена: дети вырастают, и то, что кажется очень милым в детстве, может звучать просто глупо, когда дело касается взрослой женщины или бабушки. Вот, к примеру, Фаун... О чем только папа с мамой думали? У них с Дагом будет больше чем одна дочь, это уж точно... Даг наверняка этого захочет. Следует ли им устроиться поблизости и от какого-нибудь лагеря Стражей Озера? Захотят ли соплеменники Дага, чтобы он жил рядом с ними? И что, если у этих детей с достойными именами окажется сильный Дар?

Фаун как раз обдумывала, какое имя подойдет жеребенку Грейс, когда ее мечтания прервал далекий крик с реки. Бо, который дремал на своей койке, пока не пришла его очередь вставать к рулю, перекатился на бок, приоткрыл один глаз, прислушался, потом снова улегся на спину. Фаун отложила шитье и выглянула на холодную переднюю палубу, чтобы узнать, что случилось.

Их быстро нагонял парусник. На длинном прямом участке реки ветер, дувший с верховий, нес поставившее все паруса судно быстрее, чем даже сильное течение — баржу. На борту парусника витиеватыми буквами было написано название: «Сталь Трипойнта»; все буквы «т» имели форму мечей. Когда расстояние между двумя судами уменьшилось, капитан Камнерез и хозяйка Берри стали перекрикиваться, обмениваясь новостями над быстро бегущей водой.

Берри сообщила названия судов, которые накануне узнала от одетого в шлем приказчика на складе. Камнерез упомянул человека, приятель которого видел «Шиповник» в городе, до которого оставалось еще сорок миль вниз по течению; это заставило Берри прищуриться и кивнуть с особой благодарностью — теперь можно было не останавливаться до того города. Берри пожелала Камнерезу удачи, а тот крикнул, когда расстояние между судами уже увеличилось:

— Вы, девушки, будьте осторожны!

— Не все мы девушки, — услышала Фаун ворчание Вита. — Команда «Надежды» может присмотреть за своими девушками, черт возьми.

Даг, вышедший следом за Фаун, обнял жену, внимательно слушая все, что мог сообщить Камнерез; Барр у перил с любопытством разглядывал парусник. Фаун объяснила ему, что Камнерез отправился на поиски пропавших судов.

— Своего рода речной дозор. Они ожидают неприятностей и вооружились соответственно.

Барр только покачал головой.

* * *

В этот день Барр метался по «Надежде» так же неугомонно, как клоп в постели давно не видевшихся супругов, ругаясь вслед каждой миле, которую проходила баржа. Фаун могла поспорить, что теперь у него возникали планы похищения Ремо, но как осуществить это на полном народе судне и скрыть свои намерения от Дара присутствующих на борту Стражей Озера, придумать он не мог. Когда Фаун возвращалась с задней палубы после последнего визита туда, его открытые глаза все еще блестели в тусклом свете фонаря.

На следующее утро, когда Фаун вышла из своего закутка, чтобы начать готовить завтрак, Барр был уже на ногах и одет — раньше всех остальных. Пока Фаун размышляла, как сделать так, чтобы ограниченного запаса бекона и яиц хватило на неограниченное количество картошки, занавески, закрывавшие койку Берри, зашевелились, и оттуда появилась сама девушка в своей обычной дорожной одежде — рубашке, жилете и кожаной юбке — и сунула ноги в сапоги. Когда она вернулась с задней палубы после утреннего

умывания, у люка ее ждал Барр.

— Хозяйка Берри, — понизив голос, обратился к ней молодой дозорный, — могу я поговорить с тобой наедине? — Он махнул рукой в сторону передней палубы.

Берри уперла руку в бок и недружелюбно посмотрела на него.

— В результате ты покинешь мое судно?

— Может быть.

На лице Берри было написано сомнение, но она повела Барра мимо груды товаров, завязывая по дороге волосы в хвост.

Вит сел на своей койке и, моргая, посмотрел им вслед.

— В чем там дело?

— Барр захотел поговорить с Берри. Наедине.

Они пошли на переднюю палубу.

Вит нахмурился, поднялся и выглянул в окно.

— Нет, они отправились на берег и идут вверх по течению. Он вроде положил руку... — Хмурое выражение лица Вита сменилось злобной гримасой, и он подошел к койке Ремо и растолкал его. Тот сел, явно недовольный, но после тихого совещания оба парня натянули штаны и куртки и вышли наружу. Готорн и Хог, которых разбудил шум, с любопытством двинулись следом.

Даг вышел на кухню из их закутка между кипами товаров и сел к столу. Когда Фаун налила ему кружку крепкого чая, он улыбнулся жене.

— Что это за шествие? — спросил он, кивнув на берег.

На своей койке зашевелился и застонал Бо, потом встал и потащился на заднюю палубу.

— Трудно сказать, — ответила Фаун, поднимаясь на цыпочки, чтобы выглянуть в окно. Голые деревья, клочья тумана, грязный берег — и никого на виду. Она вернулась к яйцам, луку, сыру и хлебу.

Фаун едва не порезалась, когда издалека внезапно донеслись крики. Даг выпрямился, повернулся к окну и нахмурился. Он напрягся, но на ноги не поднялся. Крика стали тише, потом начались снова, потом стихли совсем. Фаун определенно различила голос Вита и, кажется, голоса Барра и Ремо.

— Что за переполох? — спросил Бо, вернувшийся с задней палубы, наливая себе чаю.

Фаун опять поднялась на цыпочки, вглядываясь в туман.

— Они все возвращаются. Ох... Барр держит одну руку у лица, а вторую Ремо заломил ему за спину. У Вита в руках палка, он размахивает ею и что-то говорит. Берри... Берри, похоже, в ярости. Хог, как всегда, тащится сзади, а Готорн бежит впереди.

Даг потер лоб и сделал глубокий вдох, словно к чему-то готовясь. Фаун порадовалась, что он не вскочил на ноги, но напряжение в каюте чувствовалось отчетливо. По сходням протопали ноги Готорна; насколько он взволнован, стало ясно еще до того, как он ворвался в каюту с криком:

— Даг! Барр пытался заколдовать Берри, и Вит с Ремо клянутся, что убьют его!

По сходням прошаркали новые шаги, баржа слегка накренилась, когда на палубу ступило сразу много ног, и компания ввалилась в каюту под звуки стольких сердитых голосов, что разобрать отдельные слова было невозможно, кроме отдельных выкриков «Ты пытался!», «Я ничего не сделал!» и многочисленных «Даг!», «Даг!», «Даг!».

Даг поморщился, сделал большой глоток чая, потом повернулся на стуле к толпе, заполнившей тесную кухню.

Левая щека Барра была багровой, глаз уже заплаыл; если и были какие-то другие повреждения, Фаун их не разглядела, но Вит и Ремо оба тяжело дышали, а Хог — подумать только! — потирал костяшки пальцев и чуть не плакал. Голос Барра на мгновение перекрыл шум:

— Ничего я не делал! Подумай сам! Разве в это время суток таким занимаются? Ах, да перестань, черт возьми! — Парень приподнялся на цыпочки, когда Ремо дернул его

заломленную назад руку.

Даг заговорил, как заметила Фаун, самым низким голосом; его рык сразу стал слышен.

— Говорите по одному, пожалуйста! Хозяйка Берри?

Шум стих, Вит и Хог пихнули друг друга локтями, призывая к вниманию, и даже Готорн прекратил взволнованно вопить. Берри вышла вперед, мрачная и рассерженная.

— Этот твой дозорный, — она ткнула дрожащим пальцем в Барра, — пытался что-то сделать с моей головой. Какое-то колдовство!

— Ага, и мы знаем, чего он хотел, верно? — Ремо опять дернул руку Барра.

— У-у... Да нет же, черт возьми!

— Даг, — смущенно проговорила Фаун из безопасной позиции за плечом мужа, — ты можешь определить, кто говорит правду?

Даг оглянулся на нее, надул губы, склонил голову и откашлялся.

— Хозяйка Берри, можно, я коснусь твоей головы?

Берри заколебалась, потом посмотрела на Фаун. Та быстро закивала. Берри пожала плечами и сделала шаг вперед. Даг слегка повернулся и обвил рукой жену — не для ее или своего спокойствия, как поняла Фаун, а ради Берри. Очень осторожно он коснулся своим крюком лба Берри; должно быть, при этом он сделал что-то своей призрачной рукой, потому что Барр разинул рот и даже Ремо широко раскрыл глаза.

— Я-то думал, он простой дозорный! — шепотом обратился Барр к своему напарнику.

— Ты думал неправильно, — прорычал тот.

— Что ж, — огорченно вздохнул Даг, — имеет место новое подкрепление Дара. Его попытались превратить в принуждение, но попытка была неумелая, так что я не могу с уверенностью сказать, чем бы все кончилось, если бы дело было завершено.

— Можешь ты меня от него избавить? — нервно спросила Берри.

— Я могу устранить околдовывание и придать подкреплению обычное целительное направление. Твой собственный Дар поглотит его за пару дней. Никакого другого эффекта не будет, ты не станешь страдать от головной боли. Ты хочешь, чтобы я сейчас все проделал? — Голос Дага, заметила Фаун, стал очень мягким.

— Да! — ответила Берри. — Не желаю, чтобы кто-то вкладывал мне в голову вещи, о которых я ничего не знаю.

Отсутствующее выражение в глазах Дага промелькнуло и исчезло.

— Ну вот, — сказал он, опуская левую руку. — Сделано.

Берри потеряла лоб.

— Придется поверить тебе на слово.

— Боюсь, что так.

— Я не... — начал Барр.

— Что «не»? — спросил Даг.

В тоне Дага проскользнул легкий намек на удивление, но взгляд, которым сопровождался вопрос, поразил Фаун: никогда еще не видела она на лице мужа такого полного отсутствия юмора.

Барр сморщился.

— Не пытался я ее соблазнить, — прошептал молодой дозорный.

— Что же ты тогда пытался сделать? — спросил Даг все таким же обманчиво ровным голосом.

Барр стиснул зубы.

— Я знаю, где хранится веревка, — мрачно сказал Вит. — Мы могли бы его повесить — деревьев в лесу хватает.

— Не стану тебе мешать, — проворчал Ремо.

Барр поморщился.

Берри неуверенно потеряла виски.

— Похоже, я не пострадала — благодаря вам, парни, — добавила она немного ворчливо, кивнув своей команде. Все молодые люди расправили плечи. — Повесить — это,

пожалуй, чересчур.

— Чересчур хорошо для него? — поинтересовался Вит. Тут свое предложение внес Хог:

— Сестра однажды заставила меня утопить котят, которых в амбаре родила бездомная кошка, — сунуть их в мешок и наложить туда камней. У нас есть мешки из-под фуража, а на берегу полно камней. Можно было бы воспользоваться.

Барр растерянно посмотрел на Хога.

— Даг? — хором спросили Вит, Ремо и Хог.

— Погодите-ка, каким это образом я стал судьей? — проговорил Даг. — Это баржа Берри. Она хозяйка, ей и решать.

— Ты лучше всех разбираешься в Стражах Озера, — сказала Берри. «И единственный, кому можно верить» — вслух она этого не произнесла, но слова, почувствовала Фаун, повисли в воздухе.

— Я не командир Барра, я даже не вхожу в отряд Жемчужной Излучины. На самом деле я Даг-без-лагеря. Если говорить о том, кто тут скорее всего мог бы рассматриваться как командир Барра, — это Ремо. — Даг кивнул в сторону темноволосого дозорного.

«Что ты задумал, Даг?» — гадала Фаун.

— Ремо, — отчаянно заговорил Барр, — Амма возложила на меня ответственность за тебя, а я ничего от тебя не могу добиться! Это несправедливо!

— Теперь ты знаешь, как я всегда к тебе относился. — Ремо втянул воздух, ноздри его затрепетали. — Это баржа Берри. Как бы она ни решила, я с ее решением соглашусь.

— Это было не то, о чем ты подумал...

Берри подошла к Барру и презрительно оглядела его с ног до головы.

— Ты самый бесполезный груз, какой мне только встречался. Ты не платишь, ты не работаешь. Не нужен ты на моем судне. Вон!

— Нет! — закричал Барр с неуместным вызовом. — Ты не вышвырнишь меня без моего напарника!

Брови Дага поползли вверх.

— Ты слышал, что сказала хозяйка баржи. Хог, Вит, спустите его лодку на воду. Фаун, Готорн, погрузите его вещи. Ремо... — Даг выпрямился в полный рост, когда Барр начал вырываться. — Я помогу тебе.

Команда «Надежды» принялась за дело. Фаун принесла спальный мешок, уже скатанный, лук и колчан и кинула их как попало в качающуюся на волнах лодку вслед за мешками, которые притащил Готорн.

Даг и Ремо вытащили брыкающегося Барра на палубу; впрочем, молодой дозорный перестал сопротивляться, почувствовав крюк около угла глаза.

— Не делай неожиданных движений, — посоветовал Даг. — Вот так-то лучше. А теперь у тебя есть выбор: ты можешь спуститься в свою лодку с палубы, а можешь влезть в нее из воды.

Этим утром вода была черной и мутной, и даже у берега быстрое течение закручивалось водоворотами. И вода выглядела такой холодной, что Фаун не удивилась бы, если бы заметила в ней льдинки; правда, для этого было еще рано.

— Я спущусь, — выдохнул Барр.

Стражи Озера выпустили его, и он перелез через поручни, каждым своим резким движением выражая беспомощный гнев. Узкая лодка только чуть качнулась, когда он спрыгнул в нее; восстановив равновесие, он опустил на банку. Ремо наклонился и резко оттолкнул лодку от баржи.

Барр оглянулся назад.

— Эй! — возмущенно закричал он. — Где мое весло? — В виде протеста он поднял пустые руки.

— Ой, пусть так и плывет! — радостно воскликнул Вит. — Доберется до устья реки, а потом обратно!

Берри, сжав губы, прошла туда, где у стены каюты лежали весла, потом вернулась к поручням и бросила весло далеко вперед; оно упало в воду в добрых тридцати футах от лодки Барра и тут же было подхвачено течением. Если бы Берри кинула весло на такое же расстояние вверх по течению, оно подплыло бы прямо в протянутую руку Барра.

— Вот тебе весло, дозорный! Гонись за ним! — крикнула Берри Барру.

— Здорово, — одобрил Вит, глядя вслед лодке горящими глазами.

Барр, ругаясь себе под нос — Фаун могла расслышать только многократно повторяемое «Проклятие!» — начал грести руками в попытке догнать весло.

— Кто наградил Барра подбитым глазом? — спросила Фаун, прислонившись к поручням рядом с Витом.

— Ремо. И я. И Хог, хотя он был слишком перепуган, чтобы ударить как следует.

— Ух ты, — выдохнула Фаун.

— Он получил то, что заслужил.

— Не спорю.

Густой туман скоро скрыл из вида лодку, хотя крики «Проклятие!» доносились еще некоторое время. Берри с удовлетворением прищурилась.

— Вот и прекрасно. Теперь на «Надежде» будет гораздо спокойнее. — Она отряхнула руки и позвала свою команду завтракать.

Фаун задержалась рядом с Дагом, который стоял, положив руку на поручень и смотрел в серую муть, но видел, как она заподозрила, много больше ее. Выражение его лица говорило не об удовлетворении, а о напряженном внимании.

— Ну вот, — наконец сказал он, выпрямляясь. — Догнал он свое весло.

— Больше он не будет досаждать? — с надеждой спросила Фаун.

Даг улыбнулся ей.

— Понимаешь, этот парень впервые оказался далеко от дома, и к тому же один. Он наверняка не сможет подняться вверх по течению. Ему ничего не остается, кроме как плыть вниз по реке — куда плывем и мы. Так что посмотрим.

Фаун с сомнением взглянула на мужа.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся?

— Не люблю терять дозорных.

— Ты удержал Ремо. Вот тебе один дозорный.

— Двоих дозорных я не люблю терять вдвое сильнее, чем одного.

— Что ж, надеюсь, ты с помощью Дара найдешь в Барре больше хорошего, чем я обычным зрением и слухом.

— Я тоже на это надеюсь, Искорка, — вздохнул Даг.

17

Хотя погода оставалась пасмурной и холодной, «Надежда» весь день быстро плыла вниз по течению. Окружающие реку холмы становились все ниже и ниже — признак того, как объяснила Фаун Берри, что они покинули округ Олеана и вступили в пределы более равнинного округа Рейнтри. Берега реки выглядели уныло, пропитанный влагой лес казался бурым или серым, и только иногда вокруг неприглядных деревушек желтели сжатые поля. Это была уже не осень... но еще и не зима.

Берри организовала вахты так, чтобы стоять у руля тогда, когда веслом орудовал Ремо; Фаун решила, что так она стремится заранее узнавать о мелях — она пользовалась подсказками Стража Озера, чего Бо предпочитал не делать. Впрочем, старик не пропускал мимо ушей краткие советы Дага. Фаун подумала о том, что Даг мог бы, в дополнение к профессии целителя, сделаться и лоцманом на реке. Когда Фаун принялась перебирать возможности, оказалось, что фермеры и Стражи Озера многое могли бы делать друг для друга, хотя Стражи Озера и презирали любые занятия, отвлекающие их от охоты на Злых. Однако должен был настать день, когда последнее зловерное привидение появилось бы и

было уничтожено. Чем займутся Стражи Озера, когда отпадет надобность в дозоре? «Не при моей жизни», — сказал когда-то Даг. Может быть, Стражи Озера предпочитали не задумываться о том, до чего никто из них не доживет...

В этот день Фаун раза два замечала впереди баржи лодочку Барра, а ночью на дальнем берегу горел костер; потом, правда, снова пошел дождь, и далекий огонь погас. На следующий день она увидела, что Барр отстал; его лодка казалась черточкой на серой воде. Потом фарватер повернул, и берег скрыл молодого дозорного и его суденышко.

— Разве легкая лодка не быстрее баржи? — спросила Фаун Дага, глядя из-под руки назад, когда они с мужем оба оказались на задней палубе. — Я думала, что Барр нас обгонит... или причалит где-нибудь и выменяет лошадь.

— Он полагает, что выслеживает нас, оставаясь вне поля зрения Дара. Так оно и было бы — если иметь в виду его самого и Ремо. Со мной дело обстоит иначе.

— Как ты думаешь, сколько времени он будет нас преследовать?

— Не особенно долго. Среди его вещей не было еды, и я не думаю, что охота в дождь и темень будет особенно успешной, да и готовить ему не на чем.

Фаун в спешке не заметила отсутствия припасов у Барра. «А вот Даг заметил». И ничего не сказал. Что он задумал?

— Сегодня ночью снова будет идти дождь, — продолжал Даг. — Очень удачно.

— Удачно для чего?

— Трезвых размышлений, Искорка. Считается, что поститься полезно для медитации на предмет своих грехов. — Даг кисло улыбнулся. — Барр в беде и знает это. Он впервые ощутил, что такое изгнание. Дар Стража Озера таков, что изгнание воспринимается как наказание, лишь немного менее тяжелое, чем смертный приговор. Если тетива его лука намочена так, как мне кажется, я дал бы ему времени самое большее до завтрашнего вечера.

— Для чего?

— Ну, это ему решать.

— Не знаю, Даг... Если бы я хотела достичь чего-то определенного, я не оставила бы это исключительно на усмотрение Барра.

— Я и не собираюсь, — обнадежил Фаун Даг.

На следующий день лодочка Барра уныло тащилась за «Надеждой» до полудня, а потом резко рванулась вперед, словно Барр неожиданно пришел к решению. Фаун подумала, не имел ли к этому отношения запах яблочного пирога: Даг попросил ее испечь пирог к обеду. Они вышли на заднюю палубу и, прислонившись к поручням, стали смотреть, как Барр подогнал свою лодку к тому борту, где греб Ремо. На вахте вместе с ним были Вит и Берри, и все они холодно посмотрели на Барра, когда тот окликнул людей на барже. Барр выглядел осунувшимся и бледным, в нем не осталось ничего от той самоуверенности, с какой он вел себя в первый раз.

Берри бросила на него неприязненный взгляд.

— Что ты здесь делаешь?

Барр вздернул подбородок.

— Это свободная река.

Берри пожала плечами; выражение ее лица не изменилось.

— Ремо, — жалобно проговорил Барр, обращаясь к своему бывшему напарнику, — что ты собираешься делать, когда доберешься до этого проклятого моря?

Ремо с силой налег на весло.

— Поверну назад. Или двинусь дальше. Зависит от того, каковы будут мои чувства.

Барр поморщился.

— Ладно. Возвращаться со мной ты не собираешься, это ясно. Я... э-э... соглашаюсь с твоим решением.

Ремо ничего не ответил.

Барр глубоко вздохнул, собираясь с силами.

— Можно мне отправиться с тобой?

Брови Ремо взлетели вверх.

— Что?

— К морю... можно мне отправиться с тобой к морю? — Барр умоляюще смотрел на Ремо.

Ремо ответил ему удивленным и неприязненным взглядом.

— Зачем ты мне нужен? Да и кому-нибудь другому тоже?

— Уж мне-то точно не нужен, — вмешалась Берри.

— Мэм, — склонил голову перед ней Барр, — я могу заплатить... по крайней мере за часть пути.

— Я не пушу тебя на свою баржу ни за какие деньги, — ответила Берри.

— Я мог бы работать — как Ремо.

— Ты? — фыркнула Берри. — Я до сих пор не видела, чтобы ты хоть что-то сделал.

— Тебе не нужно будет мне платить... Послушай, мне в самом деле очень жаль, понимаешь?

Губы Дага дрогнули; он сжал плечо Фаун, потом влез на крышу каюты. Наклонившись к Берри, он что-то прошептал ей на ухо. Сначала Берри нахмурилась от неожиданности, потом медленно и с уважением оглядела его с ног до головы.

— Ну, не знаю, дозорный... Пожалуй, попробовать ты можешь.

Даг кивнул и снова прыгнул на заднюю палубу.

— Барр, подведи-ка свою лодку поближе. Нам с тобой нужно обсудить некоторые вещи наедине.

Он поманил Барра к себе, и когда тот подогнал лодку вплотную к барже, прыгнул в нее. Усевшись лицом к Барру, Даг оттолкнул лодку прочь от «Надежды». Барр греб медленно, пока они не оказались там, где их никто не мог бы слышать, потом положил весло на колени. Только тогда Даг наклонился вперед и начал говорить.

Фаун вскарабкалась на крышу каюты и вместе с Ремо, Витом и Берри стала следить за лодочкой.

— Что затеял Даг? — спросил Вит, вытягивая шею.

— Ну, — ответила Берри, — он сказал, что хочет поговорить с парнем как дозорный с дозорным. А потом мы увидим, что получится.

Барр замахал руками; Даг выпрямился — вся его поза выражала скептицизм. Потом он наклонился вперед и заговорил снова, а Барр отшатнулся назад.

— По-моему, это больше похоже на то, как командир отряда отчитывает дозорного, — предположила Фаун.

— А разве он был... — начал Ремо. — Ах да, в Рейнтри. — Думаю, знаменитый Громовержец не поручил бы ему такого, если бы не думал, что он справится.

— Громовержец не просто думал, — сказала Фаун, — он знал. Даг уже был командиром большого отряда, когда нужно было помогать Лутлии.

— Лутлии! — повторил за ней Ремо. — Там нелегко живется. Я однажды встречал пару дозорных оттуда — они воспользовались нашей переправой. Я их испугался. — Ремо с новым уважением посмотрел на Дага.

Барр, возможно необдуманно, что-то возразил. Даг показал на свой крюк и заговорил более жестко.

— Ох, — вздохнула Фаун, — если уж Даг заговорил о Волчьем перевале, то парень в большей беде, чем сам догадывается.

— Волчий перевал? — переспросил Ремо. — Тот самый Волчий перевал? Даг был там?

— Это там он потерял руку, — сообщил Вит, для наглядности поднимая собственную левую руку. — Ее оторвал ему тот жуткий волк, которого сделал Злой, как он рассказывал. Он не особенно распространяется об этом, но прислал папе шкуру как один из свадебных подарков. Шкура огромная, как лошадиная. Близнецы уверяли, что это, должно быть, подделка, но мы с папой не согласились.

Ремо присвистнул.

— Там немногие выжили... Погоди, он был *командиром отряда* на Волчьем перевале?

— Ага, поэтому он и не любит говорить о тех днях, — сказала Фаун, — так что ты меня не выдавай. С тех пор он испытывает отвращение к командованию, хоть того Злого они и победили.

— Отсутствующие боги, — пробормотал Ремо. Он следил за двоими людьми в узкой лодочке. Даг все говорил, Барр отвечал ему все реже. К тому времени, когда рука Дага сжалась в грозный кулак — чтобы подчеркнуть сказанное, а не в качестве угрозы — Барр вдвое уменьшился в размерах. Он просто съёжился, но впечатление на зрителей это производило именно такое. Если бы Барр попятился еще дальше, он рисковал свалиться с лодки.

Губы парня перестали шевелиться — теперь он только кивал или изредка мотал головой. Наконец Даг откинулся на сиденье, Барр расправил плечи, взялся за весло и начал грести в сторону «Надежды». Когда они снова подошли к борту, Даг сидел, положив руку на колено, и ждал. Барр поднял глаза и прочистил горло.

— Мисс Клиркрик... то есть хозяйка Берри! — поправился он, увидев, как нахмурилась девушка. — Первым делом хочу попросить прощения за то, что я пытался сделать тем утром. Я пытался... понимаешь, я пытался воздействовать на твой Дар так, чтобы ты разозлилась на Ремо, и ему пришлось бы отправиться со мной. Это было неправильно. К тому же я оказался недостаточно силен... — Заметив поднятые брови Дага, он поспешно закончил: — Я был просто неправ, вот и все.

Молодой дозорный сделал глубокий вдох и продолжал:

— И у тебя, Ремо, я тоже прошу прощения. Во-первых, за то, что я пытался сделать с хозяйкой Берри — это было так же скверно в отношении тебя, как и в отношении ее, — а также за то, что связался с той девицей из Жемчужной Излучины, хоть ты меня и отговаривал, и за то, что ты из-за меня сломал нож, завещанный твоей бабушкой... и за глупую шутку насчет железных горшков, за которую, похоже, мне предстоит извиняться до седых волос. Это, правда, похоже, случится через неделю, но все равно. Мне действительно очень жаль. — Барр посмотрел на Ремо. Парень, решила Фаун, вот-вот расплатится.

«О боги, Даг, уж когда ты берешься за дело, мало не покажется. Ну да я знала...»

Ремо разинул рот.

— Ох... — только и смог он сказать.

— И я прошу прощения у всех на «Надежде», — мужественно продолжал Барр, — за то, что был для вас истинным наказанием в последние дни.

Глубокий голос Дага прервал покаянные слова Ремо.

— Хочу сделать предложение. Я поручусь за Барра, хозяйка Берри, если ты позволишь ему вернуться на баржу и отработать плату за проезд. Взамен ты, Барр, должен подчиняться мне, как командиру отряда. Если ты согласен, можешь подняться на борт. Если нет, ты сам за себя отвечаешь.

Барр окинул взглядом широкое, унылое пустое русло реки, сглотнул и пробормотал:

— Я согласен, сэр. — Подняв глаза, он добавил: — Я согласен, мэм.

Берри перегнулась через поручни, скептически выпятив губы.

— Не забудь, дозорный, что ты тут только благодаря Дагу. Он заслужил мое уважение, а ты — нет, так что ты пользуешься его кредитом. Не знаю, как ты собираешься уплатить свой долг, — это решать вам с ним. Но я не обязана ничего тебе спускать, и если ты дашь мне хоть малейшее основание для неудовольствия, терпеть я не стану. Понятно?

— Да, мэм.

Берри посмотрела на Дага, и тот кивнул.

— Ну, тогда ладно. Можешь подняться на борт.

Даг перелез через поручни, и Барр снова передал на палубу свои вещи; они с Ремо подняли лодку на заднюю палубу и привязали ее. За обедом, который наступил скоро, Барр вел себя неуверенно, хотя вычистил свою миску до блеска. Это облегчило ему труды,

поскольку первым поручением, которое дала ему Берри, оказалось мытье посуды. Он беспрекословно взялся за дело под руководством Хога. Так же без возражений Барр в первый раз вышел на вахту с Дагом и Бо. За ужином он несколько меньше походил на привидение и даже три или четыре раза вступил в разговор, не считая просьб передать соль или хлеб.

Свернувшись клубочком вечером под боком у Дага, Фаун прошептала:

— Что же ты сказал Барру сегодня в лодке? Я видела лягушек на дороге, которых переехало колесо повозки, — они и то не были такими раздавленными.

— Ну, думаю, будет лучше, если это останется между нами, Искорка. Только ты не тревожься. Барр выносливый. Понимаешь, нужно различать: выговор, после которого Ремо бросился бы на нож, едва взлохматит Барру волосы.

— А ты... ты не применил к нему *принуждение*?

— Этого не потребовалось. Он был готов. Мне вспомнилось, как приходилось объезжать мула в Рейнтри. Сначала нужно изо всех сил огреть его палкой между ушей. Это привлечет его внимание. Потом можно начинать объездку.

— Такой прием действует и на дозорных, не только на мулов?

— На тех дозорных, которые похожи на мулов. Нужно отдать Барру должное: он проплыл двести или триста миль за своим напарником, несмотря ни на что. У этого парня в голове много неправильных идей, но обвинить его в том, что он легко сдается, нельзя.

— А как ты научился управляться с похожими на мулов дозорными?

Губы Дага, касавшиеся в темноте лба Фаун, дрогнули.

— Когда я был молодым, я присматривался к своим командирам. Очень внимательно присматривался.

— Как это — лицом к лицу?

— Ага.

Фаун улыбнулась, и Даг представил себе ямочки у нее на щеках.

— Человек-мул. И почему я не удивлена? Хотя я скорее предположила бы, что ты был похож на молодого Ремо.

— У Ремо и Барра у обоих имеются черты, которые напоминают мне меня молодого. Глядя на них, я еще больше уважаю моих прежних учителей-командиров, должен сказать.

* * *

На следующий день Барр показал себя весьма полезным членом команды, насколько Фаун могла судить. Сила его мускулов и Дар оказались очень кстати; еще один гребец позволил остальным больше отдыхать между вахтами — за единственным исключением: обязанности поварихи остались теми же. Только Хог был недоволен тем, что теперь реже сидел на веслах, но и то утешился, когда Даг в очередь с ним назначил Барра посудомойкой. Добрые отношения на «Надежде» после неприятностей, вызванных Барром, начали медленно восстанавливаться.

Берри сделала остановку в довольно большом прибрежном городе, слишком короткую, чтобы Бо успел найти таверну и напиться, но достаточную, чтобы узнать: прошлой осенью здесь видели ее отца. Эта новость заставила хозяйку баржи задумчиво нахмуриться и начать считать мили, остающиеся до слияния Грейс с Серой рекой. «Надежда» проделала уже больше двух третей пути от Трипойнта до Конфлуенса. Возможности найти пропавших, конечно, еще не были исчерпаны, но по мере того как расстояние до устья уменьшалось, напряжение Берри, на взгляд Фаун, росло.

Даг попросил Берри сделать короткую остановку в еще одном лагере Стражей Озера; Ремо оставался на борту и Барр вместе с ним. Даг быстро вернулся, качая головой.

— Все эти прибрежные лагеря слишком малы. Наверное, мне лучше дожидаться Конфлуенса: там самый большой в здешних местах лагерь. Там и шанс будет больше.

Фаун сочла Грейс большой рекой в Жемчужной Излучине, но теперь она начала понимать, что была наивна. Ниже по течению река стала гораздо шире, и не только из-за

дождей и подъема воды. Она также стала более извилистой; повороты русла заставляли их проделывать многие мили, почти не продвигаясь при этом на запад. Фаун совсем утратила чувство направления, тем более что небо было постоянно затянуто тучами. Однако на следующий день солнце пробилось, а холодный ветер стих, и Фаун влезла на крышу каюты и стала, сидя у ног Берри, смотреть на проплывающие мимо берега. Солнечные лучи сделали краски более насыщенными, а вода засияла, как темный металл.

Когда солнце стало клониться к закату, русло реки сделало крутой поворот, за которым показался знакомый парусник, вытасченный на берег, и костры, вокруг которых расположилась на отдых команда. Когда речники увидели «Надежду», некоторые из них поднялись и стали махать руками, а капитан Вейн с кормы «Кусачей черепахи» закричал, сложив руки рупором:

— Эй, хозяйка Берри! Как ты помотришь на жареную баранину на ужин в обмен на мелодию или две?

Берри усмехнулась и повернулась к Фаун.

— Что скажешь? Не хочет ли наша кухарка отдохнуть?

Фаун с сомнением посмотрела на буйных матросов, своими воплями поддерживавших приглашение капитана.

— Не знаю... Это безопасно? — Раньше Берри всегда плавала с отцом и старшим братом, которые за ней присматривали.

— Вполне. Вейн покричать любит, но держится в рамках. Если подвернется случай, он, конечно, им воспользуется, но я не думаю, что он станет приставать к тебе: у тебя же есть Даг.

Вот именно: Даг. И еще Вит, Ремо, Хог, Бо и, пожалуй, Барр; ну и для ровного счета Готорн. Фаун решила быть такой же смелой, как Берри.

— Ладно.

Берри помахала Вейну.

— Будет вам скрипка, парни! — Берри налегла на рулевое весло, подводя «Надежду» к берегу чуть выше «Кусачей черепахи». Матросы подбежали, чтобы помочь со швартовкой.

— Как, Стражей Озера стало еще больше? — воскликнул капитан Вейн, когда команда «Надежды» в полном составе подошла к костру. — Берри, ты что, коллекционируешь их?

— В определенном смысле, — ответила Берри, взмахнув сумкой со скрипкой. — Это Ремо и Барр. Дага ты знаешь.

Вейн почтительно коснулся шляпы, приветствуя Дага, и тут же попросил его посмотреть одного из матросов, повредившего ногу. Даг кивнул. Никто не вспоминал о сидевшей на мели барже; возможно, Вейн пытался загладить свою вину, а Берри вполне была готова это ему позволить.

— Что это ты, Вейн, опять ворует овец? — спросил Бо, показав на костер, на котором двое речников на самодельном вертеле жарили аппетитно зарумянившуюся тушу. Капающий жир заставлял огонь вспыхивать оранжевыми языками и наполнял холодный воздух соблазнительным ароматом. Рот Фаун наполнился слюной, а Вит облизнул губы.

Вейн засунул пальцы за подтяжки и выпятил грудь.

— Если хочешь знать, здешний фермер *дал* нам этих овец. — Он показал не только на жарящуюся овцу, но и трех живых, привязанных к деревьям поблизости.

Его широкоплечий помощник добавил:

— Ага, он велел нам взять их в подарок и так жалобно просил, что мы в конце концов согласились.

— В это я просто не верю, — сказала Берри.

— Лопни мои глаза! — возмущенно завопил Вейн, потом лукаво улыбнулся. — Понимаешь, мы проплывали мимо пастбища выше по реке, и ребята начали вздыхать о свежей баранинке на ужин, да только думали, что фермер заломит за овец несусветную цену. Я сказал — нет! Воровать овец я не позволю, речник должен быть выше этого, но только спорю на бочонок пива, что добуду их бесплатно. Садлер сказал, что ничего у меня не

выйдет, ну а это было как красная тряпка для быка — вы же меня знаете.

Берри кивнула, хотя ее светлые брови скептически поползли вверх; это только раззадорило Вейна.

— Так что мы привязали «Черепашу», а я с парой парней подкрался к овцам — дело, скажу я вам, было нелегкое, уж очень скользкая там была грязь, — и влили по доброй порции греймаутского перечного соуса в рты шести самым медленно убежавшим.

— Или самым ручным, — пробормотала Фаун, которой очень не понравилось, к чему шел рассказ. Она отошла поближе к Дагу.

— Видели бы вы, как эти овцы забегали — головами трясли, пена изо рта так и била!

Помощник Вейна Садлер, заходясь от смеха, подхватил:

— Потом капитан Вейн, понимаете ли, идет к амбару, зовет фермера и говорит ему, что с его овцами что-то неладно: похоже, они подцепили ящур, жутко заразную болезнь. Фермер буквально затрясся, когда Вейн рассказал ему, как ниже по течению целое стадо околело от этой напасти за неделю. Тут фермер спрашивает: что делать-то? А Вейн и отвечает: лечения никакого нет, остается только побыстрее прирезать больных животных и туши залить известью где-нибудь подальше от остальных. Бедняга чуть не плакал, так что когда Вейн предложил увезти овец и уничтожить их, фермер был ужасно благодарен. Вот мы и забрали овец — вон они!

— А ты должен мне бочонок пива, — весело хлопнул помощника по спине Вейн.

— Так и есть, — согласился Садлер. — Только оно того стоило: уж очень потешно благодарил нас фермер, когда мы избавили его от больных овец. И признайте, Вейн фермера не обманул: эти овцы и дня не прожили!

Матросы хохотали, и даже Ремо с Барром улыбнулись. После того как рассказ закончился, все занялись приготовлениями к ужину; с парусника принесли бочонок с пивом и установили на пне. Даг отправился осматривать матроса, повредившего ногу, а Фаун, поймав взгляд Вита, так на него посмотрела, что усмешка мигом слетела с его лица.

— Что случилось? — шепотом спросил Вит сестру.

— Это могли быть папины овцы, — прошипела она в ответ.

Вит нахмурился.

— Не думаю, что папа поверил бы сказочке про ящур, Фаун. Он же хорошо знает своих овец.

— Не в этом дело. Тот фермер мог быть не таким сообразительным, как папа, но могу поспорить: вкалывает он не меньше. На мой взгляд, жульничество ничем не лучше воровства. И это было жестоко по отношению к фермеру.

Ветер пахнул на них дымом, и Вит с предвкушением принялся.

— Что ж, теперь этих овец уже не спасешь, Фаун. Лучшее, что теперь можно сделать, — это позаботиться о том, чтобы они умерли не зря. Где нет бесполезных трат, там нет нужды, как всегда говорит мама.

— Ну, я этого есть не буду, — заявила Фаун. — Тебе тоже не следовало бы.

— Фаун! — запротестовал Вит. — Не можем же мы начать жаловаться и испортить... испортить всем удовольствие. Матросы с парусника вкалывают будь здоров, и это достаточно невинное развлечение — пикник с музыкой.

— Тот фермер тоже работал изо всех сил, и ему пришлось тяжелее, чем речникам. Ведь ты сам подумываешь о том, чтобы перейти в гребцы, разве не так?

— Я не поэтому... ох, проклятие! Не ешь этой замечательно пахнущей баранины, если тебе так угодно, но ко мне не цепляйся. — Вит поспешно отошел прочь и тут же утешился кружкой пива.

Фаун решительно сжала губы... но действительно, какое у нее право портить всем вечеринку, особенно если учесть, что так Вейн извинялся перед командой «Надежды» за отказ помочь им сняться с мели? Однако Фаун твердо решила не прикасаться к баранине, полученной с помощью обмана. Ремо помогал Дагу лечить ногу пострадавшего матроса, и Фаун незаметно вернулась на баржу, уселась на крыше каюты и стала смотреть оттуда на

берег. Солнце село, и огонь костра выглядел теперь более ярким и гостеприимным.

Речники веселились все более шумно. Бо уже пошатывался и глуповато улыбался; впрочем, Хог, похоже, присматривал за ним. Готорн демонстрировал трюки, которым обучил своего маленького енота; зрители оказались не слишком требовательными. Барр и Ремо сидели рядом с матросом с забинтованной ногой, так что даже они не вели себя как высокомерные Стражи Озера. Вейн, Садлер и Вит тесно окружили Берри. Фаун начала сомневаться в том, что имело смысл так держаться за принципы, раз этого никто даже не заметил.

Впрочем, один человек обратил внимание на ее отсутствие. Даг поднялся по сходням, влез на крышу каюты и уселся рядом с Фаун, свесив вниз ноги.

— Что случилось, Искорка? Ты себя нормально чувствуешь? Я думал, что твои месячные уже кончились.

— Кончились. — Фаун пожала плечами. — Я просто думала о том бедном фермере, которого ограбил Вейн... или одурачил. Это несправедливо! — Она с подозрением посмотрела на Дага. — Ты-то собираешься есть эту ворованную баранину?

— Э-э... боюсь, что я уже ее ел.

— Ну так не вздумай целовать меня своими жирными губами, — ворчливо сказала Фаун.

Даг прочистил горло.

— Вообще-то я вернулся за своим тамбурином и парой ведер, чтобы парни могли на них барабанить. Берри настраивает свою скрипку и говорит, что не отказалась бы от поддержки.

— Ох, это будет здорово... — Прошло бог знает сколько времени с тех пор, как Даг играл с кем-то у костра, и Фаун знала, что это было одним из редких удовольствий во время похода. Тамбурин не особенно годился для сольных выступлений...

«Будь проклят этот капитан Вейн!»

В темноте на берегу смутно видная белая тень издала печальное «ме-е», и Фаун сообразила, что не все овцы того бедного фермера уже зарезаны. К тому же легкий удар по корпусу баржи напомнил ей о том, что ялик, который в плохую погоду поднимали на палубу, сегодня был привязан к корме. Спустить его на воду Фаун не могла бы, а вот грести в одиночку? И против течения?

Она искоса взглянула на Дага. Не удастся ли привлечь его к участию в ее замысле? Может быть, и нет. Иногда, если забыть о случае с сомом, он бывал чересчур взрослым и осмотрительным. Оставался еще Вит, но он явно примкнул к противоположной стороне. В любом случае у нее теперь были все основания порадоваться тому, какой шумной стала вечеринка, с изобилием еды и выпивки. А если кто-то из речников или Стражей Озера и остается трезвым, следует помочь ему напиться.

— Я не пропущу случай послушать, как ты играешь, за всю баранину в мире. — Фаун улыбнулась Дагу, который явно обрадовался перемене в ее настроении; она даже позволила ему поцеловать себя жирными губами.

Что же касается легкомысленных братьев, если ты наблюдаешь за кем-то всю жизнь, а этот человек тебя не замечает, в конце концов ты узнаешь о нем много больше, чем он предполагает. Много больше. Фаун почти пританцовывала, спускаясь по сходням следом за Дагом.

* * *

Луна стояла высоко над речной долиной, освещая серебристо-голубым светом стелющийся над водой туман. Ночной воздух был полон безмолвия, как будто какой-то древний волшебник зачаровал окрестности. Такая полночь была идеальна для влюбленных, хотя холод напоминал о том, что целоваться лучше под теплым одеялом. То, под которым Фаун оставила похрапывающего Дага, очень подошло бы; вместо этого...

— Фаун, это безумие, — прошипел Вит.

— Поднимай с того конца, Вит.

— Кто-нибудь нас услышит.

— Не услышит, если ты заткнешься и примешься за дело. Они там все перепились.

— Вейн придет в ярость.

— Это я пришла в ярость. Вит, если ты не поможешь мне погрузить этих глупых овец в этот глупый ялик, я не только расскажу Берри о том, что ты с мальчишками Роперами сделал с Танси Мейэппл на сеновале Миллерсона, я разбужу ее и расскажу все прямо сейчас.

— Ме-е, — блеяли растерянные овцы, чьи копытца скользили по камням и грязи на берегу.

— Вы тоже заткнитесь, — яростно прошептала Фаун. — Ну же, поднимай!

Кряхтение, толчок, и последнюю овцу удалось перевалить через борт ялика. Двенадцать копытцев стучали по дну, рождая громкое эхо. Круглые желтые глаза смотрели с длинных белых физиономий. Фаун кинулась запикивать обратно передние ноги овцы, которая попыталась выпрыгнуть обратно, и промочила башмаки.

— Нам лучше влезть в ялик и начать грести, — сказала Фаун. — Ты ведь не думаешь, что они попытаются выпрыгнуть в воду, когда мы отойдем от берега?

— Да могут... И к тому же намочат руно и утонут. Овцы глупее кур.

— Вит, не существует никого глупее кур.

— Ну, пожалуй, — согласился Вит. — Тогда почти такие же глупые, как куры.

Фаун влезла в ялик следом за Витом, но тут обнаружилось, что из-за увеличившегося веса нос суденышка завяз в грязи. Она вылезла обратно и собралась оттолкнуть ялик от берега, но замерла на месте, когда озадаченный голос произнес:

— С чего это вы надумали катать овец на лодке?

Фаун резко обернулась и обнаружила почти скрытого полосатыми тенями деревьев Барра, который чесал затылок и сонно таращился на нее.

— Ты чего не спишь? — прошипела Фаун.

— Я спал и встал пописать, — ответил Барр. — Хорошее пиво было у этих речников. А вы что затеяли?

— Это не твое дело. Отправляйся обратно в свой спальный мешок.

Барр потер подбородок и прищурился.

— А Даг знает, что вы двое тут? — Рассеянное выражение, говорившее о том, что молодой дозорный советуется со своим Даром, промелькнуло на его лице. — Нет, он спит.

— Вот и хорошо. Не смей его будить. Ему нужно выспаться. — Фаун уперлась полным воды башмаком в камень на берегу и сильно оттолкнулась. Ялик заскользил от берега.

— Если ты не хочешь, чтобы Даг знал о твоей затее, то тут определенно творится что-то любопытное, — упрямо сказал Барр, двинувшись следом за ними по берегу.

— Мы возвращаем украденных овец, — сказал Вит. — И не смотри так на меня, это была не моя идея.

— Разве капитан Вейн не придет в ярость?

— Нет, — ответила Фаун. — Он подумает, что овцы перегрызли веревки и убежали. Я позаботилась о том, чтобы растрепать концы и вымазать их овечьей слюной. — Она вытерла руки о юбку и взялась за весло. К несчастью, Вит греб примерно в два раза сильнее, чем она, что привело к тому, что ялик поворачивал к берегу, если только Вит не ждал, когда Фаун сделает еще один гребок, а пауза позволяла течению отнести их назад. Барр с легкостью держался вровень с ними, даже несмотря на то, что ему приходилось обходить камни и поваленные деревья.

— Вам ни за что не удастся доплыть до той фермы при таком течении, — заметил он.

— Ну, мы собираемся попытаться, так что не мешай. — Не то чтобы Барр действительно мешал, но его присутствие очень раздражало. Барр продолжал идти по берегу... очень медленно. Пассажир в ялике сказал «ме-е».

— Вы совсем не продвигаетесь, — снова сказал Барр.

— Давай попробуем отойти подальше от берега, Вит, — предложила Фаун.
— Нет смысла, — ответил Вит. — Течение там еще сильнее.
— Да, но там мы будем более изолированы.
— Ме-е, ме-е...
— Даг спустит с меня шкуру, если я позволю вам, двоим несмышленишкам, утонуть в Грейс, — пожаловался Барр.
— Ну так не говори ему, — сквозь зубы процедила Фаун. Ее руки уже начинали болеть. Еще через несколько минут Барр сказал:
— Мне этого не вытерпеть. Причальте к берегу, и я сменю Фаун.
— Мы не нуждаемся в твоей помощи, — заявила Фаун.
— Очень даже нуждаемся, — возразил Вит и стал грести еще сильнее.
Фаун изо всех сил налегла на свое весло, но не смогла воспрепятствовать повороту ялика.
— Не смей! Эти глупые овцы выпрыгнут!
— Ну так держи их! Ты займись овцами, а мы с Барром будем грести.
Фаун сдалась. Барр протиснулся на ее место, и они с Витом снова отвели ялик от берега. Фаун с недовольным видом уселась на корме и обняла одну овцу за шею, потом постепенно утешилась: их продвижение вверх по течению стало заметным. Мускулы Вита казались не такими уж сильными, но работа на ферме сделала их крепче, чем они выглядели, и парень не уступал широкоплечему Барру.
Овцы роняли какашки, растаптывали их по дну ялика и блеяли. Одна попыталась совершить самоубийство, прыгнув в реку, однако Фаун метнулась и удержала овцу, вцепившись в ее жирную шерсть; другая овца тут же попыталась последовать примеру товарки.
— Не можешь ли ты успокоить овец с помощью Дара? — спросила Фаун Барра. — Спорю: Даг мог бы.
— Я с овцами дела не имею, — холодно ответил Дозорный.
— Ну конечно, ты имеешь дело только с хозяйками барж, — процедил Вит, и в ялике на некоторое время установилась холодная атмосфера. Залитый лунным светом лес медленно плыл мимо, серебряный и удивительно незаметный.
— У меня уже мозоли появились, — пожаловался Вит. — Далеко нам еще?
— Нам нужно найти овечье пастбище, подходящее прямо к берегу, — сказала Фаун.
— А что, если сегодня овцы на ночь загнаны в овчарню? — проворчал Вит. — Тут очень многие пастбища подходят прямо к берегу. Мы, когда спускались вниз по течению, все время плыли мимо них.
Фаун промолчала.
— Ты хоть знаешь, какое нам нужно найти? — спросил Барр.
— Э-э... нет.
— Фаун! — возмутился Вит. — Та ферма может быть в двадцати милях, а то и больше! Скорее больше — вряд ли Вейн остановился бы поблизости, ведь фермер мог догадаться, что его провели, и погнаться за мошенниками.
— Я не собираюсь грести двадцать миль, — заявил Барр.
Бунт был единодушным. Ялик причалил к ближайшему пастбищу, и Вит с Барром перекинули своих блеющих пассажиров через борт. Овцы пробежали несколько шагов по берегу, остановились и без всякой благодарности вытаращились на своих спасителей. Вит втащил Фаун в ялик и развернул суденышко вниз по течению.
— Очень надеюсь, что они найдет себе более сообразительного хозяина, — пробормотала Фаун.
— Эй, овцы, можете не благодарить нас за спасение ваших жизней, — насмешливо крикнул Вит, помавав им рукой.
— Вит, это же овцы, — сказала Фаун. — Ты не можешь ожидать от них благодарности. Ты просто... просто должен знать, что поступил правильно.

— Как и положено фер... — начал Барр, но резко оборвал себя. Фаун с подозрением посмотрела на него. Через мгновение Барр заговорил снова: — Ну и вонь от них. Кто будет чистить ялик?

— Только не я, — заявил Вит.

— Я займусь этим, — сквозь зубы ответила Фаун.

Лунный свет был умиротворенным, в отличие от молчания, которое установилось в ялике. Путь до «Надежды» занял втрое меньше времени, чем дорога против течения.

— Спасибо вам обоим, — ворчливо проговорила Фаун. — Даже если нам не удалось сделать все как следует, все-таки кое-что мы исправили. Без вашей помощи я бы не смогла этого сделать.

— Буду помнить, — пообещал Вит.

— Не спешите поздравлять друг друга, спасители овец, — сказал Барр, кивнув в сторону баржи. Фаун проследила за его взглядом и замерла, увидев сидящего, скрестив ноги, на крыше каюты Дага. Он смотрел в их сторону.

— Дерьмо, — прошептал Вит.

— А вот я почему-то неожиданно рад тому, что ты здесь, Вит, — пробормотал Барр. — Это предотвратит непонимание. — Он искоса взглянул на Фаун.

Фаун подумала о том, что ужас на самом деле вовсе не был бы непониманием. Ялик подошел к барже, и Даг прыгнул на заднюю палубу, чтобы принять веревку, которую ему бросила Фаун.

Он принялся и сухо поинтересовался:

— Хорошо покатались?

— Ага, — ответила Фаун, вызывающе глядя на него.

— Вит, Барр... вы выглядите, как мокрые овцы, если можно так выразиться.

— Нет, мы только так пахнем, — пробормотал Вит.

— Это была не моя затея! — выпалил Барр.

Губы Дага дрогнули.

— На этот раз я тебе верю, Барр.

Он наклонился через поручень, чтобы помочь каждому по очереди подняться на палубу, и проследил за тем, чтобы ялик был надежно привязан.

Вит встревоженно спросил:

— Ты собираешься нас выдать?

— Кому? Это же были не мои овцы. — Подумав, Даг добавил: — И не ваши.

Барр постарался скрыть вздох облегчения; Даг решительно отвел Фаун в их закуток.

Он постарался сохранить суровое выражение лица, пока не уткнулся в подушку. Он так давился от смеха, что Фаун в конце концов пихнула мужа локтем в бок.

Дагу еще долго не удавалось успокоиться.

* * *

«Надежда» снялась с якоря вскоре после рассвета; не вполне проспавшаяся команда «Кусачей черепахи» еще только начинала поиски в окружающем лесу своей сбегавшей баранины. Вахтенные, склонившись над веслами, гребли еле-еле — только чтобы позволить рулевому направлять баржу по фарватеру. Даже Берри готова была, похоже, удовлетвориться тем, чтобы просто плыть по течению. Хотя Фаун страдала от недосыпа так же, как остальные — от иных причин, она приготовила всем крепкий чай, и к середине утра команда медленно начала приходить в себя. К полудню их неспешное продвижение резко ускорилося, когда баржу подхватил быстрый мутный поток, влившийся в реку справа.

— Это не Серая ли уже? — спросила Фаун Берри, выглянув в окно и обнаружив, что берег стал пугающе далеким.

— Нет, — ответила Берри, с довольным видом прихлебывая чай. — Это Медвежья река. Она протекает через Рейнтри от Крестьянской равнины. Мы проделали три четверти

пути от Трипойнта до Конфлуенса! Должно быть, в Рейнтри на прошлой неделе были сильные дожди — нечасто случается видеть Медвежью такой полноводной.

— По ней ходят суда? — Фаун снова выглянула в окно.

— Ясное дело. Всю дорогу до Крестьянской равнины, которая более или менее и является целью плаваний. Поэтому-то, наверное, город и находится там, где находится. Медвежья река почти такая же оживленная, как Грейс.

Опустошенный Гринспринг расположен на одном из притоков Медвежьей, вспомнила Фаун. И лагерь Боунмарш тоже. Тяжелая кампания прошлого лета против Злого проходила к северу от самого большого города Крестьянской равнины, и разрушения его не затронули. Даг поблагодарил бы за это отсутствующих богов, но Фаун думала, что сказать спасибо скорее следовало бы Дагу.

После слияния с Медвежьей Грейс разлилась широко, а кое-где и вышла из берегов. Некоторые из низких островов скрылись под водой, и голые деревья торчали, словно выросшие со дна; река быстро текла мимо них. Фаун иногда замечала животных, спасающихся на этих деревьях: опоссумов и енотов, пару бурых медведей, а однажды, совсем близко, рысь. Баржа проплыла мимо кабана, решительно боровшегося с течением, и мужчин еле удалось отговорить от попытки поохотиться на него с борта судна. Плавник кучами собирался вокруг выступающих из воды высоких частей островов, напоминая издали лохматые головы.

Ближе к вечеру Берри распорядилась, чтобы на каждое весло сели по двое мужчин: иначе трудно было подвести неповоротливую «Надежду» к берегу. Когда команда привязывала баржу к дереву под прикрытием мыса, мимо в сумерках проплыло нечто странное: две баржи, скрепленные бортами. Матросы, по-видимому, напрасно пытались управлять этим громоздким сооружением, потому что течение медленно вращало его.

Увидевший их с задней палубы Бо крикнул, чтобы они разъединили суда и пристали к берегу, пока не стемнело, но матросы то ли не услышали, то ли не поняли его; их ответные крики были неразборчивы.

— Почему это они соединили свои суда таким образом? — с любопытством спросила Фаун, тоже выходя на палубу.

— Наверное, потому, что это дураки из Рейнтри, ни черта не знающие о реке, которым не следовало бы сюда и соваться. — Бо подкрепил свои слова тем, что плюнул за борт.

— Может, ради компании или чтобы не потерять друг друга в темноте. Наверное, так они чувствуют себя в большей безопасности на этой большой реке, — медленно проговорил Вит. — Даже «Надежда» начала казаться здесь маленькой.

— Разве ты не видишь, почему это не делает их плавание более безопасным? — спросила Берри.

— Ох, я догадалась! — возбужденно воскликнула Фаун, глядя вслед баржам из Рейнтри.

Берри усмехнулась.

— Ну, ты-то догадалась, а теперь подождем Вита!

Парень прищурился, глядя в темноту, и проговорил:

— Они пытаются перевезти вдвое больше груза, используя вдвое меньше весел.

Фаун быстро закивала.

— Верно, — с удовлетворением сказала Берри. — Из тебя еще может получиться речник.

Вит широко улыбнулся ей.

— Очень на это надеюсь.

Берри невольно улыбнулась ему в ответ — не своей обычной кривой улыбкой, а простодушно и почти радостно. Она потеряла губы и качнула головой.

— И к тому же они плывут в темноте... если только у них на борту нет собственного Стража Озера — да и то, боюсь, не слишком сообразительного. — Берри оперлась на поручни и стала смотреть на реку. Фаун едва расслышала ее шепот: «Папа-то не был

деревенским дурачком. Так что же случилось?»

18

На следующее утро плавание оказалось легким: русло реки не делало поворотов, мелей не встречалось. Берри предложила Виту дать ему урок по управлению рулевым веслом, а Даг на передней палубе взялся тренировать Дар Стражей Озера: он давно уже подозревал, что двое напарников гораздо больше внимания уделяли другим умениям: стрельбе из лука и владению ножом, мечом, пикой.

Даг расположился на скамье, Барр прислонился к курятнику, а Ремо, скрестив ноги, уселся на палубе. То открывая, то закрывая глаза, дозорные по очереди упражнялись во внутренней слепоте — добровольном отказе от восприятия ради того, чтобы быть невидимыми для других обладателей Дара. Обнаружилась несправедливость природы: Барр обладал более сильным врожденным Даром, хотя Ремо более дисциплинированно пользовался тем, что имел.

— Ты только едва умеешь закрывать свой Дар, но тебя взяли в отряд? — спросил Даг Барра. — Амме, должно быть, не хватает дозорных гораздо сильнее, чем я думал.

Парень махнул рукой.

— Такая слепота заставляет снова чувствовать себя ребенком, — возразил он, — когда Дар вообще еще не проявился.

— Тут большая разница. Ребенок беззащитен и сам никому не опасен. А ты, если не сумеешь закрыть свой Дар, никогда не сможешь подобраться к Злому достаточно близко чтобы нанести удар разделяющим ножом.

«Если у тебя будет нож...»

— На таком расстоянии он просто увидит меня, верно? Я хочу сказать — у Злых же есть глаза?

— Обычно есть. Но дело не в этом. Хорошая маскировка Дара также не позволит Злому вырвать его, особенно если тварь слабая или молодая. Так что тебе остается только на это и надеяться. — Даг подумал, что тут может пригодиться его собственная, хоть и слабая, способность вырывать Дар: он может тренировать молодых дозорных сопротивляться этому. У него даже возникло искушение проверить эту мысль на практике, однако его остановила уверенность в том, что подобная попытка испугает неопытных парней до медвежьей болезни и ему потом придется давать трудные объяснения. Однако все же его ободрило понимание того, что любой дозорный, который мог бы противостоять Злому, окажется способен противостоять и ему самому, как любитель подраться сумеет отразить удар в лицо.

«По крайней мере, если будет ждать удара. Любой Страж Озера, но только не фермер...»

Закусив губу, Даг прогнал тревожную мысль: это можно будет обдумать и потом.

— Независимо от того, окажешься ли ты тем, кто вонзит нож, или нет, чем лучше ты умеешь закрывать свой Дар, тем больше шанс, что ты потом не проведешь неделю, выворачивая кишки наизнанку после соприкосновения со скверной.

Ремо внимательно посмотрел на Дага.

— С тобой такое случалось?

— Мне пришлось промучиться две недели, — признался Даг. — После такого я гораздо серьезнее стал относиться к тренировке Дара. Давайте-ка сделаем все еще раз. Сейчас моя очередь закрывать Дар. Вы двое зажмурьтесь и попытайтесь наблюдать за мной внутренним зрением.

Даг плотно закрыл свой Дар, и после того как молодые дозорные послушно зажмурились, бесшумно поднялся со скамьи.

Барр ухмыльнулся.

— Эй, куда это ты собрался?

— Сюда, — выдохнул Даг ему в ухо.

Парень вскрикнул и отскочил в сторону.

— Проклятие! Не смей!

— Именно так ты подкрадываешься к Злому. Вам тоже нужно этому научиться.

— Я слышал, что уже развившийся Злой все равно может вырвать у тебя Дар, — с сомнением проговорил Ремо.

— Я за сорок лет дозора сталкивался с такими всего дважды. На Волчьем перевале я не видел Злого вблизи, только слышал рассказы тех, кто выжил после нападения на логово. В Рейнтри я видел Злого лицом к лицу. Та тварь справилась с одним из лучших дозорных в моем отряде с такой же легкостью, с какой ты выпотрошил бы форель.

— Как же можно разделаться со Злым такой силы? — спросил Ремо.

— Наброситься всем разом. Нужно, чтобы много дозорных со многими ножами кинулись на Злого... и надеяться, что хоть один прорвется. Это сработало и на Волчьем перевале, и в Рейнтри. — После паузы Даг добавил: — И это должны быть дозорные, умеющие хорошо закрывать Дар. Давайте-ка потренируемся еще.

После еще нескольких попыток Барр проворчал:

— Значит, если я так и не освою маскировку своего Дара, меня никогда не выберут в самоубийцы-герои?

— В Лутлии мы отвели бы тебе роль приманки, — сказал Даг.

Ремо хихикнул, и Барр бросил на него свирепый взгляд.

— Еще разок, — сказал Даг. К его удовлетворению, Барр явно делал успехи; впрочем, ему и было, в чем совершенствоваться. Судя по тому, как стал мигать его Дар, Ремо начал уставать. Пора было заканчивать.

— На сегодня хватит, — сказал Даг, вновь усаживаясь на скамью. — Пожалуй, впредь нам стоит отводить час на тренировки каждый день.

Барр потянулся и расправил плечи.

— Хоть мы и сбежали из дому, никаких послаблений...

— Зависит от того, с чем предстоит столкнуться, — протянул Даг. — Если за следующим поворотом мы наткнемся на Злого, будете вы к этому готовы?

— Нет, — с горечью ответил Ремо. — Ни у одного из нас нет заряженного ножа.

— Тогда ваша задача — выжить и привести помощь из ближайшего лагеря. Кстати, где он находится?

— Дерьмо, — пробормотал Барр, — я даже не знаю, где находимся мы сами.

— Амма заставляла нас запоминать расположение всех лагерей в Олеане, — сообщил Ремо.

— Это хорошо, — сказал Даг. — Жаль только, что теперь вы в Рейнтри. — Даг перечислил все лагеря Стражей Озера у переправ от Трипойнта до Конфлуенса и заставил молодых дозорных несколько раз повторить перечень, поодиночке и хором. Как и следовало ожидать, старый похабный стишок на тему очень помог запоминанию.

Холодное утро так и не потеплело, солнце вскоре закрыли серые тучи. Оглядев речную долину, Даг заметил, что собирается густой туман. Берри высунулась на переднюю палубу и сказала:

— Если ты поручишь одному из своих дозорных на несколько минут стать лоцманом, я буду очень признательна. Похоже, нам предстоит пробираться сквозь типичный туман долины Грейс, и я не хочу, чтобы мы оказались на пастбище в полумиле от берега, как в сказочке Бо. Уж очень смешно выглядела бы «Надежда» на катках.

— Иду, — ответил Даг. — Размяться мне не повредит.

Он присоединился к Берри и Виту на крыше каюты.

— Если мои расчеты верны, — сказала Берри, — за тем поворотом находится большой остров, и нам нужно обойти его с правильной стороны.

— Справа или слева?

— Справа.

— Слушаюсь, хозяйка.

Даг взялся за весло и приноровился к медленным движениям Вита, чтобы обеспечить Берри возможность править рулем и не тратить слишком много сил; так грести они могли часами. Туман сгустился, на куртке Дага, которую Фаун недавно снабдила теплой подкладкой, чтобы приспособить к осенним холодам, стали оседать капельки воды. Главный фарватер медленно поворачивал, и Даг внутренним взором стал высматривать место, где он раздваивался, чтобы не позволить течению увлечь баржу не туда, куда следует.

— Эй, — окликнул он Берри, — на острове кто-то есть.

— Не может такого быть, — возразила та, всматриваясь во влажную муть. Теперь что-то можно было разглядеть не больше чем на три длины судна вперед. — При таком подъеме воды в Медвежьей остров должен был уйти на три, а то и на четыре фута под воду.

— Этим может объясняться, почему они такие несчастные. — Даг открыл свой Дар как можно шире, стараясь не позволить знакомому Дару окружающих отвлечь себя. — Их там семеро. Проклятие, должно быть, это те парни из Рейнтри, чьи баржи проплыли мимо нас вчера вечером. — Через мгновение Даг добавил: — И еще там есть медведь. Они все спасаются на деревьях.

— Тому, кто делит убежище с медведем, должно быть очень весело, — протянул Вит.

— У медведя собственное отдельное дерево. — Через мгновение Даг добавил: — Не видно ни одного судна — по крайней мере на протяжении мили. Думаю, те парни в серьезной беде, хозяйка. По крайней мере у одного Дар говорит о ране.

Берри втянула воздух сквозь зубы.

— Бо! — крикнула она. — Хог, парни-дозорные — все сюда! Нужно спустить ялик до того как мы проплывем мимо!

Команда собралась на задней палубе, и Берри объяснила ситуацию. После того как Даг подтвердил, что на острове спасаются семеро, было решено спустить на волю и ялик, и лодку Барра, чтобы забрать всех пострадавших разом; кроме того, заметил Даг, две лодки могут помочь друг другу в случае затруднений. Даг остался на «Надежде», чтобы провести ее по фарватеру, Вит и Ремо сели на весла ялика, Барр — своей лодки.

— Ты уверен насчет тех парней, Даг? — окликнул его уже из лодки Ремо, когда спасатели были готовы к отплытию.

— Да. Примерно полмили в ту сторону, — показал он.

Барр повернул голову.

— Ага, теперь и я их заметил. Двигайся следом за мной, Ремо. Все как в старые добрые времена... — Он оттолкнул лодку от баржи, и ее весло вспенило воду.

Ремо фыркнул, но послушно двинулся следом. Из тумана донесся голос Вита:

— По крайней мере это не то, что возить овец!

— Овец? — переспросила Берри.

Даг только покачал головой.

Минуты тянулись долго на дрейфующей по течению «Надежде». Теперь, когда берега скрыл туман, казалось, что судно стоит на месте в тихой гавани. Пусть оно двигалось со скоростью всего пять миль в час, столкновение с корягой или камнем, способным проделать дыру в корпусе, быстро развеяло бы эту иллюзию, подумал Даг; поэтому он оставался настороже.

— Твои парни — Стражи Озера — сумеют потом найти нас? — обеспокоенно спросила Берри.

— Поэтому-то они и сели по одному в каждую лодку, — заверил ее Даг. — Они уже добрались до острова. Ах, вот и пригодилась узкая лодка Барра: она проходит между стволами деревьев.

— Надеюсь, он не поставит ее поперек течения и не станет слишком наклоняться: так она мигом наполнится водой.

— Эти ребята из Жемчужной Стремнины, я думаю, знакомы со всем, что может выкинуть река, — сказал Даг. — Во всяком случае, лучше, чем я. А лодки Стражей Озера строятся так, чтобы плыть, даже зачерпнув воду. На носу и корме делаются понтоны,

промазанные дегтем.

— Так вот в чем дело! Я всегда удивлялась... — Через мгновение Берри добавила: — Мы еще думали, что это благодаря магии.

Фаун позвала Хога и Готорна в каюту — помочь ей приготовить теплый прием несчастным речникам, лишившимся своего судна. Прошел почти час, прежде чем из тумана вынырнула лодка Барра. В ней, боязливо цепляясь за борта, съезжились двое спасенных; третий сидел рядом с Барром и помогал ему грести. Бо и Хог протянули им руки, чтобы помочь влезть на палубу; один из матросов чуть не свалился при этом в воду, но Барр удержал его.

— Эге! — пробормотал тот человек, который сидел на веслах. Выпрямившись, он сдернул бесформенную фетровую шляпу, выдавшую лучшие времена. Это был тощий жилистый парень, небритый и босой; его поцарапанные ноги посинели от холода. — До чего же мы рады видеть вас, люди добрые! Мы прошлой ночью врезались бортом в верхушку того острова, и течением тут же затянуло наши баржи под воду: река словно проглотила их!

Бо налег на рулевое весло и глубокомысленно кивнул.

— Угу. Так бывает.

Фаун, выглядывая из заднего люка, смотрела на речников широко раскрытыми глазами.

Команда едва успела поднять на палубу лодку Барра, когда из тумана вынырнул ялик, низко сидевший в воде из-за тяжести четырех спасенных. Вит и Ремо энергично гребли. Их пассажиры выглядели измученными. Один из них был не только без башмаков, но и без рубашки; его плечи и грудь покрывали кровоточащие царапины, кое-где кожа висела клочьями. Он держал пикку для охоты на кабана — довольно странную вещь, чтобы спасти ее при крушении. Когда спутники помогали ему влезть на палубу, он застонал, но как только почувствовал под ногами опору, выпрямился, опираясь на пикку, и с улыбкой огляделся по сторонам. Это оказался высокий человек с черными волосами, спадающими на плечи, и блестящими карими глазами.

— Вот это наш капитан Форд Хайкри, — представил его тот матрос, что помогал Барру грести.

— Я хозяйка Берри, и это мое судно, «Надежда», — сказала Берри, откидывая со лба выбившуюся прядь волос. — Добро пожаловать к нам на борт.

Израженный речник с восхищением посмотрел на нее.

— Ну, мэм, твои ребята вытащили нас из изрядных неприятностей! Мы с тех деревьев кричали всю ночь, пока совсем не охрипли, но вы первые, кто нас услышал.

— Благодарите Стража Озера, — ответила Берри, кивнув на Дага. — Это он вас заметил. В таком тумане мы прошли бы мимо вас.

— Ага, и если бы мы вас и слышали, то решили бы, что это привидения заманивают нас, чтобы утащить на дно, — вмешался Готорн.

Эти слова заставили израженного речника отвести изумленный взгляд от Дага. Он поскреб в затылке и растерянно посмотрел на Готорна.

— Ага, такого можно было бы ожидать.

— Наслушался сказок, — проворчала Берри, дернув брата за ухо. — Иди-ка лучше помоги Фаун. — Она повернулась к своей команде. — Я хочу, чтобы по крайней мере один из вас, дозорные, оставался с рулевым. — Оба тут же вызвались помогать и подошли к Бо. — И вот что, Бо, — продолжала Берри, — если Ремо скажет тебе, что впереди мель или коряга, слушайся его!

Спасенные последовали за своим капитаном — или бывшим капитаном — через задний люк; Даг направился следом, мысленно прикидывая, где может находиться сумка с лекарствами. В заполненной людьми кухне было жарко; Фаун приготовила галлоны горячего чая и огромное количество жареного с луком и беконом картофеля. Наготове стояла и корзинка с яблоками. Даже вода для мытья оказалась теплой. У очага нагревались все одеяла и полотенца, какие только были на барже. Измученные люди с благодарными стонами расселись вокруг очага. Сухой одежды на всех не хватило, так что ее распределили как

могли, дополнив одеялами.

Горячая вода, мыло и сумка с лекарствами тоже были приготовлены. Выглядело это так, будто Фаун не сомневалась: Даг сразу же возьмется за лечение, против чего тот, впрочем, не возражал. Спасенные речники страдали в основном от царапин и порезов; Даг поручил Хогу промыть их мылом, а Вит занялся перевязками. Хуже всего пришлось бывшему капитану; Даг усадил его на табурет перед огнем и привлек себе в помощь Фаун, чтобы очистить странные повреждения на его торсе.

— Что же это такое с тобой приключилось? — спросила речника Фаун, принимаясь обрабатывать его раны. — Уж не медведь ли тебя порвал?

Капитан Хайкри улыбнулся ей, как обычно улыбались все, хотя и морщился от боли.

— На этот раз не медведь, мисс.

— Что же вы не привезли и медведя? — спросил у Вита Готорн; оба они следили за действиями Фаун.

— Это же не медвежонок, Готорн, — нетерпеливо отмахнулся от мальчишки Вит. — Он потопил бы ялик, да еще и попытался бы нас съесть.

Капитан Хайкри ласково улыбнулся Готорну.

— Медведи прекрасно умеют плавать, если надумают. Этот зверь быстренько уберется с острова, когда ему надоест сидеть на дереве. У меня дома паренек такого же возраста, — шепотом сообщил он Фаун, — и еще малец помладше, чтобы подбивать братца на шалости, если у того иссякнет запас. Такого, правда, еще ни разу не случалось, должен я сказать. — Повысив голос, он обратился к Готорну: — Понимаешь, как это случилось... Ой!

— Прости, — извинилась Фаун, промокая кровь, выступившую на порезе, который она промывала.

— Не обращай внимания, мисс, я же знаю, что твои действия мне на пользу. А случилось вот что: когда мы добрались до слияния Медвежьей и Грейс, трое матросов испугались такой большой реки и сбежали на ялике. Ну мы и привязали баржи друг к другу — рук у нас теперь не хватало. Только потом я сообразил, что не такая уж это была удачная мысль: слишком упрямым стало наше сооружение. Ну мы и решили просто плыть по течению: рассчитывали потом разобраться и, может быть, даже нанять настоящего лоцмана в низовьях.

— А ходил кто-нибудь из вас по реке раньше? — спросила Берри, присоединяясь к собравшимся вокруг капитана Хайкри.

— Нет, так далеко мы не спускались. Некоторые из моих ребят раз или два плавали в верхнем течении Медвежьей, но баржа была для меня внове. Мое обычное занятие — охота, по большей части на медведей и кабанов, а женушка разводит огород. У меня руки к фермерству не приспособлены. Я однажды попробовал... ну, если уж чего человек не коснется, все умирает, так охота для него более подходящее занятие. — Он отхлебнул чая, прежде чем продолжил рассказ.

— Я прошлым вечером сидел в каюте у очага, пытаюсь согреться и мечтаю о том, чтобы снова оказаться на твердой земле, где можно по крайней мере самому решать, в какую сторону направиться... и тут я услышал, как парни забегали и закричали у меня над головой. Тут мы налетели на препятствие. Я сразу понял, что баржу затягивает под воду, потому что она сильно накренилась. Я кинулся к люку, расположенному посередине крыши, но вода уже хлестала в него, как настоящий водопад. Единственным другим отверстием было маленькое окошко, которым мы обычно пользовались, чтобы выплескивать воду.

Берри посмотрела на два люка, ведущие на нос и корму, и на широкие окна «Надежды».

— Понятно. Вы, парни, сами сооружали свои суда?

— Да нет. Я купил их у вдовы, муж которой погиб в Рейнтри прошлым летом. Это был вроде как способ поддержать беднягу... Ее муж входил в мою артель, вот так и вышло... — Капитан Хайкри сделал еще глоток чаю и продолжал: — Я вскарабкался к окошку, но сразу стало ясно, что оно слишком маленькое. Только вода прибывала так быстро, что я понял:

если я не вылезу через него, то утону. Мой папаша всегда говорил, что мне суждено быть повешенным... Ну я и схватил свою пику, просунул руки в окошко и заорал, чтобы Медвежья Приманка и остальные парни тянули меня изо всех сил, иначе мне конец.

Матрос в потертой шляпе — Даг предположил, что Медвежья Приманка — это его прозвище, — закивал.

— Мы не столько его тянули, сколько удерживали, пока река засасывала баржу. Я главным образом думал о том, как не хочется мне возвращаться к твоей жене и рассказывать ей, что ты утонул. Она ведь с самого начала очень не одобряла нашу затею, — пояснил он Фаун, которая понимающе закивала.

— Рама содрала с меня рубашку и освеживала меня, как кролика. — Капитан Хайкри улыбнулся своей команде, ответившей ему улыбками, несмотря на усталость. — Мы все выбрались на остров еще до того, как вторая баржа последовала за первой. Часть ночи мы, как мокрые опоссумы, цеплялись за торчащий из воды нос баржи, потом течение унесло ее. Ну, тут пришлось искать деревья, которые еще не смыло водой. Знаете, я должен был бы приунуть, потеряв свои суда и груз, не говоря уже о рубашке и собственной шкуре, да только никогда еще я так не радовался, как оказавшись на том замечательном дереве. Я то и дело начинал смеяться — ничего не мог с собой поделаться. Было так замечательно дышать воздухом, а не водой. — Он вздохнул. — Вряд ли я когда-нибудь увижу свои бедные суда.

— Ну, это неизвестно, — сказала Берри. — Если их не разбило на куски, когда течение ударило их об остров, бывает, что потонувшие суда потом всплывают, хоть и полные воды, и их ловят ниже по течению. Какой у тебя был груз?

— По большей части клепки для бочек и шкуры медведей и кабанов. Ну, еще бочонки медвежьего жира и свиного сала. Заклепок-то мне не жалко, а вот шкуры — другое дело. Их не так-то легко добыть. — Хайкри бросил взгляд на свою пику, стоящую в углу.

— Твои заклепки от воды так покорежатся, что будут годиться только на растопку, ну а шкуры... это зависит от того, как долго они будут мокнуть и удастся ли потом их высушить, не дав заплесневеть. Бочонки с жиром могут не пострадать, если они хорошо закупорены.

Хайкри приободрился, услышав это; его партнер Медвежья Приманка выглядел не таким утешенным.

Фаун кончила промывать раны Хайкри и уступила место Дагу; тот внимательно обследовал пострадавшего — и обычным зрением, и внутренним взглядом.

— Ты изрядно ободран, и суставы выворачивались так, что еще долго будут болеть, но вывихов и переломов нет. Ты, должно быть, за ночь много крови потерял?

— Смотреть было страшно, — подтвердил Медвежья Приманка. — Мне хотелось дать ему в челюсть, когда при таких-то ранах он начинал смеяться.

— Но кровотечение по большей части само прекратилось. — Даг осторожно своей призрачной рукой вытащил щепку, застрявшую в самой глубокой царапине. — Правда, раны слишком рваные, чтобы имело смысл их зашивать. — Он коснулся лоскута кожи, свисающего со спины Хайкри, размышляя, чем лучше его обрезать — ножницами или ножом. Потом по наитию Даг вырвал Дар кусочка кожи, тонкого, как бумага, на котором держался лоскут. Лоскут отвалился, и Даг кинул его в огонь. — Больно было?

— Что? — спросил Хайкри, пытаясь оглянуться через плечо.

Крошечный фрагмент Дара Хайкри, соприкоснувшийся с Даром Дага, ощущался как обычное подкрепление Дара, даже менее чужеродный, чем Дар москита или зернышка овса. Даг таким же образом удалил еще два обрывка кожи, стараясь вырывать Дар из самых тонких мест. Кровь даже не выступила...

«Лучше на этом остановиться и все хорошенько обдумать».

— Ну, шрамы у тебя останутся.

Хайкри безразлично фыркнул.

— Мне случалось и сильнее себя уродовать.

Даг в этом не сомневался.

— Если ты позволишь, я, как принято у Стражей Озера, немного подкреплю твой Дар,

чтобы самые глубокие царапины не воспалились, — это теперь самая большая опасность. Потом пусть Фаун наложит мазь и забинтует тебя, чтобы струпы не лопались, когда ты будешь двигаться. Через несколько дней будет достаточно прикрывать их чистой рубашкой, пока все окончательно не заживет.

Хайкри криво улыбнулся.

— Будь у меня рубашка, я мог бы ее выстирать, если бы, конечно, нашлись таз и мыло. — Он запнулся. — А что это за штука, которой, как ты говоришь, ты меня подкрепишь?

— Немного целительной магии Стражей Озера, — перевела Фаун.

— Ох... — Хайкри посмотрел на Дага с уважением и испугом. — Это для меня что-то новенькое. Ладно... — Он с подозрением следил за Дагом, потом удивленно открыл рот, когда боль прошла. — Вот так штука! Как странно... Никогда еще ни один Страж Озера ничего такого мне не предлагал!

— Я собираюсь стать целителем для крестьян, когда как следует этому научусь, — объяснил Даг. — Такого никто раньше не делал.

— Ну и странное же место — эта большая река, — вздохнул Хайкри.

Потерпевшие кораблекрушение и их спасители принялись строить планы. Было решено, что Берри довезет команду Хайкри до города, расположенного в двух днях пути, где Хайкри рассчитывал найти старого друга, который мог бы снабдить пострадавших одеждой, обувью и припасами на обратный путь. Тем временем Берри начала высматривать ушедшие под воду суда. Измученные люди уснули прямо там, где сидели, и не проснулись до тех пор, пока «Надежда» не причалила к берегу на ночь, а Фаун не пришлось попросить освободить кухню, чтобы она могла приготовить ужин.

Даг никак не мог решить, следует ли ему по-супружески охранять Фаун или просто держать ее при себе как талисман в обществе незнакомых крестьян. Так кто в таком случае кого будет охранять? Однако теперь, когда на барже теснились пятнадцать человек, ни о каком уединении — не говоря уже о разговоре наедине — и речи быть не могло.

Даг скоро узнал, что команда Хайкри состояла из его друзей и соседей — жителей маленького городка на притоке Медвежьей к юго-западу от Крестьянской равнины; таким образом, их не затронул кошмар прошлого лета. Эту новость и Даг, и Фаун восприняли с облегчением — Даг с молчаливым, Фаун — с горячо высказанным. Хайкри заработал прозвище капитана за то, что собрал группу местных добровольцев для помощи пострадавшим, когда Злой обрел достаточно силы, чтобы похищать и поработать местных жителей, а потом заставил их нападать на другие селения. Барр и Ремо, услышав рассказ об этом самопровозглашенном чине, обменялись насмешливыми взглядами; Даг, в отличие от них, отнесся к действиям Хайкри серьезно.

Форд Хайкри оказался превосходным рассказчиком. Он не был таким хвастуном, как капитан Вейн; его собственная роль в рассказанных им историях иногда бывала комической, хотя бывала и героической; так или иначе, он всегда умел держать слушателей в напряжении до самого конца. После ужина, оценив интерес слушателей и, возможно, в благодарность за оказанное гостеприимство, Хайкри даже рассказал страшную сказку о привидениях, в результате чего у Готорна и Хога глаза вылезли на лоб, а половина взрослых только с трудом удержалась от такой же реакции.

После этого члены обеих команд стали щедры на всякие истории, как игроки в кости — на монеты. Все собрались вокруг очага, и матросы Хайкри выслушали по очереди рассказы о поиске Берри пропавших родственников, о свадьбе Дага и Фаун в Вест-Блю и — неизбежно, как почувствовал Даг, — о роли, которую Даг сыграл в уничтожении Злого в Рейнтри. Даг не был разговорчив, но благодаря Фаун, Виту, команде «Надежды» и даже иногда Ремо и Барру, ему не пришлось делать ничего, кроме как охлаждать чрезмерный энтузиазм рассказчиков. По мере того как представление потерпевших кораблекрушение о Даге менялось — от случайно встреченного целителя до бывшего командира отряда дозорных — они делались все более взволнованными, и Даг не мог решить, было ли это облегчение или опаска; по

крайней мере Хайкри теперь смотрел на Дага с пристальным вниманием.

— Я иногда во время охоты встречал старые логова зловредных привидений, — сказал Дагу Хайкри. Даг задумался о том, как часто охотник проникал на запретные территории, не очищенные от Злых, но момент для того, чтобы спросить, был неподходящим. — Серые пустоши, мертвые и жуткие, — продолжал Хайкри. — Не нужно было чутыстых дозорных, чтобы убедить меня держаться подальше от них, нет, сэр!

Даг позволил своему Дару на мгновение приоткрыться. Умелый охотник вроде Хайкри вполне мог обладать более восприимчивым, чем обычный фермер, Даром, как тетушка Нетти, если какой-нибудь Страж Озера влез на его семейное древо несколько поколений назад. Спрашивать, впрочем, было бы невежливо, а поскольку Хайкри вел бродячую жизнь вдали от родичей, он мог и сам не знать.

Хайкри продолжал:

— Я встречал ваших дозорных, оказывался рядом и с вашими лагерями — только Стражи Озера меня никогда не приглашали к себе, чаще советовали поблизости не задерживаться; чего я никогда раньше не видел, так это *бегущих* Стражей Озера.

— Они мчались мимо нас, как испуганные кролики, когда мы двинулись к северу от Крестьянской равнины, — сказал один из матросов довольно презрительным тоном.

— Ну, это были по большей части женщины и мальцы, — рассудительно сказал Хайкри.

— Злые в первую очередь хватают детей, — сказал Даг. — Когда Злой становится подвижным, Стражи Озера в первую очередь как можно скорее уводят малышей, а остальные — дозорные, другие взрослые — охраняют их с тыла. Похоже, вы не продвинулись достаточно далеко на север, чтобы повстречать эту стражу, иначе Злой мог бы и вас захватить.

— Нам попадалось много глиняных людей, — вставил Медвежья Приманка, лицо которого потемнело при воспоминании, — и до, и после того, как они лишились соображения. Жуткие твари!

— Злой делает их из пойманных животных, знаешь ли, — объяснила Фаун, — с помощью Дара. — Фаун стала описывать ужасы питомника глиняных людей, который она видела в Боунмарше, даже не заметив, как ее простое описание затмило рассказанную Орешком сказку о привидениях; после этого немногим удалось бы уснуть ночью.

Поразмыслив, Даг понял, почему отряд Хайкри так успешно справлялся с глиняными людьми: охота на медведей и кабанов дала им и умение, и смелость. Однако лицо Хайкри потемнело, когда он заговорил снова:

— Какими бы мерзкими они ни были, глиняные люди тревожили меня много меньше, чем поработанные Злым фермеры. Они ведь не были лишены разума. Не сразу удавалось понять, что у них не все в порядке с головой, потому что они вели себя и разговаривали так, словно все их действия разумны, да и выглядели они, как обычные люди. Не удавалось разобраться, кто на какой стороне, пока они не набрасывались на тебя, а тогда могло быть слишком поздно. А вот что мы обнаружили. — Хайкри потер подбородок и мрачно посмотрел на Дага. — Что если мы захватывали таких одержимых и отвозили их достаточно далеко на юг, они приходили в себя. Мы обнаружили это, когда попытались поймать подручного Злого и заставить его говорить. Отвезли его на юг — и он заговорил, хотя мало что можно было разобрать: уж так он рыдал. После этого мы старались захватить как можно больше таких бедолаг и отвезти их подальше, пока к ним не возвращался разум. Только никто из них потом не пожелал присоединиться к нам, чтобы сражаться.

Даг, подняв брови, посмотрел на Хайкри с новым уважением.

— Я и не подозревал, что крестьяне на такое способны, — ведь Злой был недалеко. Ха! Это здорово! Уменьшает силы Злого.

— Вы рисковали, — неодобрительно сказал Ремо. — Окажись вы слишком близко к Злому, он мог поработить и вас, и тогда его силы возросли бы, а не уменьшились.

— Мне кажется, — обиженно сказал Хайкри, — что такой шанс мог выпасть и тому,

кто сидел на месте. — Он искоса взглянул на Дага и добавил: — Я никогда особенно не обожал Стражей Озера, и те, кого я встречал, отвечали мне взаимностью, — но должен признать, что после прошлого лета Злые не нравятся мне гораздо больше.

Такую возможность нельзя было упустить; Даг попросил Фаун рассказать про Гринспринг, поскольку сам он этого взять на себя не мог бы. Фаун с помощью Вита сумела вполне понятно рассказать про Дар и разделяющие ножи. Барр и Ремо с тревогой слушали, как все стали обсуждать эти самые важные секреты Стражей Озера; матросы восприняли их кто с беспокойством, кто с недоверием. Впрочем, Орешек молча слушал с глубоким вниманием.

Хайкри производил на Дага впечатление деревенского предводителя — хоть и неумелый на реке, на суше он обладал и инициативой, и сообразительностью для того, чтобы увлечь за собой друзей и родичей в опасное предприятие, если дело того стоило. И его слова, и крохи его Дара дали Дагу пищу для размышлений, когда они с Фаун удалились в свой закуток. Вырванные им части Дара Хайкри растворились в его собственном Даре с гораздо большей легкостью, чем Дар москита и даже овсяного зернышка; это было почти неотличимо от обычного подкрепления Дара. Как и для Злых, для Дага из человеческого Дара получалась самая лучшая пища...

«Вот и выходит: Стражи Озера — людоеды».

Ни сказка о привидениях, ни рассказы Хайкри об участии в схватках не взволновали Дага, а вот эта последняя мысль долго не давала ему уснуть.

* * *

«Надежда» не стала идти медленнее из-за добавившихся пассажиров, но не стала идти и быстрее, как заметил Даг на следующее утро, сев на весла. Его напарником был Хог, а Вит правил рулем — очень гордый тем, что ему позволили на прямом участке реки делать это самостоятельно. Вскоре его должна была сменить Берри, поскольку, по ее словам, за следующим поворотом начинался один из самых трудных участков реки. Берри позволила потерпевшим крушение матросам принять участие в гребле, но только по одному за раз и под присмотром ее или Бо. Остальные охотно помогали с работами на кухне, которые увеличились с их появлением на борту, так что, если не считать неизбежной тесноты и давления на Дар Стражей Озера, день в их компании должен был пройти достаточно приятно.

Из-за холодного ветра, продувавшего речную долину, почти все оставались в каюте у очага или в грузовом отсеке. Даг, смотревший вперед, чтобы вовремя заметить появление препятствия, увидел, как из устья ручья, впадающего в реку, появился ялик с двумя гребцами и направился в их сторону. Когда он оказался на таком расстоянии, что крик был бы слышен, старший из гребцов встал на колени на скамье и замахал шляпой.

— Эй, на барже!

— Привет! — дружелюбно прокричал в ответ Вит. — Чем мы можем быть вам полезны, ребята?

— Ну, скорее это мы кое-чем можем быть вам полезны. После последнего наводнения фарватер у Кривого Локтя совсем переменялся. Я готов безопасно провести вас через эту путаницу.

Это было в порядке вещей по всей реке: местные жители бывали рады заработать несколько монет как лоцманы. Берри, которая теперь полагалась на своих Стражей Озера, обычно вежливо отказывалась от таких предложений, хотя всегда бывала рада возможности обменяться новостями. Иногда на лодках привозили на продажу свежие припасы или другие товары.

— Я не хозяин баржи, — крикнул Вит. — А сколько вы берете?

— Всего-то десять медяков за то, чтобы провести через Локоть. Если еще и через Запястье — то двадцать.

Цена была вполне разумной; обычно хозяин баржи предпочел бы заплатить, чтобы не потерять времени — а то и чего похуже, — пробираясь по незнакомому фарватеру. Даг открыл свой Дар, который держал раньше закрытым, чтобы не слышать гвалта на «Надежде», и замер с поднятым веслом.

— Ха, — обратился он к Виту и Хогу. — Странная вещь! Один из этих парней по уши околдован.

— Злым? — в панике спросил Вит.

Хог только с любопытством вытаращил глаза.

— Нет, никакой скверны не ощущается. Должно быть, он недавно имел дело с кем-то из Стражей Озера. — Даг присмотрелся к гребцам приближавшегося ялика.

Околдованный был пожилым суровым мужчиной — типичным крутым речником. Он был совсем не похож на человека, на которого обратила бы внимание какая-нибудь красотка из Стражей Озера. Может быть, у него и были не заметные на первый взгляд достоинства, но Дар его был таким же невзрачным, как и внешность. Никаких признаков увечий, которые потребовали бы вмешательства целителя, Даг не заметил. Вот второй гребец мог бы остановить на себе женский взгляд: хорошо сложенный, молодой, красивый, с кудрявыми темными волосами, в чистой одежде. Его Дар не был искажен околдовыванием, хотя и носил следы давнего стресса.

Все это было загадочным.

— Можете подняться и поговорить с хозяйкой, — крикнул Вит, когда ялик подошел к борту баржи. — Не думаю, чтобы нам был нужен лоцман, но у нас есть кое-какие товары на продажу, если вам это интересно. Хотя бы вот замечательное оконное стекло из Глассфорджа.

Гребцы ялика понимающе покивали. Хог положил свое весло и спрыгнул на переднюю палубу, чтобы помочь привязать ялик. Двое прибывших перелезли через поручни рядом с курятником и стали с интересом озиаться. Даг взглянул на утес, высившийся рядом с устьем ручья, и понял, что лоцман мог высматривать приближение потенциальных клиентов миль за десять.

— Эй, хозяйка, — крикнул Хог в передний люк, — у нас еще гости!

Даг тоже положил свое весло и прошел к переднему краю крыши каюты. На его глазах в люк высунулась светлая голова Берри, и тут девушка словно окаменела. Жестяная кружка, которую она держала, выпала у нее из руки и задребезжала по палубе, расплескивая остатки чая.

Красивый молодой речник поднял на нее глаза, и в них Даг прочел узнавание и — Даг мог бы поклясться — ужас.

— Элдер! — вскрикнула Берри, кинулась вперед и повисла на шее изумленного парня. Тот сначала заколебался, потом тоже обнял ее — Элдер, Элдер, — радостно повторяла Берри, уткнувшись лицом в его плечо. — Ты жив!

19

Радость Берри была такой сияющей, что, казалось, осветила все вокруг; взбаламученный Дар Элдера, напротив, потемнел. Даг стоял на крыше, расставив ноги и приложив пальцы к губам, и с удивлением смотрел на них.

«Что это?»

Хог неуверенно улыбнулся, а Вит, бросив рулевое весло, подошел к Дагу и тоже взглянул вниз. Его лицо отразило внезапное напряжение, а глаза расширились.

— Готорн, Бо, Фаун! Идите сюда! Я нашла Элдера! — крикнула Берри.

Руки Элдера бессильно упали; он растянул губы в вымученной улыбке. Готорн вылетел на палубу с радостными воплями и затанцевал вокруг сестры и ее жениха; он обнял бы парня, но Берри все еще висела на нем и не собиралась уступать место. Фаун и Бо последовали за мальчишкой менее торопливо. Заинтересованный неожиданным шумом Ремо

обошел их, влез на крышу и тоже стал наблюдать за происходящим.

Спутник Элдера поднял глаза и заметил Ремо.

— Элдер! — ахнул он. — На этой барже есть Страж Озера! Нужно сматываться! Ты же знаешь, Крейн не хочет, чтобы мы якшались со Стражами Озера.

Элдер тоже поднял глаза на людей на крыше каюты и коротко втянул воздух.

— Скинк, их двое! Высокий тоже из них — издали я не разглядел.

Берри широко улыбнулась.

— На самом деле их трое. Даг и Ремо присоединились к моей команде еще в Жемчужной Излучине, а Барр... появился позже. Они совсем ручные, ты их не бойся.

Элдер сглотнул.

— Да нет, мы не боимся, просто... Как я понимаю, лоцман вам не нужен, верно?

— Нет, нет, — поспешно вмешался Скинк. — Мы тут не нужны. Смываемся, Элдер.

Элдер повернулся к своему напарнику.

— Ты не понял. Эта девушка, — он показал на Берри, — была... Она моя нареченная, из Кликрика. Неужели вы проделали весь путь... ах, конечно, вы плывете из Кликрика. Так и есть. Мы *не сможем*... наняться на эту баржу, Скинк.

Скинк поежился.

— Вот я и говорю. Что же ты тогда собираешься делать?

Его возбужденно перебил Готорн:

— Да где же ты был, Элдер? И где папа, Бакторн и «Шиповник»? Где остальные парни, которые ходили с вами?

Берри отстранилась от Элдера; эти серьезные вопросы заставили ее отвлечься от радостных переживаний.

— Ох, и правда, Элдер, почему ты не вернулся домой? Или хотя бы написал или передал словечко с кем-то? Ведь прошло уже одиннадцать месяцев, как вы уплыли. Мы жуть как беспокоились о вас всех.

Губы Элдера дрогнули, но слов не последовало. Наконец, сглотнув, он выдавил:

— Мне очень жаль, Берри. «Шиповник» потопила буря неподалеку отсюда. Мне одному удалось выбраться на берег. Ребята из... — он оглянулся на Скинку, — из охотничьего лагеря у Локтя нашли меня чуть живого. Я проболел несколько недель — подцепил легочную лихорадку. К тому времени как мне полегчало, от судна уже и следа не осталось — только несколько досок прибило к берегу. Остальное забрала река.

— Ты уверен? — взволнованно спросила Берри. — Они могли выбраться на берег ниже по течению и решить, что это ты пропал... нет, они послали бы восточку... — Берри печально вздохнула.

Надежда на лице Готорна сменилась горем. Берри обняла дрожащего брата за плечи.

— Ш-ш, Готорн... Мы вроде как знали, правда? Потому что папа и Бакторн и... — она запнулась, — не оставили бы нас тревожиться, если только... — Берри вытерла глаза. — Почему же ты ничего не дал знать, Элдер? Это так жестоко...

Элдер сделал глубокий вдох.

— Мне потребовались месяцы, чтобы восстановить силы, да и ребятам я задолжал за их помощь. Вот я и подумал: я отправился вниз по реке, чтобы подзаработать, и не дело возвращаться к тебе с пустыми руками... и плохими новостями... Я хотел хотя бы вернуть тебе стоимость «Шиповника», да на это потребовалось больше времени, чем я рассчитывал.

Ремо отчаянно зашептал в ухо Дага:

— Даг, он же...

Даг остановил его, подняв руку, и пробормотал:

— Подожди. Пусть закончит. — Он внимательно смотрел на взволнованных людей на палубе, открыв свой Дар как можно шире. На таком расстоянии этого можно было и не делать...

— Элдер, да что такое ты говоришь! — воскликнула Берри. — Ты же должен лучше меня знать! Как ты мог подумать, что я поставлю тугой кошелек выше жизнью моих

родных... или даже известий об их судьбе?

— Мне очень жаль, Берри, — беспомощно повторил Элдер, повесив голову. — Я ошибся, теперь я это вижу. Я никогда не думал, что ты отправишься меня разыскивать.

На лице слушавшего их Бо сменялись разные выражения: от смутной радости до смутного же горя; теперь он смотрел на Элдера без всякого выражения, покусывая ноготь. Фаун выскочила на палубу почти такая же возбужденная, как Готорн; потом на ее лице стали отражаться те же чувства, что и на лице ее подруги Берри. Теперь она стояла рядом с Бо, сложив руки на груди, и внимательно слушала. В целом Даг был рад тому, что она не приняла на веру все услышанное с такой же готовностью, что и Берри; впрочем, это было понятно: не ей Элдер клялся в любви, и те надежды, которые она питала по поводу счастья Берри, умерялись ее беспокойством насчет чувств Вита.

«Моя Искорка умница; она уже почувствовала, что дело нечисто».

Берри напряглась.

— Элдер, тебе рано или поздно придется сказать правду, так лучше уж скажи ее сейчас. Если у тебя появилась другая девушка, тебе в любом случае придется одну из нас бросить, так что тут тебе никак не выкрутиться. Если она, может быть... выходила тебя или еще что, я, наверное, даже не возненавижу ее... — Берри вопросительно глядела на Элдера; теперь они стояли на расстоянии друг от друга.

— Нет! — удивленно воскликнул Элдер. — Никакой другой женщины у меня нет, клянусь!

— Проклятие, — прошептал Ремо. — Парень в первый раз сказал правду!

— Ага, — кивнул Даг. Это его не порадовало: будь у Элдера другая, это хоть как-то положило бы конец трагедии. Даг тихо добавил: — Присмотри за тем околдованным типом. Он собирается сбежать. — Скинк пятился к своему ялику, но когда Ремо проскользнул мимо курятника, остановился и двинулся в обратном направлении, исподлобья оглядывая заполненную народом палубу.

Берри не сводила глаз с лица жениха; в конце концов она решила — даже Даг не смог бы определить, насколько ее решение продиктовано страстным желанием, — что тот сказал правду.

— Тогда присоединяйся к нам! Мы продадим «Надежду» в Греймауте и получим все деньги, которые нам нужны. Дом в Клирккрике ждет. — Голос ее дрогнул. — Я все для нас приготовила.

Элдер растерянно провел рукой по волосам.

— Не могу же я смыться, ничего не сказав тем парням в лагере, которые мне помогли.

— Конечно, нет! — ответила Берри. — Мы можем причалить за поворотом. Я сама хотела бы поблагодарить их за то, что они за тобой ухаживали. Или... — Берри помолчала, обдумывая ситуацию. — Если у тебя есть долги, я расплачусь за тебя. У меня не очень много монет, но хватит, чтобы оплатить лечение больного. — Возникшее подозрение заставило ее снова умолкнуть. — Если только ты не проигрался...

— Берри, это крутые ребята. Лучше с ними разберусь я сам, а ты веди свое судно дальше. Я... соберу свои вещи и догоню тебя у Запаястья.

Бо медленно проговорил:

— Ты и тел никаких не нашел, чтобы похоронить, как положено?

Элдер покачал головой. Судя по состоянию его Дара, он был в панике.

— Тебе не нужно смягчать удар, — тихо сказала Берри. — Я знаю, что может сотворить эта река.

Даг задумался о том, его ли это дело. Он взглянул на Фаун — та переживала за Берри, но еще больше переживала за поникшего Вита, — на Бо, на расстроенного Готорна. Даг не был против лжи, которая могла избавить кого-то от бесполезных страданий, но тут все направления вели в тупик.

«Так давайте выясним правду и посмотрим, чьи страдания окажутся заслуженными».

Даг сурово посмотрел на парня и сказал:

— Берри... Элдер тебе лжет.

Она повернула к нему побледневшее лицо.

— О чем?

— Обо всем.

Скинк рванулся к поручням.

Его схватили Ремо и Хайкри, который, услышав шум, вышел на палубу и в растерянности слушал рассказ Элдера. Хайкри с его охотничьими умениями ловко помог Ремо остановить пытавшегося нырнуть в воду Скинка, но потом, глядя на вырывающегося человека, с сомнением спросил Дага:

— В чем тут дело, Страж Озера?

— Я не уверен, только этот человек околдован по уши. Не знаю, кто это сделал, когда и почему. И с какой целью.

— Ох, беда, — вздохнул Хог. — Можешь ты привести его в порядок, Даг?

Что случится, если он расколдует этого несимпатичного Скинка? От одной мысли, что придется впустить в себя его отвратительный Дар, Дага начинало выворачивать наизнанку. Однако околдовывание — это своего рода увечье... Если Даг не оставил бы без помощи истекающего кровью или переломавшего кости человека, может ли он отвернуться от Скинка?

— Почему ты пытаешься сбежать, Скинк? Я не причиню тебе вреда.

Скинк с безумным видом озирался по сторонам.

— Крейну это не понравится, — бросил он Элдеру. Дар и Скинка, и Элдера просто вонял страхом, но Элдер по крайней мере сохранил самообладание, когда Даг спрыгнул на палубу и подошел к Скинку.

«Пусть грех падет на мою голову».

Даг поднял левую руку; на таком расстоянии не было нужды касаться Скинка, но одинаковое положение тела и Дара помогало сосредоточиться. Практика сделала операцию более легкой; Даг поморщился, когда отдача взбудораженного Дара Скинка обрушилась на него, но заставил себя принять ее.

Даг сам не знал, какой реакции ожидать, но уж никак не того, что Скинк рухнет на палубу, сотрясаясь от рыданий.

— Нет, нет, нет, — выкрикивал он. — Нет, нет, нет...

Хайкри озадаченно закусил губу, напряженно наблюдая за Скинком.

«Да, этот предводитель отряда определенно видел подобное раньше, — подумал Даг. — И я видел тоже».

— Скинк, возьми себя в руки, — рявкнул Элдер. Он обвел взглядом растерянных зрителей, к которым теперь присоединились Барр и Медвежья Приманка. — Простите нас, ребята. Такое с ним случается, когда он начинает трезветь... Я лучше отвезу его в лагерь.

Каждая ложь Элдера в отдельности могла бы показаться правдоподобной; все вместе они таковыми не были.

«Какой правды он так отчаянно боится?»

У Дага оставался последний шанс избежать выяснения. Увы, особо выбирать между несчастьем, вызванным ошибкой, и несчастьем из-за совершенно правильных действий не приходилось.

«Нужно ударить в самое слабое место, и ударить быстро».

Он наклонился, поднял голову Скинка за волосы и прибег если не к удару палкой по голове, то к самому грозному своему командирскому тону.

— Смотри на меня. — Скинк поднял глаза, и дыхание замерло у него в горле. — Что вы на самом деле здесь делаете? — рявкнул Даг.

— Речные разбойники... — пробормотал Скинк. — Мы должны следить за направляющимися в низовья судами, и если на них есть что-нибудь стоящее, отводить их туда, где ждут Крейн и парни, чтобы ограбить. О боги!

— Что? — воскликнула Берри. — Элдер, как это? — Она с ужасом смотрела не на

Скинка, а на своего жениха.

— Да у него белая горячка!

— Этот человек, — задумчиво проговорил Хайкри, — напоминает мне тех бедняг, которых мы увозили прочь от логова зловредного привидения.

Даг чуть не ответил ему: «Это связано одно с другим», но проводить такую параллель сейчас ему не хотелось. Он ограничился тем, что сказал:

— Может, и так, но тут, похоже, человеческая подлость. — Он снова дернул Скинку за волосы, не позволяя ему найти убежище в рыданиях. — Сколько разбойников и где они?

— Тридцать. Сорок. И Крейн — он всегда тут как тут.

— Где?

— В пещере. В пещере рядом с Локтем. По реке тринадцать миль, а по перешейку всего три. Это дает время разведать и подготовиться...

«Он разговорился; нужно не ослаблять давление».

— В той пещере был раньше Злой?

— Что?

— Зловредное привидение.

Скинк помотал головой.

— Нет тут никакого зловредного привидения. Только Крейн, его и одного достаточно. И еще братья Драмы. Прежде чем появились Драмы, Элдер был правой рукой Крейна, но теперь Крейн предпочитает их, и даже Элдер не такой безумец, чтобы проявлять недовольство.

Даг снова встряхнул Скинку и одновременно нажал на его плечо, словно тот был бурдюком, из которого нужно было выжать все до последней капли.

— Значит, предлагая услуги лоцмана, вы заманиваете суда в ловушку, а что потом? Грабите? А что делаете с командой?

— Мое-то судно они захватили не так. Когда я впервые тут появился, пещера все еще служила Пивовару таверной. Нас туда позвали, напоили, а потом набросились, пока мы были не в себе... за исключением тех, кого Крейн приберег для своих игр... Ох, сколько крови и боли...

Бо и Барр незаметно встали по бокам Элдера, как с удовлетворением заметил Даг. Берри отошла от жениха. Ее бескровное лицо стало холодным и непреклонным. Фаун стиснула ее ледяную руку — то ли ободряя, то ли удерживая, то ли и то, и другое.

— А теперь что случается с командами? — продолжал расспросы Даг.

— Приканчиваем во сне или ударом в спину, если удастся. Нельзя позволить никому убежать и донести... да только Крейн всегда может найти беглеца. А суда сжигаем или прячем в тайной протоке за островом — ведь нельзя, чтобы их потом узнали. Раньше Пивовар отправлял их в низовья, только Крейн сообразительнее. Пивовар и игру придумал, да Крейн в конце концов его обыграл.

— А тела?

— Раньше их скидывали в ущелье, а потом младший Драм показал, как можно избавляться иначе: взрезать живот, набить камнями и утопить: так они не всплывут. Легче, чем хоронить... О боги! Понимаете, эти братья Драмы не всегда сразу убивают...

Может быть, достаточно? «Даже слишком много». Даг понимал, в какой страшной опасности они находятся, и наверняка узнать другие чудовищные подробности — что такое, например, игра? — можно было и потом, не в присутствии Фаун, Берри, Готорна и Хога. «Ладно, еще один вопрос».

— Кто такой Крейн?

— Страж Озера. *Наши* Страж Озера.

Ремо и Барр сразу насторожились; Даг понял это по тому, как резко они закрыли свой Дар, словно моллюск — створки раковины.

«Предатель? Безумец? Порождение Злого?»

— Откуда он появился? — безжалостно продолжал допрос Даг.

— Не знаю. Он уже был здесь, когда меня захватили. Откуда-то из Олеаны, я думаю.

— Это он организовал банду?

— Нет, я же говорил: парень по имени Пивовар.

— А Пивовар был Стражем Озера? — Судя по имени, нет.

— Нет, конечно. До меня... до Элдера Крейн был просто пассажиром на барже, которую Пивовар заманил... Каким-то образом Крейн уговорил Пивовара его не убивать, на какое-то время Крейн стал правой рукой Пивовара, и потом... Пивовара не стало. Остался только Крейн. — Скинк помолчал. — Пивовар, он просто хотел жутко разбогатеть, а чего хочет Крейн, никто не знает.

— Он один?

— Нет, нас тридцать или сорок — когда как.

— Я имею в виду — других Стражей Озера с ним нет? — уточнил Даг.

— А-а... Нет, такой он один.

— А сейчас он где, ты знаешь? — Нигде в пределах мили Стражей Озера нет, но мила неожиданно стала казаться Дагу очень коротким расстоянием между этим безумием и Искоркой.

Скинк покачал головой.

— В последний раз я его видел в пещере. — Дагу показалось, что при этих словах Элдер съежился. Он посмотрел на парня с холодным расчетом.

Берри сглотнула и сказала Дагу:

— Спроси его, захватили ли они... видели ли «Сталь Трипойнта».

— Этот разукрашенный парусник? — фыркнул Скинк. — Проходил тут на прошлой неделе. Крейн, он велел затаиться и позволить этим дуракам плыть мимо. Они и уплыли.

Даг встретился глазами с Берри и угадал ее мысль: «От них помощи ждать не приходится». Ум его лихорадочно заработал. Разбойников было по крайней мере вдвое больше, чем находившихся на борту «Надежды», однако скоро должны были подойти другие суда. Уловка Крейна была, конечно, хитрой: грабить только самые богатые, а остальные не трогать; и все же даже это не могло дать разбойникам возможность долго оставаться необнаруженными. Так сколько же времени было у «Надежды» для приготовлений?

«Приготовлений к чему?»

Кое-кто из матросов из Рейнтри взялся за весла; иначе «Надежда» могла сесть на мель. Теперь они были гораздо ближе к устью ручья и наблюдательному пункту на скале над ним. Даг поманил к себе Хайкри и Медвежью Приманку.

— Приходилось вам выслеживать разбойников в Рейнтри?

— Однажды пришлось, — признал Хикори. — Их, правда, было всего двое, а не тридцать или сорок. Мы их поймали живьем и привели на суд в деревню, а потом ушли: не очень-то я люблю смотреть, как вешают, хотя делать это нужно.

— Похоже, в этом снова есть нужда, — сказал Даг. — Мне пару раз приходилось уничтожать шайки, плюс еще ту большую банду под Глассфорджем. Первым делом надо позаботиться о том, чтобы охотников было больше, чем дичи. «Кусачая черепаха» ненамного от нас отстает, да и другие суда скоро могут появиться. Если к ночи у нас наберется достаточно народу, вы, парни, присоединитесь?

Хайкри посмотрел на Медвежью Приманку; тот кивнул.

— Пожалуй.

— Если бы я мог, я предоставил бы крестьян крестьянам, а Стражей Озера — Стражам Озера, — продолжал Даг. Барр и Ремо оба поморщились, услышав о предстоящем деле, но оба кивнули Дагу. — Этот Крейн может быть опасен, и бороться с ним крестьяне не смогут.

— Меня это устраивает, — медленно проговорил Хайкри. — При условии, что потом правосудие будет одно на всех. — Он бросил на Дага тяжелый вопросительный взгляд.

— Если он виноват хотя бы в половине ужасов, о которых рассказал Скинк, то проблемы с этим не будет. Троих и раньше бывало достаточно для полевого суда.

Хайкри неуверенно согласился с ним.

— Что ж, чтобы сделать рагу из кролика, нужно сначала кролика поймать.
— Верно, — согласился Даг.

* * *

«Надежда» причалила в устье ручья, и Фаун с тревогой следила за Дагом и остальными мужчинами, которые отвели пленников на берег для дальнейшего допроса. Они вернулись примерно через три четверти часа с мрачными лицами, хотя ни на Элдере, ни на его унылом напарнике не было заметно следов побоев. Бо лично проверил, надежно ли скручены руки Элдера у того за спиной; парня привязали к столбу, поддерживающему крышу каюты между кухней и грузовым отсеком.

— Я бы еще и кляп в его поганый рот всунул, — посоветовал старик Дагу.

Даг покачал головой, но сказал Берри и Фаун:

— Не ослабляйте веревки ни под каким видом. Если ему понадобится пописать, отвернитесь и позовите Хога с ведром. — Говоря это, Даг смотрел в глаза Берри. Она коротко кивнула. Теперь оставалось только ждать подкреплений.

Довольно скоро Вит, забравшийся на скалу, подал сигнал, и они с Бо на ялике разбойников отправились к идущей вниз по течению барже, чтобы объяснить ситуацию. Девять человек команды — все крепкие парни — были поражены новостями, не говоря уже о том, что сами еле избежали опасности; они с готовностью предложили помощь в уничтожении речных грабителей и тут же направили свое судно к берегу.

«Кусачая черепаха» появилась около полудня, и Фаун заметила, что Даг с облегчением перевел дух. Буйная команда парусника выразила полную готовность поучаствовать в грязной работе. После этого предводители и хозяева судов — Вейн и Садлер, Хайкри и Медвежья Приманка, капитан новой баржи и Даг — собрались на берегу, чтобы обсудить планы. Вейн, объявивший себя лучшим драчуном, какие только плавали по реке, счел себя командиром и предложил напасть на разбойников с реки. Даг явно предпочитал, чтобы Хайкри возглавил атаку с перешейка, и когда громкие споры стали казаться нескончаемыми, отвел Вейна в сторонку для разговора наедине. Фаун, наблюдавшая за мужчинами с борта «Надежды», предположила, что для убеждения Даг воспользовался не только словами; в тревоге она смотрела на потемневшее лицо мужа. Однако план нападения с суши в конце концов был принят.

Остаток дня команды провели, собирая и готовя оружие. У всех были ножи, дубинки удалось быстро изготовить, но пик и луков оказалось меньше, чем хотелось бы Дагу. Вита он включил в группу лучников.

— Обязательно ли Виту участвовать? — тихонько спросила Дага Фаун, когда они на мгновение оказались наедине на задней палубе «Надежды».

— Он сам вызвался. Было бы оскорблением после этого оставить его на борту. И мне не хватает лучников. — Даг отвел прядь волос со лба Фаун. — По крайней мере лучники будут на расстоянии от самой жаркой стычки.

— В этом что-то есть, — согласилась Фаун.

— И еще... Мне не хотелось бы оставлять его с Элдером.

Фаун вскинула голову.

— Даг! Как бы ни переживал Вит за Берри, он не убийца!

— Нет, конечно, но уж очень Элдер сладкоречив. Если он уговорит Берри... на что-нибудь, есть опасность, что Вит наделает глупостей из-за ложно понятого благородства... или ударится в другую крайность. Я предпочел бы вовсе избавить его от подобной дилеммы. — Даг помолчал. — Наутро нам всем предстоит стать палачами, если все пройдет, как следует, знаешь ли. Берри понадобится вся поддержка, какую только ты сможешь ей оказать.

— Нужно ли вешать и Элдера? Я хочу сказать — он же был околдован этим Стражем Озера Крейном, верно? Разве он виноват в том, что делал по принуждению? А Скинк? Разве

не будет трудно разобраться с этим... наутро?

Даг долго молчал, глядя на реку.

— Я не собираюсь заводить об этом речь, если другие не станут. Не начинай и ты, пожалуйста. Они все достаточно виноваты.

— Даг... — с упреком прошептала Фаун.

— Я знаю, я знаю! — Даг вздохнул. — Как бы то ни было, первым делом нам нужно поймать разбойников. Это сделать мы должны без колебаний. Спорить можно потом, когда нам не будет грозить опасность.

Фаун с сомнением поджала губы.

Даг обнял ее и зарылся лицом в ее волосы.

— Я думал, — пробормотал он, — что, когда я ушел из отряда, такая работа останется позади и я смогу посвятить и свой ум, и свой Дар лечению людей, а не убийству. — Еще тише он добавил: — И когда я вылечил бы столько же, сколько убил, счет стал бы равным, и я смог бы двинуться вперед.

— У тебя это получается?

— Не знаю, Искорка. Я могу только надеяться.

Фаун крепко обняла Дага, чтобы он почувствовал ее поддержку.

— Не мог бы ты хотя бы расколдовать Элдера, прежде чем вы отправитесь... Берри было бы очень тяжело увидеть, как он разваливается на части, вроде этого Скинка, но по крайней мере он стал бы не таким опасным.

— Я не могу расколдовать Элдера.

— Почему? Других же ты расколдовывал. Это ведь не излечение, когда ты отдаешь так много Дара, что сам уже не держишься на ногах. Или как с тем куском пирога — сразу не переварить?

— Нет, — неохотно проговорил Даг. — Я не могу расколдовать Элдера, потому что он вообще не околдован.

Последовало молчание.

— Ох... — наконец прошептала Фаун. «О боги! Бедная Берри...» — Когда ты собираешься ей об этом сказать?

— Не знаю. У меня сейчас такая путаница в мыслях, что я боюсь себе доверять. Сначала нужно поймать разбойников. И в первую очередь их главаря, Крейна. В этом я уверен... возможно, это единственное, в чем я уверен.

Такой подход показался Фаун типичным для старого дозорного: «Сначала уничтожить Злого. Все остальное — потом». Она не думала, что Даг ошибается, но «потом» начало пугающе нависать над ними... Фаун взяла себя в руки и решительно встряхнула Дага за плечи.

— Тогда разделись с разбойниками.

Даг ответил ей благодарной улыбкой.

К концу дня появилась еще одна баржа, но на ней, как оказалось, плавала семья. Отец, старший сын и двое матросов вызвались участвовать в схватке, к ужасу матери, оставшейся с четверьмя младшими детьми и стариком-дедом. Никто не ожидал, что с наступлением темноты можно ожидать прибытия других судов: все разумные капитаны на ночь причаливали к берегу; однако в сумерки появился парусник, который чуть не прошел мимо. Его команда состояла из суровых речников из Серебряных Перекатов, и услышав жуткую историю о грабежах, убийствах и сожженных судах, они с готовностью присоединились к остальным. Теперь нужно было только накормить всех, более подробно обсудить планы и проследить, чтобы к полуночи никто не напился.

На сборы Дагу потребовалось немного времени: он собирался отсутствовать всего несколько часов, а не недель. Фаун думала, что они покончили с этими расставаниями в темноте, когда Даг ушел из отряда; вернувшиеся воспоминания пугали ее. Однако толпа речников на берегу обнадеживала своей многочисленностью и своей яростью. Даг отправил Ремо, Барра и кое-кого из охотников из Рейнтри вперед как разведчиков. Остальные

поднимались на холм при свете нескольких фонарей. Они, конечно, производили больше шума, чем умелые дозорные — Стражи Озера, но по крайней мере решительности им было не занимать.

О сне не могло быть и речи. Фаун и Берри занялись подготовкой на кухонном столе бинтов и лекарств, имевшихся на «Надежде», в ожидании возвращения мужчин — на рассвете, по предположению Дага. Фаун надеялась, что запасом лопат из Трипойнта для похорон не придется воспользоваться, — по крайней мере для тех, кто на их стороне. Скорее всего это была слишком оптимистическая надежда, но Фаун нужно было что-то противопоставить унылому холоду этой ночи. На борту почти никого не осталось, и ряд судов, привязанных к деревьям в устье ручья, казался погруженным в невыносимую тишину.

Готорн некоторое время назад исчез в кустах — скорее всего чтобы выплакаться; вернувшись, он улегся на свою койку лицом к стене, прижимая к себе енота. Сон ослабил его хватку, и зверек выскользнул и спрятался в грузовом отсеке. Бо ходил вдоль ряда судов, переговариваясь с немногими оставшимися — стариком старше его самого и парнем со сломанной рукой. Хог, отряженный помогать Бо, таскался за ним следом.

Элдер, которого ненадолго сморила дремота, поднял голову. Сидя на табурете привязанным к столбу, он больше не выглядел бодрым красавцем. Фаун подумала о том, часто ли его отправляли заманивать жертвы, — это ему должно было хорошо удаваться благодаря располагающей внешности и красноречию. В свете фонаря было видно, как он воровато озирается; потом его взгляд остановился на Берри.

— Я не мог сбежать, — сказал он. — Ты и представить себе не можешь, что Крейн творит с дезертирами.

Берри посмотрела на него со своего места у стола, но ничего не сказала. Фаун перестала нервно теребить свои принадлежности для рукоделия, гадая, не придется ли ей вскоре зашивать живую плоть, повернулась и стала смотреть на Берри и Элдера.

— И что же этот Крейн делает с дезертирами? — наконец спросила она, видя, что Берри не собирается нарушать молчание.

— Он хитрый, жутко хитрый. Одного или двух человек он просто убил, когда те стали спорить, но по большей части если кто-то собирается уйти из шайки, он притворяется, что отпускает парня вместе с частью добычи, а потом выслеживает. Скрыться от его Дара невозможно. Он из засады убивает дезертира, а его часть добычи забирает себе, и никто в лагере даже ничего не знает. Уйти от него живым невозможно.

Такой исход показался Фаун справедливым. Однако в рассказе Элдера было несколько несоответствий, и Фаун посмотрела на Берри, гадая, заметила ли это та.

— Если все делается тайно, то откуда ты обо всем знаешь? — спросила она. — Что-то мне кажется, что Крейн не мог бы устраивать засаду и хоронить убитых в одиночку. — Элдер бросил на нее неприязненный взгляд. — И как в таком случае кто-то из разбойников остается в живых? Или Крейн рассчитывает под конец остаться один?

— Некоторые присоединяются к шайке — как братья Драмы. Иногда Крейн принуждает пленников — как Скинка.

И как Элдера? Фаун подумала, что не стоит спрашивать об этом в присутствии Берри. Лучше не надо... Она подозревала, что Бо уже знает, — после допроса на берегу, откуда он вернулся таким мрачным. Скорее всего завтра многое расскажут те свидетели, которых удастся захватить живьем...

— Я пытался спасти вас, — сказал Элдер, жалобно глядя на Берри. — Сегодня, когда мы встретились, я делал все, что только мог придумать, чтобы вы продолжали плавание. Я всегда пытался спасти кого только мог, когда меня отправляли притворяться лоцманом. Те суда, на которых были семьи, женщины или дети, я пропускал.

Скорее всего то были самые бедные баржи, заподозрила Фаун.

— А постельные лодки? — поинтересовалась она.

— Такие нам никогда не попадались, — поморщился Элдер.

Берри подняла на него глаза.

Если Крейн действительно был так хитер и так жесток, как говорил Элдер, скорее он позволил бы женщинам заняться их ремеслом в пещере, щедро заплатил им, а потом, когда они собрались бы отправиться дальше, избавился от них, как и от дезертиров. Иначе весть о таинственной таверне в пещере просочилась бы, а Берри в своих расспросах не обходила вниманием и постельные лодки. А вот то, что Элдер отчаянно старался убедить Берри плыть дальше, было, несомненно, правдой.

В голосе Элдера зазвучало горячее желание убедить Берри.

— Мы же могли бы бежать отсюда — только ты и я. Когда я тебя увидел, я словно проснулся от длившегося целый год кошмарного сна. Я так испугался за тебя... я никогда не позволил бы Крейну наложить на тебя руки. Мне и в голову не приходило, что ты спасешь меня. Понимаешь, я знаю, где находятся некоторые тайники Крейна. Если бы мы ускользнули сейчас, пока остальные заняты, мы могли бы вернуться в Клиркрик богатыми и никогда больше не ходить по реке. Я и видеть ее больше не желаю: она меня погубила. Мы могли бы забыть все это, как дурной сон, и начать все с начала.

— Так вот что ты собирался привезти мне? — сказала Берри хриплым голосом, глядя на свои стиснутые руки. — Мешки монет, покрытые кровью убитых?

Элдер затряс головой.

— Крейн по крайней мере должен тебе заплатить за «Шиповник», я думаю.

— Почему, если судно разбилось в бурю? — поинтересовалась Фаун, подняв брови. Взгляд, которым ответил ей Элдер, был убийственным. Однако он достаточно быстро оправился и продолжал:

— Это все вина колдуна — Стража Озера. Он помрачает рассудок людей, заставляет их трепетать перед ним. Уничтожает хороших людей и наслаждается этим. Ты видела Скинка. Он был обычным речником, ничем не отличался от гребцов твоего отца на «Шиповнике». А потом Крейн поймал его и совратил. Поэтому-то я и не мог скрыться. Боги, как я ненавижу Крейна!

Последняя фраза прозвучала вполне правдиво. Берри подняла на Элдера глаза, и на мгновение Фаун показалось, что ее решимость дала трещину... ведь не вода же блеснула в ее покрасневших глазах.

— Если Крейн околдовал тебя, — сказала Фаун, — тогда ты остаешься околдованным и теперь, и освободить тебя опасно, потому что ты тут же побежишь к нему обратно. Ты не сможешь этому противиться, как не мог противиться всему остальному.

Элдер начал что-то отвечать, но в растерянности умолк. Заметил ли он ловушку, в которую себя загнал?

Берри наконец заговорила:

— Конечно, если ты не околдован, трудно понять, почему ты раньше не мог сбежать. По мне так человек, который хочет бежать, а о деньгах не заботится, мог уплыть ночью на плавнике — на это целое лето было. Добрался бы за день до первого лагеря или поселка за Запястьем и позвал на помощь, хотя бы сообщил, что у Локтя творятся черные дела. Все это можно было сделать давным-давно — если ты не был околдован. Так что тут верно — ты уж выбери, Элдер.

Элдер открыл и закрыл рот. Наконец он принял решение.

— Этот Страж Озера... Он всего меня заколдовал. Я теперь и ясно думать не могу.

— Тогда мне опасно развязывать тебя, а? — сказала Берри, поднимаясь на ноги. — Пойдем, Фаун. Тут не удастся уснуть. Пойдем на крышу. Там и воздух чище.

— Верно, — откликнулась Фаун и следом за Берри через люк выбралась в холодную тьму.

Ночное небо было ясным и покрытым звездами. Над восточным берегом реки вставал месяц. Берри и Фаун уселись на крыше, скрестив ноги, и стали вглядываться в черную массу утеса; только несколько тусклых огоньков виднелись в окнах судов. Ручей, впадавший в Грейс, громко журчал. Крика и шума битвы слышно не было, да Фаун и не ожидала их услышать: от пещеры разбойников их отделяли три мили.

— Элдер всю свою жизнь там, в Клирккрике, был хорошим человеком, — наконец заговорила Берри.

Фаун ничего ей не ответила.

— Река и в самом деле уничтожила его.

— Может быть, он просто никогда не встречался с настолько сильным искушением, — предположила Фаун и после паузы добавила: — Да не выпадет мне такой судьбы.

— Ага, — выдохнула Берри. Морозную ночь не оживляли песни насекомых. Пар от дыхания серебрился легкими облачками в лунном свете. — Так околдован Элдер или нет? — наконец снова заговорила Берри. — Даг ничего не говорил?

Фаун сглотнула. Вряд ли будет более удобное время и место, чтобы открыть Берри правду.

— Он сказал — нет.

Берри сделала глубокий вдох.

— Я вроде как поняла, что дело нечисто. Иначе Даг отпустил бы его вместе со Скинком. — Она горько усмехнулась. — Уж и не знаю, что хуже. Плохо и так, и этак.

— Верно, — согласилась Фаун.

— И выхода я не вижу.

— Верно, — согласилась Фаун.

Они долго молча сидели на крыше, дожидаясь проблеска света или слова, но так и ушли, не дождавшись.

20

Даг уперся коленом в поваленный ствол, проверил крепление лука на протезе и защелкнул замок. Открыв свой Дар, он быстро огляделся и выругался: не в первый раз уже он сожалел о неспособности Дара проникать сквозь камень. Барр и двое лучников Хайкри заняли позицию у выхода из пещеры. Ремо и еще один из охотников взбирались к отверстию в скале, откуда вился дымок, серебристо-серый в свете встающего месяца. Задачей Ремо было проследить, чтобы тем путем никто не сбежал. Наконец Даг проверил, готов ли Вит, стоявший с ним рядом. Лицо парня, исполосованное тенями голых ветвей, было таким же бледным и неподвижным, как луна; на нем не было заметно обычной утомительной веселости. Эта перемена оказалась не такой обнадеживающей, как мог бы подумать Даг.

Даг подавил свой гнев, рожденный не только жестокостью разбойников, но и тем, что он столкнулся с ними здесь и сейчас, в середине путешествия, которое он хотел сделать для Фаун запоздалым свадебным подарком. Она однажды пострадала от разбойников под Глассфорджем, и он поклялся, что больше никогда такой ужас ее не коснется. Правда, сегодня она не выглядела испуганной — только напряженной и решительной. На этот раз он сделает все, чтобы она осталась в стороне от ужасных событий. Даг старался не думать о том, что наступали ее ежемесячные дни зачатия, рождая милый блеск ее Дара; в обычных обстоятельствах они использовали бы изощренные постельные приемы Стражей Озера. Только нужно было оказаться вдали от любых разбойников...

«Прогони эту мысль, старый дозорный, ты только сведешь себя с ума... еще больше, чем обычно».

Однако Даг принял твердое решение: никто не должен вырваться из этой пещеры, чтобы угрожать Фаун, или Берри, или кому-нибудь еще. Он огорченно закусил губу: стены пещеры не позволяли пересчитать врагов.

Чудо из чудес: два двигавшихся с разных сторон отряда речников — один под руководством Хайкри, другой — капитана Вейна — подошли ко входу в пещеру одновременно, и только тогда часовой очнулся от своего пьяного ступора и поднял тревогу.

«Слишком поздно», — с удовлетворением подумал Даг. Он то открывал, то закрывал Дар, следя за событиями, но заслоняясь от вспышек, рожденных увечьями врагов. Вся его возня с целительством сделала его более чувствительным к подобным вещам... Даг

поморщился от обжигающего ощущения удара ножом, от ослепительного взрыва удара дубинкой. Нужно продолжать поиск его истинной цели...

Где же, будь оно все проклято, этот Крейн? Должно быть, им удалось застать предводителя спящим, как они и рассчитывали, иначе речникам никогда не удалось бы подобраться к пещере незамеченными. Никто из Стражей Озера с «Надежды» не соприкоснулся с его Даром снаружи, по крайней мере на расстоянии мили.

Крики, удары, стоны доносились от входа в пещеру, озаренного мерцающим оранжевым светом факелов и отчаянно раскачивающихся фонарей. Разбойник, попытавшийся вылезти в дымовое отверстие, получил удар от напарника Ремо. Сам Ремо скользнул вниз, исчезнув и из обычного, и из внутреннего поля зрения Дага. Прекрасно! Теперь по крайней мере один разведчик был внутри; он поможет найти предателя. Даг безжалостно подавил беспокойство за неопытного дозорного, когда пятеро ревуших разбойников тесной группой пробились через людей Вейна и побежали в сторону Дага и Вита.

— Видишь их? — шепнул Даг, поднимая лук и целясь.

— Ага, — выдохнул парень пересохшими губами и последовал его примеру. Две стрелы со стальными наконечниками вылетели одновременно и обе попали в цель.

— Прекрасный выстрел! — похвалил Вита Даг. «Скорее, правда, везение новичка». Даг выпустил следующую стрелу еще до того, как Вит трясущимися руками сумел натянуть лук. На этот раз разбойник не был выведен из строя: стрела попала ему в бедро и только замедлила его движения. Эта группа, должно быть, поняла, как мало милосердия могут они ожидать от речников, превратившихся из добычи в охотников. Трое уцелевших повернулись и бросились бежать — или хромать — в другом направлении: туда, где ждал Барр. Ни одному не удалось миновать дозорного.

Даг подождал еще несколько минут, но никто из разбойников больше не пытался вырваться из пещеры. Задача лучников была выполнена, и Даг двинулся вниз по склону; теперь его больше занимала необходимость быстро добраться до входа, чем задача удержать Вита на расстоянии от него. Один из их противников лежал неподвижно: стрела торчала из его глаза. Другой стонал и корчился на опавших листьях, пытаясь выдернуть древко, глубоко застрявшее у него в животе.

— Не нужно ли... — неуверенно начал Вит.

— Оставь его пока. Он уже никуда не убежит, — пробормотал Даг. Беспокоиться о раненых, которым утром предстоит быть повешенными, он будет, только когда поможет своим... если будет время и если он сам останется цел.

— Но я... в кого из них я попал? — Вит оглянулся через плечо.

— Твой — тот, кто застрелен в голову. Чистая и быстрая смерть.

— Ох...

На лице Вита выражение триумфа сменилось отвращением, и Даг понял, что когда все кончится, ему предстоит заняться не только Барром и Ремо, чтобы смягчить ущерб, нанесенный агонией Дара жертв.

«А кто поможет моему Дару?»

Не важно, сначала самое главное. Спотыкающихся обезоруженных разбойников речники уже вытаскивали из пещеры и привязывали к деревьям. Даг понадеялся, что уж завязывать узлы они умеют.

Внутри пещеры царил полный хаос. Валялись перевернутые скамьи и ящики, скомканные одеяла, по полу были расшвыряны всевозможные товары, в том числе множество бутылок и кувшинов, частью целых, частью разбитых. Сама пещера состояла из двух помещений, одного позади другого, каждое футов двадцати в высоту и сорока в поперечнике. Под дымовым отверстием на углях валялся разбитый бочонок, из которого вырывались яркие языки пламени. Из разбитого фонаря растеклось чадящее и шипящее масло; какой-то матрос уже затапывал расползающийся огонь. На полу лежало несколько стонущих раненых, других разбойников связывали суровые речники. На каждого

оставшегося в живых врага приходилось по крайней мере двое парней. Даг этому порадовался, но тут же поморщился, попытавшись с помощью Дара сосчитать разбойников и найти их вожака — Стража Озера. Может быть, он надежно закрыл свой Дар, чтобы спрятаться среди других пленников? Нет... А вон Ремо — живой и здоровый; это хорошо.

К Дагу подбежал Медвежья Приманка и схватил его за руку; Даг еле удержался от того, чтобы машинально нанести ему удар.

— Скорее, Страж Озера! Ты должен помочь!

Он потащил Дага к стене пещеры, подалее от шумной толпы. Там на поспешно собранных одеялах лежали двое раненых. Рядом с одним из них на коленях стоял друг, отчаянно пугаясь зажать рану на шее; между его пальцев сочилась кровь. Вторым оказался Хайкри; он неровно дышал, и лицо его было цвета застывшего жира.

«Ох, только не он!»

Даг на мгновение дал свободу Дару. Охотник из Рейнтри получил удар дубинкой по голове; череп был расколот как раз над левым ухом.

«Плохо дело...»

Медвежья Приманка закусил губу.

— Понимаешь, он уложил двоих своей пикой, а третий кинулся на него сзади. Я не успел... — выдохнул он.

Раненому в шею можно было помочь сейчас или никогда. Даг опустился на колени, отстегнул и отбросил в сторону лук и вытянул руки — настоящую и призрачную — над рукой испуганного матроса, одного из речников из Серебряных Перекатов.

— Не двигайся, — распорядился Даг, — продолжай крепко прижимать... вот так. — Парень сглотнул и сделал, как ему было велено.

Яремная вена была только задета, а не рассечена; может быть, и удастся... Шум в пещере перестал восприниматься Дагом, который сосредоточился на раненом. Его призрачная рука нащупала края сосуда и свела их вместе. Направленное подкрепление Дара, небольшое, но точное... Хватит ли его, чтобы выдержать внутреннее давление и внешние воздействия? Не потерял ли уже этот бледный молодой человек слишком много крови, чтобы выжить? Земля под коленями Дага была липкой от крови. Даг глубоко втянул воздух и отстранился, чтобы избежать ущерба собственному Дару.

Он потряс головой, разгоняя туман перед глазами; его бил озноб.

— Теперь можешь отпустить, — сказал он парню с окровавленными руками. — Закутай его в одеяла и постарайся согреть чем только сможешь. Только не ворочай его, иначе та большая вена снова вскрыется. Рану нужно зашить, если у вас есть кто-нибудь с легкой рукой. Только не сразу, нужно немного подождать. — Жуткая рваная рана на шее все еще была открытой, но кровь уже еле сочилась, а не била, как ужасный родник. — И не пытайся пока его переносить. — Потом парню нужно будет дать как можно больше питья, но Даг не решился поить раненого, пока тот не очнется. Если он подавится, это может его убить.

Даг попытался вспомнить, чем он был занят раньше. Целительство и командование отрядом, похоже, плохо совмещались: каждое требовало полного внимания. О боги, Хайкри! Даг не хотел терять Хайкри, и не только из-за общительности охотника. Хайкри был как раз таким предводителем, который мог, вернувшись домой, преобразить жизнь своей деревни, а может быть, и более далеких окрестностей, если его удастся убедить смотреть на вещи так, как видел их Даг.

«Если только он выживет...»

Даг приподнялся и снова опустился на колени — рядом с Орешком. Под пристальным взглядом испуганного Медвежьей Приманки он осторожно обхватил пальцами голову охотника. Там, куда пришелся удар, была вмятина, и вокруг нее кость покрывала паутина трещин, однако острых осколков, повредивших мозг, Даг не обнаружил. Над той странной тонкой оболочкой, которая одевает мозг в черепе, собиралась кровь; она выпрямляла вмятину, но одновременно и давила на нежную ткань внутри. «Это вредит ему, я уверен».

Настоящий целитель или деревенский костоправ мог бы просверлить череп, чтобы выпустить кровь... по крайней мере Даг видел подобные сверла среди инструментов Хохарии. У Дага в запасе были тонкий нож, щипцы, иглы, нитки и бинты, травы и порошки, но никаких сверл. «Да и нужны ли мне они?»

Даг сосредоточился и с помощью Дара проделал дырочку в кости и коже Хикори. Ручеек крови сразу потек между пальцев Дага, склеивая черные волосы раненого. Когда давление в поврежденном месте уменьшилось, изнутри снова началось кровотечение.

«Так не годится... Ты рискуешь... рискуешь своим Даром...»

Даг отстранился, все еще касаясь головы Хайкри, и одурманенно огляделся.

В нескольких шагах от него человек, которому в живот всадили нож, в последний раз вздохнул и умер. Разбойник, понадеялся Даг, хотя в своем проклятом затуманенном состоянии не смог бы отличить своих от врагов.

— Страж Озера... — прошептал Медвежья Приманка.

Даг покачал головой.

— У него проломлен череп — ты же знаешь. Еще слишком рано судить о том, есть ли у него шанс выкарабкаться. — Он осторожно направил подкрепление в мозг рядом с раной и заморгал, пытаясь избавиться от головокружения. Мимо протрусил крупный мужчина, и Даг окликнул его:

— Вейн!

Капитан парусника обернулся.

— Вот ты где! — Он с подозрением выпятил подбородок. — Что это ты делаешь?

— Лучшее, на что способен, — устало ответил Даг. — Я не могу еще отсюда уйти. Ты нашел уже этого Крейна? Если его здесь нет, узнай, куда он мог скрыться, и не бежали ли с ним и другие разбойники. Узнай точное количество, узнай имена. Не позволяй им ничего от тебя скрыть. — Вейн хотел быть вожаком речников, но, к его чести, не ценой жизни его соперника Хайкри. Здоровяк закусил губу, но решил не спорить; бросив на Дага неприязненный взгляд, он заорал, подзывая своего помощника Садлера. Если Даг хотел получить ответы на вопросы, то Вейн, несомненно, был тем человеком, который мог их добиться. Большинство пленников будут мрачными и необщительными, понимая, что надежды у них нет, но среди такой толпы наверняка найдется несколько болтунов — околдованных или нет.

Скинк и Элдер, будь они прокляты, оба утверждали, что Крейн был в пещере, и Даг мог поклясться, что ни один тогда не лгал. Однако они отсутствовали, отправившись на разведку, весь день. Дагу уже приходилось сталкиваться с тем, что устаревшая информация портила все дело.

«Проклятие!»

Дырочка в черепе Хикори закрылась. Своей призрачной рукой Даг вытащил сгусток, позволив крови вытекать. Правильно ли он поступил? Когда кровотечение прекратится? Дагу хотелось заглянуть поглубже, найти источник и перекрыть его, но он не осмеливался. Еще одно глубокое погружение, и неизвестно, сможет ли он пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы сражаться. А сражение, похоже, еще не закончилось.

Вита парни из Рейнтри позвали на помощь, чтобы связать пленников. Теперь он вернулся к Дагу и накинул ему на плечи одеяло. Даг с благодарностью улыбнулся. Вит широко раскрытыми глазами посмотрел на Хайкри.

— Он умрет?

— Пока еще нельзя сказать. Не мог бы ты найти Ремо или Барра? Куда, черт возьми, эта парочка запропастилась?

— Осматривают другую часть пещеры, наверное. Я посмотрю.

— Спасибо.

Вит кивнул и стал пробираться между расшвыранных предметов. Даг подумал, что его молодой брат по шатру хорошо держится, впервые в жизни столкнувшись с такой смертельной жестокостью. Впрочем, помогать Вейну он Вита не послал бы. Даже сам Даг

поморщился, когда до него донеслись удары и вопли оттуда, где в углу пещеры Вейн вел допрос; даже стоны раненых не могли заглушить эти звуки.

Через несколько минут Вит привел Ремо и Барра. Оба дозорных были мрачнее тучи, и не только потому, что впервые участвовали в уничтожении шайки разбойников.

Ремо протянул Дагу разделяющий нож.

— Посмотри, что мы там нашли.

— Ага, та часть пещеры набита добычей до потолка, — вмешался Вит, которого увиденное явно поразило. — Должно быть, там держали все самое ценное.

Даг прищурился. Нож не был заряжен.

— Не мог он принадлежать Крейну?

— Я нашел его среди того, что было, должно быть, грузом целой лодки Стражей Озера — лучшими мехами, — ответил Ремо. — Похоже, люди Крейна не всегда избегали Стражей Озера.

Даг осторожно положил голову Хайкри между своих колен и протянул окровавленную руку за ножом. Ремо отшатнулся, когда заметил, что рукав Дага весь пропитан кровью, но все же неохотно разжал пальцы. Даг поднес нож к губам. Да, незаряженный... И окруженный странной внутренней тишиной.

— Кому бы этот нож ни был завещан, этот человек мертв. — Значит, он вряд ли принадлежал Крейну, хотя Дагу не хотелось отказываться от надежды.

Барр изумленно спросил:

— Ты можешь это определить?

— Мой брат — мастер, изготавливающий ножи, — уклончиво ответил Даг. Молодые дозорные посмотрели на него с новым уважением. — Убери его, — сказал Даг, возвращая нож Ремо.

Ремо вложил костяной клинок в ножны и повесил себе на шею. Пряча ножны под рубашку, он с яростью прошептал:

— Они убили Стража Озера, даже не позволив ему зарядить нож!

«Ему или ей...»

Дагу не хотелось думать о такой возможности. Среди жертв разбойников, несомненно, время от времени оказывались женщины, но сейчас речники не обнаружили в пещере ни одной. «Нельзя позволить никому убежать и донести», — вспомнил Даг слова Скинка. Можно ли надеяться на то, что женщины умирали быстро, или подобная надежда ничего не стоит?

Дренаж в черепе Хикори снова закрылся, и давление на мозг опять стало расти.

— Вы хоть какие-то следы Крейна обнаружили? — спросил Даг. Или тех безумных братьев Драмов, ставших его добровольными помощниками; Дагу определенно хотелось их найти — живыми, мертвыми или среди захваченных в плен.

Барр покачал головой.

— По крайней мере на полмили в окрестностях его нет.

— Мы должны его найти. Захватить. — И не только из-за его чудовищных преступлений. Если Страж Озера — предводитель разбойников не будет судим вместе с остальными — какой бы формальностью, как подозревал Даг, ни оказался такой суд, — речники наверняка сочтут, что дозорные помогли ему бежать. — Проклятие, что Вейн так долго...

Словно в ответ на его вопрос к ним подошел Садлер, покачал головой, глядя на Хайкри, и доложил, что обнаружены все разбойники, кроме пяти. Двое, похоже, ушли накануне ночью, забрав свою часть добычи: они покинули шайку, не в силах выносить больше извращенные жестокости братьев Драмов. Крейн и двое его прихвостней порознь ушли на следующее утро, за несколько часов до того как Элдер встретил «Надежду». Это обстоятельство, возможно, сыграло на руку речникам, потому что в отсутствие предводителя разбойники добрались до нескольких бочонков, которые тот припрятал, и напились даже сильнее обычного.

Значит, пятеро разбойников все еще на свободе, включая самых опасных.

«Достаточно ли в случае чего будет тех, кто остался охранять суда?»

Даг неожиданно усомнился в этом. Однако он пока не мог рискнуть перемещать двоих своих подопечных, да и не было смысла нести их на носилках через перешеек, когда суда в любом случае спустятся сюда: утром они обогнут Локоть и причалят у самой пещеры.

«Только я не могу ждать так долго».

Даг облизнул губы.

— Кто-нибудь из наших убит?

Садлер с сомнением посмотрел на пациентов Дага.

— Пока все живы. Девять разбойников помрут. Двадцать один ждет повешения, хотя среди них один может до этого не дожить.

Даг с отчаянием посмотрел на осунувшееся лицо Хайкри. Ему нужно довести охотника из Рейнтри до состояния, когда он сможет на некоторое время его оставить: преследовать Крейна необходимо. Только в каком направлении? Ошибиться в поиске — хуже, чем просто бессмысленно потратить время. Даг понимал, что для ускорения поиска ему потребуется Копперхед. Барр и Ремо могут воспользоваться лошадьми разбойников: неподалеку от пещеры их нашлось около дюжины.

— Садлер, вернись к пленникам и попробуй выяснить хоть что-то о том, каким путем могли двинуться те, кто покинул пещеру. Барр, обойди еще раз окрестности: Крейн и его подручные могут возвращаться, и мы должны обнаружить их раньше, чем они обнаружат нас. Ремо... ты останься со мной. Ты мне нужен.

Вит, которому ничего не было поручено, двинулся следом за Садлером. Ремо опустился на колени рядом с Дагом.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — тихо спросил он.

— Вытащил меня, если я зайду слишком далеко. Мне нужно глубже заглянуть в бедную пробитую голову Хайкри.

Ремо серьезно и доверчиво кивнул. Отсутствующие боги, неужели Даг производит впечатление человека, который знает, что делает? К этому времени Ремо должен был бы разобраться... Даг вздохнул и протянул к Хайкри свою призрачную руку — это делать становилось все легче...

Перед ним распахнулся внутренний мир Дара Хайкри и заполнил все его поле зрения, такой же бескрайний и загадочный, как леса Лутлии. Неудивительно, что однажды совершив такое, человек начинал воспринимать любое другое применение Дара как тривиальное и скучное. Что уж тут говорить о призвании... Однако возбуждение скоро покинуло Дага. Увечья Хайкри были много хуже разбитого колена Хога, разветвления его Дара уходили глубже и были еще более непонятными. Знаний Дага было недостаточно.

«Мне и не нужно понимать всего. Тело обладает большей мудростью, чем я когда-нибудь достигну, и исцелит себя, если сможет».

Нужно начать с очевидного: заживить самые крупные сосуды. Такое Даг уже делал раньше. Может быть, этого окажется достаточно...

«Хорошо бы, чтобы оказалось достаточно».

Даг продолжал внутреннее обследование. Этот сосуд нужно восстановить, небольшого подкрепления хватит — хотя бы на время. Еще один, и еще, и еще... Ах! Вон та порванная артерия и есть источник неприятностей, да! Даг соединил концы и подкрепил Дар особенно тщательно. И теперь кровь проникала в рану медленнее, чем вытекала из нее, а потом кровотечение и вовсе прекратилось. На этот раз когда опухоль опала, такой она и осталась. Еще одно усилие — чтобы поставить на место треснувшую кость. Пострадавшая часть мозга заняла свое законное место, хотя еще и продолжала пульсировать. Новое подкрепление успокоило боль...

Чувствительность Дага сейчас была такой, что легкое прикосновение Дара Ремо он ощутил, как удар по голове. Даг охнул и полетел куда-то вверх...

— С тобой все в порядке? — спросил Ремо.

Даг сглотнул и кивнул, моргая и щурясь.

— Спасибо. Ты вмешался вовремя.

— Мне показалось, что уж очень долго ты находишься в трансе.

Правда? Даг считал, что прошло всего несколько минут. Рядом оказался Вит; он протянул Дагу кружку с чем-то, и Даг, не подозревая подвоха, выпил и чуть не задохнулся. Крепкий напиток был приторно-сладким, но он взбодрил Дага. Должно быть, это какое-то жуткое бренди из запасов разбойников. Желудок Дага, поколебавшись, решил не бунтовать.

Даг сделал все, что только мог придумать, чтобы помочь Хайкри. Теперь оставалось только ждать и смотреть, как пойдет дело. Он осторожно опустил голову Хайкри на сложенное одеяло и поднялся на ноги. От долгой неподвижности суставы его заскрипели, как мел по грифельной доске. Снова появился Медвежья Приманка — когда это он уходил? — и внимательно выслушал краткие указания Дага: держать Хикори в тепле и не двигать, пока Даг не вернется. На этот раз Даг не возражал, когда Ремо подставил ему плечо, чтобы помочь устоять на ногах. Каким-то загадочным образом крошечный обрывок Дара Хайкри, который он впитал, дал ему силы, а питье Вита разогнало кровь по венам. Даг подозревал, что позднее ему придется расплачиваться и за то, и за другое, но сейчас...

— Вит, налей мне еще той гадости. Барр... Где же Барр?

— Здесь, сэр.

— Заметил что-нибудь снаружи? — Даг поднес к губам кружку и через силу глотнул. Пары спиртного помогли ему вернуть остроту восприятия.

Барр покачал головой.

— Пока нет.

— А что-нибудь стало известно о том, каким путем могли двинуться пропавшие разбойники?

— Первые двое говорили о том, что направятся к Медвежьей реке, — доложил Вит. — Никто ничего не знает про Крейна и братьев Драмов.

Они не обязательно должны были выбрать один и тот же путь. Дага на самом деле занимало только трио, отправившееся позднее, так что указание на направление на север было не таким уж полезным. Даг неожиданно вспомнил о том, что Элдер был до появления братьев Драмов помощником Крейна и мог знать больше, чем остальные разбойники. Это давало Дагу прекрасный предлог успокоить свое сердце и первым вернуться к судам — даже лучший, чем необходимость забрать коня. Раньше Элдер не был особенно разговорчив, но его можно заставить, мрачно подумал Даг. Так или иначе...

С помощью Ремо, Барра и Вита Даг выбрался из вонючей пещеры на прохладный предрассветный воздух. Небо приобрело цвет стали, звезды побледнели, месяц сделался желтым. Теперь Даг мог найти дорогу через окутанный туманом лес, полагаясь только на зрение. Он отправил Барра и Ремо выбирать себе коней из табуна разбойников, а сам двинулся вверх по склону холма за пещерой. Несмотря на усталость, он все ускорял и ускорял шаг, так что Виту оказалось трудно за ним угнаться.

* * *

Фаун не раздеваясь улеглась в своем одиноком закутке, не рассчитывая, что уснет, однако, должно быть, задремала, потому что проснулась, ощущая сухость во рту и резь в глазах. Посеревшие тени намекали на рассвет. Высокая фигура проскользнула мимо — неужели Даг уже вернулся? Облегчение, которое испытала Фаун, было так велико, что она расслабилась и почти позволила себе снова скользнуть в драгоценный сон... Однако нет: она должна услышать его рассказ. Фаун оставалась неподвижной еще мгновение, прислушиваясь к тихим звукам, доносившимся из кухни. Тихие голоса... Стук колец занавески, отделявшей койку Берри... Яркий свет, когда кто-то выкрутил фитиль фонаря, оставленного на кухонном столе... Потрясенный голос Берри:

— Что?..

Глаза Фаун распахнулись, и она села на постели. Удары, звон, мучительный стон — Бо? Вскрик Готорна, крик Элдера:

— Не трогайте ее!

Незнакомый голос, резкий и жесткий, протянул:

— Не трогать? А как насчет этого?

Фаун вскочила, не зная, куда бежать. Она сделала шаг или два в сторону кухни, вытягивая шею, и остановилась. Элдер был освобожден; он стоял, пошатываясь, а с запястий все еще свисали цепи. Фаун увидела спину высокого человека — суда по одежде и темной косе, Стража Озера, — однако это был не Ремо. Бо стоял на коленях, прижимая к животу окровавленные руки; рядом с ним съежился бледный от страха Хог. Высокий человек, как увидела Фаун, прижимал к себе извивающегося Готорна; в другой его руке блеснул нож.

— Не двигайся, Берри, — отчаянно крикнул Элдер, — иначе он сделает с Готорном то же, что и с Бо!

Фаун повернулась и кинулась бежать.

Она распахнула передний люк, промчалась мимо курятника, выбежала на сходни и уже открыла рот для вопля, который разбудил бы всех, кто оставался на судах. Из тумана на нее кинулась огромная темная фигура; удар в живот был так силен, что Фаун отлетела назад, и ее крик превратился в тихий стон. Фаун попыталась лягнуть человека-гору, но тот схватил ее и подкинул в воздух. Потная рука обхватила ее лицо от уха до уха; другая рука, как клещи, вцепилась в ее плечо. Хватка становилась все более жестокой, и Фаун поняла, что человек собирается сломать ей шею. Она поспешно перестала сопротивляться.

— Вот так-то лучше, — прорычал хриплый голос. Схвативший ее человек опустил ее на землю и развернул. — Ах, девчушка! Пожалуй, я приберегу тебя для Маленького Драма. — Он двинулся вперед, зажав Фаун под мышкой и держа за шею, как мокрую кошку, пойманную за шкурку. По сходням и мимо Копперхеда, который прижал уши и вытянул шею, но, увы, не заржал.

«Даг, Даг, Даг, помоги!» — Если он где-то на расстоянии мили, он благодаря Дару должен почувствовать ее ужас.

«А если нет, то и не узнает...»

Фаун задыхалась, пыталась втянуть воздух, подумала о том, чтобы укусить держащую ее руку, но вовремя остановилась. Видно ей было плохо, но все же свет фонаря она различила. Потом ее встряхнули и поставили на ноги; огромный человек заломил ей руки за спину и с легкостью удерживал одной своей рукой. Фаун удалось сделать вдох, прежде чем огромная рука снова зажала ей рот. Затылок Фаун прижимался к теплой груди; судя по тому, как ровно она поднималась и опускалась, человек ничуть не запыхался. Фаун удалось скосить глаза и увидеть толстую, как бревно, руку в рваном рукаве, перепачканном красным и бурым; от нее несло потом и кровью.

Берри, Хог и Бо стояли на коленях вокруг столба, к которому раньше был привязан Элдер, и тот теперь связывал руки пленников вместе веревкой; для этого ему пришлось оторвать руку Бо от раны на животе. Рубашка старика пропиталась кровью, лицо стало серым — он выглядел хуже, чем после любой попойки. Бо растерянно шурился и хватал ртом воздух. Полный ужаса взгляд Берри перебегал с Бо на Готорна, которого по-прежнему прижимал к себе незнакомец.

Страж Озера обернулся. У него были черные брови и грубое небритое лицо; блестящие глаза казались темными. Фаун подумала, что при дневном свете они, возможно, меняют цвет, как глаза Дага.

— А это что такое? — спросил он, кивнув на Фаун.

— Две девчоночки! — ответил человек-гора. — Одна для меня и другая — для Маленького Драма. — Он ухмыльнулся, обдав Фаун вонючим дыханием.

— Неужели вам двоим мало развлечений на одну ночь? — устало сказал Страж Озера.

— Только не белобрысую! — отчаянно вскрикнул Элдер. — Другую они, если хотят, могут разделить между собой. — Поколебавшись, он добавил: — Она заявляет, будто

замужем за одним из Стражей Озера, которых мы застали врасплох на барже, но на самом деле она обычная крестьянка.

Темные глаза, прищурившись, глянули на Фаун. Что этот человек подумал, догадаться она не могла.

— Мне кажется, что это они застали тебя врасплох, Элдер. — протянул Страж Озера. — Что здесь произошло?

— Это все Скинк виноват, — ответил Элдер, продолжая затягивать веревку. — Мы как обычно хотели проверить эту баржу, но Стражи Озера были внутри, и мы их не заметили... ну, был тут еще один, который выглядел не как Страж Озера. Вот они нас и пересилили. Тот странный парень что-то сделал своим Даром, и Скинк начал разливаться соловьем. Выболтал все о пещере — что да как.

Фаун заметила, что Элдер говорит не все. Он не сказал о том, что его узнали люди из Клиркрика. Уж не думал ли он, что может солгать этому... должно быть, это и был предатель Крейн. А человек-гора — это Большой Драм.

«А где же Маленький Драм?»

— Эти дозорные стали останавливать все суда, спускающиеся по реке, и собрали целый отряд, чтобы напасть на пещеру. Уже несколько часов прошло, как... Они могут в любую минуту вернуться.

— Только в том случае, если добились успеха, — пробормотал Крейн, подняв брови. Похоже, новость не очень его смутила.

— Их набралось шестьдесят или семьдесят человек. А тот однорукий Страж Озера — он, должно быть, был по крайней мере командиром отряда. Вел себя так, словно такое ему не в новинку. Нам крышка. — В голосе Элдера прозвучало что-то похожее на облегчение. — Нужно ноги уносить. Ты сам мне говорил, — льстиво продолжал Элдер, — что не рассчитываешь, что пещера продержится больше года. Те дураки из Трипойнта были предостережением, ты сказал, и лучше обратить на него внимание.

Крейн вздохнул.

— Что ж, по крайней мере мне, похоже, достанется новая лошадка. — Он умолк, глядя в сторону носового люка. Его странной формы губы сжались, глаза сузились. Использует свой Дар? — Эй, что там затеял Маленький Драм? — Он развернулся и небрежно ударил Готорна в лицо рукоятью своего ножа; удар был так силен, что мальчик отлетел на другой конец кухни. Готорн упал на пол без чувств, Берри вскрикнула, Хог заскулил. Фаун беспомощно забила в могучих руках человека-горы.

Крейн сделал глубокий вдох.

— Похоже, скоро у нас будет компания. Слишком поздно смываться с этой баржи. Элдер, отвяжи канат на корме, а ты, Большой Драм, — на носу; потом садись на весла. И ты тоже, Элдер. Мы отчалим и попытаемся добраться до Локтя — это даст нам достаточно времени. Дай-ка мне эту девчонку.

Большой Драм неохотно передал Фаун своему жожаку. Крейн крепко ухватил ее за руку и развернул, поставив перед собой. Лезвие его ножа прижалось к ее горлу весьма убедительно.

— А как насчет Маленького Драма? — спросил человек-гора.

— Это будет зависеть от того, как быстро он умеет бегать. Посмотрим, не удастся ли с помощью девчонки дать ему время добраться к нам, но долго ждать мы не будем. — Следом за Большим Драмом Крейн вышел на переднюю палубу, толкая перед собой Фаун.

* * *

Ноги несли Дага вниз с холма так быстро, что это было похоже на падение. Благодаря Дару он чувствовал весь ужас Фаун. Даг попытался разобраться в той путанице, которая доходила до него с «Надежды»: Бо тяжело ранен, Готорн и Берри перепуганы, Хог растерян, Элдер на свободе; и еще два новых Дара — оба ужасно изувеченные, и тот, который темнее,

наполовину закрыт.

Возвращаясь оттуда, куда они отлучались, Крейн и его подручные, должно быть, решили побывать на наблюдательном пункте и обнаружили суда, привязанные около устья ручья. Дар Крейна показал ему Элдера на борту «Надежды» — обеспокоенного, но все еще, возможно, морочащего головы своим жертвам. Крейн, наверное, решил оказать поддержку Элдеру, если это так, или освободить его, если тот оказался пленником, — но во всяком случае Крейну нужно было проскользнуть на баржу и найти своего сообщника. Дар и густой туман наверняка позволили ему остаться незамеченным сонными сторожами.

«А потом все пошло плохо. Для обеих сторон».

К тому времени, когда Даг промчался сквозь последние деревья и увидел «Надежду», он так запыхался, что был вынужден остановиться и упереться руками в колени в ожидании, пока черные пятна перестанут плясать перед глазами. Когда зрение вернулось к норме, Даг поднял голову. Здоровенный парень с уродливым Даром отвязал вторую веревку, удерживающую «Надежду», и взялся за весло. Через передний люк вышел человек с полужакрытым Даром, держа перед собой Фаун. У горла пленницы блеснул нож, грозя вонзиться в нежную плоть. Человек взглянул в глаза Дагу, замершему в двадцати футах от конца сходней. К Дагу подбежал Вит с луком в одной руке и стрелой в другой и попытался прицелиться.

— Твой дружок может бросить свой лук, — сухо сказал человек, заслоняясь Фаун как щитом и крепче прижимая нож к ее горлу. Дагу показалось, что он видит на клинке ручеек крови.

— Брось лук, Вит, — сказал Даг, не спуская глаз с незнакомца. Это, несомненно, Крейн. Вит попытался возразить, но все же уронил лук к ногам. Фаун пошевелилась и перевела взгляд; Даг молился всем богам, чтобы она не попыталась вырваться. Этот убийца перережет ей горло, не моргнув глазом. Трое речников, наконец обратившие внимание на шум, бежали по берегу в сторону «Надежды». Опасения Дага, что он не получит помощи, сменились страхом перед тем, что приближение этих неуклюжих союзников заставит Крейна действовать.

Позади напряженно застывшего Крейна из каюты вынырнул Элдер и взялся за второе весло.

— Отчаливай, — бросил ему через плечо Крейн.

— А как насчет Маленького Драма? — спросил здоровяк, сидевший на веслах.

Странный Страж Озера взглянул на холм.

— Его не видно.

Весло, которое держал Элдер, сделало взмах; второй гребец все еще медлил. Сходни закрипели, когда баржа начала двигаться. Даг метнулся вперед.

— Ах! — укоризненно покачал головой Крейн, поднимая нож так, что Фаун пришлось встать на цыпочки. — Значит, ты мне не поверил? — Он широко распахнул свой Дар, чтобы показать Дагу свою холодную решимость.

То, что последовало, не было даже решением.

Даг поднял левую руку, протянул проекцию Дара на двадцать футов и вырвал кусок Дара из позвоночника Крейна чуть ниже шеи.

Темные глаза Стража Озера изумленно раскрылись, нож выпал из его бесчувственных пальцев. Тело его сложилось, как мокрое одеяло, а голова, лишенная опоры, со странным стуком ударилась о палубу. Звук, который он издал, был не стоном, а скорее вопросительным хрипом.

Фаун после мгновения растерянности наклонилась, схватила нож и кинулась в каюту. Здоровяк, сидевший на веслах, подбежал к краю крыши, чтобы посмотреть, что происходит, — и получил стрелу Вита, который успел поднять свой лук. Руки Большого Драма схватились за древко, торчащее из его объемистого живота, но в это время «Надежда» повернула, раненый потерял равновесие и с воплем свалился за борт; вода тут же сомкнулась у него над головой.

Даг кинулся к сходням, заметив при этом, как из заднего люка выскочила Берри, схватилась за короткий конец рулевого весла и всем весом повисла на нем, так что длинный конец описал большую дугу, врезался в бедро Элдера и смахнул его с крыши в холодную воду.

21

Чего Даг хотел больше всего — так это допросить Крейна; Фаун поняла это, потому что после лишившего ее дыхания объятия и нескольких неразборчивых слов, которые Даг выдохнул ей в волосы, это была его первая фраза, которую ей удалось разобрать. Однако одного взгляда на Бо Дагу хватило, чтобы изменить свои планы. Он поручил пыхтящему Виту с помощью подоспевших речников выудить из воды Элдера и Большого Драма, распорядившись, чтобы их отвели на какое-нибудь судно — желательно не «Надежду» — и связали.

— А что насчет Крейна? — поинтересовался Вит.

— Пусть лежит. Он-то никуда не денется.

При этих словах на лице Дага появилось очень странное выражение, но прежде чем Фаун смогла разобраться, что к чему, Даг привлек ее на помощь: стонущего Бо уложили на поспешно освобожденный пол на кухне, и Фаун, подняв его рубашку, стала промывать нанесенную ножом рану. Даг сел рядом, скрестив ноги, раздраженно отбросил в сторону протез и впал в транс целителя, что делалось для Фаун все более знакомым зрелищем. Он просидел так долго; тем временем потрясенная Берри, с запястий которой все еще свисали веревки, занималась еще более потрясенным и плачущим Готорном, из сломанного носа которого текла кровь. Хог как умел помогал всем.

Вит долго не являлся с докладом. Раненого стрелой Большого Драма поймать было легко: он сам выбрался на берег и не сопротивлялся речникам, когда те стали его связывать. Элдер попытался уплыть. Матросы погнались за ним на ялике и вытащили, избив, чтобы научить покорности. Элдер едва не утонул, и Фаун, взглянув на застывшее лицо Берри, пожалела о том, что его все-таки вытащили. Продолжение существования Элдера еще на один мучительный день представлялось напрасной тратой времени, эмоций и веревки. Оба пленника были привязаны к столбам на «Кусачей черепахе»; древко стрелы в животе Большого Драма обломили, но наконечник извлекать не стали, чтобы он наверняка дожил до повешения.

Фаун уже гадала, не следует ли ей потрясти Дага за плечо или послать кого-нибудь на поиски Барра или Ремо, чтобы те помогли Дагу разорвать слишком тесную связь с раненым, когда Даг наконец сделал глубокий вдох и выпрямился. Отсутствующее выражение исчезло с его лица. Он, моргая, огляделся, заметил Фаун и слабо улыбнулся ей. Закончив свое дело, на этот раз он выглядел гораздо менее растерянным, словно усилие стало каким-то образом для него привычным. Только Фаун не видела его таким обессиленным со времен Рейнтри...

Бо не терял сознания, но молчал, наблюдая за Дагом и хмуря лоб не только от боли, но и от изумления.

— Ну ты и даешь, Страж Озера, — выдохнул он наконец и едва не закашлялся.

— Здорово он лечит, верно? — высказался околачивавшийся рядом Хог.

— Не пытайся говорить, — прошептал Даг. Его голос был хриплым, и он прочистил горло. Фаун поспешно поправила одеяло, которым еще раньше его укутала, и принесла горячее питье. Дрожащей рукой Даг поднес к губам жестяную кружку, сделал несколько глотков, потом жадно допил все до дна. — Я соединил рассеченные стенки желудка и самые большие сосуды. Нож Крейна не задел основные вены и артерии, иначе ты истек бы кровью еще до того, как я сюда добрался. Фаун придется зашить рану. — Фаун кивнула и осторожно вытерла сукровицу, которую выдавила призрачная рука Дага. Она уже приготовила иголку с ниткой из медицинских запасов Дага и склонилась над раненым. Бо тихонько охнул, но терпел, не шевелясь.

— Самая большая теперь опасность, — осторожно продолжил Даг, — это инфекция. Думаю, что воспаления не миновать. Придется подождать и посмотреть, как пойдет дело.

Да... Подобная рана в живот обычно бывала смертным приговором; лихорадка доканчивала то, что начиналось с кровотечения; Бо, по-видимому, знал об этом, потому что только коротко кивнул. Когда Фаун сделала последний стежок, Вит, Хог и Берри общими усилиями осторожно подняли Бо на койку. Даг просто растянулся на полу и стал смотреть в потолок.

Фаун уже начала подумывать о том, чтобы поднять и Дага на койку, когда в каюту ввалились Барр и Ремо. Они извинились за опоздание, объяснив его тем, что уничтожили, как они искренне считали, беглого разбойника. Фаун выглянула из переднего люка и увидела у сходней двух оседланных лошадей. Через седло одной было перекинута тело тощего рыжего парня; его бледное лицо искажала гримаса смерти.

Крейн все еще валялся рядом с курятником. Его подбородок дернулся, когда его взгляд остановился на Фаун, и та поспешно нырнула обратно.

«Даг, что ты с ним сделал? Я такого никогда не видела и о таком не слышала...»

На кухне Барр, хмурясь, посмотрел на Дага и задал тот самый вопрос, задать который так хотелось Фаун:

— Проклятие, Даг, что ты сделал с тем парнем на передней палубе?

— Это и есть Крейн? — поинтересовался Ремо, бросил взгляд в сторону передней палубы.

— Да, — ответил Даг, все еще глядя в потолок. — Я сломал ему шею... в общем-то. Получшать ему не получшает — на случай если кто-нибудь беспокоится, не нужно ли его связать.

Даг остекленевшими глазами смотрел на склонившуюся над ним в тревоге Фаун. Она вспомнила, какой шок отразился в глазах Крейна, когда он выронил нож и рухнул на палубу.

«В общем-то...»

Но разве не особым образом? Не догадаются ли дозорные последовать этому правдивому указанию вопреки лаконичной уклончивости Дага? Или Даг все объяснит, когда найдет нужным, или она дождется момента, когда они окажутся наедине, и тогда спросит, решила Фаун.

Хог и Вит, перебивая друг друга, описали дозорным события вокруг «Надежды» и на борту; Бо изредка стонал или фыркал, подтверждая их слова. Берри говорила мало, все еще обнимая всхлипывающего Готорна. Однако по мере того как рассказ превращал пережитый ужас в занимательную историю, мальчишка на глазах оживал и даже слез с колен старшей сестры; в конце концов он даже добавил несколько красочных, хоть и жутких подробностей. К тому времени, когда рассказ закончился, он хотел только одного: пойти посмотреть на тело Маленького Драма.

— Я чуть собственное сердце не проглотил, когда увидел тот большой нож у горла Фаун, — сказал Вит. — Только клянусь: она выглядела скорее разъяренной, чем испуганной.

— Ну, перепугана я была жутко, — возразила Фаун. И все же... Крейн был совсем не так страшен, как Злой в Глассфордже, пусть оба одинаково грозили ей смертью. Как странно... Ей пришлось перейти, не теряя ни секунды, от ощущения ножа у горла к срочной необходимости помочь Бо; может быть, она просто не имела еще времени для того, что развалиться на части.

Снаружи донеслись крики речников: часть матросов вернулась из пещеры, чтобы помочь охранять суда, — с некоторым опозданием, ехидно подумала Фаун. Молодые дозорные и Вит вышли к ним, чтобы помочь разобраться с пленниками. Уже совсем рассвело. Даг сел на полу.

— Я должен... Я не могу... Дай мне поспать часок. Бо можно сделать глоток воды, больше ничего. — Он сначала встал на четвереньки, потом поднялся на ноги и ничего не возразил, когда Фаун подставила ему плечо, чтобы помочь добраться до их закутка. Она настояла на том, чтобы стащить с него сапоги. К тому времени, когда она накрыла его

одеялом, Даг уже спал.

Барр, Ремо и Вит с мрачным удовлетворением описали ей свою победу над разбойниками в пещере. После того как они разделались со Злым в окрестностях Глассфорджа, вспомнила Фаун, Даг был радостно возбужден, несмотря на усталость. Теперь же в нем она не почувствовала и следа триумфа, и это отличие удивляло ее. Вернувшись на кухню, все еще пахнущую ночным кошмаром, с запятнанным кровью полом, Фаун со вздохом принялась готовить завтрак.

* * *

Фаун позволила Дагу проспать не один час, а три; он проснулся сам, когда «Надежда» отошла от берега. Доковыляв до кухни, Даг запустил руку в растрепанные волосы и спросил:

— Что происходило, пока я спал?

— Да немного, — ответила Фаун, протягивая ему кружку чая. — Все решили перевести суда поближе к пещере. Берри, Вит и Хог сейчас на палубе. — Фаун показала пальцем вверх. — Я некоторое время назад послала Хога и Ремо привести в порядок Крейна.

Даг нахмурил брови, и Фаун не смогла определить, вызвано это удивлением или неодобрением.

— Это было нужно больше нам, чем ему, — объяснила она. — Когда его парализовало, кишки и мочевой пузырь опорожнились. Он провонял бы баржу Берри. Кроме того... даже трупы обмывают, перед тем как похоронить.

Даг мрачно кивнул. Фаун отправила его на заднюю палубу мыться, забрала его окровавленную одежду в стирку, а ему принесла чистую. Небо стало голубым, когда взошло солнце, которое, впрочем, не столько грело, сколько разгоняло туман. Поскольку рука Дага все еще дрожала, Фаун помогла мужу побриться: эту операцию она хорошо освоила, когда его рука была сломана, еще перед их свадьбой. Горячая пища и чистая одежда стоили по крайней мере тех двух часов сна, которых еще не хватало Дагу, решила Фаун.

Их голоса разбудили Барра; Ремо, который лежал на своей койке, не спал и встал тоже.

— Мне нужно допросить Крейна, — сказал Даг и кивнул молодым дозорным. — Вы двое тоже будете присутствовать: так получится своего рода кворум.

— Я тоже хочу услышать, что он скажет, — вмешалась Фаун.

Даг покачал головой.

— Это будет мерзко, Искорка. Я предпочел бы избавить тебя от такого.

— Но ты не сможешь этого сделать, — возразила Фаун. Даг только поморщился. Чувствуя, что ей не удалось убедить мужа, Фаун стала объяснять: — Даг, из меня никогда не получится боец. Я слишком мала, мои ноги слишком коротки, — я даже убежать ни от кого не смогу. Единственное оружие, каким я когда-либо буду обладать, — это мой разум. Однако без знаний разум — как лук без стрел. Не оставляй меня безоружной.

После нескольких мгновений мрачных размышлений Даг согласно склонил голову. Когда он покончил с завтраком, все последовали за ним на переднюю палубу. Впереди «Надежды» шла «Кусачая черепаха», которая уже приближалась к повороту у Локтя; на некотором расстоянии за «Надеждой» следовал парусник из Серебряных Перекатов. Сейчас, посреди полноводной реки, баржа была очень далеко от любого берега.

Крейна переодели — как для похорон, не могла не подумать Фаун, — в запасную рубашку Ремо, накрыли одеялом, а еще одно сложенное одеяло подложили под голову. Его вялые руки лежали вдоль тела, лишённые чувствительности ноги вытянулись к носу баржи. Даг уселся рядом с Крейном, скрестив ноги. Чистая одежда придавала встрече двух мужчин странно формальный характер: как будто встретились гонцы из далеких земель, чтобы обменяться новостями.

Даже Крейн, казалось, это почувствовал; по крайней мере он больше не пытался укусить оказавшихся рядом, как делал, когда его мыли. Фаун гадала, казались ли ему те несколько часов, когда мимо него ходили, как мимо кучи грязного белья, такими же

жуткими, как для всех остальных. И еще она заподозрила, что Даг так все устроил нарочно, так же как раньше оставил Барра без пищи, чтобы укротить парня.

Фаун перетащила скамью и уселась на ней так, чтобы не быть в поле зрения Крейна. Впрочем, как бы ни пострадал его Дар, он должен был знать, что она поблизости... Барр прислонился к курятнику, а Ремо сел в ногах Крейна.

— Так каково же твое настоящее имя? — начал Даг. — Из какого ты лагеря? Как случилось, что ты оказался один?

— Ты что, потерял своего напарника? — спросил Барр.

— Или ты дезертировал? — включился в допрос Ремо.

Крейн сжал губы и бросил на своих противников яростный взгляд.

— Один из пленников сказал, что он из дозорных Олеаны, — неуверенно проговорил Ремо.

Последовало молчание.

— Если это так, — сказал наконец Даг, — и он был изгнан, то его, должно быть, зовут Крейн Лог Холлоу. — Подбородок Крейна дернулся, и Даг с мрачным удовлетворением улыбнулся. — Дело в том, что Лог Холлоу — единственный лагерь в Олеане, откуда, как я слышал, изгоняли дозорного в последние несколько лет, и едва ли могло оказаться два похожих случая.

Крейн, насколько мог, отвел глаза.

— Сойдет и просто Крейн, — сказал он. Это были его первые слова.

— Сойдет, — согласился Даг. — Значит, я знаю начало и конец твоей истории. А что было между ними?

— Какая разница?

— Для твоей судьбы? Теперь уже никакой. Но если ты хочешь рассказать о себе сам, а не предоставить это другим, которые могут быть и не особенно к тебе расположены, то у тебя есть для этого два часа, пока мы огибаем Локоть. После этого ты будешь не в моей власти.

Крейн нахмурил свои черные брови, как будто этот довод неожиданно оказался для него весьма веским, но ответил он только:

— Ты будешь выглядеть смешно, когда потащишь на виселицу человека, который не может двигаться.

— Я не стану смеяться.

Стражи Озера, как помнила Фаун, редко пытались лгать друг другу. Сможет ли Крейн хотя бы закрыть свой Дар в своем беспомощном состоянии? Дагу пришлось отчасти открыть свой, что явно не доставляло ему удовольствия. Барр и Ремо оставались напряженными, как люди, которые хоть и морщатся, но не могут удержаться от того, чтобы ковырять заживающую царапину; поэтому Фаун предположила, что и они держат свой Дар отчасти открытым.

Крейн, хмурясь, повернул голову в сторону.

— Проклятие, что ты со мной сделал? Я не чувствую своего тела — и Дара тоже.

— Я однажды видел, как человек упал с лошади, — уклончиво ответил Даг, — и сломал шею примерно в том же месте, где я сломал твою. Он прожил несколько месяцев. Такого мучения мы тебе не причиним.

— Но ты даже не прикоснулся ко мне! Ты был в двадцати футах от меня, на берегу. Ты использовал во зло свой Дар!

— Верно, — бесстрастно подтвердил Даг, не пытаясь придумать отговорку. Ремо и Барр посмотрели на него с тревогой. Изумленный взгляд Крейна ясно говорил: «Кто же ты такой?» — но вслух он этого не произнес.

Полная беспомощность Крейна стала совершенно очевидной, когда его мыли. Он должен был уже понять, что является говорящим мертвецом. Фаун знала, как притворяться равнодушной к пытке, которой нельзя избежать, но она никогда не видела подобного безразличия. Крейн казался недовольным тем, что его разум пытаются пробудить от его

мрачного забытья.

Снова последовало молчание.

— Значит, — снова попробовал Даг, — ты был упрямым, как мул, нарушителем правил, не пожелал исправляться, и тебя вышвырнули из Лог Холлоу. Возможно, еще и за воровство.

— Это было ложью, — ответил Крейн и через мгновение добавил: — Тогда.

— В самом деле? — мягко переспросил Даг. — Как я слышал, была еще и какая-то крестьянка... и дети. Что случилось с ними? Когда твой лагерь отобрал у тебя все до нитки и изгнал тебя, сумел ты к ней вернуться?

— На некоторое время, — ответил Крейн. — Она была недовольна моей охотничьей добычей по сравнению с тем, что я привозил из походов. А потом проклятая баба померла. Я пожертвовал всем ради пустышки.

— Отчего она умерла?

— От лихорадки. Меня там не было. Я вернулся, как раз когда нужно было все расхлебывать.

Даг глянул на Фаун; лицо его выражало напряжение, и Фаун коснулась тонкого подсохшего струпа на шее — следа ножа Крейна. Прошлой ночью Даг едва не потерял ее... Фаун иногда тревожилась о том, что может случиться с ней, если Дага убьют; сейчас она неожиданно поняла, что никогда раньше не задумывалась о том, что будет с Дагом, если погибнет она. Овдовев в первый раз, он с трудом выжил, и это при поддержке родных и в окружении знакомого мира; каково же ему пришлось бы, имея вокруг пустоту?

— Что случилось с детьми? — спросил Даг. Голос его был очень ровным, лишенным всякого осуждения. Да иначе и нельзя, подумала Фаун: Крейн может вовсе перестать отвечать. Она закусила палец, думая о несчастных детях.

— Оставил ее сестре. Та не хотела полукровок. Мы поспорили... и я ушел. С тех пор ничего не знаю.

Фаун предположила, что спор был отвратительным... Смерть любого из родителей — ужасное несчастье для малышей, но потеря матери может быть для них смертельной, даже если рядом близкие родственники или друзья. Крейн явно не был тем человеком, у которого оказались бы те или другие. Даг не стал этого касаться.

— А что потом?

— Я некоторое время скитался по Олеане. Когда мне надоедало жить в лесу, я брался за любую работу, какую мне давали фермеры, или играл в кости. Тут выгода была невелика, и я стал воровать — благодаря Дару это оказалось легко. Я мог входить в лавки или дома, как призрак. Мне особенно нравилось проникать туда, откуда меня выгоняли, хотя я честно просил о работе.

— Ох, и хорошо же там принимали следующий отряд, — с возмущением сказал Ремо, — ведь Стражей Озера начинали подозревать в воровстве! — Даг знаком велел ему молчать. Губы Крейна изогнула насмешливая улыбка. Сколько ему могло быть лет? Конечно, больше, чем Барру или Ремо, но меньше, чем Дагу, решила Фаун.

Ремо посмотрел на склонного к нарушениям правил Барра так, что тот неловко поежился и ответил своему напарнику взглядом, в котором ясно читалось: «Я никогда не стал бы...» Однако Фаун видела, что обоим молодым дозорным понятно: «Да, это так легко!»

— Однажды ночью, — продолжал Крейн, — какой-то фермер проснулся до того, как я закончил, и поймал меня. Мне нужно было заставить его молчать, но я слишком сильно его ударил. Вот тогда я и решил распрощаться с Олеаной. Дошел до реки, за деньги того фермера купил себе место на барже. Тогда я и начал думать: если мне удастся уехать далеко, может быть, я смогу выдать себя за другого человека. Скинуть кожу, сменить имя и начать заново. Я собирался решить, куда направиться — на юг к Греймауту или на север в Лутлию, — когда доберусь до Конфлуенса. Хоть я и не люблю снег... Говорят, в Лутлии не задают слишком много вопросов, если дозорный может выдержать холод. Только дурак —

капитан той баржи — свернул к таверне в пещере, и я познакомился с Пивоваром и его игрой.

— Что это была за игра? — голос Дага стал странно мягким, и Ремо с сомнением посмотрел на него. Слова Крейна лились так, словно он забыл о слушателях, увлеченный своими воспоминаниями. Даг ничего заметного не делал, чтобы нарушить этот поток; Фаун не могла судить о том, не направляет ли он его своим Даром.

— Пивовар развлекался тем, что пополнял свою шайку. Когда ему удавалось захватить речников живьем, двух или больше — лучше всего получалось, если их оказывалось четверо, — он заставлял их парами сражаться друг с другом. Кто отказывался биться, тех убивали на месте. Вторая пара почти никогда не отказывалась... Если пленников бывало много, Пивовар выставлял друг против друга победителей. Призом — помимо сохранения жизни — была возможность присоединиться к шайке. Пивовар говорил, что может справиться почти со всеми: после того как человек убивал своего друга, он принадлежал Пивовару.

«Элдер...» — подумала Фаун. Так случилось и с Элдером? В таком случае какова же была судьба Бакторна, отца Берри и их команды? Фаун передернуло. Она поняла, что Даг говорит тихо не только потому, что так его голос звучит более угрожающе; он не хотел, чтобы их слова услышал кто-то еще.

— Его арифметика, на мой взгляд, была неправильной, — продолжал Крейн. — Однако я, когда там появился, показался ему редкой добычей. Превратить Стража Озера в грабителя и убийцу! Пивовар думал, что он хозяин положения; я не стал говорить ему, что прошел по этой дорожке гораздо дальше.

Странное хвастовство... Если Крейну не удалось стать лучшим, он решил посоревноваться за звание худшего? «По-видимому, так».

— Я, конечно, победил в схватках. Это было слишком легко. Я остался в шайке на несколько недель, все вызнал и околдовал нескольких разбойников — просто чтобы посмотреть, что получится. Потом я довел игру Пивовара до конца — ударом в спину. Даже не знаю, удивило его это или нет.

— После того как ты победил, ты же мог уйти, — сказал Даг. — Пусть тебя сначала и сторожили, раз ты мог проходить мимо фермеров, как призрак, почему было не уйти от разбойников?

— Куда мне было идти? Фермеры меня к себе не приняли бы, а Стражи Озера... они сразу поняли бы, сколько на мне крови. Так что, может быть, Пивовар в конце концов и выиграл, а?

— А самоубийство? — мягко проговорил Даг.

Крейн изумленно посмотрел на него.

— У меня не было завещанного мне разделяющего ножа! И с тех пор, как меня изгнали, возможности получить его тоже не было. Проклятый совет лагеря лишил меня моего вместе со всем остальным. — Крейн с трудом отвернул лицо. На несколько минут поток его слов иссяк.

Фаун поморщилась; до нее не сразу дошло, что Крейн — даже Крейн! — поражен предложением Дага не потому, что боится самоуничтожения, а из-за отвращения к бесполезной смерти, когда нет разделяющего ножа, которому можно было бы свою смертность передать. Он явно говорил не задумываясь и совершенно искренне. Судя по выражению лиц Барра и Ремо, те не нашли ничего странного в подобном отношении. Фаун ударила себя кулаком по лбу.

«Они же все Стражи Озера!»

Все как один безумны...

Даг наконец заговорил снова.

— Ты долго командовал шайкой. Я могу понять, что твое извращенное воздействие привязывало разбойников к тебе, но что привязывало тебя к ним?

Крейн дернул подбородком — вместо того, чтобы пожать плечами, что было ему

теперь недоступно.

— Монеты, товары... они меня не очень привлекали, а вот игра Пивовара просто зачаровала. Помимо жадности, я думаю, Пивоваром двигало желание иметь перед глазами тварей еще более презренных, чем он сам. Что же касается меня... это было как если бы у меня была свора псов для собачьих боев, только из гораздо более интересных животных. Мне даже ничего не приходилось делать: они сами собирались вокруг меня. Кинь любого Стража Озера в общество крестьян — так оно и выйдет. Если он не встанет на самой вершине, его выгонят. Они *желают*, чтобы ими правил кто-то высший. Клянусь: фермеры как овцы, которые не могут отличить пастухов от волков.

— Так кто из вас кого заставлял — ты их или они тебя? — тихо спросил Даг.

Губы Крейна растянулись в улыбке.

— Ты то, что ты ешь. Любой Злой знает это.

На сей раз пришла очередь Дага поежиться, и Крейн заметил его смущение.

Даг глубоко втянул воздух и сказал:

— Ремо, дай мне тот нож, который ты нашел.

Ремо довольно неохотно снял с шеи ножны. Даг стиснул клинок в руке и сурово взглянул на Крейна.

— Как он появился у тебя? И та груда мехов, добытых Стражами Озера?

Крейн попытался отвернуться.

— Я не хотел... Просто обстоятельства сложились неудачно. Пара торговцев — Стражей Озера из Рейнтри — разбила лагерь перед самой пещерой. Удержать ребят не удалось, хоть я и говорил им, что они — проклятые дураки. Шестеро этих идиотов полегло в схватке.

— Со Стражами Озера ты тоже пробовал устроить игру?

— Они прожили недостаточно долго.

Даг своим странным привычным жестом поднес ножны к губам.

— Думаю, ты говоришь мне только половину правды. Этот нож был завещан женщине.

Крейн раздраженно сжал губы.

— Ладно! Если хочешь знать, это была соединенная тесьмой пара. Они умерли вместе.

— Ты убил эту женщину и даже не дал ей разделить смертность? — сказал Ремо.

— Она умерла до того, как я до нее добрался. Слишком яростно сражалась... вот и получила смертельный удар. По крайней мере мне не пришлось препираться с братьями Драмами. Мне не нравилась идея позволить им узнать, что они могли бы развлекаться и с женщинами — Стражами Озера.

За этими словами последовало мрачное молчание.

Крейн не нарушил его. У него не осталось ни надежды, ни гнева, ни желания отомстить миру. Только ожидание. Не ожидание чего-то... просто ожидание. Он говорил так, словно край могилы — не то, чего можно бояться, а как усталый человек, мечтающий о постели.

Рука Дара сжалась вокруг ножен.

— Если бы у тебя был завещанный тебе нож, — спросил он, — что бы ты предпочел: разделить смертность или быть повешенным?

Крейн посмотрел на него, как на недоумка.

— Если бы у меня был завещанный нож!..

— Я думаю, что смог бы связать узами этот нож с тобой, — объяснил Даг.

Барр разинул рот.

— Но ты же дозорный! — выдохнул он.

— Ты же только целитель! — одновременно, хоть и с некоторым сомнением, проговорил Ремо.

— Я же говорю: «я думаю». Это была бы моя первая попытка создать разделяющий нож. И если она не удастся, — сухо добавил Даг, — по крайней мере никто не станет жаловаться.

Крейн прищурился и осторожно спросил:

— Ты считаешь это справедливым? Прикончить меня собственным ножом той женщины?

— Нет. Это не справедливость — просто экономия. Мне нужен заряженный нож. Ненавижу путешествовать безоружным.

— Даг, — смущенно заговорил Ремо, — этот нож кому-то принадлежит. Разве не следовало бы найти наследника по праву? Или по крайней мере передать нож дозорным в следующем лагере?

Даг стиснул зубы.

— Я думал о том, что к ножу можно применить правила о спасенном при кораблекрушении имуществе, — как и к остальному содержимому пещеры.

— Разве следует ему разрешать зарядить нож? — сказал Барр. — Совет его собственного лагеря так не считал, даже когда на нем было много меньше преступлений, чем теперь.

— Он теперь Крейн-без-лагеря. Это делает меня его командиром — по праву сильного, если уж не иначе. Могу гарантировать, что по крайней мере нож в полной мере будет сходен с дарителем.

Глаза Дага встретились с глазами пораженной Фаун. Веки его опустились и снова поднялись.

«Да, — подумала Фаун, — уж Даг-то все знает о сходстве».

Барр и Ремо с сомнением смотрели на Дага после этого странного заявления, и Фаун не могла их в этом винить. Еще более ошеломленное выражение появилось на лице Крейна: его поразило, что в этом мире еще оставалось нечто, чего он мог бы желать, и что во власти его врага дать ему это или не дать. Фаун чувствовала, что любопытство мешается в ней с ужасом. Она ожидала, что Крейн скажет: «Будьте вы все прокляты, и пусть Злые завладеют всем миром», а не «Умоляю, позвольте мне разделить свою смерть».

Словно недоверчиво испытывая свое везение, Крейн мрачно проворчал:

— Мы в пещере лучше развлекались. Тебе, длинный, будет так уж приятно прикончить меня собственной рукой?

Даг опустил глаза.

— Я это уже сделал. Все, что теперь остается, — это обсудить организацию похорон. — Он оперся на правую руку и с усталым кряхтением поднялся на ноги. Он, по-видимому, задал все вопросы, которые хотел, хотя, судя по виду Барра и Ремо, молодым дозорным не терпелось порасспросить Крейна еще, и не обязательно о самом Крейне.

— Командир-без-лагеря, — окликнул Дага Крейн, когда тот двинулся прочь. Даг обернулся. — Похорони мои кости.

Даг поколебался, потом коротко кивнул.

— Как пожелаешь.

Фаун следом за мужем прошла на кухню; там Даг извлек разделяющий нож из ножен и повесил их себе на шею. Возвращать нож Ремо он не стал.

— Зачерпни в чайник речной воды и поставь на огонь, Искорка. Я хочу прокипятить нож, чтобы очистить от прежнего воздействия Дара, прежде чем мы доберемся до пещеры.

* * *

После того как «Надежда» причалила рядом со входом в пещеру разбойников, Крейна перенесли на берег на носилках, сооруженных из одеяла, прикрепленного к шестам, позаимствованным на «Кусачей черепахе». И речники, и пленные разбойники начали переговариваться, глаза на Крейна, когда его проносили мимо. Крейн закрыл глаза, возможно, делая вид, будто потерял сознание; это была своего рода попытка спрятаться, единственная, как подумала Фаун, которая была ему теперь доступна. Следом шел Даг, но его тут же увели в пещеру Медвежья Приманка и тот охотник из Рейнтри, который ухаживал за своим другом, чтобы он еще раз осмотрел раненых.

Помощник Вейна, Садлер, спустился по каменистому берегу и окликнул Берри:

— Мы нашли несколько судов, привязанных за тем островом, — сказал он, показав на противоположный берег. Он был таким же плоским и покрытым голыми сейчас деревьями, как и окрестности, за исключением выветренных скал, скрывавших пещеру и образовавших Локоть. Только относительно узкое русло позволяло взгляду опытного речника определить, что тут расположен остров. — Вейн хочет знать, сможешь ли ты указать на то, которое принадлежало твоему отцу, или назвать хозяев других.

— Если «Шиповник» там, мне, конечно, следует взглянуть, — неохотно согласилась Берри. Она повернулась к Фаун. — Ты пойдешь со мной?

Фаун кивнула. Для Берри это было все равно, что опознавать выуженного из реки утопленника — не твой ли это пропавший родственник. Конечно, ей хочется, чтобы рядом был друг.

— Я тоже пойду... если хочешь, — сдержанно предложил Вит.

Берри молча кивнула. Ее губы были сжаты, глаза казались серыми и суровыми. На лице Берри трудно было бы прочесть благодарность, хотя, на взгляд Фаун, она была довольна, что получит поддержку. Впрочем, сейчас на лице Берри вообще ничего нельзя было прочесть...

Садлер и еще один силач-матрос сели на весла; скоро ялик причалил к острову. Как оказалось, его пересекали многочисленные тропы, скользкие и мокрые, как будто река недавно заливала все тут и обещала вернуться. Башмаки Фаун промокли прежде, чем они дошли до противоположной стороны. Протока, отделявшая остров от другого берега, была узкой, заваленной поваленными деревьями и мусором.

Вдоль берега оказались привязаны несколько старых судов — и плоскодонных, и парусных. Вокруг сновало несколько любопытных речников. На тех судах, которые были в лучшем состоянии, разбойники попытались соскоблить прежние названия и заменить их новыми и вообще уничтожить все отличия, по которым их можно было бы опознать. Другие суда, с дырами в корпусе, увязали в прибрежной грязи. На бортах самой недавней добычи, стоявшей выше по течению, Фаун узнала названия барж из Трипойнта, которые им перечислял Камнерез. Всего тут оказалось десятка полтора судов, и Фаун, прикинув численность пропавших команд, поежилась. К тому же это были еще не все жертвы: ведь некоторые суда разбойники сожгли.

«Здесь погибло не меньше народу, чем в Гринспринге...»

Только не за несколько ужасных дней, а на протяжении целого года... и даже без всякого Злого. Впрочем, злых тут хватало.

Две баржи в дальнем конце ряда, должно быть, находились здесь с прошлой осени, потому что доски их покоребились и швы разошлись; шпаклевка, уцелевшая в зимние холода, сгнила жарким летом. Баржи низко сидели в воде, потрепанные непогодой и пугающие, и даже Фаун смогла во второй с краю узнать «Шиповник», потому что она была точно такой же, как «Надежда».

Берри перешагнула через проломленный борт и осторожно ступила на прогнившую палубу; Фаун и Вит последовали за ней. Берри потянула на себя заскрипевший передний люк и заглянула в темноту внутри. Сморщив нос и подобрав юбку, она вошла в холодную стоячую воду. Фаун, решив, что ее башмаки еще сильнее уже не промокнут, сделала то же самое. Вит поберег свои штаны и остановился у люка, с тревогой следя за Берри.

Все, что было ценного, оказалось снято, включая оконные стекла в зияющих рамах. Голубоватый дневной свет проникал в отверстия, придавая каюте странный подводный вид. Множество полусгнивших клепок для бочек плавало в воде, несколько бочонков, в которых могло когда-то храниться масло или свиной жир, были вскрыты то ли людьми, то ли забредшим сюда зимой медведем. Дикие звери определенно тут похозяйничали. Берри по колено в воде бродила по каюте; дважды она наклонялась и доставала из воды какой-то неузнаваемый мусор. Фаун через несколько минут догадалась, что Берри ищет тела... или скорее скелеты, и порадовалась, что та ничего не нашла. Берри выглянула через люк на заднюю палубу, потом, все так же молча, вернулась на нос и выпрыгнула на берег, где

дождался Садлер.

— Что-нибудь сохранилось? — спросил он.

Берри покачала головой.

— Баржа теперь годится только на дрова... да и для этого доски слишком мокрые.

Садлер кивнул: иного он и не ожидал.

— Вейн говорит, что тебе причитается доля из того, что хранилось в пещере. Мы собираемся привести в порядок те суда, что еще могут плавать, и отвезти обнаруженные товары в Конфлуенс.

— Ты позаботишься о том, чтобы Камнерез узнал о своих пропавших баржах и командах? Думаю, в Конфлуенсе вы его догоните.

Не пострадает ли гордость Камнереза, когда он узнает, что непритязательная «Надежда» уничтожила речных разбойников, в то время как ошестинившаяся оружием «Сталь Трипойнта» не достигла цели? Нет, скорее всего к тому времени, когда новости достигнут низовий, хвастливый капитан Вейн будет выглядеть героем. Что ж, Берри не станет ему завидовать в этом.

— Камнерез из Трипойнта? Ага, я знаю этого парня. Сделаем. — Садлер склонил голову. — То, чего не востребуют наследники прежних владельцев, будет продано. Вместе с вознаграждением за спасение имущества это составит приличную сумму.

— Я не хочу ничего этого, — сказала Берри.

— Ну, так нам больше достанется, только это неправильно, хозяйка Берри. Думаю, и Вейну будет, что тебе сказать.

— Вейн может говорить, сколько пожелает. На реке слова даются даром. — Берри отвела светлые волосы от глаз.

Садлер пожал плечами, на время отказавшись от спора.

— Тут есть еще пара барж, о которых мы разошлись во мнениях. Я был бы благодарен, если бы ты на них взглянула. Может, внесешь ясность.

Берри кивнула и позволила увести себя прочь от «Шиповника».

Вит стоял на грязном берегу, переводя взгляд с прямой спины удаляющейся Берри на гниющую развалину «Шиповника». Запустив руку в волосы, он сказал Фаун:

— Я готов был подставить ей плечо на случай, если ее суженый погиб, а другое — если он сбежал с другой девчонкой. Только для этого у меня нет плеча, да она и не плачет вовсе. Я мечтал о том, чтобы отшить Элдера, но не таким же образом! Что мне делать, Фаун? Мне хочется ее обнять, но я не смею!

— Для этого слишком рано, Вит. Думаю, Берри еще не выдержит прикосновения к своим ранам.

— Но я боюсь, что скоро станет слишком поздно!

Фаун задумалась.

— Даг как-то говорил мне, что Стражи Озера носят волосы завязанными в узел в течение года после потери, и это не слишком долго. На Берри только что обрушилось множество потерь. Ее отец, Бакторн... да и Элдер тоже. Элдер хуже всего, потому что она потеряла его, нашла и потеряла снова.

— Она совсем не плачет.

— Может быть, она как Готорн: уходит в лес, чтобы выплакаться. Удивительно... какую жизнь девушка должна была вести, чтобы отказываться от утешения, даже испытывая ужасную боль... как будто потребность в помощи — слабость. Может быть, она думала, что если будет достаточно сильной, то сможет все спасти. Только так не получается... — Фаун нахмурилась и продолжала: — После Злого в Глассфордже Даг утешил меня, но у него, похожему, был в этом большой опыт.

— У меня-то такого опыта нет, — грустно сказал Вит.

— Я сказала бы, что как раз сейчас ты его приобретаешь. Мотай на ус.

Вит вытер нос рукой.

— Фаун, признаю, что тот Злой причинил тебе вред и жутко испугал, но тогда все не

было таким запутанным, как теперь.

Фаун дважды глубоко вздохнула, прежде чем ответила:

— Вит, когда Злой поймал меня, он... он вырвал Дар десятидневного ребенка, которого я носила под сердцем. Когда у меня случился выкидыш, я чуть до смерти не истекла кровью. В ту ночь забота Дага спасла мне жизнь. К тому времени уже нельзя было спасти моего ребенка.

«Получил по голове дубинкой», — примерно такое выражение появилось на лице Вита. Что ж, уж вниманием его Фаун точно завладела.

— А? — выдохнул Вит. — Ты никогда не рассказывала...

— Почему, как ты думаешь, я сбежала из дома? — нетерпеливо спросила Фаун.

— Но кто... подожди, это же не мог быть Даг!

Фаун вскинула голову.

— Нет, папашей был парень из Вест-Блю, и теперь не имеет значения, кто именно... если не считать того, что он ясно показал, что не хочет иметь к последствиям никакого отношения. Так что я двинулась в путь в одиночку. — Она втянула воздух через нос и продолжала: — В пути я встретила Дага, так что в конце концов все закончилось хорошо... но простым это никогда не было.

— Ты ничего не рассказывала... — жалобно повторил Вит.

— Молчание не означает, что ты не горюешь... Я тоже не хотела, чтобы мои раны теребили, не хотела выслушивать всякие глупые шутки... или вообще чтобы мое семейство замучило меня до смерти.

— Я не стал бы... — начал Вит и запнулся.

— Что касается Берри, просто будь рядом, Вит. Будь тем единственным человеком, которому она не будет должна ничего объяснять, потому что ты был здесь и все видел сам. Протяни ей чистый платок, если она заплачет, и что-нибудь теплое, если она согнется пополам от боли. Время, чтобы обнять ее, придет. Сегодняшний день еще не кончился.

— Ох... — только и сказал Вит и молча последовал за Фаун, чтобы присоединиться к Садлеру и Берри.

22

В сопровождении Ремо Даг вышел из пещеры, растирая рукой онемевшее лицо. Подкрепление Дара парню из Серебряных Перекатов помогло: рана больше не кровоточила, да и Хайкри некоторое время назад открыл глаза, выпил глоток воды, пожаловался, что у него жутко болит голова, пописал в горшок — все хорошие признаки — и уснул. Однако тем временем один из речников — к счастью, не отец или сын с семейной баржи — неожиданно умер, когда глубокая рана, которую его друзья сочли закрывшейся, снова начала кровоточить под бинтами, и кровь наполнила легкие.

«Будь я здесь, может быть, удалось бы его спасти».

Однако если бы Даг остался в пещере, он не успел бы на «Надежду», и тогда погибли бы другие люди.

«Ну да, будь я десятью тысячами человек и находишься одновременно всюду, я мог бы в одиночку спасти мир».

Даг помотал тяжелой головой, еще раз поблагодарив в душе Фаун за те часы сна, что она для него выкроила; иначе последний удар, обрушившийся на него, мог просто разбить его на куски. Он испытывал давнее глубокое отвращение к потерям тех, кто доверчиво последовал за ним.

«Они не за тобой следовали. Они следовали за Вейном и Орешком».

Даг с сомнением обдумал этот довод: кто, в конце концов, привлек Вейна и Хайкри? Однако некоторым временным утешением он послужил.

День был ясным, хотя и холодным; если смотреть вдаль, то можно было принять его за мирный день начала зимы на реке, блестящей за осыпью у входа в пещеру, — до тех пор,

пока удавалось бы смотреть на серебристо-серые ветви деревьев, а не столпившихся под ними людей. На опушке леса были разложены костры, и матросы готовили на них еду. Другие спали, легко раненные лежали на одеялах... А третьи были привязаны к деревьям. Рассмотреть их Дагу помешал Барр, торопливо подошедший к ним с Ремо.

— Даг, лучше бы ты пошел туда.

Еще один тяжело раненный? Даг позволил потащить себя вниз по склону, спотыкаясь на камнях.

— Почему они еще не повесили разбойников? Я надеялся, что это будет уже закончено к тому времени, когда мы сюда доберемся.

— С этим возникли проблемы, — ответил Барр.

— Не хватило веревок? Вокруг мало деревьев? — У Берри на барже веревок много, подумал Даг. Однако если придется использовать их для того, чтобы повесить Элдера, Берри об этом лучше не говорить.

— Нет, дело в том... ты только послушай.

— Я всегда слушаю.

На берегу рядом с привязанными судами на стволах поваленных деревьев и пнях уселись в кружок люди. Здесь были Вейн, Медвежья Приманка и трое капитанов судов: Гринап с большой баржи из Олеаны, выглядевший ровесником Ремо, Слейт с парусника из Серебряных Перекатов, мускулистый силач одного возраста с Вейном, и Феллофилд, пожилой хозяин баржи из Рейнтри. Кто-то из них был растерян, кто-то встревожен, кто-то рассержен, но все одинаково выглядели смертельно уставшими после бессонной ночи, проведенной в свирепой схватке, за которой последовали рассказы об ужасах пещеры. Исповеди разбойников, которые им пришлось выслушать, были, может быть, полны еще более чудовищных подробностей, чем те, которые Даг узнал от Скинка, Элдера и Крейна. Сам Крейн теперь лежал на одеяле по другую сторону осыпи под кустом, и речники далеко обходили его, нервно оглядываясь. О чем бы ни шел спор, начался он явно уже давно.

— Вот и он, — сказал Слейт.

Не слишком любезное приветствие... Даг кивнул собравшимся.

Привет. — Он не стал добавлять рискованно любезного «Что я могу для вас сделать?» и чтобы не возвышаться надо всеми, уселся, скрестив ноги. Нерешительно переглянувшись, Барр и Ремо последовали его примеру.

Вейн, всегда стремящийся верховодить, заговорил первым.

— У нас тут проблема с разбойниками и этим их Стражем Озера.

— Мы договорились, что крестьяне будут заниматься крестьянами, — осторожно сказал Даг, — а Стражи Озера — Стражем Озера. К счастью, мы поймали Крейна сегодня на рассвете, когда он пытался добраться до Элдера на «Надежде».

Показав на Барра, Медвежья Приманка проворчал:

— Ага, твой парень так нам и сказал. Как я слышал, вы также разделались с Большим и Маленьким Драмами. Это тоже хорошо.

— Дело в том, — продолжал Вейн, — что кое-кто из разбойников утверждает, что вешать их не следует, потому что они не могли сопротивляться, что убивать их заставлял Крейн своим колдовством.

— Ага, и как только один из них сказал такое, — вмешался капитан Феллофилд, — так и остальные завопили хором.

— Какой сюрприз, — буркнул Барр.

Даг пригладил волосы.

— И вы прислушивались к их оправданиям больше пяти секунд?

Медвежья Приманка нахмурился.

— Ты что, хочешь сказать, что никто из них не околдован и не лишен разума? Мне-то кое-кто из них кажется очень даже околдованным.

А ведь Медвежья Приманка мог видеть, как это бывает на самом деле — во время борьбы со Злым прошлым летом в Рейнтри. Даг закусил губу.

— Кто-то околдован, кто-то — нет. Скинк был околдован, как вы знаете. — Все, кто накануне, когда планировалось нападение на пещеру, присутствовал при допросе Скинка, закивали; единственным исключением был поздно присоединившийся Слейт. — А слышали ли вы о жестокой игре Пивовара и Крейна и о том, как они рекрутировали разбойников?

— Ну да, — закивал Вейн.

К нему присоединились многие из собравшихся, хотя не все выглядели особенно возмущенными; Дагу пришло на ум, что игра несколько напоминала поединки, которыми развлекались грубые речники в тавернах. И все-таки... все было совсем иначе.

— Не думаю, что тут было что-то такое, что вы называете колдовством. У Пивовара все происходило точно так же, не забываете. — Даг показал в сторону привязанных к деревьям пленников. — Кроме того, часть из них была здесь еще до того, как появился Крейн. А некоторые присоединились сами — братья Драмы, например.

Медвежья Приманка, прищурившись, посмотрел на Дага.

— А можешь ты определить, кто из разбойников в самом деле околдован, а кто врет?

— Ты думаешь, это должно изменить их судьбу, — осторожно поинтересовался Даг, — когда у всех руки по локоть в крови?

— Уж не собираетесь ли вы кого-то из этих убийц отпустить? — с возмущением спросил Ремо. — После всех усилий, которые мы употребили на то, чтобы их изловить!

Гринап поморщился.

— По крайней мере один из них умолял повесить его, чтобы со всем покончить. — Даг не был уверен, что означала гримаса речника. Уж не предпочитал ли молодой капитан, чтобы разбойники проявляли стойкость? Что и говорить, так вешать их было бы менее неприятно.

Медвежья Приманка поковырял землю палкой, которую держал в руках.

— Понимаешь, я видел людей, которых в Рейнтри поработил Злой. Когда заклятие было снято... или выветрилось, они приходили в себя. Становились самими собой.

— Сохранив все воспоминания, — пробормотал Даг.

— Да уж, сомнительное удовольствие, — вздохнул Медвежья Приманка.

Даг заговорил, очень тщательно выбирая слова:

— То, что делал Крейн, очень отличалось от принуждения Злого. — «Только отличалось ли?» — По крайней мере, по силе. Это все равно, что сравнить брошенную гальку с камнепадом.

Капитан Феллофилд поскреб свой седой затылок.

— Камнепады состоят из мелких камешков. Так что же, ты говоришь, что тут есть разница?

Даг пожал плечами.

— Ты не спрашивал бы, если бы когда-нибудь попал под камнепад. — Его *не должны заставить* сделаться судьей этих людей, не должны заставить решать, кому из них жить, а кому умереть. Но что, если он — единственный, кто обладает достаточными знаниями? — Послушайте. — Даг наклонился вперед, опираясь на свой крюк, и взмахнул рукой. — Все они — или те, кто выжил в игре, или те, кто помогал ее организовать. Все они однажды имели возможность сделать выбор — и в ущелье и на дне реки достаточно тел, чтобы доказать: для кого-то оказалось возможным выбрать другую судьбу. Не думаю, что хоть кто-то из разбойников был околдован так, что не мог бежать или хотя бы попытаться. Ведь Крейна потому и не было в пещере прошлой ночью — он отслеживал двух парней, не пожелавших участвовать в зверствах. Беднягам так и не удалось уйти.

Даг помолчал, понимая, что хорошего решения не существует. Однако было бы ужасной несправедливостью в отношении тех, кто умер, сопротивляясь злу, отпустить этих слабаков на свободу. Большинство из них к этому времени уже перестали быть собой, привыкли к тайным жестокостям; было бы безумием позволить им вернуться к людям. У речников не было возможности держать их в заключении...

«Но не я должен вынести приговор».

— Если вы все равно собираетесь их повесить, бесполезно мне... или Барру и Ремо, — Даг поспешно устранил возможность противопоставить одних Стражей Озера другим, — разбираться, кто был околдован, а кто — нет. Если же не собираетесь, значит, крестьяне не судят больше крестьян, как делают Стражи Озера в отношении своих. Вам пришлось бы принять наше слово на веру, ведь сами вы проверить этого не можете. Не думаю, что такая идея удачна. Если вы собираетесь кого-то из них отпустить, то должны делать это по собственным резонам, основываясь на собственных доказательствах. Фермеры — фермерам, предатель Страж Озера — нам. — Даг счел, что важно обязательно произнести это слово — «предатель».

«Так кто же теперь не имеет лагеря?»

— Так и Крейн будет повешен вместе с остальными? — спросил Слейт.

Ремо, выбравший неуместно высокопарный тон, проговорил:

— Он выбрал смерть по нашим собственным обычаям. В тайне.

Гринап недоверчиво вытаращил на него глаза.

— Вы, Стражи Озера, уж не собрались ли дать ему сбежать?

Барр закатил глаза.

— Со сломанной-то шеей?

— Это может быть уловкой, — упорствовал Слейт.

Даг неожиданно для самого себя сказал:

— Это не будет сделано в тайне. Вы все увидите — каждый шаг.

— Даг! — в один голос вскрикнули Барр и Ремо. Ремо пораженно выдохнул: — Даг, ты не можешь!..

— Я могу и сделаю. — Сможет ли? Брат Дага Дор, мастер, изготавливающий разделяющие ножи, всегда работал в уединении — возможно, для этого была и другая причина, помимо его нелюдимости.

— По справедливости он должен висеть вместе с остальными, — сказал молодой Гринап.

— Он выбрал смерть от разделяющего ножа, — сказал Даг. — Я обещал подготовить для этого нож... по крайней мере попытаться.

Вейн прищурился.

— Разве Стражи Озера не считают такую смерть почетной? Это уж точно не годится — висеть-то совсем не почетно, дозорный.

— Речь идет не о почете. Так появляется возможность спасти нечто полезное... после всех бессмысленных потерь, — ответил Даг.

— Мне это тоже не кажется справедливым, — сказал Слейт, потирая подбородок.

Теперь уже все речники с подозрением смотрели на Стражей Озера.

— Что ж, тогда поговорим о том, что вам понятно, — вздохнул Даг. — Давайте поговорим о праве на вознаграждение за спасение имущества, которое вы все уже обсуждали. Я требую этот нож как свою долю. — Он вытащил ножны из-под рубашки, снял с шеи тесьму и высоко поднял нож. — Этот нож и возможность его зарядить.

Брови Слейта поползли вверх.

— Только это? — поспешно поинтересовался он. Эти парни из Серебряных Перекатов сразу чуяли выгодную сделку... Гринап тоже заинтересовался, явно что-то подсчитывая в уме.

Даг поспешно добавил, заметив, как зашевелились остальные Стражи Озера:

— Я говорю только о себе. Барр и Ремо тоже рисковали жизнью прошлой ночью, как кое-кто из вас может вспомнить.

— Да ладно, — весело сказал Слейт. — Отдайте дозорному его нож, раз уж ему так хочется.

— И возможность его зарядить. Для тех, кто не знает, о чем я говорю, — продолжал Даг, — хотя клянусь: сегодня вы все хорошо поймете, — речь идет о смертности Крейна. Он подарит ножу смерть своего сердца.

На лицах всех сидящих в кругу отразилось глубокое сомнение.

Нарушил молчание Медвежья Приманка:

— Что касается других дозорных, они могут сами запросить свою долю, но целителю нужно дать то, чего он просит, по-моему.

Капитан Слейт, возможно, вспомнив о своем матросе с перерезанным горлом, неловко поежился.

— Что ж... пожалуй, это правильно. Только вот что: этот разбойник — Страж Озера — должен умереть первым. Чтобы все, кого он завлек, могли это увидеть.

— Это будет им уроком на всю жизнь, — пробормотал Барр. По крайней мере несколько человек слегка улыбнулись, разделяя его злость.

— Ладно, — устало согласился Даг.

«О боги...»

Вовсе не разбойникам он хотел преподать урок, а речникам. И всем остальным — потому что рассказы о событиях этого дня пойдут гулять по реке от истоков до устья со скоростью, какую только способны развить суда. Факты, конечно, в конце концов будут искажены... однако Даг поклялся себе, что сегодня все поймут все правильно.

«Так что ты уж постарайся, старый дозорный...»

* * *

Даг вернулся на «Надежду», стараясь припомнить все, что видел, когда Дор готовился к наложению на нож уз. Мастера, изготавливающие разделяющие ножи, жили, как он знал, обычно в центре лагеря, в самом уединенном и защищенном месте... в самом сердце жизни Стражей Озера. Ему предстоит вывернуть это сердце наизнанку.

Он попросил неотступно следовавших за ним Барра и Ремо найти себе занятие на полчаса: молодые дозорные были не из тех, кто понимает тонкие намеки, — и увел Фаун на заднюю палубу, где они хоть как-то могли уединиться. Там он объяснил ей, что собирается попробовать сделать.

Фаун только кивнула.

— Все, что умеет делать Дор, ты, я не сомневаюсь, сделаешь лучше.

Даг не был уверен, что такая вера в его силы оправдана, но она согрела ему сердце. Он стиснул сильную маленькую руку жены.

— Работа Дара — это моя часть, но есть вещи, которые требуют двух рук. В основном — кровопускание Крейну, чтобы поместить его Дар в нож, когда я закончу устранение других следов, — примерно то же самое, как когда ты вплела свой Дар в нашу свадебную тесьму. Я мог бы попросить помочь мне Ремо или Барра, но я хотел бы держать их подальше от этого дела — на случай, если потом возникнут неприятности.

Фаун нахмурила брови.

— Почему могут возникнуть неприятности?

— Потому что я не просто создам нож. Я собираюсь продемонстрировать работу Дара Стража Озера всем речникам, кого только смогу заставить смотреть и слушать. — Помолчав, Даг добавил: — Ты можешь уйти, прежде чем я... э-э... заряджу нож. Тебе незачем видеть эту часть.

— Ах, — выдохнула Фаун и посмотрела в глаза Дагу, — ты знаешь, есть возможность, если я собираюсь стать настоящей подружкой Стража Озера, что когда-нибудь мне выпадет подобная задача. Испортить такое дело — хуже ничего представить нельзя. Не кажется ли тебе, что мне лучше посмотреть и узнать, как это делается?

Даг сглотнул, кивнул и крепко прижал к себе Фаун.

— Да, — прошептал он, — ты права.

Когда он наконец отпустил Фаун, она отправилась на кухню, чтобы приготовить ему обед — без мяса, потому что Даг вспомнил: Дор никогда не ел ничего мясного перед обрядом. Когда, старательно вымывшись, Даг сел за стол, Фаун поставила перед ним миску с

картофелем и луком, жаренными в соленом масле, и яблоки; сама она тоже немного поела, а остальное отдала Хогу и Готорну, которые оставались присматривать за Бо. Пытаясь избавить Дага от лишних усилий, Ремо прибег к подкреплению Дара, чтобы распухший нос Готорна не так болел; Даг решил, что потом снимет все следы околдовывания, когда у него будет время заняться мальчишкой как следует.

Когда Даг выскреб миску, Фаун поставила рядом с ним плошку, полную овса. Даг с удивлением посмотрел на нее.

— Ну-ка давай! Пока ты тут сидишь, займись-ка, вырви у них Дар, слышишь?

— А?

Фаун уселась с ним рядом.

— Мне кажется, что когда в тебя попадает что-то скверное, от чего ты не можешь избавиться, самое милое дело — разбавить его чем-то безобидным.

— Ах, так ты поняла, что я вырвал часть Дара Крейна.

— Ага, сразу же. Так что теперь в тебе часть его Дара, верно? По крайней мере до тех пор, пока ты его не прикончишь.

— Это тебя тревожит?

— Мне кажется, это тревожит тебя. Очень тревожит.

— Верно, Искорка, — вздохнул Даг, взял ее руку и на мгновение прижал к своему лбу. — Оставайся со мной рядом. Ты помогаешь мне помнить, кто я есть и что делаю, когда возникает путаница.

Взяв зернышко овса, Даг покатал его между пальцами. Вырывая Дар одного зернышка за другим и бросая их в свою грязную миску, он наконец почувствовал, что предметы вокруг видятся ему необыкновенно отчетливо.

Если что-то еще и нужно было сделать, готовясь к обряду, Даг ничего об этом не знал. После мгновения задумчивости он снял свой протез и опустил рукав, застегнув пуговицу, чтобы тот не хлопал. Поправив на груди ножны, он взял Фаун за руку и поднялся.

* * *

Даг велел поставить носилки в середине осыпи в нескольких шагах от берега, левым боком к реке, чтобы шесть десятков речников могли расположиться на склоне, поднимавшемся ко входу в пещеру, и все видеть. Вит, Вейн и двое матросов развернули носилки, как им было сказано, и забрали шесты, позаимствованные с «Кусачей черепахи»; потом Вит отошел туда, где сидела Берри. Ремо и Барр расположились с другой стороны — на расстоянии, указанном Дагом, чтобы быть свидетелями, но не участниками. Даг положил сложенное одеяло для себя и Фаун сбоку от Крейна, где они не загораживали бы его от зрителей. Фаун опустилась на колени и выжидающе посмотрела на Дага.

Речники устраивались на камнях, переговариваясь, усаживаясь или оставаясь стоять. Никто не подошел слишком близко. С полдюжины матросов «Кусачей черепахи», слышавшие рассказ Дага о Даре Стражей Озера в Жемчужной Излучине, уселись в передних рядах, с интересом глядя на приготовления. По крайней мере в этот день все они были совершенно трезвы. Итак...

Даг выпрямился и заговорил достаточно громко, чтобы его слышали все:

— Сначала я должен объяснить, что такое Дар и как им пользуются Стражи Озера. Дар все пронизывает, он есть во всех вещах, живых и неживых, но в живых существах он ярче всего. Вы все обладаете Даром, но не чувствуете этого... — Даг так много раз повторял свое объяснение, что слова стали гладкими, как обкатанная галька на берегу. Некоторые слушатели уже были знакомы с более ранними версиями, но повторение никогда не вредит... Сколько сотен раз приходилось Дагу объяснять, как действуют дозорные, каждому новому набору молодых Стражей Озера?

Дар... Действие Дара... Злые... Упоминание о Злых привлекло внимание даже тех, кто до сих пор не очень прислушивался. Молодежь воспринимала это как увлекательную

историю; старшие — те, кто своими глазами видел пустоши, и жители Рейнтри, которых коснулась борьба с тварью, кивали и переговаривались — и между собой, и с любопытствующими соседями.

Крейн не сводил с Дага широко открытых глаз, не веря своим ушам. Даг не стал просить его разрешения на то, чтобы сделать его наглядным пособием, но угрызений совести не испытывал. Если бы даже Крейн не лишился права выбора, убив первого фермера в Олеане, он лишился его с тех пор сотни раз. Его разрушительная жизнь принесла миру много зла. Так пусть его смерть хоть немного послужит добру.

«Если таково добро...»

Теперь речь Дага достигла своей тайной сути. Он заговорил еще громче.

— Создание разделяющих ножей считается самым ответственным деянием Стражей Озера и по большей части является... — Он запнулся на слове «тайным» и заменил его на «частным делом». — Ножи вырезаются из костей, костей Стражей Озера, завещанных дозорным. Не украденным из могил, и уж тем более, несмотря на все слухи, не из похищенных костей крестьян. Это — наследие нашего рода. Дарение — самая торжественная часть наших похоронных обрядов. — И самая кровавая, но говорить об этом Даг пока не собирался, потому что теперь наступала самая главная и самая сомнительная часть сегодняшнего отчаянного урока.

Даг извлек костяной нож из ножен у себя на шее и протянул его Фаун, которая поднялась на ноги, чтобы принять его.

— Моя жена Фаун сейчас пройдет между вами и покажет настоящий разделяющий нож. Пожалуйста, пусть каждый его коснется.

«Только, отсутствующие боги, сделайте так, чтобы никто не уронил его на камень!»

— Все, о чем я прошу, — это обращайтесь с ним осторожно и с уважением, потому что... потому что однажды такой нож был завещан мне моей первой женой, и я знаю, каково... — Голос изменил Дагу, и он умолк.

Фаун ходила между речниками, следя, как его передают из рук в руки. Голос вернулся к Дагу, и он продолжал:

— Мы нашли этот нож в пещере среди похищенных мехов. Как мы поняли, его сделал какой-то мастер в Рейнтри из кости своего родича. Нельзя определить, чей он: на лезвии нет посвятительной надписи, какую иногда делают. Он был связан узами с женщиной, которую убили речные разбойники примерно на том месте, где я сейчас стою.

Из всего, что Даг собирался сегодня открыть речникам, нож был самой важной частью, и Даг хотел, чтобы они это поняли, — не только увидели и услышали, но и почувствовали, коснувшись клинка. Как еще можно было приобщить людей, не ощущающих Дара, к пониманию так называемой страшной магии Стражей Озера, как не позволив им коснуться прохладной, гладкой, хрупкой кости, взвесить в руке, передать соседу? Даг, который никогда не молился, сейчас молил о прощении неизвестного дарителя за такое использование его наследия. Однако, к его огромному облегчению, там, где проходила Фаун, не раздавалось голосов, полных отвращения, или, того хуже, нервного смеха. Молчание было уважительным или по крайней мере вежливым.

Губы Ремо и Барра были плотно сжаты, глаза широко раскрыты. Оба молодых дозорных выглядели так, будто готовы обратиться в бегство, если бы только знали куда. Однако они держали себя в руках.

Наконец Фаун вернулась, вручила клинок Дагу и снова опустилась на колени рядом с Крейном. Даг поднял нож вверх.

— Мастер, изготавливающий нож, не просто вырезает его из кости; он также придает форму его Дару — и естественным образом, при преобразовании кости в нож, и готовя его к следующей цели — к тому, чтобы хранить в себе смертность Стража Озера, как в запечатанной бутылке. Этот нож уже был подобным образом посвящен, но сегодня при помощи своего Дара и кипящей воды я освободил его от неиспользованных уз. Сейчас он чист, как если бы только что вышел из рук резчика. Поэтому следующий шаг, который я вам

покажу, — это наложение новых уз.

Он опустился на колени слева от Крейна, обратившись спиной к тусклому блеску реки.

— Кровь имеет особое значение при наложении уз, — сообщил Даг слушателям, — потому что несет в себе живой Дар человека даже тогда, когда покидает его тело, по крайней мере до тех пор, пока не высохнет и не умрет. Обычно тот, кто в будущем подарит ножу смерть своего сердца, помещает немного своей крови в новую чашу из дерева, но нам придется без этого обойтись.

Нож, которым вскрывается вена, обычно должен был бы быть прокален на огне, чтобы не занести инфекцию. Были и другие подробности, которые Даг помнил с тех пор, как сам был связан узами с ножом Каунео; только сейчас они не были нужны. В момент паники Даг подумал о том, не сможет ли притвориться, если ничего не получится, будто все же сумел наложить узы, — ударить Крейна бесполезным ножом прежде, чем тот успеет возразить, и сообщить зрителям, что все удалось. Только, проклятие, Ремо и Барр все поймут...

Даг поудобнее уселся, скрестив ноги, как если бы собирался прибегнуть к целительству... это вызывало тревогу, ну да придется это обстоятельство присоединить ко все возрастающему грузу сомнений, с которыми предстояло разобраться позже. Предстоящая работа Дара оставляла даже меньше места для нерешительности, чем поиски Злого. Взглянув на Фаун, Даг успокоил ее:

— Он ничего не чувствует ниже шеи. Ты не причинишь ему боль.

Фаун мрачно кивнула. Даг коснулся костяным ножом груди Крейна, а Фаун, неловко приподняв мертвый вес его руки, сделала глубокий надрез на бледной коже, потом сжала его, чтобы заставить кровь потечь.

И тут Даг перешел в другой мир, где суть человека видна изнутри. Материальный мир — свет солнца, голые деревья, каменистый склон, вытягивающие шеи люди — растаял, как призрачное видение, а пересекающиеся потоки Дара стали ясно ощутимы. Окружающие превратились в меняющиеся сгустки света, Фаун — в пылающий огонь. Даг сам теперь был Даром. Нож в его руке словно ждал силы, которую можно в него заключить, а Крейн... Крейн был темной колышущейся массой, и только кровь его ярко светилась.

Даг вытянул свою призрачную руку под этим живым ручейком, вспоминая посвящение, которое знал лучше всего: то, которое содержал его собственный нож, за изготовлением которого он наблюдал в Лутлии. Он сам уничтожил его в Рейнтри, чтобы избавиться от смертельной хватки Злого. Посвящение было самым ценным, что вкладывал в нож мастер: образ двух рук, готовых принять смертность. Даг своей призрачной рукой обхватил Дар Крейна; его возникшая прошлой ночью нежеланная связь с предателем, возможно, облегчала дело... эту мрачную мысль тоже нужно будет обдумать позднее, сейчас на это нет времени... Даг позволил своему Дару заструиться по желобку на клинке, а потом слиться с собственным ожидающим Даром ножа. Пусть все это соединится...

Даг отстранился, расставшись с той частью себя, из которой он сделал чашу для Крейна.

И охнул от неожиданности.

«Проклятие, я и не знал, что это так больно!»

Он как зачарованный с ужасом следил, как его призрачная рука отрывается от той части, что осталась соединена с ножом. Ощущение было такое, словно он откусил себе палец. О боги, и Дор проходил через такое каждый раз, как накладывал узы?

«Брат, я прошу у тебя прощения!»

Если применение Дара было правильным...

«У меня или получилось, или нет. Если нет, я могу опять прокипятить нож и начать все заново... многим подмастерьям так и приходится делать попервоначалу».

Однако все вытеснила более ясная, более уверенная мысль:

«У меня получилось».

Даг, моргая, вернулся в реальный мир, слабый и дрожащий, как после трудного исцеления. Его рука крепко сжимала окровавленный нож, но болела у него не правая рука, а

культя левой; призрачная рука тоже горела огнем. Быстро проверив свое внутреннее зрение, Даг обнаружил, что дальше сотни шагов ничего не может различить. Снова...

«От этого мне не оправиться за один день...»

Однако работа Дара была закончена. Все после этого будет... Даг отказался заканчивать эту мысль, хотя чуть не подумал: *легко*. Все после этого будет так же чертовски запутано, как и до сих пор.

Даг сглотнул и хрипло проговорил:

— Теперь в обычных обстоятельствах мастер протер бы нож и вручил его новому владельцу для последующего использования. Хорошо наложенные узы служат всю жизнь. — По определению...

Даг вслепую протянул руку Фаун. Она, подняв брови, вынула нож из его онемевших пальцев и стерла тряпкой с него кровь. Даг не был так уж уверен в том, что узы совершенны: ощущение было менее тонким, чем с его ножом из Лутлии. Однако они были прочны, да. Может, даже чересчур? Может быть, следовало, так сказать, откусить не весь палец, а только кончик? Однако та жизнь, на которую должно было хватить этих уз, измерялась минутами...

— Зарядить нож можно по-разному. Мой отец несколько лет назад вонзил нож себе в сердце, когда тяжело заболел. Моя первая жена бросилась на нож, когда умирала от ран, полученных в сражении далеко на севере. У Ремо был клинок, ради которого его престарелая родственница пожертвовала последними драгоценными месяцами жизни. — Краем глаза Даг увидел, как поморщился молодой дозорный. — Ей в этом пришлось помочь ее собственной дочери. Мне приходилось видеть, как дозорные помогали друг другу. Как вы понимаете, обычно разделяющий нож не становится инструментом казни. — Или как наглядное пособие для просвещения толпы крестьян, должен был признать Даг. — Так или иначе то, что предстоит, не видел ни один фермер... так что *смотрите внимательно!* — Последние слова Даг произнес своим командирским голосом. Люди вздрогнули и выпрямились.

— Ты знаешь, что ты — проклятый безумец? — пробормотал Крейн. Он, насколько мог, отвернул лицо от толпы, пытаясь спрятаться от любопытных взглядов.

— У меня есть свои причины, — тихо ответил ему Даг. — Когда-то, возможно, прежде чем ты разрушил себя, ты и сумел бы их понять.

— Меня они изгнали. Будь у них хоть капля разума, тебя они сожгли бы живьем.

Не обращая на него внимания, Даг снова сел на одеяло и сказал:

— Распахни его рубашку, Искорка.

Ловкие пальцы Фаун расстегнули пуговицы и развели полы рубашки, обнажив грудь Крейна. Даг подумал, не понадобится ли Ремо эта его запасная рубашка... Он посмотрел в серебряные глаза Крейна и получил в ответ мрачную гримасу.

— Готов? *Ты даешь согласие?* — Из всех требований, связанных с разделяющим ножом, это было самым обязательным.

— Если хочешь получить мое проклятие, — прорычал Крейн, — то получи.

— Этого я ожидал.

— А если мое проклятие — все равно что благословение, не сойдет ли мое благословение за проклятие? Получи и то, и другое. Разбирайся сам. С меня хватит. — Он повернул лицо в сторону переливающейся на солнце реки. — Дай мне уйти из этого безнадежного мира. — После паузы он добавил: — И не позволяй своей руке дрогнуть.

Такого согласия было достаточно.

Даг направил острие ножа под ребра Крейна, помедлив секунду только для того, чтобы объяснить Фаун, как определить правильный угол и с какой силой ударить, чтобы пронзить сердце, но не сломать клинок преждевременно. Лицо Фаун было бледным, но глаза смотрели внимательно. Она кивнула, показывая, что все поняла.

Даг нащупал своей призрачной рукой сердце Крейна, сжал рукоять и одним резким движением загнал клинок на полную длину.

Губы Крейна дрогнули, а глаза выкатились, но Даг сейчас не был в реальном мире. Он замер, все еще сжимая нож, в который вливался исчезающий со смертью Дар, словно

всасываемый в воронку. Выдержат ли узы? Закупорится ли смертность как следует?

«Да!»

Даг снова начал дышать... в отличие от Крейна.

Когда Даг огляделся, его поразило, какая глубокая тишина царит на холме, полном людей.

Даг извлек заряженный нож из послужившей ему ножнами плоти и поднял его высоко над головой.

— Этот Страж Озера, — на сей раз Даг не пожелал называть его предателем или разбойником, — отдал свою смертность ножу, чтобы поделиться ею, если мне повезет, со следующим Злым, которого я встречу. — Двадцать шесть Стражей Озера до Крейна доверяли Дагу достаточно, чтобы отдать в его руки свою смертность, и он оправдал их доверие. Из всех ножей и всех жизней, которые прошли через его руки, этот, несомненно, был самым темным.

«Проклятие, но и достался он мне нелегко».

Даг протянул нож Фаун, чтобы та вытерла его, и попросил спрятать в ножны и повесить ему на шею, потому что рука его все еще тряслась, и сам он не справился бы.

— Заплатил ли Крейн за свои преступления, я не могу сказать. Тут отдельный счет.

23

Старательно сохраняя на лице безразличное выражение, чтобы никто не догадался, как ее тошнит, Фаун помогла Дагу подняться с одеяла рядом с телом Крейна. Она предусмотрительно захватила ореховую палку Дага; опираясь одной рукой на нее, а другой — на плечо Фаун, Даг двинулся вдоль берега. Фаун кивнула Берри, и та вместе с Витом последовала за ними. Ремо и Барр остались, чтобы присмотреть за похоронами Крейна. Толпа посуровевших речников разошлась; матросы двинулись к деревьям, чтобы заняться следующим мрачным делом.

Даг пошел не в сторону «Надежды», а вниз по течению, где по берегу ручья тянулась лужайка, на которой разбойники пасли своих лошадей. Часть травы еще была зеленой, особенно поблизости от воды, но по большей части осеннее золото уже сменилось бурым цветом; сухая трава была своего рода стоячим сеном. Около дюжины лошадей, пасшихся на лужайке, при приближении людей насторожили уши, но тут же вернулись к прежнему занятию. Только один крупный гнедой жеребец с любопытством понюхал воздух и потянулся к Дагу. Тот остановился и почесал коню голову; животное тут же с глупым видом развесило уши.

— Мне нравятся лошади, — пробормотал Даг. — Они такие большие, а их Дар простой и светлый. А лучше всего, — вздохнул он, — то, что они не люди. Пойдем вон туда, Искорка. — Он показал на одинокий тополь на опушке, голые ветви которого, казалось, доставали до неба. Дохромав до него, Даг уселся на землю, прислонился головой к морщинистой серой коре и закрыл глаза. Фаун села рядом. Даг, что было для него необычно, положил левую руку ей на колени, и Фаун стала ее поглаживать; от этого лицо Дага стало несколько напоминать морду того коня. Конь тем временем добрал до опушки, хотя и был стреножен, и ткнулся головой в плечо Дага, требуя новой ласки. Даг, не открывая глаз, потянулся к нему и стал почесывать.

Фаун подумала, что присутствие животных — спокойных, теплых, со светлым Даром, — может быть, помогало Дагу отгородиться от того, что происходило у пещеры. Если внутреннее зрение Дага после того напряжения, которого потребовали от него предыдущие действия, и охватывало те окрестности, то он мог бы закрыть свой Дар; однако это погрузило бы его в тишину и одиночество. Тишина была сейчас желанна, а вот одиночество, как казалось Фаун, не пошло бы ему на пользу.

Вит бродил среди лошадей, оценивая их опытным глазом. Берри, остановившаяся, чтобы погладить спокойную кобылу, повернула голову, когда со стороны пещеры донесся

крик. Они отошли достаточно далеко, чтобы ничего не видеть, но все же недостаточно, чтобы до них не долетали звуки. Берри отошла от лошади и застыла, глядя в сторону покрытого лесом склона; лицо ее было напряженным. Высокая девушка начала дрожать, когда крик резко оборвался. Она выглядела, подумала Фаун, как осинка, которую грызет бобер, — тоненькая и обреченная.

Вит с тревогой следил за Берри, потом протянул к Фаун руки, отчаянно прося совета. Фаун ободряюще кивнула ему. Вит сглотнул, подошел к Берри и, ни слова не говоря, обнял ее. Это не было любовное объятие: просто утешение, предложенное в трудную минуту.

«Что-то теплое, к чему можно прислониться, чтобы облегчить боль...»

Берри положила голову на плечо Вита и зажмурилась. Ее светлые волосы были особенно заметны на фоне темных — Вит все-таки был Блуфилдом, — пока не смешались, когда Берри еще ниже опустила голову.

Вит долго прижимал ее к себе — пока Берри не перестала дрожать, — потом усадил на поваленное дерево у самой воды. Так они и сидели, глядя на пасущихся лошадей.

— А дозорные стреноживают своих коней? — спросила Дага Фаун, чувствуя, что еще не в силах говорить о чем-то серьезном. — Удивительно, как хорошо это удерживает животных.

Даг охотно присоединился к этой теме, возможно, по той же причине.

— Иногда стреноживаем, потому что, если дозорный оказывается слишком далеко и не удерживает коня своим Даром, приходится много пыhtеть, чтобы поймать его, — как и любому фермеру. — Углы губ Дага поползли вверх при каком-то забавном воспоминании. Открыв глаза, он стал смотреть на мирно пасущихся лошадей. — Путы не слишком мешают коню, если он серьезно испуган. Пожалуй, привычка кормиться в определенном месте удерживает коней лучше, чем путы.

— Они не выглядят такими неухоженными, как можно было бы предполагать. Интересно, сколько из них были похищены с судов, а скольких разбойники привели с собой? Ну, Вейн и другие речники разберутся с этим.

— Ага. Теперь лошади — тоже спасенное имущество, — сказал Даг. Он поглубже засунул за пазуху ножны с разделяющим ножом и снова прислонился к стволу тополя и закрыл глаза.

Через некоторое время по склону холма спустились Ремо и Барр, перешли ручей и направились к тому дереву, под которым сидел Даг. Оба молодых дозорных выглядели мрачными.

Даг открыл глаза.

— С повешением закончили?

— Не совсем, — ответил Ремо. — Крейна мы похоронили. Я рад, что нам не пришлось его вскрывать.

Барр поморщился.

— Кто захотел бы получить нож из костей Крейна?

— Речники вырыли траншею, — продолжал Ремо. — Крейн был первым, кто в нее попал.

— Траншея не очень глубокая, — сказал Барр, — но, я думаю, они навалят поверх камней. Некоторые матросы хотели заставить разбойников самих копать себе могилу, но потом решили, что сторожить их при этом труднее, чем выкопать самим.

Ремо угрюмо добавил:

— У одного из парней с парусника были родичи на барже, которую разбойники захватили месяц назад. Он выяснил, что именно с ними случилось... Вейн позволил ему своими руками отрубить голову Большому Драму... да и Маленькому Драму тоже, хоть тот был уже мертв. Речники собираются насадить головы на шесты перед пещерой, чтобы другим неповадно было.

— Сразу после этого мы и ушли, — заключил Барр.

Хоть они и были крепкими парнями, на взгляд Фаун, Ремо и Барр были так же

потрясены, как и она сама, и, возможно, не только потому, что не сумели достаточно плотно закрыть свой Дар. Барр отправился на лужайку и стал гладить славную пегую кобылку.

— Эй, — крикнул он через плечо, — да эта красотка жеребая! Тому, кто ее получит, достанется премия!

Ремо подошел к нему, чтобы посмотреть, и Фаун двинулась следом. Она вспомнила о Грейс, оставленной в Вест-Блю, и неожиданно затосковала по дому. Как можно скучать по дому из-за лошади? Только Фаун вдруг отчаянно затосковала по своей кобыле и стала думать о том, все ли с ней в порядке и не округлился ли ее толстый живот еще больше. Раскинув руки, Фаун прижалась к черно-белому брюху, гадая, скоро ли эта кобылка ожеребится. Лошадница Омба, сестра Дага по шатру, благодаря Дару смогла бы сказать точно. Может быть, и Барр обладает таким талантом?

Ремо положил руку на холку лошади и посмотрел на Барра, который принялся выбирать колючки из гривы.

— Вейн говорит, нам причитается доля вознаграждения за спасение имущества, — тихо сказал Ремо. — Мы могли бы взять пару коней и вернуться в Жемчужную Стремнину еще до того, как ляжет снег.

Барр изумленно взглянул на него.

— Ха! И давно ты переменил мнение?

— Крейн... это было жутко. Я теперь не думаю, что так уж хорошо Стражу Озера жить отдельно от своего народа... даже если его затыркают до полусмерти. Может быть, нам следует просто это вытерпеть.

Фаун, гладившая теплый бок кобылы, заметила:

— Ни для кого нет ничего хорошего в том, чтобы стать отщепенцем, — ни для фермера, ни для Стража Озера. Посмотрите только на этих разбойников...

— А то как бы не закончить свои дни в могиле, которую сам же себе и выкопаешь, — сказал Барр, осторожно извлекая колючий репейник из опутавших его жестких прядей. — Я думал, ты хочешь увидеть море... или утопиться в нем.

— Больше не хочу — ни того, ни другого. — Голос Ремо сделался еще более тихим. — Мир отвратительнее, чем я себе представлял. С меня хватит. Поехали домой.

«Этот безнадежный мир», — сказал Крейн. И он определенно сделал много для того, чтобы мир стал еще хуже...

— Не все так уж плохо, — мягко ответил Барр. Он посмотрел на опушку. Фаун проследила за его взглядом: Даг, все еще сидевший под деревом, выглядел совершенно обессиленным. — Дело в том, что я... я тоже передумал. И даже если бы не передумал, вряд ли хорошо позволить ему, — он кивнул в сторону Дага, — отправиться дальше в одиночку. Я даже думаю, — добавил он рассудительно, — что из всех глупостей, которые я когда-нибудь совершал, это была бы худшая. — Он поднял глаза на Ремо. — А ты знаешь, что по этой части я чемпион.

Фаун прочистила горло.

— У Дага есть напарник, — сказала она, показывая им свое обвитое тесьмой запястье, которое сразу привлекло взгляды — а может быть, и Дар — молодых дозорных. — Мы так же связаны друг с другом, как Стражи Озера из Лутлии, когда идут по льду. И я не собираюсь позволить Дагу утонуть в темноте и холоде.

Ремо потер губы, а Барр выпутал еще одну колючку. Ни один ей не возразил.

«Я приняла Дага полностью и считала сделку справедливой, потому что и он полностью принял меня. Только ему нужно больше, чем одна я».

Она выпрямилась и продолжала:

— И все-таки я на самом деле думаю, что ему хорошо иметь вас рядом. Вы — якорь в его прошлом, когда он стремится к чему-то настолько новому, что никто никогда такого не делал. Он ведь по своему Дару больше не дозорный. Он пытается превратиться в кого-то другого.

— Да, в целителя, — кивнул Ремо.

— Или мастера — изготовителя ножей, — с сомнением протянул Барр. — И если он в самом деле им станет, тогда уж точно наш долг — охранять его. Есть у него лагерь или нет!

Фаун покачала головой, хотя с последним утверждением и была согласна.

— Первое, что должен сделать новый мастер, — это сделать себя. Думаю, это трудно для любого начинающего, даже если он становится подмастерьем наставника в избранном деле, а Даг пытается до всего дойти сам, не получая помощи. Я видела, как он восстановил разбившуюся стеклянную чашу, как помогал многим раненым, как вернул силу потерявшему разделяющему ножу, а уж что он сделал в Рейнтри, я и описать не могу. Только чего он на самом деле хочет — это исправить мир.

Ремо растерянno вытаращил на нее глаза.

— Это никому не по силам!

— В одиночку — никому. Думаю, Даг сказал бы, что мир велик, а мы малы; в конце концов все мы бессильны. Однако сколько бы бесконечные споры о фермерах и Стражах Озера ни шли по кругу снова и снова до полного изнеможения, проблема Гринспринга так и останется. — Фаун сглотнула. — Может, нам и не удастся выиграть в этой игре, только определенно хорошо было бы иметь компанию, пока мы проигрываем. Это во-первых.

Губы Ремо шевельнулись, но слов не последовало; он только быстро заморгал.

Фаун втянула воздух и продолжала:

— Одна только разгадка тайны околдовывания стоила того, чтобы вы отправились с нами. Это во-вторых. И я не знаю, сколько еще судов и жизней было бы уничтожено разбойниками, если бы мы тут не оказались, чтобы их остановить. Это в-третьих. Три хороших причины, как говорит Даг, стоят того, чтобы начать действовать.

Фаун искоса взглянула на Берри.

«Только хотела бы я, чтобы ей не пришлось так тяжело».

Однако хозяйка баржи, сидевшая рядом с Витом на стволе упавшего дерева, понемногу начинала разговаривать. Вит внимательно ее слушал, обнимая за талию, и Берри не стряхивала его руку. Сила Берри всегда поражала Фаун, но теперь она радовалась, что, может быть, Берри не придется оставаться сильной, но одинокой. Уж очень это трудно для женщины...

— Ну, не знаю... — пробормотал Ремо. — Кажется, я уже ничего больше не знаю.

— Проклятие, я и никогда ничего не знал, — сказал Барр. — И это меня не останавливало. — Он весело подмигнул и заговорил своим прежним умоляющим тоном: — Ты должен присоединиться, Ремо, чтобы не дать мне свалиться в море... или столкнуть меня туда, уж как получится.

Ремо почесал голову и лукаво ответил:

— Трудный выбор...

— Эй!..

Фаун, удовлетворенная, вернулась туда, где сидел Даг, предоставив молодым дозорным по привычке подначивать друг друга.

Через некоторое время после того, как из-за холма перестали доноситься жуткие звуки, сидевшие на лужайке кружным путем вернулись на «Надежду», чтобы не видеть ни деревьев с их странными плодами, ни шестов у входа в пещеру. Фаун подумала, что не утерпит и сходит глянуть на эти устрашающие знаки, о чем потом будет жалеть. А вот в голый зимний лес до того, как урожай не будет убран природой, она заглянуть не рискнет. «А может быть, не рискнет и тогда».

* * *

Даг думал, что Берри захочет отчалить в тот же день, как поступила семейная баржа Феллофилдов, но речники захотели, чтобы Даг еще раз оказал помощь раненым. Однако к следующему утру Хайкри явно пошел на поправку: сел и принялся за еду, хоть и морщился от головной боли. Его команда собиралась провести у пещеры еще несколько дней, а потом,

забрав лошадей разбойников как свою долю, не спеша отправиться домой в Рейнтри. Фаун придерживалась мнения, что чем скорее Хайкри попадет в руки миссис Орешек, тем скорее он поправится; к тому же Даг полагал, что охотники вернутся домой с более полными кошельками, чем если бы им удалось успешно завершить плавание по реке, и к тому же гораздо скорее, так что миссис Хайкри может и не очень сердиться из-за разбитой головы мужа. Впрочем, Медвежья Приманка опасался, что скорее она еще долго не позволит никому забыть о случившемся.

После того как Даг около полудня отпустил помогавших ему с ранеными Стражей Озера, те куда-то исчезли и не появлялись до сумерек. Он встретил их у сходней, когда молодые дозорные украдкой приблизились к «Надежде»; каждый из них нес тяжелый мешок.

— Что это? — спросил Даг.

— Ш-ш, — ответил Ремо, оглянувшись на баржу. Даг позволил увести себя на берег, где их разговор никто не услышал бы.

— Мы решили пройти вверх по течению и попытаться найти то место, где Крейн и братья Драмы разделились с дезертирами. Ну, и нашли... Тела мы похоронили. — Барр поморщился, и Даг догадался, что нашли они не просто мертвые тела. Расспрашивать о подробностях у него никакого желания не возникло.

— А вот чтобы найти тайник Крейна, — сказал Ремо, — потребовалось время. Не думаю, что не обладающий Даром человек смог бы его обнаружить.

— Вейн знает об этом?

— Ну да, — кивнул Барр. — Сначала мы все отнесли ему. Он решил, что все это вроде как было украдено дважды, да и не нашлось бы без нас, а потому отдал нам как нашу долю. Мы поменялись тем, что нам не нужно, с матросами: у пещеры теперь настоящий рынок. Я не смог бы пользоваться одеждой и сапогами, но некоторые из парней с парусника не такие брезгливые.

— Да одежда нам и по размеру не подходила, — уточнил Ремо.

— Кто-нибудь мог бы вернуться сюда когда-нибудь и заняться настоящей охотой за сокровищами в окрестностях пещеры, — с задумчивым видом пробормотал Барр.

— Это объясняет, почему вы пропустили обед, но почему теперь вы крадетесь на цыпочках? — спросил Даг.

Ремо потер губы.

— Хозяйка Берри отказалась от доли спасенного имущества, которая причиталась «Надежде».

— Это едва не разбило сердце бедняге Виту, мне кажется, — вставил Барр, — только он не мог ничего взять, раз она отказалась.

— Я знаю, ты сказал, что на нас это не распространяется, — снова заговорил Ремо, — только я решил, что лучше ее этим не тревожить.

Даг, который спрятал новый разделяющий нож поглубже в седельную сумку, потому что не мог и подумать о том, чтобы носить его там же, где так много лет носил нож, освященный смертью Каунео, понимающе кивнул.

— Да, — согласился он, — спрячьте мешки незаметно и не тревожьте сейчас Берри.

— Так точно, сэр, — весело ответил Барр. Дозорные явно испытали облегчение от того, что с них снята ответственность, хотя Даг сомневался, что Берри сказала бы что-нибудь, даже если бы заметила. Парни тихо поднялись по сходням, хотя секретность оказалась несколько нарушена шумным приветствием козы Дейзи. Даг, качая головой, двинулся следом.

* * *

Печальное расследование Берри было закончено, но время и река текли только в одном направлении, и баржам волей-неволей приходилось двигаться туда же. На рассвете следующего дня «Надежда» отчалила от пещеры. Из пациентов Дага Готорн поправился

достаточно, чтобы стать непоседливым, хотя все еще охал, когда задевал свой вправленный Дагом нос; это не мешало ему наслаждаться освобождением от повседневных обязанностей. Когда непоседливость превратилась в озорство, Даг объявил мальчишку здоровым. Бо вызывал гораздо больше беспокойства: у него началась лихорадка. Даг отказался от своих обязанностей гребца, чтобы сидеть со стариком и вместе с Фаун ухаживать за ним. Хог очень тревожился за Бо; он оказался замечательным помощником, умелым и ловким, когда нужно было переворачивать раненого, и мужественно терпел, когда раздражительный Бо несправедливо его ругал.

В те минуты, когда Бо забывался тревожным сном, Даг, собрав те немногие листки бумаги, что нашлись на «Надежде», садился писать письмо Громовержцу — о предателе Крейне и его судьбе. Еще когда он был командиром отряда, Даг терпеть не мог составлять отчеты и как мог уклонялся от этого занятия. Несмотря на это, ему пришлось написать больше этих проклятых бумаг, чем он теперь мог вспомнить. Мрачные события и гнусная история Крейна удивительно гладко ложились в привычные формы отчета, хотя Даг и полагался на умение Громовержца читать между строк. Дагу не очень нравился результат его трудов, но бумаги уже не осталось... Строго говоря, Громовержец больше не был командиром Дага, и все-таки Даг не мог избавиться от мысли, что кто-то с головой на плечах должен узнать все факты.

К ночи лихорадка Бо усилилась, и Даг подкреплял его Дар до тех пор, пока совсем не обессилел; на следующее утро раненому полегчало. Даг рухнул на собственную постель, а когда в середине дня проснулся, почувствовал себя простуженным — в первый раз за многие годы. К счастью, Ремо и Барр могли ему помочь: это было знакомым делом для дозорных, совершающих путешествия в любую погоду, — и Даг, после того как Фаун молча подала ему миску овса, отделался лишь болью в горле и насморком.

Даг попросил, чтобы «Надежда» причалила у последнего лагеря Стражей Озера на северном берегу Грейс; он задержался там ровно на столько, чтобы передать письмо гонцу, вручить вещи убитых разбойниками Стражей Озера для возможного опознания и кратко сообщить о последних событиях у Локтя пораженному командиру дозорных.

* * *

К концу следующего дня они добрались до Конфлуенса. Даг, Берри и Вит несли вахту. Теперь у Дага не было нужды просить — или хотя бы пытаться просить — о ноже, и Берри была рада возможности не причаливать у большого лагеря Стражей Озера на мысу, хотя Ремо и Барр влезли на крышу каюты и оттуда долго смотрели на шатры, лодки, паром и склады среди деревьев на берегу.

Фаун присоединилась к дозорным, когда «Надежда» обогнула мыс и наконец стала видна Серая река. Заслонив глаза рукой, она зачарованно смотрела на удивительный мир, приоткрыв рот, чем порадовала сердце Дага. Воды двух могучих потоков смешивались не сразу; несколько миль они текли рядом, мутные и бурные.

— Серая река действительно серая! — воскликнула Фаун.

* * *

— Ага, — подтвердил Даг. — Она несет пыль из Западных Пределов. В низовьях берега лесистые, но в сотне миль вверх по течению деревья исчезают и начинаются пустоши. Говорят, после первой великой войны со Злыми скверна распространялась досюда, и вся Серая река была мертвой от ее яда, но уже давно жизнь сюда вернулась. Мне эта легенда представляется очень утешительной.

Заходящее солнце играло в прятки с холодными серыми тучами, заполнившими небо от горизонта до горизонта.

— Мне кажется, такого просторного неба я еще не видела, — сказала Фаун. — Это

потому, что земля тут такая плоская?

— Угу, — пробурчала Берри.

— А я еще думал, что это в Рейнтри земля плоская! — удивлялся Вит.

— Она красивая, хоть и суровая. Никогда я не видела дома такого неба. — Фаун повернулась вокруг своей оси, вбирая все, что видели ее глаза. — Такое стоит увидеть!

С материнским чувством она вытащила на палубу Хога, чтобы тот тоже полюбовался видом; он весьма удовлетворительно разинул рот, но скоро, потирая покрасневший нос, вернулся обратно к очагу. Несмотря на холодный ветер, Фаун еще полчаса просидела у ног Дага, ожидая, когда же наконец два потока станут неразличимы. На прямом участке, где не нужно было грести, Вит и Берри накинули друг на друга теплые плащи, чтобы не замерзнуть.

«Как же я рад, что мы захватили Вита», — подумал Даг. Он желал парню всяческих успехов в его ухаживаниях за Берри, потому что, как ему казалось, Фаун очень обрадовалась бы такой сестре по шатру.

«Это будет и моя сестра по шатру. Как неожиданно!»

Самая важная вещь в путешествиях, решил он, не найти то, что ищешь, а найти нечто, чего даже и представить себе не мог, пока не отправился в путь.

«Имей это в виду, старый дозорный».

* * *

Год шел к самой темной своей части, и поздние рассветы и ранние закаты оставили всего пригоршню светлых часов. После снегопада утром того дня, когда они добрались до Конфлуенса, хозяйка Берри, пользуясь наличием на борту троих Стражей Озера, отменила свой запрет на ночное плавание — отчасти еще и потому, решила Фаун, что теперь ей не нужен был дневной свет, чтобы высматривать обломки «Шиповника». Пять ночей подряд они плыли по широкому фарватеру, так что за кормой осталась почти половина расстояния между Конфлуенсом и Греймаутом, и холодное дыхание зимы сменилось если и влажной, то менее зябкой погодой.

Затем однажды днем ветер подул с юга, облака разошлись, и воздух стал теплым. Берри подобрела настолько, что разрешила подвести «Надежду» к берегу при свете красочного заката на необъятном западном небосклоне и объявила, что вечером все будут отдыхать. После нескольких ночей, когда ей приходилось поспешно кормить сменившихся с вахты гребцов, жавшихся к очагу, Фаун отпраздновала это, приготовив обильный ужин, когда вся команда смогла собраться за столом, даже Бо; Фаун только позаботилась о том, чтобы ничего твердого он не ел.

Все ели с аппетитом, но в необычном усталом молчании. Оглядев мрачные лица, Фаун проглотила последнюю ложку картошки и заявила:

— Ну, так дело не пойдет. Вы все выглядите унылыми, как лягушки, лишившиеся пруда. Помыв посуду, нужно будет что-то сделать, чтобы расшевелить народ. Как насчет урока стрельбы из лука? Они вроде всем нравились. У нас много фонарей, а ветра сегодня почитай что и нет.

Готорн и Хог сразу же заинтересовались, но Вит провел рукой по лицу и проворчал:

— Нет. Не думаю, что это теперь послужит развлечением.

Даг сидел, прикрыв глаза отчасти от усталости, отчасти от вызванной сытостью лени, но тут пристально взглянул на Вита, хотя сначала и промолчал.

Фаун оглянулась на мужа, потом спросила:

— А почему нет?

Вит пожал плечами и поморщился; казалось, он собирается снова погрузиться в мрачное молчание, ко потом все-таки выдавил:

— Странно устраивать из этого игрище, после того как я застрелил человека.

— Большого Драма? — спросила Берри. — Вит, мы очень даже рады, что ты застрелил

Большого Драма.

— Нет, не его. — Вит печально махнул рукой. — Еще раньше. А Большого Драма я не убил; это сделал тот парень, который отрубил ему голову. Я застрелил другого... первого.

— Какого первого? — осторожно поинтересовалась Фаун.

— Накануне ночью, у пещеры. Несколько человек выбежали и пытались скрыться — именно поэтому Даг и поставил нас, лучников, на расстоянии. Я был так перепуган и взволнован, что плохо видел, что делаю, но... мой первый выстрел, самый первый выстрел... стрела попала прямо в глаз разбойнику. Убила его на месте.

Фаун поморщилась. Готорн, проявив бесчувственность, восхищенно выдохнул:

— Ох!

Вит снова взмахнул руками.

— Меня смутило не то, что стрела попала в глаз... ну, смутило, конечно, но не это главное... — Он шумно втянул воздух и попытался объяснить: — Это было слишком легко.

Бо с симпатией потер свой небритый подбородок, но проворчал:

— Вит, некоторых людей нужно убивать.

Берри проявила большую проницательность:

— Такое не должно стать заразительным.

— Да не в этом дело, — пробормотал Вит, хмуря брови.

В этот момент в первый раз подал голос Даг — так неожиданно, что Фаун даже подскочила.

— Дело в том, что после ты становишься другим человеком. Твой Дар меняется, это факт. Вит, Барр и Ремо все в первый раз пересекли черту той ночью у пещеры, и обратной дороги нет. Приходится идти дальше.

— Думаю, когда-то и с тобой такое случилось, — с уважением проговорил Ремо. — Только это было так давно, что ты, должно быть, и не помнишь.

— Ох, я помню, — ответил Даг.

Все за столом закивали.

Даг так резко опустил кружку на стол, что содержимое расплескалось.

— Отсутствующие боги! Неужели вы так и будете проглатывать все, что я скажу? Неужели никто не поперхнется?

Глаза Фаун широко раскрылись, и не только она удивилась: все сидевшие за столом с любопытством посмотрели на Дага. Хог вздрогнул.

— Что тебя укусило? — спросил Барр, опередив Фаун, которая, хоть и более тактично, собиралась поинтересоваться тем же.

Даг побарабанил пальцами по столу, поморщился и выпалил:

— Я убил Крейна, вырвав Дар из тоненького ломтика его позвоночника. Так мне удалось заставить его упасть на палубу. С расстояния в двадцать футов, не забудьте. Вит, помнишь того москита в Ламптоне? Так вот, точно так же... Только внутри тела — так же, как я лечу с помощью Дара.

— Ох, — выдохнул Вит, вытаращив глаза. — Я... э-э... я и не подозревал, что ты такое можешь.

— А я понимал, даже и тогда. — Даг обвел глазами всех сидевших за столом. — Это было слишком легко.

Фаун вспомнила, где слышала именно эту фразу раньше — не только что от Вита — хоть и произнесенную другим тоном: так сказал Крейн. Однако Вит не присутствовал при его признаниях. То, что он повторил слова предателя, было случайностью.

«А вот Даг произнес их не случайно».

Уловили ли Ремо и Барр подтекст?

«Да и все ли уловила я?»

— Так вот что ты сделал с Крейном? Вырвал его Дар? — растерянно спросил Барр.

— Я и не знал, что такое кто-то способен сделать, — более настороженно проговорил Ремо. — Мне казалось, что только Злые...

— Мои действия — очень слабое подобие того же самого, да. У меня есть основания полагать, что подобным умением в какой-то форме обладают и очень искусные мастера; только с тех пор, когда умение пришло... вернулось ко мне, у меня не было случая задать этот вопрос умелому мастеру. От такого нападения легко защититься, закрыв Дар, — поэтому мне и пришлось ловить момент, когда Крейн раскрыл свой. У меня получилось только потому, что я застал его врасплох.

— Ах, — протянул Барр, переводя дух, — ну, тогда все в порядке.

— Для некоторых из нас, — сухо ответил ему Даг.

Вит, однако, смотрел на него так, словно понял все возможные последствия; рот его раскрылся. Только чего ради Даг заговорил об этом здесь и сейчас, в этой компании? Ради Вита? Или ради себя?

Фаун выпрямилась.

— Даг, это отвратительно! Ты же не превратился в Злого или даже Крейна, как Вит не стал Маленьким Драмом. Кстати сказать, ту стрелу сделала я своими руками — такую крепкую, прямую и острую, как меня учил Каттагус. И я сделала ее для того, чтобы убивать — кого бы ни требовалось убить, — потому что понимала: то будет или противник, или Даг, и уж я-то точно знала, что предпочитаю. То же касается и моего брата, на случай если кто-нибудь сомневается. — Фаун перевела дыхание. — Нож, стрела, вырывание Дара — это все просто разные орудия. Если уж на то пошло, человека можно убить и молотком.

Паника, которую начали было испытывать собравшиеся за столом крестьяне, отступила, когда до них дошла мысль Фаун. Даг промолчал, хотя его напряжение тоже пошло на спад. Он медленно кивнул и бросил на Фаун благодарный взгляд. Неужели он раньше никогда не думал о вырванном Даре как об орудии, и такое действие представлялось ему каким-то таинственным магическим злом? Фаун любила Дага всей душой, но иногда его свойственная всем Стражам Озера манера погружаться в уныние ужасно раздражала.

— Так что видишь, Вит, — снова заговорил Даг, — если и существует лекарство от твоей тревоги, то я его не нашел. А что касается уроков стрельбы, то, хоть я и получаю от них удовольствие, я никогда не смотрел на них как на игру, даже когда был головастиком вроде Готорна. Они — серьезная подготовка к серьезному делу. — Прищурившись, Даг добавил: — Если подумать, то же самое можно сказать об обучении закрывать свой Дар, которым мы всю прошлую неделю тоже пренебрегали. Жду вас двоих завтра утром на палубе, — обратился он к Ремо и Барру, которые и не подумали спорить.

— Я не стал бы предлагать вам сыграть в игру, Вит, — ни Хогу и Готорну, ни остальным, — продолжал Даг, — но продолжить обучение я определенно хочу вам предложить, потому что, как вы видели, никогда не знаешь, когда тебе потребуется умение, а от него может зависеть не только собственная жизнь.

— Мой папа говорил. — Берри запнулась, но справилась с собой. — Папа часто говорил: «Никакое стоящее дело не бывает все время приятным, но все равно его все время нужно делать».

Вит криво улыбнулся ей и кивнул.

Как только посуда была вымыта, при свете фонарей начался урок стрельбы из лука. Фаун порадовалась тому, что все пришли в лучшее настроение, чему очень помогла возможность размяться, бегая за стрелами по берегу; собственно, это и было ее целью с самого начала, так что с этим все было в порядке.

Вот о Даге она беспокоилась: этой ночью он, прижавшись к ней, впал в забытие совершенно обессиленного человека. Любовью они не занимались с тех пор, как приблизились к пещере. Если бы Фаун не наблюдала за выздоровлением Дага после Рейнтри, она могла бы счесть это признаком того, что его привязанность к ней угасает, однако она прекрасно знала, что дело в невероятной усталости. Только ведь на этот раз Даг не был ранен, не пострадал от Злого, у него не был поврежден Дар. Он, конечно, прибежал к подкреплению Дара — к невообразимо сложным целительным действиям, — пока уже не мог держаться на ногах; попали к нему и частицы чужого Дара — непосредственно или в

результате освобождения от околдовывания: Скинк, Хайкри, Бо, Готорн и бог знает сколько речников... а главное, тот большой ломоть Дара Крейна.

Фаун не была уверена, что причинило больший вред: сомнительный Дар Крейна или его ядовитый язык. Крейн определенно пытался отравить душу Дага... следовало бы парализовать и эту способность предателя, решила Фаун. Не была ли странная вспышка Дага за ужином каким-то запоздалым откликом на слова Крейна... или просто много всего накопилось?

Если подумать, Дар самого Дага должен был сейчас быть в ужасном состоянии — как дом после шумной попойки, куда явились все соседи и родичи, ели, танцевали, пили и дрались, а твоего самого несносного кузена вырвало на пол. Нельзя было и ожидать, чтобы стало возможно что-то делать, пока не приведешь дом в порядок, да и этим не займешься, пока не минует похмелье.

Подумав, Фаун порадовалась тому, что Даг не проявлял склонности к пьянству. Напившись, дозорные, должно быть, становились самыми угрюмыми пьянчугами на свете.

Фаун фыркнула, перекаtilась на бок и крепко обняла Дага.

«Пожалуйста, поправляйся, мой любимый мрачный мужчина».

24

На следующий день «Надежда» плыла мимо все тех же унылых, безлесных, ненаселенных берегов, что и на протяжении предыдущей сотни миль. Берри обещала, что это продлится еще всего один день, а потом окрестности станут более привлекательными, чем эти бесконечные поросшие низкорослым кустарником песчаные дюны: появятся незнакомые деревья, зеленые и увитые лианами, несмотря на зиму, таинственные заросшие протоки, множество птиц. Фаун все гадала, увидят ли они тех страшных болотных ящериц Дага и правдивы ли рассказы Бо об огромных змеях. К полудню воздух стал достаточно теплым, чтобы можно было сидеть на крыше каюты без жакета или плаща, и Фаун присоединилась к Берри, Дагу и Виту, несшим вахту, чтобы погреться на неярком, но теплом солнце. Поскольку ей не нужно было высматривать угрозу, таящуюся под водой впереди, она была первой, кто оглянулся назад. — Эй, это не лодка ли Стражей Озера идет вниз по течению? Если лодка, то таких больших я еще никогда не видела!

Даг обернулся. Узкое судно футов тридцати пяти в длину быстро их нагоняло. В неярком свете зимнего солнца вспыхивали лопасти весел; на каждой стороне сидело по десятку гребцов, громко певших, чтобы грести в едином ритме. Расстояние не позволяло разобрать слов, но песня показалась Дагу знакомой, и он улыбнулся.

Барр, вахта которого должна была скоро начаться, вышел из каюты и стал всматриваться в приближающееся судно, забыв о полусъеденном яблоке в руке.

— Это разве лодка не из Лутлии? — взволнованно воскликнул он.

— Ага, — ответил Даг. — Только на веслах сидят не жители Лутлии. Это Стражи Озера — южане, возвращающиеся домой после пары лет службы в дозоре по обмену.

— Как ты это определил? — спросила Фаун. — По их одежде или по возрасту?

Большая лодка уже мчалась мимо «Надежды» — на расстоянии полумили, но не уклоняясь от фарватера: в этом месте ширина реки превышала милю. Даже на таком расстоянии Фаун могла разглядеть, что в лодке сидели сильные молодые мужчины и женщины, со смехом налегавшие на весла.

— И по этим признакам, и по их веселью. Чтобы обогнать зиму в Лутлии, еще и не так начнешь грести. Там двадцать или тридцать будущих предводителей дозора — молодые ветераны. Знаете, на юге есть районы, где Злые не появлялись двести, а то и триста лет. Однако существует правило: ты не можешь стать командиром отряда, пока не поучаствовал по крайней мере в одной схватке со Злым, а лучше — в нескольких. Ну, причина этого очевидна.

Фаун, которая не только видела, но и сама убила Злого, понимающе закивала. Барр,

которому такого не выпало, посмотрел на лодку с завистью.

— Поэтому южане отправляют всех своих лучших молодых дозорных вверх по Серой реке на пару сезонов... и надеются, что те вернутся.

— Неужели Злые забирают многих? — спросила Берри.

— Да нет. Самые большие потери среди молодых дозорных в Лутлии — из-за несчастных случаев и сурового климата, а также браков. Злые не на первом месте в этом списке. Говорят, что Злые совсем не так опасны, как девушки из Лутлии. — Даг улыбнулся.

— Ну, только не для тебя! — воскликнула Фаун.

— Я, когда был молод, был гораздо более стойким.

Вит склонил голову к плечу, глядя вслед лодке, которая уже почти скрылась из виду: впереди великая река делала плавный поворот.

— Эй, Даг, мне только сейчас пришло на ум... Как тебя знали в Лутлии, когда ты был женат на Каунео? Тебя ведь тогда не могли называть Даг Редвинг Хикори Олеана. Даг-такой-то Лутлия, верно?

Барр, который собрался было уйти с задней палубы, помедлил, оглянулся и насторожил уши. Даг откашлялся и проговорил:

— Даг Волверин Пиявка Лутлия, — и поспешно объяснил: — Пиявка — по названию озера Пиявка, как Хикори — по озеру Хикори.

— Значит, имя шатра Каунео было Волверин... а Пиявка — это и название лагеря?

— Ага. В тех краях это довольно известный лагерь.

Вит почесал подбородок.

— Знаешь, имя «Даг Блуфилд» неожиданно стало казаться мне очень многозначительным.

Не обращая на него внимания, Фаун спросила мужа:

— А в том озере действительно водятся пиявки?

— О да, — кивнул Даг. — Огромные — в шесть дюймов, а то и фут длиной. Играть с ними, впрочем, было довольно безопасно, хотя, плавая, нужно было сохранять бдительность.

Он усмехнулся, видя, как сморщила нос Фаун... и та подумала, что такова, должно быть, и была цель рассказанного им анекдота.

* * *

Еще через шесть дней они добрались до Греймаута — однако, как с разочарованием обнаружила Фаун, не до моря. Город лежал не на морском берегу, а в десяти милях от него. Ниже скал, на которых стояли дома, река разбивалась на множество рукавов, образовывавших широкую болотистую дельту. Сам город делился на две части: Верхний город на скалах и Нижний город, иногда называемый Подводным, на самом берегу реки.

Верхний город, насколько Фаун могла разглядеть с баржи, состоял из основательных домов, складов и привлекательных гостиниц, а Нижний — из строений, производивших впечатление временных: навесов, таверн, дощатых сараев. Вдоль воды тянулись примерно такие же причалы, как в Серебряных Перекатах, хотя и не такие многочисленные, и еще ряды и ряды барж и парусников: некоторые на продажу, некоторые используемые в качестве плавучих жилищ. В южной части гавани суда были совсем другими, с высокими мачтами. Эти рыбацьи лодки и каботажные суда, преодолев дельту, выходили в море.

В Нижнем городе располагался кипевший жизнью рынок, где продавались всевозможные товары и совершались многочисленные сделки. Не успела «Надежда» причалить, как капитаны парусников, отправлявшиеся вверх по реке и набиравшие команды, стали предлагать Виту и Хогу наняться к ним, а какой-то торговец захотел купить Копперхеда прямо с палубы. Копперхед, отдохнувший и отъевшийся за время долгого плавания, тут же показал себя, попытавшись разнести загородку загона. Даг спас собственность Берри и собравшихся зевак, оседлав мерина и галопом отправившись на нем в длительную поездку.

Вит и Готорн решили прогуляться вдоль ряда судов, а Фаун попросила Берри пойти с ней на рынок, чтобы купить свежих продуктов к ужину. Барр и Ремо последовали за ними, стараясь выглядеть высокими и суровыми, как и полагается телохранителям. Фаун подумала, что, если бы смущение не заставило их избрать такую роль, они цеплялись бы друг за друга, как потерявшиеся в лесу дети, в окружении этих незнакомых фермеров. Они держались поближе к Фаун и настороженно озирались.

— Этот город не такой большой, как Серебряные Перекаты, — пробормотал Ремо.

— Не уверен, — так же тихо ответил Барр.

«Так кто кого охраняет?»

Фаун не сказала этого вслух — все-таки такт хорошая вещь.

Она заметила на другом конце рынка двоих пожилых Стражей Озера, мужчину и женщину, но они были слишком далеко, чтобы их окликнуть, а к тому времени, когда Фаун и Берри добрались туда, уже ушли. Были ли они местными или из верховий? Нет ли где-то поблизости лагеря Стражей Озера? Нужно будет спросить Дага... Они с Берри и дозорными вернулись на «Надежду» еще до того, как парни из Олеаны так накрутили друг друга, чтобы впасть в панику от крестьянского окружения.

На барже выяснилось, что Вит нарушил обеденные планы Фаун, притащив рыбку, размером и формой напоминающую блюдо. Он сообщил, что купил только что пойманную морскую рыбу с рыбацкой лодки в гавани.

Фаун с ужасом посмотрела на добычу, которую с гордостью демонстрировал Вит.

— Вит, у нее же два глаза!

— У всех рыб два глаза.

— Но не на одной же стороне! Вит, эти рыбаки поняли, что ты парень из глубинки, и подсунули тебе какую-то дефектную рыбу!

— Нет, эта порода так и должна выглядеть. — Вит с некоторым сомнением взглянул на рыбку. — Так они сказали. Только это не важно; главное — я договорился, что завтра утром они возьмут нас в море на своей лодке. Они выходят на лов каждый день, когда погода позволяет. Утром они высажат нас на пляже, а вечером на обратном пути заберут. Мы можем устроить пикник!

Пикник в разгар зимы? А почему бы и нет? В Вест-Блю к этому времени снегу уже навалило на фут, а тут только облачно и прохладно...

Бо поручился за двуглазую рыбу, что, впрочем, не совсем успокоило Фаун, особенно после его рассказов о свернувшихся в кольца змеях, которых используют как колеса повозок; однако рыбу одобрила и Берри, так что Фаун приготовила ее, как сумела. Даг ел рыбку без всяких колебаний, ну да что возьмешь с дозорного... В конце концов Фаун, заметив насмешливые морщинки у его глаз, тоже попробовала; рыба оказалась удивительно вкусной.

Так и получилось, что на рассвете следующего дня при свете фонаря Фаун принялась собирать большую корзину для пикника и еще одну — с одеялами; неторопливое солнце не собиралось вставать еще целый час. Берри и Вит с трудом растолкали Готорна; Фаун подумала, что им с Дагом предстоит так же вытаскивать Ремо и Барра.

Хог решил остаться со все еще не поправившимся Бо, и не только потому, что его пугали рассказы о морских рыбах с огромными зубами, питающихся людьми, и о тварях со щупальцами, присоски на которых выпивают всю кровь из человека. Эти двое — давно лишившийся родителей Хог и бездетный Бо — привязались друг к другу, как родные. Все они проделали дальний путь из Олеаны, думала Фаун, но Хог — особенно. Он превратился в умелого гребца; он больше не был таким тощим и таким робким и к тому же вырос по крайней мере на два дюйма, отчасти благодаря хорошему питанию, отчасти потому, что перестал сутулиться. Они пробудут в Греймауте еще несколько недель; когда Бо поправится, Фаун уж позаботится о том, чтобы Хог побывал на берегу моря.

Фаун никогда раньше не приходилось плавать на парусной лодке. Скрип снастей и резкий крен, когда заплатанный парус поймал легкий утренний ветерок, заставляли ее нервничать, однако под внимательным взглядом Дага Фаун подняла подбородок и

постаралась выглядеть смелой. Четверо рыбаков — двое братьев и их сыновья-подростки — явно знали, что делают, и были рады все показать любопытному Виту. Через некоторое время даже Барр и Ремо осмелели настолько, что присоединились к ним. Даг удовлетворился тем, что откинулся на скамье, обняв за талию Фаун.

Над болотами занималось золотое и серое утро, обладавшее собственной суровой зимней красотой. Птицы криками приветствовали рассвет, хотя их непривычные уху северян голоса казались печальными. Время от времени Фаун замечала у берега гниющие останки судов, принесенные сюда высокой водой или просто брошенные хозяевами. Полная наполовину страхом, наполовину надеждой, она принимала каждое бревно за подкрадывающуюся болотную ящерицу, но Даг каждый раз ее разочаровывал, хотя и обещал позднее обязательно найти для нее такую тварь; Фаун вежливо, но без всякого энтузиазма поблагодарила его за предложение.

— Одно по крайней мере хорошо в это время года, — проворчал Вит, хлопнув себя по шее, — почти нет moskitov.

— Верно, — добродушно подтвердил Даг. — В разгар лета здешние москиты уносят маленьких детей, чтобы скормить своему молодняку.

— Ничего подобного! — возмущенно воскликнул Готорн, заставив рыбаков ухмыльнуться. — Ты не должен рассказывать Виту такие сказки: он ведь поверит тебе, потому что вы — братья по шатру!

Уголки губ Дага поползли вверх.

— Ах, ты никогда не встречал моих братьев по шатру из Лутлии, — протянул он. — Уж те парни быстро отучили меня от выдумок.

Лодка свернула налево на следующем разветвлении, и через полчаса на плоском горизонте показались бурые песчаные дюны. Взошедшее солнце начало разгонять туман, но даль все еще оставалась словно завешенной золотистым газовым занавесом, колеблемым легким ветерком. Нос лодки захрустел по песку как раз за дюнами; рыбаки спрыгнули в воду, перенести на берег корзины, а потом Фаун, Готорна и Берри, чтобы те не замочили ног. Потом мужчины общими усилиями столкнули лодку на глубокое место.

Фаун следила за уплывающей лодкой. Что будет, если суденышко пойдет ко дну в море? Сумеют ли они вернуться обратно в Греймаут? Вдалеке мелькнул вылинявший красный парус; может быть, им тогда удастся докричаться до других рыбаков? С этой обнадеживающей мыслью Фаун взяла протянутую руку Дага, теплую и надежную, и вскарабкалась на дюну. Песок осыпался у нее под ногами, заставляя ее пыхтеть и смеяться. Даг с беспокойством следил за ней, когда, встав на вершине дюны, Фаун пораженным взглядом обвела открывшийся ей край мира.

Бескрайнее водное пространство сверкало, как сталь, сливаясь вдалеке с серебристо-золотым и таким же бескрайним небом. Казалось, что они находятся внутри огромной чаши жидкого света. На прибрежную полосу, похожую на расчесанную шерсть, с шорохом набегали волны. Влажный, странно пахнущий воздух ласкал разгоряченное лицо Фаун. Этот запах представлялся старшим братом запахов реки или ручья, но с таким привкусом, которого Фаун раньше никогда не ощущала. Она глубоко втянула воздух.

— Ох...

Готорн с радостным воплем помчался вниз по песчаной дюне; Берри, смеясь, попыталась его остановить и заскользила вниз тоже. Вит, Ремо и Барр, переглянувшись, последовали их примеру.

Даг оглядел горизонт и нахмурил брови.

— В первый раз, когда я был здесь, было тепло и безоблачно. Впрочем, это было миль на пятьдесят или сотню к западу отсюда.

— И то был конец весны, ты говорил. Конечно, тогда было теплее, — ответила ему Фаун.

Даг печально посмотрел на нее и сглотнул.

— Боюсь, это не то... не то свадебное путешествие, которое я тебе обещал.

— Ты обещал показать мне море. Вот оно передо мной, не так ли? Совершенно потрясающее море, — вскинула голову Фаун.

— Я не предвидел появления Крейна и речных разбойников, не ожидал, что тебе выпадут все эти ужасы. — Даг нерешительно провел пальцем по шее Фаун, там, куда целился нож Крейна. После короткой паузы он добавил: — И я не собирался делать из тебя поваришу для полной баржи народа.

«Проклятый Крейн...»

— Не думаю, что мы вообще предвидели плавание на «Надежде» и ожидали встречи с Берри, Бо, Готорном, Орешком, Вейном и всеми остальными, но я рада, что мы с ними повстречались. Даже Ремо и Барр в конце концов оказались кстати. Я узнала так много новых вещей, что уж и счет им потеряла, и отдать их обратно я не хотела бы. — Фаун поколебалась, пытаясь найти слова, которые успокоили бы необоснованные опасения Дага: она не испытывала разочарования, хотя и не хотела делать вид, будто пещера ничего не значила. — Мама обычно говорила мне, когда я была молодой и начинала жалеть, что мой день рождения или другое развлечение не наступает немедленно: «Не нужно тратить жизнь на желания». — Фаун крепче стиснула руку Дага. — Вот и ты не трать мою жизнь на желания.

Даг слабо улыбнулся, хотя Фаун опасалась, что улыбка скорее относилась к ее словам «когда я была молодой».

— В этом что-то есть, Искорка.

— Вот так и считай. — Фаун решительно потянула его вниз по склону.

Готорн уже снял башмаки и носки, закатал штаны и скакал в прибое, который шипел и пенился вокруг его ног. Барр и Ремо с завистью смотрели на него. Поставив свои корзины около груды плавника, все пошли по пляжу, наклоняясь за раковинами и удивляясь их причудливым формам и цветам. Фаун особенно понравились круглые полые ракушки, похожие на конфетки с вытесненным в центре узором; она пыталась вообразить, какие чудесные существа создали их или в них жили.

Убедившись, что никакие щупальца с присосками не хватают Готорна за щиколотки, Фаун сняла башмаки и носки, отдала их Дагу и стала бродить по щекочущей ноги пене, несмотря на холод. Зачерпнув пригоршню воды — хотя ее и предупреждали, чего ожидать, — она попробовала ее, соленую, с металлическим привкусом, отвратительную! Несмотря на это, Фаун не жалела о своей попытке: когда она, морщась, выплюнула воду, Даг усмехнулся.

Пройдя полмили, они нашли огромную дохлую рыбину, которую выбросили на берег волны. Она была даже больше, чем пойманный Дагом сом; гладкая кожа отливала серым, живот был светлым, а в страшной пасти виднелось множество острых треугольных зубов. Эти зубы росли *рядами*! Рыба, должно быть, уже долго лежала на берегу, потому что от нее ужасно воняло, что по крайней мере положило конец спорам о том, съедобна ли она и не следует ли Фаун попробовать ее приготовить. Ремо, Барр и Готорн были очень довольны находкой, особенно их порадовали челюсти рыбы. Фаун и Даг ушли вперед, а парни остались, пытаясь отрезать челюсти от вонючей туши; они собирались забрать их с собой на память, а потом попытаться сделать из зубов украшения для волос в стиле Стражей Озера. Зубов точно хватило бы на любые поделки. Берри и Вит тоже сморщили носы и двинулись бок о бок по вершине дюны.

Даг и Фаун, взявшись за руки, шли все дальше, хотя после рыбины с зубами Фаун надела башмаки и стала держаться подальше от мокрого песка. Никогда нельзя было угадать, какие из рассказов Бо — правда. Подняв глаза, Фаун заметила, что Даг снова хмурится. Сначала она хотела заставить его войти в воду, чтобы развеяться, но потом просто спросила:

— Что так тяжело лежит у тебя на душе?

Даг сжал ее руку, но улыбка его была мимолетной.

— Слишком много всего... У меня в голове все перепуталось.

— Расскажи... Начни с чего-нибудь — не важно, с какого конца. — То, что угнетало

его, отпускать не собиралось — это было Фаун ясно.

Даг покачал головой, но сделал долгий вдох, так что, по крайней мере, хранить мрачное молчание он не собирался.

— Во-первых, мое целительство. Я спас двух человек в пещере. Если бы было три или больше раненных так же тяжело, остальные все равно умерли бы. Как могу я объявить себя целителем для крестьян, когда я знаю: это было бы жестоким невыполнимым обещанием, потому что помочь я мог бы только тем, кто придет первыми.

— Даже у целителей Стражей Озера есть помощники.

Даг задумчиво кивнул.

— Теперь я определенно понимаю, почему целители предоставляют естественным силам природы так много, как только могут.

— Двое все равно больше, чем никого. И по большей части больные же не будут приходить толпами.

— Но в те дни, когда будут, получится ужасно. — Даг не переставал хмуриться. — Там, в пещере, возникли и другие проблемы, о которых я не думал раньше. Например, правосудие. Как могут Стражи Озера и крестьяне жить вместе, если правосудие для них разное? Ведь будут стычки, а правосудие для того и существует, чтобы улаживать споры, которые люди сами не могут разрешить.

Теперь пришла очередь Фаун неопределенно хмыкнуть.

— Крейн сказал... — Даг запнулся.

— Ты не должен позволять лжи Крейна отравлять тебе жизнь.

— Меня беспокоит не его ложь, а его правда.

— А разве он и правду говорил?

— Иногда. Например: ты то, что ты ешь.

Фаун закусила губу.

— Все люди чему-то учатся у других — и хорошие, и плохие. Тут ничего нельзя изменить.

Даг опустил голову.

— Стражи Озера считают, что они выше этого, когда оказываются среди крестьян. Их очень удивляет, когда их чему-то учат. — После паузы он добавил: — По крайней мере так было со мной. И еще он говорил...

Неожиданно Даг умолк.

«Ну вот мы и добрались до сути...»

— М-м?... — вопросительно протянула Фаун.

— О том, что Стражи Озера всегда оказываются на вершине — так или иначе. Хотят они того или нет. Боюсь, что я такое уже видел. На своей собственной барже Берри подчиняется мне!

Фаун в сомнении сморщила нос.

— Ты ведь мужчина и почти в три раза ее старше, — сказала она. — Ты был предводителем Стражей Озера. Странно было бы ожидать, что ты перестанешь быть предводителем среди крестьян.

— Среди Стражей Озера были другие, которые указывали мне мое место.

— Ну... Вейн, например, не так уж тебе подчинялся.

— Ах да, Вейн. Разве я не утихомирил его? — Рука Дага сжалась; что означал этот жест — раздражением или досаду на себя?

— А, перед схваткой, имеешь ты в виду, когда капитаны судов никак не могли договориться?

— Ты это заметила? Да, я заставил его. Сделал то, что Барр пытался сделать с Берри, но оказался слишком неуклюжим. — Лицо Дага при этом воспоминании исказила гримаса. — Что ж, по крайней мере я не оставил его околдованным.

— Это была чрезвычайная ситуация, — объяснила Фаун.

— Всегда будут возникать чрезвычайные ситуации. Сколько понадобится времени,

чтобы необходимость превратилась в привычку, а потом и в порок? Слишком легко у некоторых возникает любовь к власти. И именно любовь к власти едва не уничтожила мир.

Шаги Дага становились все длиннее, и Фаун приходилось почти бежать, чтобы не отстать.

— Может быть, и нужно жить отдельно, — продолжал Даг. — Неужели мы проделали весь этот долгий путь по реке, чтобы узнать, что люди, с которыми мы спорили в лагере Хикори, были в конце концов правы?

— Не спеши так! — пропыхтела Фаун.

Даг остановился. Фаун вцепилась в его рукав, развернула мужа лицом к себе и посмотрела в его встревоженные золотые глаза.

— Если они правы, тогда именно ради понимания этого мы и проделали весь долгий путь, да. И мы должны смотреть правде в глаза. Только я не верю, что эта истина такая непробиваемая, чтобы в ней не нашлось щели, в которой мы не могли бы поселиться.

— До тех пор пока существуют Злые, дозор необходим, как необходимо и все, что обеспечивает его работу.

— С этим никто и не спорит. Только если крестьяне станут менее невежественными, а Стражи Озера — менее высокомерными, мир от этого не перевернется вверх тормашками. Я думаю, ты по пути сюда положил хорошее начало!

— Да? — Даг ногой выкопал из песка обкатанный камешек, поднял его, размахнулся и бросил в волны. Камешек исчез с тихим всплеском. — Начало, которое я положил, — тот же камешек, брошенный в море. Я мог бы стоять здесь и годами кидать камешки, и все равно никакой разницы никто не заметил бы.

Фаун выпрямилась и сурово посмотрела на Дага.

— Ты переживаешь не потому, что не смог выполнить обещание показать мне море. Ты переживаешь потому, что где-то в твоём путаном уме таилась надежда на то, что вся проблема окажется к этому времени разрешена, и ты сможешь подарить мне на день рождения перевязанное бантиком решение!

Даг долго молчал, потом виновато хмыкнул:

— Ох, Искорка, боюсь, так и есть.

— Мне казалось, что дозорный должен быть более терпеливым!

— Видела бы ты меня в девятнадцать лет, — фыркнул Даг. — Я собирался безотлагательно спасти мир.

«Терпение и усталость имеют много общего...»

— Что ж, значит, к этому времени ты должен был научиться терпению.

Даг рассмеялся — наконец-то рассмеялся по-настоящему — и крепко прижал к себе Фаун.

— Ты этого и ожидаешь, верно?

Они повернули обратно и двинулись в сторону оставшейся далеко позади рыбыны. Фаун порадовалась, увидев, что Ремо и Барр наконец сняли сапоги и бродят по воде вместе с Готорном, хотя сначала это и было вызвано необходимостью вымыться после разделки туши. Такая практическая цель не могла бы объяснить того, с каким азартом они плещут водой друг на друга.

Они забрали парней и их добычу — теперь, когда с них были смыты кровь и остатки вонючей плоти, Фаун с интересом вертела в руках массивные зубы с их странными похожими на пилу краями, — и двинулись туда, где оставили корзины. Мужчины разложили костер из плавника. Готорн заставил Дага поджечь растопку, пристально наблюдая за его действиями и издавая восторженные вопли. Фаун была благодарна оранжевому пламени за тепло: ветер оставался холодным и влажным. Даже дозорные нашли яркие цвета, рождаемые огнем из выцветшей древесины, — синие, зеленые, алые — магическими.

Через некоторое время вернулись и Берри с Витом. Только теперь они шли по влажному песку не просто рядом, а крепко держась за руки. Фаун заметила, что Берри выглядит задумчивой, а на лице Вита играет глупая счастливая улыбка. Завернувшись в одно

одеяло, они с Дагом обменялись понимающими взглядами.

Когда парочка уселась у огня, Даг, весело прищурившись, крикнул:

— Поздравляю!

Вит посмотрел на него довольно испуганно.

— Эти Стражи Озера! — вздохнула Берри.

— Даг! — укоризненно толкнула его в бок Фаун. — По крайней мере позволил бы им самим нам сказать!

— Э-э... — промычал Вит.

Берри откинула с лица прядь светлых волос.

— Вит попросил меня выйти за него замуж.

— И она сказала «да»... — с изумлением в голосе добавил Вит.

Новость, конечно, превратила пикник в настоящее празднество. Готорну страшно понравилось, что теперь у него будет брат по шатру, совсем как у Стражей Озера. Вит посмотрел на Готорна, посмотрел на Дага и неожиданно впал в задумчивость.

Позже, раздавая еду, Фаун шепнула Виту:

— Славная работа, только ты ведь рисковал... Тебе очень повезло, что все решилось так быстро.

— Ты же сама говорила, — прошептал он в ответ, — что я должен подождать, пока мы не окажемся как можно дальше от пещеры. — Он глянул на искрящееся море и заключил: — Уж дальше-то точно некуда.

Они ели, пили, отдыхали — иногда даже дремали — и следили за непрерывно повторяющимся чудом волн. Солнце начало клониться к западу, окрасив далекие облака розовым и сиреневым цветом над голубым горизонтом; эта картина заставила Фаун вспомнить легенды о великих сияющих городах, ушедших под воду озера на другом конце континента. То озеро было таким огромным, что другой его берег нельзя было разглядеть... должно быть, оно походило на море.

«Хотела бы я когда-нибудь увидеть то озеро...»

Даг спал, положив голову на колени Фаун, когда белая точка далеко в море превратилась в знакомый парус. Маленькие фигурки рыбаков издали махали им; прилив и попутный ветер несли лодку ко входу в дельту. Фаун поцелуем разбудила Дага; собрав корзины, они поднялись на дюны, чтобы встретить лодку на том же месте, где она причаливала утром.

Поднявшись на дюну, Вит остановился.

— Это и в самом деле край света!

«Когда-то я сказала, что последую за Дагом на край света. Ну вот мы и здесь».

— Конечно, море производит впечатление, — продолжал Вит, — только оно слишком большое. Думаю, в будущем в реке для меня воды хватит. — Он улыбнулся своей найденной на реке суженой и попытался поцеловать ее, но не сумел, потому что она поцеловала его первой. Готорн только нос сморщил.

— «Надежда» не может идти против течения, — напомнила Виту Берри. — Домой мы отправимся по суше.

— И все в гору, — подхватил Вит лукаво.

— Долгая будет прогулка, — сказал Ремо, на что Барр ответил:

— Ага, мне нужны новые сапоги.

Фаун отвернулась от моря и стала смотреть на плоское болото, уходящее в неизмеримую даль; на мгновение у нее закружилась голова: весь огромный мир словно покачнулся у нее под ногами.

— Знаешь, Вит, все дело в том, в какую сторону смотреть. С этой позиции мне кажется, что здесь только начало мира.

Даг крепко сжал руку Фаун, хотя ничего и не сказал. Все вместе они заскользили по песчаному склону навстречу лодке.

